

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations

• 16(1) • 2023

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра исследований политических элит ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию — руководитель аппарата ректора МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Senior research fellow of Center for Political Elite Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development - Chief of the Rector's Office, MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Гожина А.В., Захарова Е.А., Кузнецов Д.А., Уруева М.С., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 22,18 усл. п.л. Заказ № 247.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 16(1) • 2023

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

История дипломатии

- 7 Ивонина Л.И. – «Государственный интерес» и гуманитарная дипломатия Оливера Кромвеля
- 29 Кошелева П.Ю. – Карл, принц Уэльский, при дворе Филиппа IV Испанского: визит «инкогнито» и проблема обмена дарами
- 52 Миронова Е.М. – Русская небольшевицкая дипломатия и вопрос международного признания Белого движения в 1918–1920 гг.
- 87 Циденков Г.Г. – Гуманитарная помощь Красного Креста и других общественных организаций Нидерландов Советской России во время голода 1921–1923 гг.

Уроки Холодной войны

- 106 Istomin I.A. – Military Deterrence vs Foreign Interference: Record of the Cold War
- 130 Садаков Д.А. – Адаптация к разрядке: политика США по вопросу объединения Кореи в 1968–1973 гг.
- 153 Тимофеев А.Ю. – Взгляды югославских военных аналитиков на ввод советских войск в Афганистан в 1979–1981 гг.

Религия и этничность

в ближневосточной политике

- 177 Sevdimaliyev Ramiz – The Rise and Fall of the Iraqi Sunni Awakening Movement
- 201 Ayşe İrem Aycan Öze – President Erdogan's Discourse on the Kurdish Issue

Мировая экономика и проблемы энергетического перехода

- 219 Рябова М.И. – Особенности стратегий российских нефтегазовых компаний в условиях энергетического перехода

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 244 Еряшев Н.И. – История расширения Североатлантического альянса в 1990-е гг. как сюжет с открытым концом

Table of Contents • 16(1) • 2023

RESEARCH ARTICLES

History of diplomacy

- 7 Ivonina L.I. – The “State Interest” and Humanitarian Diplomacy of Oliver Cromwell
- 29 Kosheleva P.Yu. – Charles, the Prince of Wales at the Court of Philip IV of Spain: the «Incognito» Trip and the Problem of Exchanging Gifts
- 52 Mironova E.M. – Russian Non-Bolshevik Diplomacy and the Issue of International Recognition of the White Movement in 1918-1920
- 87 Tsidenkov G.G. – Humanitarian Aid of the Red Cross and other Public Organizations of the Netherlands to Soviet Russia During the Famine of 1921—1923

Lessons from the Cold War

- 106 Istomin I.A. – Military Deterrence vs Foreign Interference: Record of the Cold War
- 130 Sadakov D.A. – Adapting to Détente: US Policy on Korean Unification in 1968—1973
- 153 Timofeev A.Y. – Lessons Learned by Yugoslav Military Experts from the Soviet Invasion of Afghanistan 1979—1981

Religion and Ethnicity in Middle East Politics

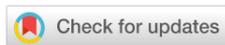
- 177 Sevdimaliyev Ramiz – The Rise and Fall of the Iraqi Sunni Awakening Movement
- 201 Ayşe İrem Aycan Öze – President Erdogan’s Discourse on the Kurdish Issue

World Economy and Energy Transition Issues

- 219 Riabova M.I. – Strategies of the Russian Oil and Gas Companies at the Era of Energy Transition

BOOK REVIEWS

- 244 Eriashev N.I. – The History of the Expansion of the North Atlantic Alliance In the 1990s as an Open-Ended Story

«Государственный интерес» и гуманитарная дипломатия Оливера Кромвеля

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет

Период XVI – первая половина XVII столетия сыграл ключевую роль в становлении международного права, концепций суверенитета и формирования системы государств, которая впоследствии оформилась Вестфальским миром 1648 г. В то время европейские государи начали в своей внешней политике принимать во внимание гуманитарные принципы. Они опирались на политическую мысль своего времени и развивавшееся «право народов», в рамках которого возник дискурс жестокого правительства (тирании). Практику вмешательства с целью защиты преследуемых в другой стране ярко демонстрировала анализируемая в статье поддержка лордом-протектором Английской республики Оливером Кромвелем протестантов-вальденсов в Савойском герцогстве в 1655 г. В отличие от современной точки зрения на этот политический акт, автор статьи не считает, что лорд-протектор отказывался от прочих государственных соображений и ставил под сомнение заключение англо-французского союза против Испании ради прекращения репрессий против вальденсов. Гуманитарная политика Кромвеля имела реалистскую основу. Прекрасно осведомлённый о сложной внутривнутриполитической ситуации во Франции и приоритетах французской внешней политики, Кромвель был уверен, что первый министр кардинал Мазарини не откажется от необходимого Парижу союза с Лондоном из-за поддержки протестантских подданных Савойского герцога. Внешняя политика протектората в Савойе–Пьемонте была одним из наиболее значимых прецедентов применения гуманитарных принципов к международным отношениям. Оливер Кромвель не ущемлял интересов собственной страны. Поддержка преследуемых в Пьемонте, несмотря на финансовые издержки на содержание специальных посольств и флота в Средиземном море, а также создание Фонда помощи вальденсам, напротив, продемонстрировала силу и авторитет Английского государства. Гуманитарная дипломатия и по сей день в подавляющем большинстве случаев тесно взаимосвязана с государственным интересом.

Ключевые слова: гуманитарная дипломатия, Вестфальская система, внешняя политика Кромвеля, савойские вальденсы, англо-французский союз, государственный интерес

Хотя проведение первых гуманитарных интервенций относится к XIX в., а концепция гуманитарной дипломатии оформилась только в начале 2000-х гг. (Close 2015: 1–28; Heraclides, Dialla 2017), обеспечение гуманитарной помощи во время конфликтов и сложных чрезвычайных ситуаций всегда было очень значимым вопросом в политике. XVI – первая половина XVII столетия стали ключевым периодом в становлении международного права, концепций суверенитета и формирования системы государств, которая была оформлена позже Вестфальским миром 1648 г. В то время европейские государи и правительства при реализации внешней политики начали принимать во внимание то, что сегодня принято называть гуманитарными принципами, угрожая вмешательством или применяя силу против политических режимов, в которых жестоко обращались с представителями конфессиональных или этнических меньшинств. Они опирались на политическую мысль своего времени и развивавшееся «право народов», в рамках которого возник дискурс жестокого правительства (тирании). Философы, богословы, юристы, размышляя о том, как христианский мир должен реагировать на «вопиюще тираническое правление», приходили к выводу, что излишняя жестокость государя к своим подданным незаконна, а действия по её прекращению оправданны с точки зрения международного права (Chesterman 2001: 9-10).

Уже со второй половины XVI в. право выступать против тирании стало считаться обязанностью христианских государей. Такой императив был продекларирован, в частности, трактатом «Защита свободы от тиранов» (*Vindiciae contra tyrannos*, далее VCT), впервые опубликованном в кальвинистском швейцарском Базеле в 1579 г. под псевдонимом Стефан Юний Брут (*Stephen Junius Brutus*)¹. Чаще всего авторами трактата исследователи считают двух политических деятелей и учёных-кальвинистов – Филиппа Дюплесси-Морне и Юбера (Губерта) Ланге. VCT – один из самых известных трактатов монархомахов, к которым относятся труды кальвинистов (гугенотов) во Франции и Нидерландах, оправдывавшие войны против католических монархов из династий французских Валуа и испанских Габсбургов, а также сочинения английских и шотландских кальвинистов-теоретиков сопротивления тиранам – Джона Понета, Кристофера Гудмена и Джона Нокса (Gelderen 1992: 269-270; Yardeni 1985: 317; Daussy 2002: 239; Beer 1990: 373-383; Скиннер 2018: 333-338). По сути, эти работы содержали идеологию сопротивления несправедливым монархам и приближались к обоснованию доктрины народного суверенитета.

В эпоху Реформации и религиозных войн в Европе монархомахи трактовали тиранию в конфессиональных терминах: папский Рим и католические правительства считались тираническими из-за того, что они преследовали протестантов.

¹ Brutus. 1994. *Vindiciae, contra tyrannos Or, Concerning the Legitimate Power of a Prince over the People, and of the People over a Prince*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1-6.

стантов. К примеру, английский историк протестантской церкви и мартиролог Джон Фокс, автор труда «*Actes and Monuments*», более известного как «Книга мучеников Фокса», считал преследование протестантов тираническим не из-за его жестокости папства и католических государей, а потому, что его жертвами были последователи истинного поклонения Богу («бедное стадо и Церковь Христова»)². Показательно, что во время войны Нидерландов за независимость против Испании правление Габсбургов в Нидерландах изображалось жестоким по целому ряду причин, но голландские памфлетисты особенно выделяли среди них желание Мадрида положить конец религиозному разнообразию (Simms, Trim 2011: 37–40). Стоит отметить, что учение монархомахов вербовало своих сторонников и среди католических публицистов, поскольку укреплявшаяся в раннее Новое время власть государей Европы мешала не только протестантам, потому что подавляла свободу совести, но и католикам, потому что подрывала идею авторитета папы. Да и доктрина тираноубийства считается чисто католической (Кондратенко 2015: 56–67).

К середине XVII в. исследователи отмечают сдвиг в религиозной полемике от мартирологии к гуманизму. Ассоциация жестокости государства в отношении религиозных меньшинств с тиранией составила важный прецедент в международной политике. Оправдание действий против тирании в «человеческих» терминах способствовало расширению концептуального круга понятий того, что было «тираническим» (Simms, Trim 2011: 40). В этом плане особенно значимы взгляды, изложенные в 1625 г. Гуго Гроцием в трактате *De jure belli ac pacis* («О праве войны и мира»). Высоко оценивая право суверенитета, мыслитель подчёркивал, что, хотя правители имеют законное основание регламентировать жизнь своих подданных, некоторые злоупотребления властью настолько незаконны, что могут стать основанием для силового вмешательства соседних суверенов. Подданные не имеют права выступить против своего государя, но Гроций, как и его предшественники, допускал, что другой государь или суверенное правительство может взяться за оружие от их имени, в «защиту невинных». Ибо «государи, помимо особой заботы о своём государстве, также обременены общей ответственностью за человеческое общество»³. Вслед за Гроцием немецкий юрист-международник и учёный Самуэль фон Пуфендорф высказал мнение, что любой «может справедливо помочь любой жертве угнетения, которая просит о помощи». Приходить на помощь угнетённым есть не только право, но и обязанность, хотя и «несовершенная», как в случае договора (Nardin 2003: 16–17).

² Foxe J. 1741. *Actes and monuments*. London. Available at: https://lollardsociety.org/pdfs/Acts_and_Monuments_vol1.pdf (accessed 21.02.2023).

³ Grotius H. 1853, 2009. *Grotius on the rights of war and peace, an abridged translation*. Whewell W., ed. and trans. Cambridge: John W. Parker. Reprint edition: The Lawbook Exchange, Ltd. P. 288.

В целом, предложенные мыслителями и теоретиками международного права принципы стали основой политики ряда правительств раннего Нового времени. Практику вмешательства с целью защиты преследуемых в другой стране ярко демонстрировало выступление лорда-протектора Английской республики Оливера Кромвеля в защиту протестантов-вальденсов в Савойском герцогстве.

В небольших пассажах в общих работах, посвящённых истории внешней политики Англии XVII в. и истории савойских протестантов, а также в многочисленных специальных исследованиях дипломатия Кромвеля по отношению к вальденсам рассматривается преимущественно с позиций протестантского интереса и концепции интернационального кальвинизма (Firth 1953; Korr 1975; Venning 1995; Fraser 1997; Hainsworth 1997). Первой примечательной в этом плане работой стала опубликованная ещё в 1895 г. лекция У. Уиллиса, изложенная в духе мартирологии XVI–XVII вв. (Willis 1895). Сравнительно небольшое число современных исследований проблемы, возможно, обусловлено сложностью интерпретации причин и результатов поддержки Англией преследуемых вальденсов, которая рассматривается и как один из просчётов Кромвеля (Pincus 1996; Battick 2014). Кроме того, в XXI в. английская дипломатия в Савоие объясняется в литературе уже не только с позиций протестантского интереса, но и в контексте первых прецедентов гуманитарной дипломатии. Однако, как видно, например, из солидной работы Б. Симмса и Д. Трима «Гуманитарная интервенция: история» (Simms, Trim 2011), она сводится преимущественно к состраданию со стороны лорда-протектора и его сторонников к гонимым вальденсам и предстаёт невыгодной для внешней политики Британии в целом.

Так ли это было на самом деле? Предпринимал ли лорд-протектор не идущие на пользу государству активные политические шаги в Савоие-Пьемонте? Какие мотивы им руководили, и чём его дипломатия отличалась от вмешательств в дела других государств, предпринимавшихся Англией ранее? С позиций системного и нормативно-ценностного подходов, а также метода ивент-анализа в данной статье предпринята попытка проанализировать и показать характер дипломатии Оливера Кромвеля по отношению к вальденсам Савойи в середине 50-х гг. XVII в. Системный подход позволяет определить место и роль Англии в трансформации системы международных отношений исследуемого периода и выявить детерминанты, влиявшие на политику Кромвеля и европейских государств. С помощью нормативно-ценностного подхода выясняется значение идейной борьбы эпохи и событий в Савоие для европейского общества и лично Кромвеля. Метод ивент-анализа (анализа событий) помогает проследить их динамику в Европе с целью определения их значимости во внешней политике Англии и выявления основных тенденций развития политической ситуации.

Савойские вальденсы и «Кровавая Пасха»

В идеологии вальденсов прослеживаются отголоски средневекового еретического движения, последователи которого расселились в отдалённых альпийских горных долинах на территории современных юго-восточной Франции и северо-западной Италии. В XVI в. большинство их проживало в небольшом региональном княжестве, которым управляли герцоги Савойские. Это герцогство, охватывающее части современной Италии, Франции и Швейцарии, включало регион Пьемонт, по имени которого его иногда называли. Постепенно вальденсы переняли доктрину кальвинистской ветви Реформации и тесно общались со швейцарской, гугенотской, голландской, шотландской реформатскими церквями и пуританской общиной в Англии. Вальденсов жестоко преследовали: так, в 1545 г. во французском Дофинэ было убито несколько тысяч последователей этого учения (Cameron 1984: 201). Герцоги Савойские были убеждёнными католиками, но как правители небольшого государства, которое лавировало между воюющими соседями ради сохранения своей независимости, редко проводили внутренние кампании против инакомыслящих.

В 1649 и 1653 гг. герцог Карло Эммануэле II подтвердил Соглашение в Поддио 1561 г., даровавшее свободу вероисповедания вальденсам, проживающим в строго определённых горных долинах⁴. Однако за прошедшее с того времени столетие структура расселения в Пьемонте изменилась. Вальденсы процветали, строили церкви и школы и переселялись на нижние равнины. 25 января 1655 г. протестантам, проживавшим за пределами долин, обозначенных в 1561 г., под страхом смерти и конфискации имущества было приказано переселиться обратно или обратиться в католическую веру. Весной 1655 г. большая армия французских солдат находилась в долине Сузы, готовясь атаковать испанцев в Ломбардии. Турин решил позаимствовать у французов несколько полков, чтобы пополнить свои небольшие силы и покончить с вальденсами. 14 апреля 1655 г. на холме Кастеллуццо началась резня, продолжавшаяся несколько дней, во время которой по разным оценкам 1700–3000 вальденсов были убиты. Это событие получило название «Кровавая Пасха». Тысячи людей были изгнаны из своих домов, многие сожжены на костре. Около 1 400 беженцев погибли во время бегства в Швейцарскую конфедерацию, преодолевая в суровую погоду Альпы. Общее количество погибших составило примерно 4 000 человек (Barbro 1994: 30-31; Stephens 1998: 175)⁵.

⁴ Stoppa G. 1655. *A collection of the several papers . . . concerning The Bloody and Barbarous Massacres, Murthers, and other Cruelties, committed . . . in the Vallies of Piedmont*. London. P. 12–13.

⁵ Ibid. P. 5, 34; 1655. *The barbarous & inhumane proceedings against the professors of the reformed religion*. London. P. 3, 5.

События в Пьемонте получили широкий резонанс. Духовный глава вальденсов пастор Жан (Джованни) Леже отправился в Париж, откуда отправил монархам, политическим и религиозным лидерам Европы письменные обращения с просьбой поддержать вальденсов. Новости о «кровавой резне» и «ужасных и варварских жестокостях» стали «настолько широко известны..., что их невозможно было скрыть или отрицать», – писал видный английский публицист, дипломат, шпион и учёный-изобретатель Сэмюэл Морлэнд, оставивший подробное и эмоциональное повествование об этих злодеяниях⁶.

Савойский дом занял оборонительную позицию как на идеологическом, так и на дипломатическом фронтах, но безрезультатно. В немалой степени бедственное положение протестантов Пьемонта стало одним из главных событий XVII в. благодаря потоку газетных статей, трактатов, памфлетов и специальных отчётов, которые широко распространялись в Европе. Многие из этих публикаций основывались на светских аргументах в защиту вальденсов. Например, в Нидерландах вскоре после случившегося вышли два памфлета на французском языке: «*Récit véritable de ce qui est arrivé depuis peu aux vallées de Piémont*» («Правдивая история о том, что недавно произошло в долинах Пьемонта») и «*Relation véritable de ce qui s'est passé dans les persécutions et massacres faits cette année aux Eglises réformées de Piémont*» («Правдивое повествование о преследованиях и резне, совершённых в этом году против реформатских церквей в Пьемонте») (de Boer 2021: 96). Во-первых, с опорой на подробное описание исторических прав и привилегий, которые нарушил герцог Савойский, в них утверждалось, что вальденсы не нарушали закон, и, следовательно, их преследовали, а не наказывали. Во-вторых, памфлеты отводили много страниц описанию бесчеловечных актов насилия, выпавших на долю вальденсов (de Boer 2021: 97). Даже савойские памфлетисты признавали, что армия герцога «совершила некоторые жестокости»⁷.

Истории о зверствах содержали немало преувеличений – для сравнения к ним были добавлены некоторые вымышленные исторические примеры жестоких расправ (Tourn 1980: 125) – в большинстве случаев это было правдой. Очевидцы оставили свидетельства о сексуальном насилии, детоубийствах и самоубийствах, каннибализме, о бежавших через горы замерзших насмерть матерях с младенцами, а также о том, что многих вальденсов бросали в пропасть или сжигали заживо на костре⁸. Джон Мильтон, «латинский секретарь» и консультант Кромвеля по международным делам, более известный как поэт, запечатлел своё страстное неприятие резни и призыв к божественному правосудию в сонете, который до сих пор необычайно волнует. Это произведение стало широко известным на континенте:

⁶ Morland S. 1658. *The History of The Evangelical Churches Of the Valleys of Piemont*. London. P. 386, 548.

⁷ 1655. *A short and faithfull Account of the late Commotions in the Valleys of Piedmont*. London. P. 4.

⁸ Ibid. P. 333.

Воззри, Господь, на кровь Твоих святых,
Лежащих подо льдом снегов альпийских гор,
Их верность Слову Твоему сочли за сор,
Те, кто не знал Тебя, и чтит богов иных.
Их каждый стон запечатлённым стал
В их книге жизни. Верные Тебе
Убиты в жуткой Пьемонтской резне,
И мать с младенцем сброшены со скал.
Их крики слышали в горах, на небесах.
Они ушли, но пепел, кровь их здесь,
На всей Италии, на разных полюсах.
И власть, что разжигает в людях месть,
Тираны всех мастей должны узнать
Путь Вавилона, чтобы им не стать (Svendsen 1965: 70–72)⁹.

«Кровавую Пасху» некоторые исследователи рассматривают как один из первых примеров этнической чистки. Учитывая число погибших, утверждения о том, что Пьемонт был свидетелем геноцида, сильно преувеличены. Вместе с тем, тогда как людские потери были небольшими в абсолютном выражении, они были значительными в пропорции (вальденсов в Савойе насчитывалось немногим более 23 000 человек) (Tourn 1980: 124; Hainsworth 1997: 204).

Как бы то ни было, современникам казалось, что вальденсы сломлены и будут истреблены. Европейские протестанты негодовали. Швейцарские кальвинистские кантоны немедленно выразили протест против массовых убийств и отправили чрезвычайную миссию к Карло Эммануэле II. Хотя заступничество швейцарцев Турин проигнорировал, Женева не была готова предпринять более серьёзные шаги. «Это дело, по всей вероятности, заснуло бы и прекратилось, если бы его не пробудил... в самой живой и энергичной манере... лорд-протектор Англии», – резюмировал Морлэнд, отразивший в своём сочинении детали переговоров швейцарцев с герцогом, – «результаты его милосердия и христианского сострадания ничуть не уступали... его искренним и патетическим выражениям»¹⁰.

Диалектика жестокости и терпимости

На первый взгляд, образ Кромвеля сложно совместить с гуманитарной дипломатией. Широко известна жестокость главы Английской республики в Ирландии во время Войны трёх королевств 1649–1653 гг., ставшая реакцией

⁹ Русский перевод: Джон Мильтон. Сонет 18. О резне в Пьемонте... Available at: <https://stihi.ru/2014/04/03/2835> (accessed 21.02.2023).

¹⁰ Morland S. *Evangelical Churches*. P. 540–552.

на Ирландское восстание 1641 г., активизацию роялистов и основание католической Конфедеративной Ирландии. До конца 1649 г. Кромвель проводил безжалостное усмирение Ирландии, из-за которого заслужил среди ирландцев стойкую репутацию кровавого палача. По воспоминаниям одного католического епископа, «Кромвель пришёл и, как молния, пронёсся по земле» (Brady, Ohlmeier 2005: 1). Например, после взятия штурмом Дрохеды, города к северу от Дублина, английские солдаты предали смерти католических священников: одних растерзали прямо в церквях, других, согнав несколько человек в один храм, сожгли заживо. Глава гарнизона Дрохеды Артур Астон был забит до смерти его собственной деревянной ногой (Fraser 1997: 326).

Вместе с тем вопрос о влиянии на эти бесчеловечные действия самого Кромвеля, возглавлявшего завоевание лишь в первый год, остаётся дискуссионным. Такая точка зрения подкрепляется утверждением, что беспощадность была обыкновенной для войн XVII в. (Reilly 1999; McKeiver 2007; Акройд 2021), стоит вспомнить только что завершившуюся Тридцатилетнюю войну (1618–1648), которая и сегодня рассматривается в коллективной памяти Европы как трагедия (Ивонин, Ивонина 2015). В любом случае, жестокость Кромвеля в Ирландии была обусловлена выступлением против государства, которое он только что основал.

В то же время в других регионах Британских островов глава Английской республики терпимо относился к квакерам, антитринитариям и даже католикам. Так, в годы Индепендентской республики (1649–1653) в целях политической стабилизации в стране он отменил репрессии против английских католиков. 18 февраля 1649 г. испанский посол дон Алонзо де Карденья в своём письме в Мадрид отмечал, что «В число законов, которые предполагается отменить, войдут законы против католиков... Уже сейчас... они могут свободно жить в столице и по всей стране..., хотя в этом можно видеть хитрость этих людей (индепендентов – Л.И.), ...в намерении привлечь к себе католиков, смягчив строгости, которым подвергались они со стороны пресвитериан» (Гизо 1996: 482).

Кроме того, Кромвель благосклонно относился к реадмиссии евреев в Англию. Несмотря на то, что общественное мнение англичан по поводу еврейского вопроса было противоречивым, лорд-протектор, по словам тосканского посла Франческо Салветти, «потворствовал религиозным учениям евреев в частном порядке, как они это делают в настоящее время» (Katz 1994: 132-134; Ивонина 2020: 132-139). Его позиция соответствовала духу ряда положений Правительственного акта от декабря 1653 г., распространявшего религиозную терпимость на мирные протестантские секты. Главной целью Кромвеля было «не принуждение (в религии), но свет и разум», установление свободной структуры церковного управления, внутри которого каждый сможет найти Бога для себя¹¹.

¹¹ Abbott W.C. (Ed.). 1937. *Writings and Speeches of Oliver Cromwell*. Vol. 1. Cambridge, Mass.: Harvard UP. P. 416.

Во время Протектората как теологические соображения, так и экономические преимущества преодолели распространённую в обществе враждебность к реадмиссии евреев.

Как видно, отношение Кромвеля к инакомыслящим и единоверцам логично укладывалось в многовекторную схему внутренней и внешней политики, определяемой государственным интересом. Позиция Лондона в связи с событиями в Пьемонте расширила представления о способах реализации международной политики.

Реакция Лондона на резню в Пьемонте

Современники отмечали, что никакое событие так не потрясло Кромвеля, как «Кровавая Пасха». 17 мая Государственный совет Английской республики обсудил события в Пьемонте и по предложению лорда-протектора провозгласил 30 мая днём общегосударственного поста в знак солидарности с «бедными жителями долин». Кромвель публично призвал оказать денежную помощь разорённым общинам вальденсов, и первым показал пример, пожертвовав 2 000 ф. ст. из собственных средств. В начале июля сумма пожертвований уже составила 15 000 ф. ст., которые должен был доставить в Пьемонт дипломат и глава разведывательной сети сэр Джордж Даунинг. Это был щедрый акт на фоне нестабильной внутривластной ситуации в Англии (весной 1655 г. было подавлено крупное роялистское восстание) и восстановления собственности от разрушений гражданской войны. Даунинг через своих агентов перехватил и успешно пресекал распространявшиеся в Европе роялистами слухи о том, что собранные средства на самом деле предназначались для оплаты швейцарских наёмников, прибывших в Англию в качестве телохранителей Кромвеля, который не мог доверять своей армии (Firth 1953: 371; Bresse 2012: 217-218).

Параллельно Лондон предпринял активные дипломатические действия, призвав протестантские правительства Дании, Швеции и Соединённых Провинций выступить против свершившегося беззакония. 23 мая в Турин «чрезвычайным комиссаром» был направлен уже упоминавшийся Морлэнд, чтобы предъявить официальное письмо протеста герцогу Савойскому и лично «умолять его отозвать» его «беспощадные» указы. По пути англичанин был уполномочен вручить письма Кромвеля французскому королю Людовику XIV и его первому министру кардиналу Джулио Мазарини, поскольку Франция имела значительное влияние на своего небольшого соседа, своего традиционного союзника. Кроме того, лорд-протектор и его советники были осведомлены, что Карло-Эммануэле нанял несколько французских полков в свою армию, наступавшую на вальденсов (Venning 1995: 97).

В письме Людовику говорилось: «Мы не сомневаемся, что Ваше Величество имеет такой... авторитет у герцога Савойского, что благодаря Вашему заступничеству и проявлению Вашей доброй воли можно очень легко добиться мира для

этих бедных людей и возвращения в их родные долины к их прежней свободе. Это будет поступком, достойным Вашего Величества и отвечающим благоразумию и примеру Ваших самых ярких предшественников; и не только укрепит умы Ваших подданных в том, что им не нужно бояться подобных злодеяний в будущем, но также приведёт Ваших конфедератов и союзников, исповедующих ту же религию, к гораздо большему уважению и привязанности к Вашему Величеству. Что же касается нас, то... благосклонность к чужим подданным будет... более приемлемой и ценной, чем любая другая выгода, (в том числе) и выгода..., которая будет достигнута в результате дружбы с Вашим Величеством»¹².

В послании к Мазарини Кромвель выражал надежду, что первый министр воспользуется своим влиянием, чтобы заступиться за вальденсов и таким образом «заложить основы более крепкого союза между Республикой и королевством Франция»¹³. На личных аудиенциях с кардиналом Морлэнд дал ясно понять, что договор с Францией не будет подписан до тех пор, пока не прекратится преследование вальденсов. Он также намекнул, что если позиция Англии по данному вопросу не будет удовлетворена, британский флот, находившийся тогда в Средиземном море, будет препятствовать французской морской торговле. В ходе внутренних обсуждений вопроса французские министры не исключали того, что Протекторат может нанять наёмников в протестантских кантонах Швейцарии или даже поднять восстание гугенотов на юге Франции (Gardiner 1965: 189-190). Тем временем секретарь Государственного совета Джон Терло сообщил французскому послу в Лондоне, что договор об англо-французском союзе «не будет подписан до тех пор, пока герцог Савойский не придёт к соглашению» (Venning 1995: 97).

По прибытии в Турин Морлэнд незамедлительно представил Карло Эмануэле протест Кромвеля против его жестокой политики в отношении вальденсов. В этом документе не содержалось явной угрозы, но личные заявления английского дипломата, скорее всего, были более резкими, нежели в Париже (Tourn 1980: 125; Hainsworth 1997: 204-205). Возможные действия английского флота под командованием Роберта Блейка в Средиземном море внушали серьёзные опасения. Кромвель уже отдал приказ этому грозному «морскому волку» использовать свои корабли для пресечения савойской торговли и быть готовым к обстрелу Ниццы или Вилья-Франка (Вильфранш-сюр-Мер) в случае, если дипломатия Лондона в Турине не приведёт к положительному результату (Ashley 1958: 320-321). Следовало принять во внимание и то, что уцелевшие вальденсы бежали в долину Чисоне на французской территории, где организовали центр сопротивления и народное ополчение из 2 000 человек во главе с Джошуа Джанавелло. Вспыхнула партизанская война. Чтобы поддержать опол-

¹² Abbott W.C. (Ed.). 1945. *Writings and Speeches of Oliver Cromwell*. Vol. 3. Cambridge, Mass.: Harvard UP. P. 727.

¹³ Ibid. P. 728.

чение вальденсов, на юге Франции был организован «интернациональный» отряд из 500 добровольцев, в основном гугенотов. В этих условиях Савойский герцог начал активные консультации с французским правительством.

В начале июня 1655 г. Людовик XIV официально уведомил Кромвеля, что Франция будет призывать герцога Савойского согласиться с требованиями Англии (Korr 1975: 148–149). 25 июня французский министр в Нидерландах Шоню писал своему коллеге Бордо в Лондон: «По моему мнению, когда закончатся всякие претензии, чтобы задержать вас дальше, тогда они [англичане – Л.И.] решат подписать ваш договор, о чём мы надеемся услышать следующей почтой... Дело Савойи произвело на нас такое впечатление, что, несмотря на кажущееся урегулирование, оно не в состоянии успокоить умы людей»¹⁴. В июле 1655 г. голландский посол в Париже докладывал в Гаагу: «Договор между Францией и Англией пока не подписан. Лорд-протектор откладывает это до тех пор, пока не получит от Савойского двора известий о восстановлении прав вальденсов в Пьемонте»¹⁵. А в сентябре того же года Мазарини написал французскому послу в Лондоне, что «если подписание договора действительно зависело от уступок вальденсам, то оно должно состояться сейчас, ибо эти уступки предложены»¹⁶.

Под давлением Англии, поддерживаемой Францией, Савойский двор был вынужден прекратить репрессивную политику по отношению к вальденсам и начать с ними переговоры. Заключённый 18 августа 1655 г. при посредничестве Франции и Нидерландов Пинерольский договор (*Letters of Pardon*) положил конец массовым убийствам и предоставил вальденсам право вернуться в свои долины. Английская республика и Швейцарская Федерация стали его согарантами. Кромвель «был провозглашён спасителем вальденсов» в Англии, в Европе и самими вальденсами (Tourn 1980: 126–128; Gardiner 1965: 190–193).

Между тем лорд-протектор считал этот договор несовершенным и недолговечным, понимая, что недостаточно просто остановить массовые убийства: необходимо ввести меры, которые предотвратят их повторение. По его мнению, общины, разрушенные во время резни, савойское правительство обязано восстановить, а ущерб, «причинённый войной, грабежами, поджогами и т. д.», – возместить¹⁷. Кромвель оказался прав, поскольку вальденсов ещё не раз жестоко преследовали. «Кровавая Пасха» 1655 г. была только началом серии савойско-вальденских войн (1655–1690), в ходе которых вальденсы использовали тактику партизанской войны против военных кампаний савойских герцогов,

¹⁴ Birch Th. (Ed.). 1742. *A Collection of the State Papers of John Thurloe, Esq.* Vol. III. London: Fletcher Gyles. P. 365.

¹⁵ *SP Thurloe*. Vol. III. P. 619.

¹⁶ *Ibid.* P. 743.

¹⁷ Morland S. 1658. *An Extract, or Abbreviate of the Accompt. A distinct and faithful accompt of all the receipts . . . For the relief of the distressed Protestants . . . of Piedmont.* London: for the Council of State. P. 97–111.

стремившихся обратить в католицизм всё население. Только в феврале 1848 г. король Сардинии Карло Альберто даровал вальденсам религиозную свободу и гражданские права. Но в 1655 г. главное заключалось в том, что благодаря заступничеству из-за границы резня была остановлена, а широкую дипломатическую и экономическую поддержку, оказанную Англией вальденсам, по сути, можно считать первым прецедентом гуманитарной политики будущего.

Здесь важно подчеркнуть следующее. Казалось бы, дипломатические действия и возможная военная помощь со стороны Кромвеля вальденсам принципиально не отличалась от традиционной английской политики защиты европейских протестантов. Так, Елизавета I Тюдор оказывала дипломатическую и военную поддержку восставшим Нидерландам, а Карл I Стюарт – французским гугенотам во время Тридцатилетней войны (ярким эпизодом в этом плане была осада Ла-Рошели 1627–1628 гг.). Но и Елизавета, и Карл, оперируя лозунгами помощи «братьям по вере»¹⁸, в первую очередь преследовали цели, довольно далекие от гуманитарных. Елизавета, сделав в 1585 г. графа Лестера статхаудером, вообще думала подчинить Нидерланды, а Карл, помимо намерения разрешить при помощи войны с Францией ряд внешнеполитических, экономических и даже личных проблем, поддержкой гугенотов также рассчитывал успокоить активизировавшуюся в годы Тридцатилетней войны пуританскую оппозицию короне. По большому счёту оба монарха были не против превращения Нидерландов (Елизавета) и гугенотских областей (Карл) в постоянный очаг напряжённости, который не позволял бы в первом случае Испании, а во втором – Франции предпринимать какие-либо серьёзные действия против них. Кроме того, они не создавали специальных фондов помощи – напротив, в 1582 г. английская корона взяла кредит у голландских банкиров на сумму 1 млн фунтов стерлингов (Adams 2002: 235-253; Reeve 1979: 9-57, 226-274; Cogswell 1986: 1-21).

Не сбрасывая со счетов рациональную основу политики Кромвеля в Савойе-Пьемонте, о чём пойдёт речь ниже, стоит подчеркнуть характеризующие переход к гуманизму светские (морально-правовые) акценты не только в печати и во время дипломатических контактов, но и в выражении лордом-протектором личных чувств. Во время описываемых событий Кромвель говорил иностранным послам, что сочувствует бедным пьемонтцам, словно близким родственникам. Даже незадолго до смерти в 1658 г. он беспокоился не только о будущем Английской республики, но и о вальденсах, не раз замечая: «Пьемонт всегда в моих мыслях», «Как они [герцоги Савойи – Л.И.] поступят впрямь с несчастными жителями Пьемонта!» (Venning 1995: 100)¹⁹. Значимо и то,

¹⁸ Например, в письме к герцогу Бекингеу от 13 августа 1627 г. Карл I отмечал: «Я желаю, чтобы причиной, побудившей нас взяться за оружие, была объявлена защита веры». Petrie Ch. (Ed.). 1968. *The letters of King Charles I*. London. P. 54.

¹⁹ Henderson Fr. (Ed.). 2005. *The Clarke Papers; further selections from the papers of William Clarke, Secretary to the Council of the Army, 1647–1649, and to General Monck and the Commanders of the Army in Scotland, 1651–1660*. Cambridge: Cambridge University Press for the Royal Historical Society. P. 272.

что финансовая помощь вальденсам не была единовременной, а поступала вплоть до Реставрации Стюартов в 1660 г. Был основан специальный фонд Пьемонта, осуществлявший, кроме того, выплаты 320 ф.ст. ежегодно восьми постоянным английским резидентам на территории Савойи. Общая сумма пожертвований составила более 38 000 ф.ст. По сути, Кромвель оказывал помощь вальденсам не только потому, что они были единоверцами, но и потому, что был искренне возмущён действиями правительства герцога Савойского, нарушившего «честные принципы человеческой политики» (Bresse 2012: 219). На этом основании его действия в защиту вальденсов в 1655 г. могут рассматриваться как гуманитарное вмешательство.

Более того, гуманитарная политика Кромвеля не ограничивалась одним Пьемонтом, распространяясь и на протестантов католических швейцарских кантонов, и на поляков-протестантов – жертв репрессий во время Шведского потопа (1655–1660) в ходе успешного вторжения шведов на территорию Речи Посполитой. Так, когда в конце 1655 г. в католических кантонах Швейцарии была предпринята попытка изгнать протестантов, Кромвель через своего посла в Женеве Джона Пелла призвал протестантские кантоны к единству. А в декабре 1657 г. его Совет заслушал доклад комитета Фонда Пьемонта и одобрил выделение части средств Фонда для поляков. В марте 1658 г. к бенефициариям были добавлены ещё двадцать семей из Богемии – жертвы иезуитов во владениях Габсбургов. Сумма гуманитарных выплат составляла 10 685 ф. ст. ежегодно (Venning 1995: 100–101).

Размышления о мотивах и результатах дипломатии Кромвеля в Савойе

Согласно точке зрения авторов «Гуманитарной интервенции», Кромвель поставил цели своего правительства в далеком Пьемонте явно выше более важных для Англии дипломатических переговоров с Францией. Ведь англо-французский союз был исключительно значимым для войны против Испании, которую глава Английской республики планировал, по крайней мере, с 1654 г., а переговоры с Францией перманентно велись с 1652 г. Готовность лорда-протектора в 1655 г. отдать приоритет внешней политики протестантам Пьемонта вместо союза с Францией свидетельствует о первостепенной роли протестантского интереса. Геополитических или стратегических выгод для Англии, которые можно получить от интервенции в Савойе, по мнению исследователя, не было, она могла только навредить. Отправка флота Блейка для действий у побережья Савойи только отвлекала от главной внешнеполитической стратегии лорда-протектора. Да и вальденсы вряд ли стали бы полезными союзниками в любой новой религиозной войне, тогда как Савойя, как хорошо знали английские государственные деятели на протяжении XVII в., нередко враждебно относилась к испанским Габсбургам. С чисто политической точки зрения было бы лучше не обращать внимания на гибель и вынужденную миграцию небольшого

числа протестантов, чем рисковать потерять союз с Францией и ещё одного потенциального стратегически важного союзника: ведь именно через Савойю испанские армии из владений Габсбургов в северной Италии могли вторгнуться во Францию. Отказ Кромвеля от всех других государственных соображений, чтобы помочь вальденсам-единоверцам, вряд ли служит примером реалистической политики (Simms, Trim 2011: 62–63).

Приведённые положения, на первый взгляд логичные и доказательные, представляются нам дискуссионными. Безусловно, нет никаких сомнений в том, что неизменным лейтмотивом внешней политики как Кромвеля, так и ряда его советников стал протестантский интерес. «Великой целью» лорда-протектора как главы Английского государства было продвижение «общих чаяний народа Божьего во всём христианском мире...»²⁰. В 1656 г. лорд-протектор убеждал Второй парламент Протектората, что Англия должна «по-братски разделять интересы всех христиан-протестантов», ибо «тот, кто наносит удар хотя бы по одному роду..., бьёт всех»²¹. Протестантский интерес в его глазах означал интерес государственный, что характерно для эпохи «конфессионального столетия» и противостояния конфессионально-политических союзов (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.). Хотя современный автор теории конфессионализации немецкий учёный Х. Шиллинг и завершает этот период окончанием Тридцатилетней войны (1618–1648) (Schilling 2007: 347–367, 385–395, 588–599), в реальности его эхо ощущалось ещё достаточно долго.

Вместе с тем политику лорда-протектора в отношении вальденсов не стоит рассматривать как невыгодную для Английской республики. Конечно, в идеале он видел Европу в конфессиональных красках и мечтал воплотить ставшую анахронической после Тридцатилетней войны идею панпротестантского союза против Габсбургов в Центральной и Западной Европе, исключая из союзников только Республику Соединённых провинций как своего экономического конкурента. Но, руководствуясь убеждением, что он выступает «божественным орудием в создании нового и светлого будущего» (Scott 2000: 159), пуританин Кромвель на деле был реалистом и прагматиком. Его дипломатия представляла собой единство политики защиты европейского протестантизма с «Западным проектом» (Western Design) завоеваний в Вест-Индии и одновременно выгодным для Англии взаимодействием с католическими государствами (Venning 1995: II). Рассматривая обширную Испанскую империю как главную угрозу, Кромвель стремился к созданию сильной коалиции для ведения наступательной войны против испанской монархии, чтобы ослабить её экономическую мощь и стратегическое положение, лишив ключевых территориальных активов. Стратегия защиты государства заключалась в проведении военных операций против Ис-

²⁰ Morland S. *Evangelical...* P. 552.

²¹ *The Writings and Speeches of Oliver Cromwell*. Vol. III. P. 52.

пании как с союзниками в Нидерландах, так и в одностороннем порядке в Вест-Индии. Союз с Францией помимо стратегических и экономических выгод на континенте и в Атлантике давал политические и моральные преимущества против пребывавшего на континенте в изгнании английского короля Карла II Стюарта и роялистов, которых Париж уже не смог бы официально поддерживать. Могла ли повлиять на заключение этого союза помощь вальденсам?

В нашем случае не менее, если не более, чем политические соображения Кромвеля, значима позиция французского правительства. Кардинал Мазарини ясно выразил её в записке «Об Английской республике» (январь 1651 г.): «... никогда не надо делать то, что противно правилам благоразумия... какие бы мы ни совершали теперь демонстрации в пользу английского короля, они не восстановят его престола, а дальнейший отказ принять республику, на деле пользующуюся верховной властью, нисколько не послужит к утверждению прав короля... Настоящее положение дел во Франции не позволяет дать ему никакой помощи... Франция, ведя большую войну и волнуемая внутри различными партиями, может подвергнуться крайней опасности, если англичане соединятся с одной из этих партий...» (Гизо 1996: 495-496).

Мазарини желал союза с Англией, чтобы получить военную и дипломатическую поддержку в многолетней и изнуряющей войне с испанскими Габсбургами (1635–1659). Он учитывал и то обстоятельство, что Кромвель поддерживал активные связи с лидером Фронды принцев (1650–1653) Луи де Конде. Даже в 1653 г., уже после того, как знаменитый полководец Великий Конде со своими сторонниками перешёл на сторону Испании и принял командование над одной из испанских армий в Нидерландах, глава Английской республики продолжал оказывать помощь проигравшим фрондёрам, желая использовать продолжавшуюся франко-испанскую войну к своей выгоде. Он принимал послов принца, изучал карты, посылал своих агентов Иоахима Хейна и Жана-Батиста Ступе на континент оценить шансы на успех в международной политике, если он прислушается к призывам Конде и его испанских сторонников (Saulnier 2002: 249-250)²².

Париж беспокоила и активизация в связи с событиями в Пьемонте французских кальвинистов - гугенотов. В целом Мазарини продолжал политику своего предшественника кардинала Ришелье по защите религиозной свободы гугенотов до тех пор, пока на него не стала оказывать сильное давление католическая церковь. Так, Королевская декларация 1652 г. торжественно подтверждала Нантский эдикт 1598 г., восхваляя гугенотов за их верность монархии во время Фронды (1648–1653). Но после того, как в 1655 г. собрание католического духовенства потребовало отмены этой декларации, разрушения кальвинистских храмов и ограничения доступа к религиозным службам, учитывая внутри-

²² Michaud L.-G. (Ed.). 1820. *Louis Joseph de Bourbon Conde (prince de), Charles Louis de Sevelinges. Mémoires pour servir à l'Histoire de la Maison Condé*. T. I. Paris. P. 236–237.

и внешнеполитические потребности государства, кардинал согласился на религиозный компромисс. Декларация 1656 г., более ограничительная для гугенотов, чем предшествующий документ, разрешала кальвинистское вероисповедание и созыв Синода реформатских церквей в Лундуне в 1659 г. Кромвель учитывал гугенотский фактор давления на французское правительство, что прослеживается в его корреспонденции (Korr 1975: 150-156; Smith 2014).

Уместно учитывать и фактор дипломатической конкуренции: ещё во время Англо-голландской войны (1652–1654) между Францией и Испанией разгорелась борьба за расположение Англии. Так, дон Алонзо де Карденья побуждал Мадрид вступить в союз с Лондоном и Гаагой с целью прекращения нападения английских каперов на испанские суда в Атлантике и получения помощи в войне против Франции. В 1652 г. он отправил в испанскую столицу проект договора из 24 пунктов о мире и союзе между Англией и Испанией, а также представил его Государственному совету Английской республики²³. В то же самое время французский посол де Баас имел три аудиенции у Кромвеля, а Людовик XIV стал именовать главу Английской республики в письмах «Монсеньор мой кузен»²⁴. Усилившийся после завершения Фронды антагонизм между Испанией и Францией позволял Кромвелю существенно повысить международный авторитет Англии и рассчитывать на уступки.

Поддержку Кромвелем савойских вальденсов в определённом смысле можно рассматривать и как своеобразную компенсацию за военное унижение англичан в Вест-Индии. Как раз в апреле 1655 г. экспедиционные силы в составе 30 кораблей и 3 000 солдат под командованием Уильяма Пенна (отца основателя штата Пенсильвания) и полковника Роберта Венеблеса потерпели поражение при Сан-Доминго на острове Эспаньола – одной из важнейших колоний Испанской Америки. Отступившие англичане высадились на острове Ямайка, который испанцы считали малопригодным для колонизации, и захватили местный форт с небольшим гарнизоном. Лорд-протектор считал экспедицию крупнейшим провалом своего «Западного проекта»²⁵. По возвращении в Англию Пенн и Венеблес были заключены в Тауэр. По замечанию Б. Коварда, тогда «было непредсказуемо, что Ямайка в XVIII в. станет производящей сахар колонией и одной из главных жемчужин в Британской императорской короне, и этот захват не сделал ничего, чтобы смягчить гнев и унижение, которое испытывали в Англии, узнав о провале экспедиции» (Ковард 1997: 77-78).

Примечательно, что когда в мае 1655 г. Мадрид, всё ещё надеясь на урегулирование конфликта в Вест-Индии и союз с Кромвелем против Франции, отправил в помощь Карденье чрезвычайного посла маркиза Леду, Мазарини серьёз-

²³ Bruce G. (Ed.). 1858. *Calendar of State Papers. Domestic series [during the Commonwealth]*. 1652-1653. London. P. 203; Du Mont J. (Ed.). 1728. *Corps Universelle diplomatique*. Amsterdam. T. VI. Pt. II. P. 121-124.

²⁴ *Calendar of State Papers*. 1652-1653. P. 347, 356, 358.

²⁵ *SP Thurloe*. III. P. 305, 309, 659.

но опасался за успех этой миссии, хотя маркиз не был уполномочен уступить претензиям Кромвеля в Америке (Venning 1995: 91–101). 3 июня французский министр в Лондоне Бордо сетовал в письме кардиналу на то, что массовые убийства протестантов дали Кромвелю предлог для затягивания переговоров: «Намерение Протектора и его правительства всегда состояло в том, чтобы лишь развлечь нас и не заключать в конечном итоге альянс: и это видно из того, что Государственный секретарь [Терло – Л.И.] прислал мне сегодня вечером вместо договора, который он обещал отправить..., известие, что его Высочество (Кромвель – Л.И.) сначала пошлёт чрезвычайного министра к королю с письмом в пользу протестантов Савойи, которые страдают от больших гонений...»²⁶. А в двухчасовом разговоре с Джорджем Даунингом в конце августа первый министр Франции заявил, что «больше всего на свете он желает правильного взаимопонимания с Кромвелем», и что «он сделает всё, что в его силах, чтобы доказать это»²⁷. При этом Мазарини подчеркнул, что «урегулирование в Пьемонте произошло благодаря заступничеству его [Даунинга – Л.И.] господина», и что «он обязуется не заключать договор или мир» между Францией и Испанией, «кроме как с его согласия»²⁸.

Как видно, французская сторона демонстрировала большую заинтересованность в союзе, нежели английская, и это Кромвель не мог не учитывать, защищая вальденсов. Внешнеполитические потребности Британии и Франции способствовали заключению в Вестминстере в ноябре 1655 г. мирного и торгового договора (с секретными статьями, содержащими обязательства взаимной финансовой и военной поддержки), а в марте 1657 г. – наступательного союза против Испании. Французский историк Ф. Солнье назвал союз между этими выдающимися политиками – католиком и пуританином – «единством противоположностей» (Saulnier 2002: 233).

Не менее весомым фактором устойчивости британского вектора внешней политики Парижа были позиции Англии среди протестантских государств Европы, защитником и финансовым спонсором которых до и во время Тридцатилетней войны выступала Франция. Во время войны с Испанией и продолжавшегося процесса внутривосточной стабилизации после Фронды французскому государству нельзя было терять свой авторитет среди протестантских княжеств Священной Римской империи и скандинавских стран.

Наконец, Кромвель мог быть уверен в стабильной ориентации Савойи на Францию, от которой, в отличие от проигравшей в Тридцатилетней войне Испании, зависели относительная самостоятельность герцогства и возможность повышения его статуса в формирующейся системе европейских государств.

²⁶ *SP Thurloe*. III. P. 469.

²⁷ *SP Thurloe*. III. P. 734.

²⁸ *Ibid.*

Со второй половины XVII в. глубокие изменения социальной и политической структуры общества, связанные с укреплением государственной власти, протекали в условиях жёсткой конкуренции «дворов и альянсов». Следствием конкуренции стала монархизация (получение королевского титула) или, если использовать латинский эквивалент, регализация европейских правителей. По сути, она была частью отмечаемого в литературе другого процесса большой значимости этого времени – подъёма стремившихся к суверенитету средних и малых государств (Duchhardt 2003: 38; Schnettger 2008: 605-609). В Италии борьба за корону началась уже в эпоху Тридцатилетней войны, когда в 1632 г. герцог Савойский Витторио Амедео I безуспешно посягнул на королевское достоинство. Но только в начале XVIII столетия Савойский дом наряду с Ганноверами и Гогенцоллернами оденется в королевский пурпур, но уже при поддержке Великобритании (Symcox 1983: 71-78).

Заключение

Таким образом, нельзя сказать, что Кромвель отказывался от всех государственных соображений ради савойских вальденсов. Прекрасно осведомлённый о сложной внутривнутриполитической ситуации во Франции и приоритетах французской внешней политики, он был уверен, что Мазарини вряд ли «отменит» необходимый Парижу союз с Лондоном против Испании из-за поддержки протестантских подданных Савойского герцога. Вмешательство в дела Савойи-Пьемонта можно рассматривать в не совсем выгодном для английского государства свете лишь в финансовом отношении – из-за содержания специальных посольств, флота в Средиземном море и создания Фонда помощи вальденсам. Между тем, именно англо-французский союз, фактически усиливший через несколько лет гегемонию Франции на континенте, в перспективе можно считать просчётом Кромвеля.

Внешняя политика Протектората Кромвеля в Савоие демонстрирует один из наиболее значимых прецедентов применения гуманитарных принципов к международным отношениям. Вмешательство в дела других стран с целью остановить массовые зверства и тиранию имеет длинную родословную, восходящую к истокам международной системы государств. К середине XVII в. в политической и религиозной мысли Европы оно стало обосновываться светскими аргументами и трактоваться в гуманитарном смысле, как право и обязанность, принадлежащие человеческому обществу. В то время Англия стала первым государством, которое добилось успеха в реализации своей политики, официально используя подобный язык в дипломатии. Не стоит думать, что Оливер Кромвель при этом ущемлял интересы собственной страны. Поддержка преследуемых вальденсов, несмотря на финансовые издержки, напротив, показала силу и авторитет Английского государства. Гуманитарная дипломатия и по сей день в подавляющем большинстве случаев тесно взаимосвязана с государственным интересом.

Об авторе:

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета. 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4. E-mail: ivonins@rambler.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94(420)"16"+327.82+283

Received: January 12, 2023

Accepted: February 20, 2023

The “State Interest” and Humanitarian Diplomacy of Oliver Cromwell

L.I. Ivonina

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-7-28](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-7-28)

Smolensk State University

Abstract: The 16th–first half of the 17th century was a vital period for the emergence of international law, sovereignty, and the modern international system. European sovereigns also started considering at that time what today would be termed humanitarian issues in foreign policy. They relied in this mostly on the contemporary theological thought and the nascent “Law of Nations,” which fostered a discourse opposing the extremes of government (tyranny). The article analyzes one of the most vivid examples of such humanitarian foreign policy – foreign intervention by the Lord Protector of the English Republic, Oliver Cromwell, in the Duchy of Savoy in 1655 to protect the Waldensian Protestants, who suffered persecution there. Contrary to the modern historiography, the article argues that Cromwell did not abandon all other state considerations in questioning the conclusion of the Anglo-French alliance against Spain to stop the repression against the Waldensians. Cromwell’s humanitarian policy was carried out in line with Realpolitik. Aware of the complicated domestic political situation in France and of the goals of French foreign policy, he was sure that Prime Minister Cardinal Mazarin was unlikely to give up the alliance with London in response to the London’s support of the Protestant subjects of the Duke of Savoy. Cromwellian Foreign Policy in Savoy-Piedmont demonstrates one of the most significant cases of implementing the humanitarian principles in international relations. At the same time, Oliver Cromwell did not infringe upon the interests of his own country. On the contrary, despite the financial costs of maintaining special embassies and a fleet in the Mediterranean and creating the Waldensian Relief Fund, the support of the persecuted in Piedmont demonstrated the strength and authority of the English state.

Keywords: humanitarian diplomacy, Westphalian system, Cromwellian Foreign Policy, Savoyard Waldensians, Anglo-French alliance, the reason of state

About the author:

Lyudmila I. Ivonina – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations of Smolensk State University. 214000, Smolensk, Przheval'skogo str., 4. E-mail: ivonins@rambler.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Adams S. 2002. *Leicester and the Court: Essays on Elizabethan Politics*. Manchester: Manchester University Press. 420 p.
- Ashley M. 1958. *The Greatness of Oliver Cromwell*. New York: Macmillan. 340 p.
- Battick J.F. 1973. Cromwell's Diplomatic Blunder: The Relationship Between the Western Design of 1654–55 and the French Alliance of 1657. *Albion*. 5(4). P. 279-298. DOI: 10.2307/4048253.
- Beer B.L. 1990. John Ponet's Shorte Treatise of Politike Power Reassessed. *Sixteenth Century Journal*. No. 21. P. 373–383.
- Brady C., Ohlmeyer J. 2005. Making Good: New Perspectives on the English in Early Modern Ireland. *British Interventions in Early Modern Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bresse J. 2012. *L'Histoire Des Vaudois From Authentic Details of the Valdenses*. Alexandria. 318 p.
- Cameron E. 1984. *Reformation of the Heretics. The Waldenses of the Alps, 1480-1580*. Clarendon Press. 308 p.
- Chesterman S. 2001. *Just War or Just Peace? Humanitarian Intervention and International Law*. Oxford: Oxford University Press. 328 p.
- Close F. 2015. The Emergence of Humanitarian Intervention. Three Centuries of «enforcing humanity». *The Emergence of Humanitarian Intervention. Ideas and Practice from the Nineteenth Century to the Present*. Ed. by F. Close. Cambridge University Press. P. 1-28.
- Cogswell T. 1986. Prelude to RÉ: the Anglo-French Struggle over La Rochelle, 1624-1627. *History*. 71(231). P. 1-21.
- de Boer D. 2021. Strategies of Transnational Identification: Images of the 1655 Massacre of the Waldensians in the Dutch Press. *Revolts and Political Violence in Early Modern Imagery*. Leiden: Brill. P. 94-114.
- Firth C. H. 1953. *Oliver Cromwell and the Rule of the Puritans in England*. London: Oxford University Press. 316 p.
- Fraser A. 1997. *Cromwell: Our Chief of Men*. Weidenfeld and Nicolson. 774 p.
- Gardiner S.R. 1965. *History of the Commonwealth and Protectorate 1659–1666*. Vol. IV. New York: AMS Press. 426 p.
- Gay T. 1912. *Histoire des Vaudois*. Florence: Imprimerie Claudienne. 430 p.
- Gelderens M. van. 1992. *The Political Thought of the Dutch Revolt 1555–1590*. Cambridge: Cambridge University Press. 348 p.
- Hainsworth R. 1997. *The Swordsmen in Power: War and Politics under the English Republic 1649–1660*. Stroud: Sutton. 291 p.

Heracles A. and Dialla A. 2017. The Origin of the idea of Humanitarian Intervention. Just War and against Tyranny in Humanitarian Intervention in the Long 19th Century. *Humanitarian Intervention in the Long 19th Century*. Manchester University Press. DOI: 10.7765/9781526125125.00008

Katz D.S. 1994. *Jews in the History of England*. Oxford. 462 p.

Korr Charles P. 1975. *Cromwell and the New Model Foreign Policy: England's Policy Toward France, 1649–1658*. Berkeley: University of California Press. 282 p.

McKeiver Ph. 2007. *A New History of Cromwell's Irish Campaign*. Sydney: Advance Press. 224 p.

Pincus Steven C.A. 1996. *Protestantism and Patriotism: Ideologies and the Making of English Foreign Policy, 1650–1668*. Cambridge: Cambridge University Press. 506 p.

Reeve L.J. 1979. *Parliaments and English Politics, 1621–1629*. Oxford: Oxford University Press, 1979. 453 p.

Saulnier F. 2002. Cromwell et Mazarin ou l'alliance des contraires, 1655–1658. *Revue d'histoire diplomatique*. N 3. P. 249-250. (In French).

Scott J. 2000. *England's Troubles: Seventeenth-Century English Political Instability in European Context*. Cambridge: Cambridge University Press. 560 p.

Simms B., Trim D.J.B. 2011. *Humanitarian Intervention: A History*. Cambridge University Press. 404 p.

Smith David L. D. 2014. Diplomacy and the Religious Question: Mazarin, Cromwell and the treaties of 1655 and 1657. *E-rea*, (11.2) DOI: 10.4000/erea.3745.

Stephens Pr. 1998. *The Waldensian Story: A Study in Faith, Intolerance and Survival*. Lewes: Book Guild. 375 p.

Svendsen K. 1965. Milton's Sonnet on the Massacre in Piedmont. *The Shakespeare Association Bulletin*. Vol 20. No 4. Oxford University Press. P. 70-72.

Symcox G. 1983. *Victor Amadeus II. Absolutism in the Savoyard State (1675–1730)*. London: Thames and Hudson. 272 p.

Tourn G. 1980. *The Waldensians: The First 800 Years*. Turin: Claudiana. 244 p.

Venning T. 1995. *Cromwellian Foreign Policy*. London: Palgrave Macmillan. 338 p.

Willis W. 1895. *Oliver Cromwell and the Vaudois, a lecture*. London. 31 p.

Yardeni M. 1985. French Calvinist Political Thought, 1534–1715. *International Calvinism 1541–1715*. Ed. Menna Prestwich. Oxford: Clarendon Press. P. 317–324.

Barbro L. 1994. *Italienische Waldenser und das protestantische Deutschland 1655 bis 1989*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 338 p. (In German)

Daussy H. 2002. *Les huguenots et le roi: le combat politique de Philippe Duplessis-Mornay, 1572-1600*. Geneva: Droz. 494 p. (In French).

Duchhardt H. 2003. *Europa am Vorabend der Moderne 1650–1800*. Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer. 464 s. (In German).

Schilling H. 2007. *Konfessionalisierung und Staatsbildung. Internationale Beziehungen 1559-1660*. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 684 S. (In German).

Schnettger M. 2008. Kleinstaaten in der Früher Neuzeit. *Historische Zeitschrift*. Bd. 286. Hf. 3. S. 130-154. (In German).

Akroyd P. 2021. *Mjateznoj vek: ot Jakova I do Slavnoj revoljuzii* [Rebellious Age: From Jacob I to the Glorious Revolution]. Moscow: Kolibri. 640 p. (In Russian)

Gizot F. 1996. *Istorija Anglijskoj revoluzii* [The History of the English Revolution]. Vol. 2. Rostov-na-Donu: «Fenix». 512 p. (In Russian).

Ivonin Yu. and Ivonina L. ed. 2015. *Krisis i tragedija kontinenta. Tridzatiletnjaja voina v sobitijah i kollektivnoj pamjati Evropi* [Crisis and Tragedy of the Continent. The Thirty Years War in the Events and in the Collective Memory of Europe]. Moscow: TransLit. 556 p. (In Russian).

Ivonina L.I. 2020. Readmissija evreev v Angliju: pozicija Olivera Kromvelja i obchestvennoje mnenije [The Readmission of Jews to England: Oliver Cromwell's Position and Public Opinion]. *Evreji v mirivoj istorii, culture i politike* [Jews in World History, Culture and Politics]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij institute iudaiki. P. 132-139. (In Russian).

Koward B. 1997. *Oliver Kromvel* [Oliver Cromwell]. Rostov-na-Donu: «Fenix». 320 p. (In Russian).

Skinner Q. 2018. *Istoki sovremennoj politicheskoj misli. Vol.2.: Epoha Reformacii* [The Foundations of Modern Political Thought: Vol. II: The Age of Reformation]. Moscow: «Delo». 568 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Акройд П. 2021. *Мятежный век: от Якова до Славной революции*. Москва: Колибри. 640 с.

Гизо Ф. 1996. *История Английской революции*. Т. 2. Ростов-на-Дону: «Феникс». 512 с.

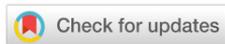
Ивонин Ю.Е., Ивонина Л.И. ред. 2015. *Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война в событиях и коллективной памяти Европы*. Москва: ТрансЛит. 556 с.

Ивонина Л.И. 2020. Радмиссия евреев в Англию: позиция Оливера Кромвеля и общественное мнение. *Евреи в мировой истории, культуре и политике*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт иудаики. С. 132-139.

Ковард Б. 1997. *Оливер Кромвель*. Ростов-на-Дону: Феникс. 320 с.

Кондратенко С.Е. 2015. К проблеме тирании и тираноборчества в средневековом политическом дискурсе. *Вестник СПбГУ*. Сер. 6. Вып. 4. С. 56-67.

Скиннер К. 2018. *Истоки современной политической мысли. Т. 2.: Эпоха Реформации*. Москва: Изд-во «Дело». 568 с.

Карл, принц Уэльский, при дворе Филиппа IV Испанского: визит «инкогнито» и проблема обмена дарами

П.Ю. Кошелева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Статья посвящена обмену дарами как важной части дипломатического церемониала и европейской политической культуры первой половины XVII в. В 1623 г. наследник английского престола Карл Стюарт прибыл «инкогнито» в Мадрид, чтобы ускорить заключение матримониального союза с испанской инфантой Марией. Визит «инкогнито» нарушал существовавшую в то время дипломатическую практику и традицию обмена дарами; церемониал приёма для такого случая отсутствовал, что создало проблемы для испанской стороны. Визит Карла Стюарта заставил внести изменения в церемониал и процедуру обмена дарами; впоследствии подобные путешествия монарших особ получили распространение. Главная цель настоящей работы состоит в определении того, какие функции выполнял обмен дарами в ходе переговоров о браке. Изучение церемонии обмена дарами как части церемониала европейских дворов XVII в. способствует выявлению особенностей дипломатии раннего Нового времени.

В процессе исследования были изучены письма короля Якова I и его сына Карла, а также сообщения очевидцев событий с английской и испанской сторон. Автор пришёл к выводу о том, что поездка принца Карла «инкогнито» изменила традиционную процедуру обмена дарами: обмен имел место уже перед самым отъездом принца и был инициирован испанской стороной. Тем не менее ритуал не утратил своего символизма и значимости в ходе переговоров, так как дары использовались как средство коммуникации, индикатор влияния государств и способ их самопрезентации.

Ключевые слова: Яков I; принц Карл; герцог Бекингем; Филипп IV; инфанта Мария; граф Гондомар; граф Оливарес; «испанский брак»; путешествие «инкогнито»; обмен официальными дарами; церемониал; испанский двор

УДК 94(420+460)+327.82

Поступила в редакцию: 02.12.2022

Принята к публикации: 20.02.2023

Данная работа представляет собой подробную реконструкцию поездки английского принца Карла в Мадрид с акцентом на изучение традиции обмена дарами в ходе дипломатических переговоров о браке с испанской инфантой Марией.

Перед нами неординарная ситуация: в марте 1623 г. Карл прибыл в Мадрид «инкогнито», не имея при себе подобающей свиты и дипломатических даров. Если бы стороны готовили визит заранее, то церемониал приёма был бы подробно разработан и тщательно согласован. Путешествие «инкогнито» повлияло на дипломатический церемониал, в том числе и на процедуру обмена дарами. Автор не ставил перед собой цели исследовать все изменения испанского придворного церемониала в результате поездки Карла «инкогнито».

К изучению дипломатического церемониала историки обратились ещё в конце XIX в. (Reumont 1867; Basset 1862; Maulde-la-Claviere 1892–1893), что нашло отражение в обобщающих работах по истории дипломатии, опубликованных в середине XX в. (Mattingly 1955; Hill 1925; Cuttino 1940; Заллет 1956). Позднее исследователи больше внимания уделяли изучению собственно дипломатического церемониала, протокола обмена дарами, их функций и места в международных отношениях раннего Нового времени (Queller 1967; Lee 1967; Вуд, Карре 1974; Roosen 1980; Anderson 1993). Много трудов посвящено испанскому придворному церемониалу (Hume 1907; Rodríguez Villa 1913; Valgoma y Díaz-Varela 1958; Domínguez Ortiz 1960; Elliott 1963, 1987; *The courts of Europe...* 1977; Hofmann 1985; Barrios 1988; Nader 1988; *La vida española...* 1990; Rodríguez-Salgado 1991; Boyden 1995; Redworth, Checa 1999; Arroyo 2014; Goodwin 2015) как одному из самых тщательно разработанных, что, в частности, нашло отражение в Регламенте 1717 г. (Barrios 1988).

Тема обмена дарами изучалась этнологами (Мосс 2011) и медиевистами (Гуревич 1984) в широком теоретическом контексте, как не только экономическое, но и универсальное явление, охватывающее различные аспекты социального взаимодействия и культуры. Под влиянием этих исследований историки стали уделять всё больше внимания семантике и значению обмена дарами в политической сфере в рамках дипломатического церемониала (Jansson 2005; Bischoff 2009; Домнина 2020). Всестороннее осмысление функций дара в дипломатии предлагает коллективный труд отечественных историков «На языке даров: правила символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг.». На примере различных исторических ситуаций в работе показана полисемантическая дара: он может быть средством коммуникации или достижения желаемых результатов на переговорах, способом оплаты услуг, выражением могущества и власти, инструментом передачи информации, индикатором влиятельности, демонстрацией взаимного признания, воплощением сущности дарителя и способом самопрезентации. В каждой конкретной ситуации и в каждой эпохе символический смысл дара можно трактовать по-разному.

В работах, посвящённых «испанскому браку» (Cogswell 1989; Pursell 2002; Redworth 2003), тема обмена дарами не получила достаточного освещения. В связи с этим возникает ряд исследовательских вопросов: чем обмен дарами служил в ходе переговоров об этом браке? Изменился ли церемониал обмена ввиду поездки принца «инкогнито»? Для начала стоит выяснить, о каком «испанском браке» идёт речь, и почему принц отправился в Мадрид «инкогнито».

Проект «испанского брака»: мистер Смит в Мадриде

Английский король Яков I в 1604 г. подписал мирный договор с Испанией, тем самым закончив англо-испанскую войну. Тогда же испанцы предложили королю закрепить добрые отношения посредством брачного союза наследников – принца Карла и инфанты Марии. Проводником этой идеи был испанский посол при английском дворе граф Гондомар, полагавший, что такой союз создаст для испанской стороны возможность оказывать влияние на английскую политику в религиозном вопросе. Яков был готов обсуждать это предложение, так как считал, что матримониальная стратегия может стать ключом к миру между католиками и протестантами. Однако переговоры затянулись; обе стороны не до конца доверяли друг другу, в английском общественном мнении было распространено представление, будто Гондомар манипулирует Яковом.

Начавшаяся в 1618 г. Тридцатилетняя война заставила стороны реанимировать брачный проект в новых политических условиях. Англия и Испания оказались втянуты в конфликт вокруг Богемии, управлять которой чешские протестанты предложили зятю Якова I, Фридриху Пфальцскому. Австрийские Габсбурги ожидали помощи в возвращении Богемии от своих испанских родственников, а Фридрих Пфальцкий, в свою очередь, надеялся на поддержку английского короля. Но Яков не торопился вступать в войну с Габсбургами, будучи разочарован тем, что Фридрих принял чешскую корону без его ведома. В скором времени императору Фердинанду II удалось вернуть Чехию, а Фридрих и его супруга Елизавета, старшая дочь Якова, были лишены не только короны Богемии, но и наследных земель Пфальца. В данной ситуации английский король уже не мог оставаться в стороне и вновь обратился к перспективе заключения «испанского брака», благодаря которому можно было бы заручиться помощью испанских Габсбургов для возвращения земель Фридриху.

Главной целью Испании на данном этапе было предотвратить вовлечение Англии в борьбу на стороне антигабсбургских сил, отвлечь внимание англичан и не дать им сблизиться с Францией. Испанцы хотели сохранить нейтралитет Англии в ходе Тридцатилетней войны, а также надеялись улучшить положение английских католиков. Переговоры о браке были способом поддержания баланса сил на международной арене. В связи с этим испанцы выражали свою заин-

тересованность в браке инфанты с английским принцем, однако из-за противоречий при выработке условий договора и необходимости получения согласия Папы Римского переговоры откладывались.

В 1623 г. принц Карл в сопровождении герцога Бекингема¹ решился на личный визит в Мадрид «инкогнито» с целью ускорить процесс переговоров. Яков не сразу одобрил этот план, однако твёрдое желание принца помочь сестре Елизавете и куртуазное намерение добиться руки «прекрасной дамы» оказались сильнее опасений короля. Получив разрешение на поездку, Карл и Бекингем не стали медлить. Их сопровождали секретарь принца и бывший английский посол в Испании Френсис Коттингтон, а также переводчик и секретарь принца, который вырос в Испании – Эндимион Портер. В понедельник 17 февраля 1623 г. они отправились в Дувр, чтобы подготовить корабль к переправе через Ла-Манш. Сам принц в тот день находился вместе с герцогом в доме последнего в Ньюхолле, а на следующий день они оба отправились в Дувр. Они замаскировались: надели накладные бороды и представлялись везде как Джек и Том Смиты. На переправе через Темзу в Грейвзэнд паромщик решил, что господа направляются за границу, чтобы устроить дуэль, и доложил властям Рочестера о подозрительных личностях. В Кентербери Бекингема пришлось снять бороду и признаться, кто он на самом деле, дабы избежать ареста (Brotton 2006: 86). Бекингем заявил, что, будучи лордом-адмиралом, он направлялся в Дувр для внеплановой проверки состояния флота. К вечеру следующего дня принц и герцог достигли Дувра. Там они встретились с Портером и Коттингтоном, а также с двумя представителями свиты принца – шотландцем Кирком и джентльменом королевской опочивальни Джеймсом Левистоном (Redworth 2003: 78). Все они пересекли Ла-Манш и добрались до Франции.

Переписка между королём Яковом и принцем Карлом (один из наших основных и весьма информативных источников) завязалась в скором времени после начала путешествия. Первое письмо Якова датируется 19 февраля 1623 г., когда принц и герцог были на пути к Парижу. Ответа Якову пришлось ждать несколько дней, первое письмо Карла королю датировано 22 февраля 1623 г., когда делегация уже находилась в Париже.

Благодаря путешествию «инкогнито» Карл и его сопровождающие быстро оказались в Испании, проехав через Францию практически без задержек. Известно, что Яков отправил с письмом своего фаворита Джеймса Хэя, виконта Донкастера², чтобы проинформировать Людовика XIII о приезде принца. От-

¹ По укоренившейся традиции в рамках истории об «испанском браке» мы будем называть Джорджа Вильерса герцогом Бекингемом, хотя герцогский титул он получил 18 мая 1623 г., уже находясь в Испании. До того он носил титул маркиза.

² Джеймс Хэй в 1604 г. бывал во Франции по приказу короля Якова. Будучи фаворитом короля, он стал бароном и получал постоянные вознаграждения. В феврале 1619 г. Джеймс Хэй получил титул виконта Донкастера. В том же году он был направлен с миссией в Германию, где с началом Тридцатилетней войны стал поддерживать Фридриха Пфальцского и призывал короля Якова встать на его сторону. В 1621 и 1622 гг. виконт Донкастер был отправлен

казавшись от внешних атрибутов члена королевской семьи, Карл в качестве частного лица получил большую свободу действий. Путешествие «инкогнито» во многом ускоряло передвижения и давало возможность для неформального общения с высшими государственными лицами других стран. Вместо того, чтобы ждать аудиенции короля Франции неопределённое время, Карл за два дня успел увидеться с Людовиком XIII. Принц писал своему отцу, что, оказавшись на французской земле, он и его спутники проследовали через Монтрёй и Булонь к Парижу и в тот же день встретились с королём Франции. «Мы направились к управляющему королевского двора, господину дю Про, который тайно провёл нас к нему»³, – рассказывал Карл о первой встрече с Людовиком XIII. В том же письме о планах относительно поездки говорилось: «Завтра, в воскресенье, мы, по воле Господа, поднимемся очень рано и в этот же день достигнем Орлеана, а затем будем держать путь к Мадриду»⁴. 23 февраля делегация покинула Францию и за тринадцать дней добралась из Парижа в столицу Испании.

Принц Карл и герцог Бекингем прибыли в Мадрид вечером 7 марта, в пятницу. Первым делом они отправились в дом английского посла в Испании Джона Дигби, графа Бристоля. По всей видимости, посол не знал о планах принца и был «несколько поражён этим событием»⁵. Следовало хорошо подумать над тем, как преподнести приезд принца Уэльского в Мадрид самому консервативному и церемонному испанскому двору. Сначала было решено сообщить только о приезде Бекингема. «Гондомар, узнав о приезде Бекингема, сообщил графу Оливаресу, а тот – королю. Оливарес собирался отправиться прямо к Бекинге-му [то есть в дом графа Бристоля], но тот был категорически против, так как всё ещё хотел скрыть принца. Было назначено другое место встречи – днём в парке»⁶. По мнению Глена Редворта, граф Гондомар сразу понял, что Бекингем прибыл с принцем, так как когда-то лично уговаривал Карла и взял с него обещание приехать в Мадрид (Redworth 2003: 82). Когда Гондомар поздно вечером поспешил к Оливаресу, фаворит Филиппа IV спросил: «Что привело вас в столь поздний час? Вы выглядите так, словно король Англии приехал в Мадрид». На что Гондомар ответил, что приехал «всего лишь» принц (Akrigg 1967: 347). Оливарес постарался организовать встречу с Бекингом как можно скорее. 8 марта около 4 часов дня герцог и граф Оливарес встретились и приблизительно час беседовали в карете. Поскольку испанский король не знал о приезде Карла, к нему на аудиенцию в тот же день был приглашён только герцог Бекингем. Для чего

во Францию, чтобы убедить Людовика XIII предоставить защиту гугенотам, но потерпел неудачу. В сентябре 1622 г. Хэй стал графом Карлайлом, а в 1623 г. направился в Париж по случаю поездки принца Карла в Мадрид. В 1624 г. вместе с Генри Ричем, лордом Холландом, вёл переговоры о браке принца Карла с Генриеттой Марией, а позднее стал джентльменом опочивальни короля Карла I.

³ *The letters, speeches and proclamations of king Charles I.* 1968. L.: Cassell. P. 8.

⁴ *Ibid.*

⁵ *A collection of scarce and valuable tracts.* 1809. Vol. 2. London. P. 524.

⁶ *Ibid.* P. 526.

нужно было скрывать приезд принца от короля и его приближённых? По всей видимости, Бекингом считал, что должен сам сообщить испанскому двору о прибытии Карла, тем более что подобные тайные визиты наследников других государств не были распространены и могли рассматриваться как нарушение протокола. Вероятно, таким образом принца пытались обезопасить от возможной негативной реакции испанского короля. На аудиенции Бекингом сообщил королю о приезде принца Уэльского. Филипп IV официально отправил Оливаса к принцу выразить радость по поводу его прибытия.

Подготовка к церемонии обмена дарами

Направляясь в Мадрид «инкогнито», Карл надеялся на тайную встречу с испанским королём, которая ускорила бы выработку брачного договора. Однако строгий испанский двор не был готов к такого рода упрощению церемониала. При том, что стороны организовали несколько тайных встреч Карла и Филиппа IV в парках и каретах, испанский король возражал против умаления значимости пребывания английского принца и настаивал на торжественном въезде принца в Мадрид с соблюдением дипломатического церемониала. Десять дней принц жил в доме графа Бристолья и готовился к официальной церемонии. Разумеется, процедура вступления в город должна была включать в себя обмен дарами, к которому принц и герцог не были готовы ввиду прибытия «инкогнито». Они не могли привезти с собой достаточного количества драгоценностей и других традиционных подарков, так как путешествовали без большой свиты и без охраны. Ввиду тайного путешествия король Яков не мог вручить Карлу и Бекингу даже охранные грамоты. Тем не менее английский король был быстро проинформирован о необходимости официального появления принца и герцога при дворе, поэтому уже в письме от 17 марта писал Карлу о дарах, которые он направляет в Испанию. Ранее, в письме от 19 февраля, Яков сообщал о плане направить в Мадрид молодых аристократов в качестве свиты принца. В Испанию отправились Джеймс Хей, виконт Донкастер, ставший 13 сентября 1622 г. графом Карлайлом, Томас Говард, виконт Андовер, Генри Кэри, виконт Рочфорд, лорд Комптон, наследник графа Нортемптона, лорд Перси, наследник графа Нортумберленда и другие знатные персоны⁷.

Яков приложил усилия для демонстрации испанскому двору не только статуса «своих мальчиков», Карла и Бекингема, но также и приверженности англичан духу рыцарства и куртуазности. Помимо свиты, король направил в Мадрид парадные облачения и атрибуты Ордена Подвязки, чтобы в день Святого Георгия, 23 апреля, принц и герцог предстали при дворе как кавалеры самого престижного английского ордена.

⁷ *Letters of King James VI and I*. Ed. with an introd. by G.P.V. Akrigg. 1984. Berkley etc.: Univ. of California press. P. 389.

Кроме мантий Яков отправил ювелирные украшения, которые должны были придать принцу и герцогу облик, соответствующий их статусу в Англии. В письме от 17 марта 1623 г. Яков писал: «...я выбрал ювелирные изделия, которые отправляю вам. Часть из них моему мальчику стоит подарить его госпоже, другую же часть, из самых лучших, ему следует надеть самому, а также некоторые из лучших одолжить моему второму сыну [Бекингеми]»⁸. Из личной коллекции Карла король переслал принцу «круглую брошь из бриллиантов и треугольный бриллиант с большой круглой жемчужиной»⁹. Кроме того, камзол принца надлежало украсить бриллиантовыми пуговицами. Из собственной сокровищницы Яков отправил принцу два знаменитых исторических украшения: подвеску «Три брата» и бриллиант «Зерцало Франции».

«Три брата» – это ювелирное украшение, созданное в XIV в. парижским ювелиром Жерменом Руисселем. Подвеска состояла из трёх прямоугольных рубинов по 70 карат каждый, образующих треугольник. Каждый рубин обрамляли жемчужины по 18-20 карат. В центре треугольника располагался тёмно-синий бриллиант весом 30 карат, имевший форму пирамиды или октаэдра (Evans 1953: 76). Эта подвеска долгое время была частью драгоценностей бургундской короны. После разгрома бургундцев швейцарскими войсками при Грансоне 2 марта 1476 г. вместе с другими драгоценностями подвеска перешла в руки магистратов Базеля (Strong 1966: 350). В 1504 г. её выкупил немецкий банкир Якоб Фуггер. Вскоре началась сделка по продаже украшения английскому королю Генриху VIII. Официально «Три брата» были проданы после смерти Генриха его сыну Эдуарду VI в мае 1551 г. и стали частью драгоценностей короны Англии. Впоследствии украшение часто носила королева Елизавета, она изображена с ним на Портрете с горностаем Уильяма Сегара. Яков I тоже изображён на некоторых портретах с этой подвеской, он предпочитал носить её в качестве украшения для шляпы. В 1606 г. «Три брата» были внесены в реестр неотчуждаемых драгоценностей английской короны. К отправке принцу в Испанию подвеска была обновлена, так как перед испанским двором наследник английского престола должен был предстать во всём великолепии. Королевский ювелир Джордж Хериот четверо суток трудился над выбранными для поездки украшениями. На тот момент подвеска оценивалась в семь тысяч фунтов стерлингов.

Король отправил сыну бриллиант «Зерцало Франции», «собрат португальского бриллианта»¹⁰, советуя «носить на шляпе с маленьким чёрным пером»¹¹.

⁸ Ibid. P. 394.

⁹ Ibid. P. 398.

¹⁰ Имеется в виду бриллиант «Зерцало Португалии», который также был отправлен Карлу в Испанию, как это отмечается в работах, посвящённых знаменитым бриллиантам. Известно, что бриллиант «Зерцало Португалии» принадлежал дону Антонио, который провозгласил себя королём Португалии после пресечения Ависской династии. Филипп II испанский, претендовавший на корону Португалии, начал войну с доном Антонио, в которой последний проиграл и бежал в Англию в надежде на помощь королевы Елизаветы. Дон Антонио бежал с драгоценностями,

Этот бриллиант можно увидеть на одном из самых ранних портретов королевы Елизаветы, который датируется 1558 г. и принадлежит кисти неизвестного художника. Крупный драгоценный камень на груди королевы, приковывающий взгляд зрителя, и есть «Зерцало Франции»; бриллиант достался Елизавете от отца.

Направив Карлу государственные сокровища, Яков демонстрировал историческое величие своего государства, его богатство и авторитет. Принц выглядел подобающе своему статусу и церемониалу испанского двора.

Король не оставил без внимания и своего фаворита герцога Бекингема, отправив ему чистый огранённый бриллиант и жемчужину в форме капли, которую полагалось носить на шляпе или как пожелает сам герцог. Сверх того, из коллекции самого Бекингема король отправил три бриллианта, привезённые из Турции английским послом в Константинополе Полом Пиндаром.

Яков подробно описывал украшения и предметы, предназначенные в подарок инфанте от имени принца. Приверженность христианской вере, а также, вероятно, своё доброжелательное отношение к католицизму Яков демонстрировал, отправляя в марте 1623 г. двойной Лотарингский крест (крест с двумя поперечинами), «не столько дорогой, сколько старинный». Со времен Людовика I, герцога Анжуйского (1339–1384), этот крест, геральдический символ Лотарингии, ассоциировался с реликвиями Истинного Креста. Рене Анжуйский сделал шестиконечный крест личной эмблемой, а его внук, Рене II Лотарингский, в битве при Нанси против бургундского герцога Карла Смелого противопоставил Лотарингский крест Андреевскому. Интересным подарком для инфанты представляется зеркальце с изображением короля Якова; такого рода миниатюрные портреты считались выражением личной дружбы. С XVI в. портреты в виде миниатюр стали популярным свадебным подарком, представляя жениха в стране невесты (Bischoff 2009: 137). Но инфанта получила зеркало с изображением не принца, а короля. Возможно, таким способом Яков I хотел показать свои дружественные намерения, уверить инфанту, что желает видеть её при своём дворе. Этот дар носил неофициальный характер и был единственным подарком для инфанты именно от лица короля.

среди которых было и «Зерцало Португалии». Королева Елизавета оказала ему помощь – отправила флот к Лиссабону в 1589 г., однако экспедиция не удалась. Королева, посчитав, что сделала достаточно, забрала португальские украшения в качестве платы за услугу. Так «Зерцало Португалии» перешло к английской короне. Считается, что, выбирая драгоценности для отправки принцу Карлу в Мадрид, Яков I направил в Испанию и это украшение. Бриллиант был вставлен в оправу с крупной жемчужиной в виде кулона. Однако эта драгоценность не была подарена кому-либо при испанском дворе. Более того, позднее им владела Генриетта Мария, французская принцесса, ставшая женой короля Карла. Во время английской революции Генриетта Мария продала бриллиант герцогу Эпернону, а тот – кардиналу Мазарини. Бриллиант «Зерцало Португалии» пополнил коллекцию кардинала и стал именоваться «Мазарини №3». Кардинал завещал бриллиант французской короне. К тому времени он весил 25 и 3/8 карата и оценивался в 150 000 ливров. В наших источниках среди даров или личных украшений принца не упоминается бриллиант «Зерцало Португалии». Тем не менее сравнение с ним говорит об известности этого украшения и его принадлежности английской короне в начале XVII в.

¹¹ *Letters of King James VI...* 1984. P. 398.

Лично от себя Карл мог преподнести два больших бриллианта, бриллиантовую подвеску, нить жемчуга, ожерелье из тринадцати великолепных рубинов-бале, привезённых из персидской провинции Бадахшан, а также головной убор с двадцатью двумя крупными каплевидными жемчужинами. «Ты должен подарить ей три замечательных грушевидных бриллианта в виде подвесок, самую большую из них ей следует носить для украшения прически, а остальные две – как серёжки для ушей»¹², – указывал Яков в своём письме. Важно заметить, что король не упоминал о дарах Филиппу IV, королеве и придворным, акцентируя внимание на украшениях для инфанты, так как именно ради встречи с Марией и завоевания её сердца Карл отправился в Испанию. Подразумевалось, что у принца будет возможность личного общения с инфантой, во время которого уместны знаки внимания как средство самопрезентации принца и знак того, что он ожидает благосклонности инфанты. В письме король давал принцу совет: «не преподносите все украшения сразу, лучше дарите их в разное время. А лучше всего – самые редкие и дорогие оставьте напоследок»¹³. Действительно, принц прислушался к совету отца и вручил самые дорогие подарки при отъезде.

В письмах Яков сообщал о намерении отправить корабли с другими украшениями и подарками для того, чтобы оградить принца и герцога от неприятных ситуаций. 17 марта английский король ещё не мог знать о безусловном требовании испанского двора принять принца Карла официально. Тем не менее, будучи опытным политиком, Яков предполагал, что в какой-то степени придётся соблюсти дипломатический церемониал ввиду возможного желания Филиппа IV принять принца официально. Поскольку в знак уважения и благодарности по окончании визита было принято подносить прощальные дары, английский монарх отправил в Испанию целый «флот»¹⁴, то есть остальные дары были отправлены позже на нескольких кораблях. В марте вдогонку принцу и герцогу Яков направил корабль со свитой и драгоценностями для Карла, Бекингема и инфанты, а позднее – корабли с дарами королю Испании и его приближённым. Украшения для принца и герцога, а также дары для инфанты прибыли в порт Сантандер на корабле «Искатель приключений» 3 апреля 1623 г. (Redworth 2003: 95). Дж. Аккригг оценивал эти украшения в колоссальную сумму 80 тысяч фунтов (Akrigg 1967: 349). Из Англии драгоценности было поручено перевозить лорду Комптону. Все дары достигли Мадрида, чего нельзя сказать об отправленной Яковом свите. Принц Карл попросил вернуться в Англию большинство прибывших аристократов, так как не имел возможности разместить их всех в предоставленных ему покоях. Не ожидая большой свиты, испанцы отвели для принца несколько комнат, в которых он мог чувствовать себя комфортно, тем более что ему во всём помогали слуги короля Филиппа.

¹² Ibid. P. 397.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 399.

Торжество церемониала

Торжественный въезд принца в Мадрид был назначен на 16 марта 1623 г., спустя десять дней после приезда Карла в Испанию. Свои действия и впечатления Карл подробно описал в письме отцу от 17 марта. Кроме того, церемония подробно описана в трактате «Правдивое сообщение и дневник прибытия, великолепного приёма, данного королём Испании при его дворе в Мадриде, могущественному принцу Карлу, принцу Великобритании»¹⁵ неизвестного автора из коллекции, собранной и опубликованной лордом Сомерсом. Этому сюжету в своих письмах уделил внимание один из английских агентов в Испании – Джеймс Хоуэлл¹⁶. Благодаря этим источникам мы можем восстановить события торжественного въезда принца в Мадрид.

Сначала Карл отправился в монастырь Святого Иеронима, так как именно оттуда короли Испании начинали свою торжественную процессию к Мадриду. Отобедав там, принц до четырёх часов принимал приветствовавших его советников короля Испании. Затем прибыл Филипп IV и со всей торжественностью сделал запись в монастырской книге «так же, как тогда, когда короли Кастилии коронуются»¹⁷. После они вместе отправились в Мадрид, Карл ехал по правую руку Филиппа. За ними следовали герцог Бекингем и граф Оливарес. Все улицы были роскошно украшены, на них выступали лучшие танцоры и музыканты. В Мадриде царил атмосфера настоящего праздника, три ночи подряд в честь принца запускали праздничные салюты. Было освобождено более 350 заключённых. Началась череда визитов к принцу.

Таким образом, вернувшись к традиционному церемониалу, испанская корона обрела контроль над ситуацией и публично продемонстрировала (пусть и чисто внешне) своё расположение к гостям и готовность к переговорам о браке.

Можно заметить, что официальное появление Карла в столице полностью соответствовало средневековой церемонии торжественного вступления государя в город, которая в исторической литературе часто уподобляется *adventus domini* (Пришествие Господне) (Бойцов 2009). Город, в данном случае Мадрид, воспринимался как невеста, а входящий в него Карл собственно и был женихом, хотя и не для всех подданных испанской короны, но лишь для инфанты Марии. Так как она приходилась королю родной сестрой и олицетворяла Испанию, принцу была оказана честь вступления в Мадрид согласно церемонии испанских королей, отсылавшей к идее священного брака с городом.

¹⁵ A true Relation and Journall of the Manner of the Arrivall, and magnificent Entertainment given to the high and mighty Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the King of Spain, in his Court at Madrid. 1809. *A collection of scarce and valuable tracts*. Vol. 2. London. P. 524–531.

¹⁶ Howell J. 1892. *Epistolae Ho-Eliauae: The Familiar Letters of James Howell*. Vol. 1.

¹⁷ *The letters, speeches...* 1968. P. 13.

Теперь Карл был официально принят при дворе короля Филиппа IV. Однако в связи с тем, что подобный прецедент был одним из первых в истории, церемониал приёма принца не был детально разработан. Традиционно дипломатический церемониал имел чёткий регламент и соблюдался достаточно строго: после прибытия в другое государство и встречи в порту или в городе, посол ждал аудиенции короля в выделенном для пребывания дипломата доме. В день аудиенции торжественное шествие отправлялось ко дворцу вместе со всеми привезёнными дарами. Обычно подарки королю и королеве преподносились на первой аудиенции у короля (García Sierra 1994; Домнина 2011; Эхеа Фернандес 2015: 205-209; Российские дипломаты в Испании 2016)¹⁸, а посол получал памятные богатые дары уже при отъезде. В сложившихся обстоятельствах принца принимали как особу королевского достоинства, а не как посла, поэтому скорее всего многие дипломатические церемонии были видоизменены. Например, мы не находим свидетельств того, что во время первого приёма принца во дворце прошла традиционная церемония обмена дарами. Нам известно, что после прибытия во дворец король Филипп IV и его братья дон Карлос и дон Фернандо препроводили принца в выделенные для него покои и оставили отдыхать. В скором времени прибыл главный майордом королевы – граф Бенаvente и преподнёс от её имени подарки для Карла. Среди них были: большая золотая чаша (предположительно для умывания), искусно вышитая ночная рубашка, «два огромных сундука, окованных полосами из чистого золота, украшенные золотыми гвоздями»¹⁹, замки и ключи для этих сундуков были тоже золотые. Покрывтия и подкладки сундуков, наполненных утонченным бельём и духами, были изготовлены из кожи янтарного цвета. Помимо того, принцу подарили богато украшенный письменный стол, каждый ящик которого был полон редкостей. Как мы можем понять, эти знаки внимания королевы считались неофициальными и не были частью церемонии обмена дарами. Чаша для умывания, ночные рубашки, сундуки с предметами туалета, письменный стол – всё это было необходимо и даже обязательно для комфортной жизни Карла в его новых покоях. На подобные дары вряд ли предполагались ответные знаки внимания, так как они входили в обустройство комнат принца.

Ход переговоров

Изначально задуманная как быстрое путешествие «инкогнито», поездка затянулась на семь месяцев в ожидании разрешения на брак от папы римского. Кроме того, долго не удавалось выработать условия, которые бы удовлетворяли

¹⁸ *Посольство П.И. Потёмкина в Испанию в 1667 – 1668 гг.: документы и материалы.* 2018. Составители В.А. Ведюшкин, Е.Е. Рычаловский. Москва: Индрик.

¹⁹ *A collection of scarce and valuable tracts...* 1809. P. 530.

обе стороны. Испанцы настаивали на переходе Карла в католичество, что было недопустимо для будущего короля Англии. Едва ли испанцы всерьёз рассчитывали, что принц станет католиком, скорее таким способом они старались затянуть переговоры. К тому времени они уже мало стремились к заключению союза с английским принцем и ожидали, что Папа не даст разрешения на брак. Они требовали также сохранения католического вероисповедания инфанты и её будущих детей. Англичане в свою очередь выставляли испанской короне требование вмешаться в дела Фридриха Пфальцского – Яков желал возвращения Пфальца Фридриху с тем, чтобы его дочь и внуки не потеряли своих наследных прав. Однако испанцы не торопились вступить за Фридриха. Ввиду отказа Карла принять католичество и в связи с успехами Габсбургов в ходе Тридцатилетней войны, он был уже не таким желанным женихом. Филипп IV стал задумываться о более удачной партии для своей младшей сестры – браке с императором Священной Римской империи Фердинандом III, что было бы традиционным для Габсбургов союзом. Тем не менее просто отказать английскому принцу Филипп IV не мог, поэтому и надеялся на отказ папы римского. Однако Григорий XV дал разрешение на брак, так как понимал, что отказ вызовет гнев Якова I и негативно отразится на положении католиков в Англии. Более того, брак с инфантой-католичкой открывал возможность для усиления католичества и расширения влияния папы в Англии.

По требованию папы король Испании должен был гарантировать, что Яков I выполнит условия брачного договора и пойдёт на уступки, касающиеся католиков. В итоге Филипп IV собрал хунту²⁰ испанских богословов, которые посоветовали назначить помолвку, а заключение брачного договора отложить на год при условии, что за это время английские католики получат все предусмотренные договором привилегии (Akrigg 1967: 352). Филипп IV, следуя этому совету, был готов дать клятву папе в том, что испанский король выступит гарантом заключения брака, если англичане согласятся на выставленные условия.

Весть о задержке брака на год не могла обрадовать принца Карла. Вместе с Бекингемом он пытался добиться, чтобы хунта изменила решение. Тем временем Яков активно настаивал на возвращении Карла и Бекингема, но они, не желая остаться с пустыми руками, продолжали переговоры и уверили Якова, что вернутся не позже чем через месяц. В конце концов принц, имея полномочия выступать от лица Якова I, согласился на все условия. Инфанте было разрешено исповедовать католичество, иметь епископа, часовню и церковь, открытую для доступа английских католиков. За ней также оставалось право воспитывать будущих детей в католической вере. Антикатолическое законодательство

²⁰ В эпоху «младших Габсбургов» была распространена практика собрания небольших хунт из доверенных лиц для решения текущих проблем государства. В данном случае была собрана хунта богословов, так как обсуждался вопрос о браке между протестантом и католичкой.

в Англии должно было быть отменено, а терпимость к частным католическим обрядам должна быть закреплена в парламентском законодательстве. После подобных уступок со стороны англичан испанцы не могли отказаться от брачного договора. Казалось, что брак всё-таки будет заключён.

Процедура обмена дарами

Несмотря на противоречивые настроения в Испании, принцу был оказан приём на высоком уровне. Перед отъездом состоялось официальное прощание с Карлом, и именно тогда произошла главная церемония обмена дарами между английской и испанской сторонами. Король от своего лица подарил принцу восемнадцать испанских верховых лошадей, шесть берберийских лошадей, шесть породистых кобыл и двадцать жеребят. Все они были украшены попонами тёмно-красного бархата – символа роскоши, благородства и королевского достоинства. Седла и сбруя были вышиты дорогим жемчугом. Из предметов вооружения принцу были подарены однозарядные пистолеты, арбалеты, сотня отборных шпаг. Из предметов роскоши он получил украшенные бриллиантами шпагу и кинжал. Все эти дары доставил маркиз Флорес де Авила, приближённый короля Филиппа. Герцогу Бекингему были предназначены дары скромнее: двенадцать испанских и четыре берберийских коня, четыре кобылы и десять жеребят, покрытые попонами из тёмно-красного бархата, украшенными золотой вышивкой, несколько шпаг и ручных пушек (кулеврин), а также пояс, украшенный бриллиантами ценой в 30 000 крон²¹. Филипп IV не обделил вниманием капитана охраны принца, барона Кенсингтона, подарив ему двести бриллиантовых пуговиц, четыре лошади с упряжью, а также украшения, оцененные позднее в пятьдесят тысяч дукатов. От лица королевы Карлу были подарены редкие шкуры молодых козлят, которые очень ценились и использовались для производства ценных кож, а также дорогие духи. Граф Оливарес помимо картин и богатой домашней утвари подарил Карлу три ценные нагрудные цепи.

Неясно, при каких обстоятельствах произошло «одаривание» принца, однако можно заметить, что первыми дары вручила принимающая сторона, скорее всего, ввиду того, что это были прощальные знаки внимания хозяев гостям. В завершении посольских миссий послы иностранного государства всегда удалялись даров за свою службу от принимавшей их стороны. В данной ситуации мы видим нечто похожее: в конце своей миссии принц получил дары, достойные его высочайшей особы. Дар всегда требует ответного шага – если не преподнести что-то равное в ответ, то появляются незримые отношения подчинения, получатель оказывается в зависимости от дарителя (Мосс 2011: 253).

²¹ A collection of scarce and valuable tracts... 1809. P. 542.

Возможно, посредством богатых даров Филипп IV демонстрировал символическое превосходство Испании в ходе переговоров о браке, так как принцу Карлу пришлось идти на уступки в протоколе и в содержании переговоров, но не удалось настоять на пребывании «инкогнито» и на своих условиях брака. Теперь черёд был за английским наследником. Известно, что ответные дары принц преподнёс несколько позже, что вполне соответствовало традиционному ритуалу. Одаряваемой стороне всегда требовалось время на достойный ответ.

Перед отъездом из Мадрида Карл вместе с испанским королём дважды посетили монастырь Дескальсас Реалес, основанный в 1559 г. Хуаной Австрийской. Наверняка принц Карл, как ценитель живописи, не случайно оказался в этом месте, знаменитом богатой коллекцией произведений искусства. В Испании принц приобрёл множество произведений искусства. Дважды он навещал дону Херонимо Фунес и Муньос, который считался величайшим частным коллекционером Европы. Последний подарил принцу три картины: две из них принадлежали кисти Тициана, а третья – его ученику, Хуану Фернандесу де Наваретте (Redworth 2003: 113). По большей части Карл сам выбирал произведения для своей будущей коллекции и лично оплачивал покупки.

Отъезд принца и его прощальные дары подробно описаны в заметке памфлетиста Андреса де Мендосы. В «Сообщении об отъезде из Мадрида самого прославленного принца Уэльского от 9 сентября 1623 г.»²² описано, что в последний визит в Дескальсас Реалес принца и герцога «развлекали со слезами радости», а инфанта подарила Карлу «коробочки с подарками, цветами и другими вещами, представлявшими большой интерес и обладавшими большой ценностью»²³. Принц прощался не только с королевскими особами. К нему на аудиенцию приходили послы, гранды и государственные советники, которых он благодарил за заботу и помощь во время своего пребывания в Испании.

В четверг 25 июля в семь часов утра в присутствии Государственного совета прошла официальная церемония, закреплявшая условия договора о браке. Королева и инфанта в окружении своих придворных дам и жён послов также присутствовали на этой церемонии. Принцу тогда впервые удалось пообщаться с королевой Испании без переводчика на французском языке. С инфантой разговор проходил в присутствии переводчика около получаса. Во время церемонии все английские лорды и рыцари поцеловали руки королевы и инфанты в знак прощания. После церемонии во дворце в сопровождении короля, его братьев, герцога Инфантадо, графа Оливареса, герцога Бекингема и графа Бристолья принц Карл отправился в монастырь Дескальсас Реалес. По всей видимости, именно после этой поездки он отправил свои ответные дары, так как только по-

²² A Relation of the Departure of the most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this present year, 1623 г. 1809. *A collection of scarce and valuable tracts*. Vol. 2. London. P. 540–550.

²³ Ibid. P. 543.

сле неё автору трактата стали в подробностях известны подарки, которые получили испанский король и его ближайшее окружение. Приняв дары испанского короля, английский принц вступил в символический диалог: давать – значит демонстрировать своё превосходство; получать, не возвращая или не возвращая в больших размерах – значит подчиниться и признать превосходство (Мосс 2011: 275). Принц должен был поразить испанцев своими дарами и тем самым показать силу и могущество Англии.

Карл не вручал ничего лично – дары передавали его приближённые. Филипп IV получил украшенную бриллиантами шпагу, которая считалась великолепным подарком, достойным короля. Королеве был отправлен чистый бриллиант весом в 20 карат, а также треугольный бриллиант и серьги с бриллиантами размером с плод фасоли. Эти предметы были не только дорогими, но и особенно ценными ввиду искусной ювелирной работы. Их доставил хранитель гардероба принца Карла, получив за это три тысячи крон от королевы. Инфанте получила в подарок нить жемчуга из 250 каплевидных жемчужин размером пять карат, которые отличались редкой безупречностью и совершенством, одна из жемчужин была украшена бриллиантом; серьги из жемчуга и две красивые крупные жемчужины. Дары для инфанты представлены в основном жемчужными украшениями, что, вероятно, символизировало добродетели невесты. По мнению принца, жемчужина как символ чистоты, невинности и совершенства очень подходила Марии. Брат короля дон Карлос получил кольцо с заострённым бриллиантом, а кардинал-инфант Фернандо – нагрудное украшение из топазов, бриллиантов и жемчужины, которая, по замечанию автора трактата, «могла бы восполнить отсутствие Перегрины»²⁴,²⁵. Мендоса сравнивает подаренное кардиналу-инфанту украшение с великолепием Перегрины и делает вывод о том, что подарок ничуть не уступает знаменитой жемчужине.

Граф Оливарес в подарок получил бриллиант Португальский, который «какое-то время принадлежал дону Себастьяну»²⁶. Скорее всего имеется в виду король Португалии из Ависской династии – Себастьян, который погиб в 1574 г. в ходе борьбы с маврами. Гибель юного короля привела к пресечению Ависской династии и объединению Испании и Португалии под властью Филиппа II. Подобный дар от принца Карла явно имел символический смысл: граф, фаворит

²⁴ Жемчужина Перегрины, или «блуждающая жемчужина», считалась самой крупной в мире – её вес был около 10 граммов, что составляет 50,56 карат. Она была выловлена на одном из островов Панамского канала в середине XVI в. Испанский король Филипп II получил жемчужину от донна Диего Темеса (Kunz, Hugh 2011: 452) и преподнёс в качестве подарка на помолвку своей невесте Марии Тюдор. Королева изображена со знаменитой жемчужиной на портрете 1554 г., написанном Антонио Мором. После смерти Марии Филипп потребовал вернуть свой подарок. Испанские королевы нередко позировали для своих парадных портретов с этой жемчужиной. Не до конца ясно, почему Андрес де Мендоса в сообщении об отъезде принца говорит об «отсутствии» жемчужины: имеется портрет королевы Маргариты Австрийской, второй жены Филиппа IV, с этим украшением, значит, жемчужина по-прежнему принадлежала Испании.

²⁵ *A collection of scarce and valuable tracts...* 1809. P. 544.

²⁶ Ibid.

Филиппа IV, оказывал большое влияние на государственные дела. Карл подарил ему бриллиант Португальский, чтобы показать одобрение перехода власти в Португалии к испанским Габсбургам. Этот подарок был инициативой Карла, так как Яков I в письме сыну и герцогу в мае 1623 г. писал, что графу Оливаресу уже отправили из Англии лошадей, собак и ястребов, и настаивал, чтобы принц не дарил Оливаресу украшений²⁷. Тем не менее Карл ослушался отца и преподнёс графу столь символический дар. За время своего пребывания в Испании принц понял, что внимание к персоне графа Оливареса необходимо для решения дел с Испанией. Семья Оливареса тоже не осталась без подарков: графиня получила великолепный крест, украшенный бриллиантами, а их дочь – Мария де Гусман – кольцо, которое оценивалось в несколько сот крон.

Принц одарил и других придворных Филиппа IV. Главные придворные дамы – герцогиня Гандия и графиня Лемос, и главные майордомы – герцог Инфантадо и граф Бенаvente, в благодарность за помощь и службу получили бриллиантовые украшения. Подобными же дарами были отмечены адмирал Кастилии Хуан Альфонсо Энрикес де Кабрера и маркиз дель Карпио. Украшения с бриллиантами получили герцог Иксар, маркиз Мондексар, духовник короля и епископ Сеговии. Кроме того, все «джентльмены двора» получили кольца с бриллиантами, а государственные советники – кольца с камнями вдвое большими по своему великолепию. Семнадцать драгоценных изделий было отправлено семнадцати придворным дамам, пажи короля получили драгоценные цепи, а охрана из лучников – четыре тысячи крон и кольцо каждому. Герцог Бекингем от себя преподнёс слугам графа Оливареса – дону Родриго де Агиару и дону Педро Аресу – два полных костюма и украшенные бриллиантами кресты. Похожие дары получили дон Хуан де Сантакрус и дон Педро де Вега. Тринадцать пажей получили цепи, иностранные послы – большие суммы денег, а тем, кто доставил лошадей в качестве подарка, были вручены деньги и цепи. Мы видим, что принц и герцог одарили всех главных лиц, имевших отношение к переговорам о браке. Приняв от испанского короля дары, принц смог достойно ответить в рамках этого символического диалога. Традиция обмена дарами была соблюдена, хотя и несколько в изменённой форме, так как принц был гостем королевского достоинства.

Ещё в письме от 10 апреля 1623 г. Яков выражал готовность отправить «флот» в Испанию, чтобы привезти обратно в Англию своего дорогого наследника и любимого фаворита. Король сообщал, что всё будет готово к маю. Поручение доставить корабли он дал Ричарду Грэхему, конюшему герцога Бекингема. В письме король упоминал шесть кораблей, из которых «Джордж» предназначался Бекингему. Несмотря на готовность флота, Яков ждал новостей от принца и герцога. Их отъезд зависел от успехов переговоров. Наконец, в письме

²⁷ *Letters of King James VI...* 1984. P. 415.

от 29 июля Карл уверил отца, что «совершенно точно к 29 августа мы начнём наше путешествие»²⁸. Соответственно, в августе король направил в Испанию флотилию.

Возвращение в Англию

В субботу 30 августа 1623 г. принц Карл и герцог Бекингем покинули Мадрид. Филипп IV и его братья, дон Карлос и дон Фернандо, проводили принца и его спутников до великолепного дворца-резиденции Филиппа II – Эскориала. Весь следующий день они провели в прогулках по этому «восьмому чуду света». Англичанам показали библиотеки, сады, монастырь, пантеон и родовой склеп. Понедельник был посвящён охоте в живописных местах близ резиденции. Король Испании не мог надолго оставить столицу, поэтому спустя несколько дней испанская сторона окончательно попрощалась со своими английскими гостями. Все англичане поцеловали руку короля, а испанские представители – руку принца. Прощания казались самыми дружескими и доброжелательными, ввиду того, что договор о браке был почти подписан. В Эскориале Карл дал письменное разрешение Филиппу IV быть его представителем во время брачной церемонии с инфантой. Брак планировали заключить через десять дней после прибытия разрешения на брак от нового Папы – Урбана VIII (Redworth 2003: 133). Документ о представительстве Филиппа был передан графу Бристолу. Король Испании был крайне заинтересован в том, чтобы англичане выполнили все условия, так как теперь имел обязательства перед Папой и выступал гарантом заключения брака. Поэтому в качестве самого прощального дара Филипп IV преподнёс принцу портрет Карла V Габсбурга кисти Тициана. Король Филипп считал, что отношения Англии и Испании предопределены исторически: Испания старалась вернуть Англию в лоно католической церкви. Матримониальный союз, подобный союзу Филиппа II и Марии Тюдор, мог повлиять на религиозную обстановку в Англии.

Но что думала об этом английская сторона?

Карла ожидало возвращение в Англию, изменившее десятилетиями выстраиваемые Яковом I отношения с Испанией. Принц вернулся к размышлениям о Пфальце и сомнительных выгодах брака с испанской инфантой для английской стороны. В Эскориале он в последний раз обсуждал с Филиппом IV возвращение Фридриху Палатината, и король ответил, что восстановление Пфальца будет его свадебным подарком принцу, то есть Филипп ничего не обещал твёрдо и уходил от ответа (Pursell 2002: 716). Испанцам перемены были невыгодны, их вполне устраивала расстановка сил, как никогда усиливавшая влияние в Европе католической церкви. По данным Бреннана Парселя, Оливарес будто бы

²⁸ *The letters, speeches...* 1968. P. 27.

предлагал англичанам необычное решение Пфальцского вопроса (Pursell 2002). Фридрих должен был заплатить определённую сумму и отправить своего старшего сына на воспитание в Вену, где ему было бы дано католическое образование. По достижении совершеннолетия его восстановят в правах на Пфальц, и он женится на дочери императора: то есть Оливарес предлагал восстановить права на Пфальц не Фридриха, а его потомков. Карл же хотел восстановления власти самого Фридриха и своей сестры Елизаветы. По итогам переговоров принц Карл и герцог Бекингем окончательно перестали верить в разрешение этого вопроса с помощью испанского брака.

В день памяти апостола Матфея принц и герцог прибыли в порт Сантандер, где их ожидали сэр Джон Финетт и сэр Томас Сомерсет. Как отмечает Андрес де Мендоса, принца встречал в порту «весь флот»²⁹. 14 сентября Карл пригласил сопровождавших его испанских аристократов взойти на корабль «Принц» и полюбоваться мощным английским флотом. 18 сентября английские корабли, нагруженные испанскими дарами, отправились на родину.

5 октября 1623 г. принц и герцог вернулись в Англию с твёрдым намерением отказаться от брака, так как с его помощью не будут достигнуты цели, которые поставил перед собой Карл. Англичане встретили Карла и Бекингема с восторгом. Все были счастливы ввиду благополучного возвращения наследника престола из казавшейся им враждебной Испании без жены-католички. Англичане в массе своей не были сторонниками происпанской политики Якова, поэтому появление принца без испанской инфанты стало для них символом возвращения к прежней линии во внешней политике. В итоге «испанский брак» так и не состоялся. Принц Карл женился на французской принцессе Генриетте Марии, а испанская инфанта вышла замуж за императора Священной Римской Империи Фердинанда III.

Заключение

Изучение одного из аспектов церемониала – ритуала обмена дарами – даёт возможность проследить значимость этой традиции с точки зрения символизма репрезентации власти, который отчасти определял международное положение сторон в контексте политической культуры раннего Нового времени. С точки зрения церемониала поездки принца Карла в Мадрид «инкогнито» стала беспрецедентной; она показала, как политические стремления сторон могут быть выражены с помощью даров.

В ходе переговоров Англии и Испании имел место уникальный случай в истории политического, церемониального и символического общения двух стран. Английский принц прибыл в Испанию «инкогнито», но впоследствии его

²⁹ *A collection of scarce and valuable tracts...* 1809. P. 547.

приняли официально. Традиции испанского двора заставили вести переговоры в привычном русле, то есть церемониал восторжествовал, несмотря на желание английской стороны отказаться от него. Испанцы настояли на соблюдении классических церемоний, тем самым поддерживая престиж своей державы, а также добились на переговорах более выгодных для себя условий.

Торжественный въезд в Мадрид принца Карла был обставлен так же, как при коронации испанских монархов. Однако некоторые традиционные дипломатические церемонии были видоизменены: принц жил во дворце короля, а не в отдельном посольском доме. В рамках данной работы особенно важно заметить, что при первой аудиенции стороны, имевшие сопоставимый символический статус, не обменивались дарами, так как Карл прибыл «инкогнито». Тем не менее, король Яков отправил подарки для инфанты, которые принц должен был вручать как знаки внимания в процессе ухаживаний.

В ходе переговоров по выработке условий брака английской стороне пришлось идти на уступки: обещать ослабить гонения на католиков, сохранить вероисповедания инфанты и её будущих детей, смириться с возрастающим влиянием Папы Римского. Доминирование Испании в ходе переговоров было отражено и посредством даров – испанцы оказались очень щедры. Принц был вынужден одарить испанцев так, чтобы символически остаться с ними на равных и не подчиниться их превосходству.

Испания самым дорогим и престижным подарком считала лошадей и оружие, а Англия одаривала в основном ювелирными украшениями, более легкими при транспортировке. С помощью щедрых даров англичане поддерживали свой престиж и достойно покинули Испанию. Показательно, что благодаря «политике даров» Карлу удалось установить систему не только «вертикальных», но и «горизонтальных» связей с широким кругом испанских политических деятелей и придворных, что могло быть полезно в будущем. Последовавший отказ от брака не выглядел слабостью ввиду равноправия участников переговоров. В данном случае дары выступали как средство коммуникации, индикатор влияния и могущества государств, а также как способ самопрезентации, в рамках которой стороны стремились показать себя в лучшем свете.

Об авторе:

Полина Юрьевна Кошелева – аспирантка кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4. E-mail: biyanova.polina@yandex.ru

Благодарности:

Автор благодарит научного руководителя доктора исторических наук, профессора кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета О.В. Дмитриеву.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

UDC 94(420+460)+327.82
Received: 02.12.2022
Accepted: 20.02.2023

Charles, the Prince of Wales at the Court of Philip IV of Spain: the «Incognito» Trip and the Problem of Exchanging Gifts

P.Yu. Kosheleva
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-29-51](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-29-51)

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article studies the tradition of exchanging gifts during diplomatic negotiations for marriage using a historical reconstruction of the trip of the English Prince Charles Stuart to Madrid in 1623 to negotiate his marriage with the Spanish Infanta Maria as a crucial case. The heir to the English throne personally arrived in Madrid «incognito» to speed up the negotiations. These circumstances created problems for the Spanish side because the reception ceremony was not developed for such a case. Besides, the «incognito» trip complicated the question of exchanging gifts. Later, such trips of monarchs would become a common practice. However, this case was one of the first precedents which forced the existing ceremonial procedure of gift exchange to undergo modifications. The article focuses on functions of exchanging gifts during marriage negotiations and studies the effects of an «incognito» trip on the course of the negotiations.

The research is based on the letters of king James and his son Charles and eyewitness reports from the English and Spanish sides. The article claims that Prince Charles' trip «incognito» changed the traditional procedure of exchanging gifts: the exchange happened before the prince's departure and was initiated by the Spanish side. Nevertheless, this ritual has not lost its symbolism and significance in the rhetoric of negotiations. Gifts were used as a means of communication, an indicator of the influence of states and the way of their self-presentation.

Keywords: James I; Prince Charles; Duke of Buckingham; Philip IV; Infanta Maria; Count of Gondomar; Count of Olivares; «Spanish Match»; Madrid; travel «incognito»; exchange of official gifts; ceremonial; Spanish court

About the author:

Polina Y. Kosheleva – Postgraduate student of the Department of Medieval history, the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University. Russia, 119192, Moscow, 27-4 Lomonosovskiy Prospect. E-mail: biyanova.polina@yandex.ru

Acknowledgements:

The author thanks the scientific supervisor Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Medieval history, the Faculty of History, Moscow State University O.V. Dmitrieva.

Conflict of interest:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Akrigg G.P.V. 1967. *Jacobean Pageant or the Court of king James I*. New York: Atheneum.
- Anderson M.S. 1993. *The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919*. London, New York.
- Arroyo F.L. 2014. La formación de las Etiquetas Generales de Palacio en tiempos de Felipe IV: la Junta de Etiquetas, reformas y cambios en la Casa Real. *La Casa de Borgoña: la casa del rey de España*. Ed. by J.E.H. Muñoz, F.L. Arroyo. Leuven: Leuven University Press. (In Spanish)
- Barrios F. 1988. Práctica diplomática de la Corte de España. Notas a un reglamento de Ceremonial de 1717. *Revista de Estudios políticos*. №62. P. 163-183. (In Spanish)
- Baschet A. 1862. *La diplomatie venitienne*. Paris: Plon. 616 p. (In French)
- Bischoff C. 2009. Complicated Exchanges: the Handling of Authorized and Unauthorized Gifts. *The Court Historian: gift-giving in eighteenth-century courts*. Boston. 14(2). P. 133 – 148.
- Boyden J.M. 1995. *The Courtier and the King: Ruy Gómez de Silva, Philip II and the Court of Spain*. London.
- Brotton J. 2006. *The Sale of the Late King's Goods: Charles I and his Art collection*. Oxford: Pan books.
- Cuttino G.P. 1940. *English Diplomatic Administration, 1259–1339*. Oxford. 280 p.
- Domínguez Ortiz A. 1960. *Política y Hacienda de Felipe IV*. Madrid. 659 p.
- Elliott J.H. 1963. *Imperial Spain, 1469–1716*. London: Edward Arnold publishers;
- Elliott J.H. 1987. The Court of the Spanish Habsburg: a Peculiar Institution? *Politics and culture in early modern Europe. Essays in Honor of H.G. Koenigsberger*. Ed. by P. Mack and M.C. Jacob. Cambridge.
- Evans J.A. 1953. *History of Jewelry 1100–1870*. Faber and Faber. London.
- García Sierra M.J. 1994. El aposentamiento de personajes reales europeos y embajadores extraordinarios en la Corte de España en el siglo XVII. *Madrid en el contexto de lo hispánico desde la época de los descubrimientos*. Madrid. (In Spanish)
- Goodwin R. 2015. Spain, *The Centre of the World 1519–1682*. London, New York: Bloomsbury Publishing.
- Hill D.J. 1925. *A History of Diplomacy in the International Development of Europe*. New York.
- Hofmann C. 1985. *Das Spanische hofzeremoniell von 1500-1700*. Frankfurt am Main. 315 S. (In German)
- Howell J. 1892. *Epistolae Ho-Eliaanae: The Familiar Letters of James Howell*. Vol. 1.
- Hume M. 1907. *The Court of Philip IV*. London. 569 p.
- Jansson M. 2005. Measured Reciprocity: English Ambassadorial Gift Exchange in the 17th and 18th Centuries. *Journal of Early Modern History*. 9(3-4). P. 348–370.
- Kunz G.F., Hugh C. 2011. *The Book of the Pearl: Its History, Art, Science, and Industry*. Dover publications, inc. Mineola, New York.
- La vida española en el Siglo de Oro según los extranjeros*. 1990. José María Diez Borque (ed.). Barcelona. (In Spanish)
- Lee M. 1967. The Jacobean Diplomatic Service. *The American Historical Review*. Jul. Vol. 72. P. 1264–1282.
- Mattingly G. 1955. *Renaissance Diplomacy*. Baltimore.
- Maulde-la-Claviere R. 1892–1893. *La diplomatie au temps de Machiavel*. Paris: E. Leroux. Vol. 1–3. 494 p. (In French)

- Nader H. 1988. Habsburg Ceremony in Spain: The Reality of the Myth. *Historical Reflections. Réflexions Historiques*. 15(1). P. 293-309.
- Pursell B. 2002. The End of the Spanish Match. *The Historical Journal*. 45(4). P. 699-726.
- Queller D.E. 1967. *The Office of Ambassador in the Middle Ages*. Princeton, New Jersey.
- Redworth G. 2003. *The Prince and the Infanta: The Cultural Politics of the Spanish Match*. New Haven: Yale University Press.
- Redworth G., Checa F. 1999. The kingdoms of Spain, the courts of the Spanish Habsburgs 1500-1700. *The princely Courts of Europe. Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500-1750*. Ed. by J. Adamson. London: Seven Dials, Cassel & Co.
- Reumont A. 1867. *Della diplomazia italiana dal secolo XIII al XVI*. Firenze. 424 p. (In Italian)
- Rodríguez Villa A. 1913. *Etiquetas de la Casa de Austria*. Madrid. 264 p. (In Spanish)
- Rodríguez-Salgado M. 1991. The Court of Philip II of Spain. *Princes, patronage and nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age, 1450-1650*. R.G. Asch and A.M. Birke (eds.). Oxford. P. 205-244.
- Roosen W. 1980. Early Modern Diplomatic Ceremonial: A Systems Approach. *The Journal of Modern History*. Vol. 52. P. 452-476.
- Strong R. 1966. Three Royal Jewels: the Three Brothers, the Mirror of Great Britain and the Feathe. *The Burlington Magazine*. 108(760). P. 350-353.
- The courts of Europe. Politics, patronage and royalty, 1400-1800*. 1977. Ed. by A.G. Dickens. London: Thames and Hudson.
- Valgoma y Díaz-Varela D. de la. 1958. *Norma y ceremonia de las reinas de la Casa de Austria*. Madrid. (In Spanish)
- Bojcov M.A. 2009. *Velichie i smirenje. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoj Evrope* [Greatness and Humility. Essays on Political Symbolism in Medieval Europe]. Moscow: Russian political encyclopedia. (In Russian)
- Domnina E.G. 2011. Ceremonial priyoma anglijskih poslov v Venecii v rannee Novoe vremya [The Ceremonial Reception of English Ambassadors in Venice in Early Modern Times]. *The Middle Ages*. Issue 72. Moscow. P. 214-224;
- Domnina E.G. 2020. *Diplomatiya v epohu peremen: Tyudory i rimskaya kuriya (1485-1558)* [Diplomacy in the Era of Change: The Tudors and the Roman Curia (1485-1558)]. Saint Petersburg, Moscow: Centr gumanitarnykh iniciativ.
- Ehea Fernandes M.A. 2015. *Priyom russkogo posolstva 1667-1668 gg. pri dvore Karla II: (po materialam ispanskikh arhivov)* [Reception of the Russian Embassy 1667-1668 at the Court of Charles II: (based on the materials of the Spanish archives)]. Moscow.
- Gurevich A.Ya. 1984. *Kategorii Srednevekovoj kul'tury* [The Categories of the Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo (In Russian)
- Istoriya diplomatii* [The History of Diplomacy]. 1959. Pod red. [ed.] V.A. Zorina, V.S. Semanova, S.D. Skazkina, V.M. Hvostova. Vol. 1. Moscow: Gospolizdat (In Russian)
- Moss M. 2011. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noj antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow: KDU (In Russian)
- Na yazyke darov: pravila simvolicheskoy kommunikacii v Evrope, 1000-1700 gg.* [In the Language of Gifts: Rules of Symbolic Communication in Europe, 1000-1700] 2016. Pod red. [Ed.] G. Al'thofa i M. Bojcov. Moscow: Russian political encyclopedia (In Russian)
- Rossijskie diplomaty v Ispanii* [Russian Diplomats in Spain]. 2016. Ed. by O.V. Volosyuk. Moscow: International Relations. 672 p.

Vud D., Sarre Zh. 1974. *Diplomaticheskij ceremonial i protokol* [The Diplomatic Ceremonial and Protocol]. Moscow: Progress. (In Russian)

Zallet P. 1956. *Diplomaticheskaya sluzhba. Ejo istoriya i organizaciya vo Francii, Velikobritanii i Soedinyonnyh Shtatah* [Diplomatic Service: History and Organization in France, Great Britain and the United States]. Moscow.

Список литературы на русском языке:

Бойцов М.А. 2009. *Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе*. Москва: РОССПЭН. 550 с.

Вуд Д., Сарре Ж. 1974. *Дипломатический церемониал и протокол*. Москва: Прогресс. 445 с.

Гуревич А.Я. 1984. *Категории Средневековой культуры*. Москва: Искусство. 316 с.

Домнина Е.Г. 2011. Церемониал приёма английских послов в Венеции в раннее Новое время. *Средние века*. Вып. 72. Москва. С. 214–224;

Домнина Е.Г. 2020. *Дипломатия в эпоху перемен: Тюдоры и римская курия (1485-1558)*. Санкт-Петербург, Москва: Центр гуманитарных инициатив.

Заллет Р. 1956. *Дипломатическая служба. Её история и организация во Франции, Великобритании и Соединённых Штатах*. Москва.

История дипломатии. 1959. Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. Т. 1. Москва: Госполитиздат. 896 с.

Мосс М. 2011. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. Москва: КДУ. 413 с.

На языке даров: правила символической коммуникации в Европе, 1000 – 1700 гг. 2016. Под ред. Г. Альтхофа и М. Бойцова. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 262 с.

Российские дипломаты в Испании. 2016. Отв. ред. О.В. Волосюк. Москва: Международные отношения. 672 с.

Эхеа Фернандес М.А. 2015. *Приём русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II: (по материалам испанских архивов)*. Москва.

Русская небольшеви́стская дипломатия и вопрос международного признания Белого движения в 1918–1920 гг.

Е.М. Миронова

Институт всеобщей истории РАН

Статья посвящена отношению русской небольшеви́стской дипломатии как самостоятельной силы эпохи к важнейшей внешнеполитической задаче Белого движения – обретению им международного признания. Исследование позволило прояснить позицию дипломатов по этому вопросу на разных этапах Гражданской войны, выявить различные точки зрения, проследить дискуссии по этой теме внутри заграничного дипломатического корпуса, познакомиться с аргументацией, использовавшейся дипломатами в решении этой задачи.

Анализ взглядов представителей России показывает их глубокий патриотизм, профессионализм, последовательную и настойчивую работу над поставленной задачей. Однако в условиях, когда иностранные державы не разделяли лозунгов Белого движения, возможности для поиска точек соприкосновения были очень ограничены. На первом этапе (лето – осень 1918 г.) дипломаты с большой осторожностью относились к претензиям на признание того или иного из многочисленных небольшеви́стских правительств. На втором этапе (конец 1918–1919 гг.) вопрос признания играл особую роль – от его решения зависела возможность участия представителей России в Версальской мирной конференции, а значит, и в определении конфигурации послевоенного мира. Однако мировой политический истеблишмент, не разделявший лозунга Движения о восстановлении единой и неделимой России, воздерживался от его дипломатического признания, несмотря на усилия небольшеви́стских дипломатов. На третьем этапе (весна – лето 1920 г.) барон Врангель пошёл на установление отношений с правительствами побеждённых стран. Со своей стороны, дипломаты, не видя перспектив свержения советской власти, не приняли деятельного участия в борьбе севастопольского правительства за его признание. Решение этой проблемы взял на себя глава управления внешних сношений врангелевского правительства П.Б. Струве, которому представители дипломатического корпуса оказывали техническую поддержку. Признание Францией севастопольских властей летом 1920 г. имело ограниченный характер, не предусматривало активной помощи в борьбе с большевиками и вызывало оправданный скепсис в дипломатических кругах.

Ключевые слова: Русский заграничный дипломатический корпус, союзники, С.Д. Сазонов, П.Б. Струве, В.А. Маклаков, М.Н. Гирс

УДК 327.82(470+571)“1918/1920”
Поступила в редакцию: 04.11.2022
Принята к публикации: 10.02.2023

Накануне Версальской мирной конференции 1919 г. Россия, немало сделавшая для победы стран Антанты, связанная с союзниками договорными обязательствами, обладавшая правом на свою часть «плодов победы», оказалась резко ослабленной вследствие разразившейся Гражданской войны. Белый лагерь претендовал на преемственность от дооктябрьской власти. Для союзников признание подобного требования означало, по крайней мере, неприятную необходимость аргументировать отказ от исполнения принятых на себя обязательств (в частности, договорённости 1915 г. о передаче России Константинополя с проливами), возвращение русского имущества, оставленного в союзных странах, разблокировку русских счетов за границей, учёт мнения российских политиков при определении конфигурации будущего мира. Вряд ли были основания надеяться на такое великодушие великих держав.

В сложившихся обстоятельствах все значимые международные вопросы решались в Париже, где встретились главы стран Антанты: союзные, а также и нейтральные страны «шли в кильватере» решений великих держав касательно России. Именно от Антанты, апеллируя к понятиям союзных отношений и военного братства, Белая Россия ждала признания и помощи. Обращение к побеждённым в обстановке 1919 г. было бы губительно для отношений с победителями и бесперспективно в плане получения помощи для внутренней борьбы в России.

В период Гражданской войны над проблемой международного признания русского небольшевистского правительства работали разные силы: правительственные структуры Колчака, общественность в России и за рубежом, а также сохранившийся с имперских времён Русский заграничный дипломатический корпус.

Признав Временное правительство в марте 1917 г., в ноябре дипломаты отказались сотрудничать с большевиками. С политической арены они тем не менее не ушли, аргументируя продолжение своей деятельности тем, что не вся страна подчинилась Советской власти. Дипломатический корпус уже в ноябре 1917 г. создал Совет послов, которому целый год пришлось работать в отсутствии правительства, чью политику он мог бы проводить. Деятельность дипломатического корпуса в годы Гражданской войны простиралась далеко за пределы его обычной компетенции; он имел свой подход и вёл линию, не всегда совпадавшую со взглядами властей в России.

Вопрос о международном признании правительства Колчака в той или иной мере затрагивали авторы, писавшие об эпохе Гражданской войны в России. В ходе изучения картина детализировалась, менялись идеологические подходы, исследователи выдвигали интересные гипотезы, подтверждали их или опровергали (см. например, Штейн 1949; Thompson 1966; Ullman 1961, 1968; Ермаков, Гришанин 2002; Емцов 2002; Карлей 2017; Смолин 2017; Шмелев 2017; Чемакин 2020).

Однако до сих пор в тени оставался процесс выработки Заграничным корпусом отношения к международному признанию правительства Колчака, и деятельности по решению этой задачи. Тем не менее работа дипломатических представителей не могла не попасть в поле зрения исследователей. Так, ещё в середине 60-х гг. прошлого века американский историк Дж. Томсон упоминал о действиях С.Д. Сазонова и В.А. Малакова, направленных на объединение правительств Колчака и Деникина (Thompson 1966: 271). Предложенный нами тезис о том, что в период Гражданской войны Заграничный корпус представлял собой самостоятельную политическую силу, в науке ещё не утвердился. Как правило, авторы не отделяют его деятельность от политики правительств Колчака, Деникина, Врангеля. Тем не менее некоторые оценки работы дипкорпуса по обеспечению международного признания Белого движения уже сделаны. В частности, А.В. Шмелёв пришёл к выводу, что выжидательная тактика Омского правительства парализовала все активные замыслы внешнеполитического ведомства (Шмелев 2017: 34, 35). А.В. Смолин указал, что проигрыш русской дипломатии был связан с оторванностью от событий в реальной России, а также с тем, что в разгар Гражданской войны дипломаты оставались в плену представлений имперского периода (Смолин 2017: 212, 213).

Мы поставили перед собой задачу проследить трансформацию отношения дипломатического корпуса к вопросу признания небольшевистского правительства в России как в теоретическом, так и в практическом плане; уточнить позиции, по которым он расходился во взглядах с правительствами, которые представлял на международной арене; выявить степень его участия в работе по признанию правительства барона Врангеля.

При подготовке статьи мы опирались на сборники опубликованных документов¹, мемуары (Михайловский 1992; Воспоминания генерала... 1992; Абрикосов 2008), однако основной документальной базой исследования стали материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (далее ГАРФ), Архива внешней политики Российской империи, (далее АВПРИ), Русского архива университета г. Лидс – Leeds Russian archive (далее LRA), а также коллекции документов русской эмиграции Гуверовского архива войны и мира, в копиях переданных в ГАРФ (фонд 10003).

¹ «Чему свидетели мы были...»: переписка бывших царских дипломатов (1934–1940): в 2 кн. 1998. Москва; «Совершенно лично и доверительно» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка 1919–1951. 2001. Москва. Т. 1.; Русская военная эмиграция 20–40 гг. Документы и материалы. 1998 (2017). В 10 тт. Москва (Курск); *Documents on British Foreign Policy 1919–1939 in 27 vols. First series.* 1949. London. Vol. 3 (далее DBFP); Pipes R. 1963. Les relations diplomatiques du gouvernement Wrangel en Crimée, 1920. *Cahiers du monde russe et soviétique.* 4(4-4). P. 401-435.

Проблема признания небольшевистских правительств во второй половине 1918 г.

Для Белого движения факт признания союзными державами был крайне важен. А.В. Шмелёв следующим образом суммировал возможности, которое оно открывало: «признание территориальной целостности государства, размораживание кредитов Временного правительства и открытие новых, возвращение русского имущества, попавшего в руки немцев, а от них к союзникам, например, золота, судов торгового флота, оружия и прочих запасов. Тесно связанными с признанием оказались также вопросы о преемственности политики и прав (незыблемость договоров императорского и Временного правительств, которые признаются не только омским правительством, но и союзниками), о равноправии при сношениях с другими государствами, о внутрироссийской сплочённости и подчинении других русских правительств омскому, об официальном статусе и положении представителей омского правительства и об их полномочии вести переговоры и производить закупки вооружения и снабжения в различных государствах» (Шмелёв 2017: 15).

Надо понимать, что границы компетенции русской дипломатии в новых условиях значительно расширились. По подсчётам С.П. Мельгунова, к августу 1918 г. в России было уже 19 антибольшевистских правительств (Мельгунов 2004: 294). Находясь «под омофором благодати преемственности», как писали современники по отношению к дореволюционным временам, Корпус волеиневолей оказался в роли внешнего регулятора внутривнутриполитической борьбы в России. С ним антибольшевистские центры пытались установить отношения в надежде приобрести дополнительные козыри и авторитет среди других аналогичных образований. Перед ним остро встала и ещё одна «внутренняя» задача: содействовать сплочению создававшихся правительств, выстраиванию их иерархии². В силу обстоятельств дипломаты получили прерогативу решать, какое из них поддерживать, какое представлять на международной арене.

Ещё в конце 1917 г. Заграничный корпус определил для себя, что будет сотрудничать со всеми антибольшевистскими центрами, которые появятся на Родине. Более того, на состоявшемся в декабре 1918 г. совещании послы пошли на беспрецедентный шаг, предложив союзным державам фактически признать власти, образовавшиеся на национальных окраинах империи. С признанием правительств, возникших на собственно русских территориях, дело обстояло иначе.

² См. например: Долбежев передаёт телеграмму кн. А. Кудашева в Омск, председателю Совета Министров, копия министру иностранных дел 12 августа 1918 г. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 395. Л. 107.

Так, в марте 1918 г. посол в Китае князь Н.А. Кудашев весьма саркастически отнёсся к просьбе содействовать признанию союзниками правительства, как он писал, созданного в Томске, бежавшего под давлением обстоятельств в Харбин и считавшего, что при содействии иностранцев оно могло бы легко справиться с большевиками³. Работавший в посольстве в Токио Д.И. Абрикосов позже вспоминал о множестве организаций в Сибири, претендовавших на роль истинного антибольшевистского правительства, которые начинали с отправки в представительство телеграммы, «подписанной совершенно неизвестными именами, с настойчивой просьбой представить её [эту организацию – Е.М.] японскому правительству» (Абрикосов 2008: 333).

В июле 1918 г. встал вопрос о признании Комуча⁴. За это активно выступал бывший премьер Временного правительства А.Ф. Керенский. Вместе с русским послом в Париже В.А. Маклаковым он несколько раз посетил французского премьера Ж. Клемансо. Из этих встреч русские политики вынесли впечатление, что французы готовы поддержать антибольшевистское правительство в России в рамках согласованной политики союзников. Кроме того, такая власть, по мнению официального Парижа, должна была доказать свою жизнеспособность хотя бы несколькими месяцами существования (Tongour 1979: 69-70).

Созданное в сентябре 1918 г. Уфимское правительство провозгласило себя наследником Временного Всероссийского. Это изменило ситуацию в антибольшевистском лагере и потребовало нового обсуждения Корпусом. Однако, и сходя из того, что дипломаты не уполномочены влиять на вопросы внутренней политики, часть представителей России (в Швеции, США, Китае, Монголии) информировали власти, при которых были аккредитованы, о создании нового Временного Всероссийского правительства. Не дождавшись согласованного решения Корпуса по этому вопросу, они передали официальный запрос о признании Уфимского правительства в качестве единственного законного наследника легитимной власти в России⁵. Однако Вашингтон, например, не счёл для себя возможным признать образовавшуюся власть, ожидая фактических доказательств её прочности и поддержки населением.

Между тем старейшина Корпуса, посол в Италии М.Н. Гирс, ответил Директории, что её программа встречает сочувствие союзников, и существует вероятность получения от них помощи при условии, что другие антибольшевистские образования признают её всероссийский статус⁶. Этим же Гирс обусловил и свою деятельность в пользу международного признания новообразованной власти⁷.

³ Кн. Кудашев В.А. Маклакову 28 марта 1918 г. № 315. ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 3. Л. 453.

⁴ Комитет членов Учредительного собрания. Создан в начале июня 1918 г. на территориях, освобождённых от большевиков с помощью чешских военных контингентов. Реально власть Комуча распространялась на территорию Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Урала.

⁵ Государственный архив Швеции. UD. 1902. vol. 275. III.; ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 555. Л. 16, 30.

⁶ Секретная телеграмма М.Н. Гирса кн. Кудашеву для Авксеньгьева 17 октября 1918 г. № 111. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. № 3517. Л. 62.

⁷ М.Н. Гирс В.А. Маклакову 9/22 октября 1918 г. № 113. АВПРИ. Л. 108.

Вокруг этого вопроса в Заграничном корпусе развернулась дискуссия. Момент был напряжённый. Подходила к концу Первая мировая война, не за горами был мирный конгресс. Россия была выведена из войны Советским правительством. От этого акта – «измены» союзническому долгу – противники большевиков официально дистанцировались (Миронова 2013: 73–86). Они считали, что три года общей борьбы давали стране полное право участвовать в подведении итогов войны на равных правах с победителями. Именно в этом ключе, «иметь правительство к созыву конгресса»⁸, рассматривалась дипломатами проблема признания Директории. М.Н. Гирс полагал, что при условии установления Уфой связи с другими антибольшевистскими центрами, которые приняли бы их в качестве руководящего органа⁹, следует настаивать на признании союзниками¹⁰. К его мнению присоединился временный поверенный в Лондоне К.Д. Набоков.

Немедленных шагов по инициированию признания требовал от дипломатов А.Ф. Керенский, не наделённый никакими постами в Белом движении, но продолжавший активно вмешиваться в дела. К его призывам посол в Париже В.А. Маклаков относился скептически. Он не видел преимуществ уфимской Директории перед правительствами, возникшими в Сибири, и сомневался в успехе этой «комбинации, являющейся типичным компромиссом партийных главарей»¹¹. Посол полагал, что само требование признания свидетельствует о легкомысленности этого новообразования¹².

Натолкнувшись на непонимание великих держав, уфимские власти решили зайти с другого конца. Создавшие Директорию эсеры, имевшие личные дружеские отношения с лидерами национального чехословацкого движения, рассчитывали на доброе и благодарное отношение чешских политиков к «исторической» России. За два дня до провозглашения государства Чехословакия МИД Временного правительства Сибири учредил пост дипломатического представителя при Чехословацком национальном совете, предложив на эту должность бывшего генерального консула России в Праге С.В. Жуковского. Одновременно была выражена готовность принять на основе взаимности чешского представителя¹³.

В ноябре 1918 г., следуя поступившим из Омска указаниям, Маклаков поднял в Париже вопрос об обмене дипломатическими представительствами между Белой Россией и Чехословакией. Однако правительство молодого европейского государства отнеслось к предложению с осторожностью. В фонде внутренней переписки архива МИД Чешской Республики сохранилось два варианта ответа

⁸ Там же.

⁹ В.А. Маклаков – Послу в Вашингтоне 11 октября 1918 г. № 308; секретная телеграмма российского посла в Риме российскому посланнику в Пекине от 17 октября 1918 г. № 111 для Авксенььева. *АВПРИ*. Л. 62; М.Н. Гирс Послу 9/22 октября 1918 г. № 113, аналогичная в Лондон. *АВПРИ*. Л. 123, 62, 108.

¹⁰ М.Н. Гирс – Послу 7 октября 1918 г. № 104. *ГАРФ*. Ф. 10003. Оп. 2. К. 5.

¹¹ В.А. Маклаков – послу в Вашингтоне 11 октября 1918 г. № 308. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3517. Л. 123.

¹² Обрывок письма В.А. Маклакова без указания адресата № 186. *ГАРФ*. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

¹³ П.В. Вологодский – В.А. Маклакову 13/26 октября 1918 г. № 13. *Там же*. Д. 8. Л. 8.

министра Э. Бенеша (от 15 и 21 ноября) на обращение Маклакова¹⁴. В первом из них, поставив своё решение в зависимость от политики союзников, прежде всего Франции и Великобритании, глава пражского МИД предложил отложить рассмотрение этого вопроса. Желая подсластить пилюлю, он писал, что представителю Праги в России уже сообщено, что он сохранит свои функции в Омске, и должен быть готов перейти на официальное положение сразу по признанию Чехословакией России, которое произойдёт одновременно с союзниками. Однако неделей позже Бенеш подготовил другой ответ, где были устранены указания на зависимость чехословацкой политики от Антанты, а пассаж о представителе Праги в Омске дополнен предложением создания зеркальной ситуации: министр выразил готовность принять русское представительство, деятельность которого до момента признания должна была протекать неофициально.

Непонятно, на каком основании вернувшееся к этому вопросу правительство Колчака указом от 17 января 1919 г. решило назначить В.Г. Жуковского чрезвычайным посланником и полномочным министром в Прагу¹⁵, но и этот шаг не возымел положительного последствия. Жуковский остался в Омске в должности товарища министра иностранных дел, по-видимому, ожидая агромана чехословацкого правительства. Летом 1919 г. за разрешение вопроса принялся министр иностранных дел Омского правительства С.Д. Сазонов. Опытный дипломат не стал настаивать на немедленном решении проблемы, уже достаточно запущенной и «испорченной» некомпетентным вмешательством. Воспользовавшись предложением Бенеша, он направил в Прагу неофициальную миссию. Об участии в ней Жуковского в ранге чрезвычайного посланника речи не шло. Миссию возглавил скромный чиновник МИД В.Т. Рафальский в качестве консула и временного поверенного в делах¹⁶. Но это произошло позже. А пока власти Сибири продолжали выступать с инициативами в вопросе установления дипломатических отношений.

В начале ноября 1918 г. управляющий МИД Директории Ю.В. Ключников решил, что прекращение деятельности местных властей и передача сибирским правительством своих полномочий Всероссийскому должна продвинуть вопрос о его международном признании. Он поручил послу в Токио В.Н. Крупенскому прозондировать возможность изолированного признания Японией Омского правительства, на случай дальнейшего затягивания союзными державами признания¹⁷. Однако и эта попытка не увенчалась успехом: от правительственных кругов Страны восходящего солнца посол получил обещание обсудить этот вопрос с союзниками, но только после получения информации от своих агентов в Сибири¹⁸.

¹⁴ *Archiv ministerstva zahraničních věcí (AMZV)*. F. Pařížský archiv. Kart. IX.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 97. Л. 57.

¹⁶ AMZV. F. Pařížský archiv. Kart. IX.

¹⁷ Секретная телеграмма послу в Токио 7 ноября 1918 г. № 42/209. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 555. Л. 57.

¹⁸ Телеграмма российского посла в Токио в МИД от 9 ноября 1918 г. № 327. Там же. Л. 58.

14 ноября правительство Великобритании приняло решение признать Директорию как правительство де-факто. А.В. Шмелёв привёл мнение английского историка Р. Уллмана о том, что подразумевалось признание в качестве местного правительства. Когда готовилась поздравительная телеграмма по этому поводу, в Омске произошёл переворот, и уже 19 ноября товарищ английского министра иностранных дел Р. Сессиль сказал Набокову: «Мы были готовы признать Директорию. Она насильственно смещена. Кто может поручиться, что не произойдёт через три недели того же самого с Колчаком?» (Шмелёв 2017: 25) .

Борьба за признание правительства Колчака

Окончание войны кардинально изменило обстановку в мире и в Европе. Проблема защиты интересов России в ходе мирной конференции из области теоретической переключалась в сферу неотложной практической деятельности. Это сделало вопрос признания русского правительства для белых политиков архиважным и неотложным. Прекращение военных действий, возможность установления связи с европейской Россией вывели на международную арену ещё одну крупную силу антибольшевистской борьбы – Добровольческую армию генерала Деникина.

К тому времени у работавших за рубежом дипломатов сформировались противоречивые представления о ситуации в России и состоянии проблемы признания. Легко переходил из одной крайности в другую В.А. Маклаков. На следующий день после переворота в Омске, ещё не имея сведений о нём, Маклаков полагал, что «в связи с событиями Юга и донесениями с мест» в вопросе признания наступил поворот к лучшему. Посол легко верил авансам, которые делали ему представители стран Антанты, убеждавшие дипломата, что как только состоится соглашение Омска с Екатеринодаром и «будет доказана наша [Белой России – Е.М.] способность ставить национальный вопрос выше партийных», главные колебания исчезнут¹⁹. Всего несколько дней спустя он пришёл к выводу, что приход Колчака к власти задержит международное признание, советовал адмиралу успокоить западные правительства и общественное мнение заявлением о том, что власть им взята для восстановления порядка и объединения России в ожидании созыва Учредительного собрания. Коллегу в Вашингтоне, Б.А. Бахметева, Маклаков просил принять все меры, чтобы в Америке ноябрьский переворот не был истолкован как «торжество реакционных офицеров и удар по демократии»²⁰.

¹⁹ В.А. Маклаков в МИД в Омск 19 ноября 1918 г. № 398. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3517. Л. 319.

²⁰ В.А. Маклаков в МИД в Омск 24 ноября 1918 г. № 418. *Там же*. Л. 342.

К.Д. Набокова осенью 1918 г. беспокоили партийные распри в Сибири. Его не обрадовало появление на политической сцене «екатеринодарской группы»; Константин Дмитриевич считал, что она куда более правая, чем те силы, что взяли власть в Омске, и боялся новых осложнений как раз в тот момент, когда антибольшевики должны были выглядеть сплочёнными в глазах союзников. «При продолжающемся внутреннем разладе у нас мы никогда не добьёмся признания всероссийской власти», – писал он²¹. Передав в Париж сентенцию английского министра иностранных дел «трудно признать русское правительство, если [в нём – Е.М.] будут происходить столь частые и крутые перемены», дипломат рекомендовал взять паузу, до времени не возбуждать этот вопрос и продолжать «работать в согласии с находящимися в Сибири военными и дипломатическими представителями Англии»²². М.Н. Гирс считал гарантией признания только слияние Омского с другими правительствами России, преследовавшими сходные цели²³. На решении этой задачи дипломаты, в союзе с русскими общественниками Парижа, и сконцентрировали свои усилия. Результатов удалось добиться лишь весной 1919 г., когда сначала Северное, а потом и правительство Юга России подчинятся Омску (Thompson 1966: 269).

На состояние вопроса, естественно, влияла и политика Москвы. Внешнеполитические органы Советской республики активно включились в борьбу за установление любых контактов с бывшими союзниками России. НКВД раз за разом направлял ноты Верховному военному совету Антанты и президенту США, обращался к бывшим союзным и нейтральным государствам – всего с момента окончания Первой мировой войны такого рода попыток было 11 (Сергеев 2019: 208). Хотя, как правило, эти послания не получали ответа, они не могли не производить впечатления на политические круги Запада. Кроме того, в отличие от нестабильности, которую демонстрировали антисоветские правительства в России, большевики проявили поразительную устойчивость, сумели овладеть ситуацией на подконтрольной им территории. Чуть позже главы Великобритании и США проявят склонность к тому, чтобы рассматривать Советы как фактическое правительство России, даже будут обсуждать возможность приглашения их представителей на мирную конференцию. В отличие от англосаксов, французы в принципе выступали против участия России в форуме, однако в противниках большевиков склонны были видеть силы, которые представляли Россию. Так, генерал Франше д'Эспере на заседании конференции 21 января заявил, что «Львов и Сазонов – лучшие и самые авторитетные русские люди»²⁴.

²¹ К.Д. Набоков – В.А. Маклакову 18 ноября 1918 г. № 149. *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3517. Л. 315.

²² К.Д. Набоков – В.А. Маклакову 25 ноября 1918 г. № 170. *Там же*. Л. 348.

²³ М.Н. Гирс – В.А. Маклакову 30 ноября 1918 г. *ГАРФ*. Ф. 10003. К. 86. Р. 5.

²⁴ *Там же*. С. 298.

Нежелание сотрудничать со сторонниками возрождения старой России, прорывавшееся то в одном, то в другом вопросе, не мешало, однако, союзным правительствам не только создавать свои представительства в Омске, но и давать руководителям Белого движения весьма далекоидущие обещания о признании и участии в конференции. Ключников вспоминал целый ряд заявлений ответственных государственных деятелей союзных стран по этому поводу: французского посла Нуланса в речи, произнесённой им на торжественном заседании Архангельской городской думы, сэра Джона Элиота на банкете во Владивостоке, генерала Жанена, профессора Массарика и др.²⁵ Эти деятели были далеки от тиши кабинетов европейских столиц. Трудно сделать вывод, давали они обещания, сознательно вводя контрагентов в заблуждение, или искренне верили в свои слова. Так или иначе, но подобные авансы серьёзно осложняли русским оценку ситуации.

Аналогичные заверения, звучавшие в Париже, приходится рассматривать как сознательную деятельность по дезориентации, по удержанию контрагентов в мире иллюзий. Противоречивые заявления представителей союзников накладывались на типичные для российской дипломатии XIX – начала XX вв. опасения «враждебности», «неискренности» государств Старого Света и Японии (Цветков 2009: 430). Русский заграничный корпус в этих условиях то испытывал подъём от предчувствия близкого успеха, то переходил к разочарованию, понимая, что признания не будет.

В конце января 1919 г. С.Д. Сазонов пришёл к пониманию, что отсутствие в России единой власти стало основанием для отказа в признании Омского правительства, без которого «невозможно добиться участия в работах конференции даже на официозных началах»²⁶. Наиболее ярко истинное отношение победителей к ситуации в России нашло своё выражение в идее проведения конференции на Принцевых островах с участием всех политических сил страны, в том числе и большевиков. На месяц основное внимание русских в Париже было переключено на борьбу с этим проектом. В этой ситуации Омское правительство предпочло, сохраняя достоинство, временно снять вопрос о признании с повестки дня²⁷. Во второй половине февраля, когда эта угроза была устранена, вопрос об участии представителей России в мирной конференции уже не стоял. А проблема признания своего значения отнюдь не утратила, напротив, стала более насущной. Союзники решать её не торопились.

²⁵ Русское представительство на мирной конференции (беседа с Управляющим МИД Ю.В. Ключниковым) б/д, декабрь 1918 г. ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

²⁶ С.Д. Сазонов – А.А. Нератову 28 января 1919 г. LRA, MS 780/10; Секретная телеграмма В.А. Маклакова на имя министра иностранных дел и в Екатеринодар (передает телеграмму Сазонова) 30 и 28 января 1919 г. № 147 ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2; Оп. 1. Д. 115. Л. 8; Оп. 1. Д. 617. Л. 53; Ф. 6851. Оп. 1. Д. 33. Л. 193.

²⁷ И.И. Сукин И.Г. Лорис – Меликову б/д, ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 265. Л. 28.

В обстановке отсутствия признанного на международной арене правительства, в Париже ещё в декабре 1918 г. было создано Русское политическое совещание (далее – РПС) как паллиатив власти, от имени которого могла бы действовать на конференции делегация, представляющая интересы России. Едва пройдя период становления, этот орган подал мирной конференции заявления о признании Омского правительства Всероссийским²⁸ и о своей готовности представлять интересы России на равных с прочими державами. Однако эти декларации были оставлены без ответа. Дипломаты и далее не упускали эту проблему из поля зрения. Как только вопрос с конференцией на Прикипо был закрыт, Б.А. Бахметев представил помощнику президента Вильсона Э.М. Хаусу меморандум, в котором аргументы белых в пользу признания излагались в новых терминах, предназначенных для обращения к либералам Запада (Thompson 1966: 280).

Подвижки в рассмотрении проблемы, волновавшей всё Белое движение, начались лишь в апреле 1919 г. Сазонов характеризовал общее политическое положение в тот период как крайне неустойчивое. Переворот в Венгрии и его связь с Москвой приводили западных политиков к мысли о мировой революции. Министр признавал, что борьбу с этой угрозой парализовывала усталость союзных армий и социальное напряжение в странах Антанты. Он указывал на то, что левые элементы добились от итальянского, французского и английского правительств официальных заявлений об отказе от военных экспедиций в Россию. Взамен союзники пытались выдвинуть идею кордона из Румынии, Польши и Чехословакии. На повестку дня был поставлен вопрос о военной помощи этим странам для борьбы с распространением большевизма²⁹.

Между тем с марта 1919 г. в России успешно развивалось наступление Колчака, получившее образное наименование «Бег к Волге». В сложившихся обстоятельствах, казалось бы, белые имели основание ожидать признания. Однако С.Д. Сазонов в начале апреля констатировал, что «отношение всех союзных держав к Омскому правительству пока сдержанное». Он писал, что «отсутствие веры в его прочность и доверия к нему не позволяли ожидать скорого признания или даже открытой солидаризации»³⁰. Ходили слухи о том, что привезённые американцами из Москвы мирные предложения Ленина выдвинули на повестку дня вопрос о признании советского правительства³¹. Это беспокойство разделял С.А. Угет, бывший в тот момент поверенным в делах в Вашингтоне, которого настораживало усиленное комментирование американской прессой слухов из Парижа о вероятном признании советской власти Англией и Аме-

²⁸ Циркуляр князя Львова от 3 января 1919 г. ГАРФ. Ф. 5942. Оп. 1. Д. 148. Л. 17.

²⁹ С.Д. Сазонов 7 апреля 1919 г. № 622. АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1542. Л. 207.

³⁰ С.Д. Сазонов – И.И. Сукину 3 апреля 1919 г. № 598. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 498.

³¹ К.Д. Набоков на имя министра иностранных дел 10 апреля 1919 г. № 163. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 334. Л. 102.

³² С.А. Угет – С.Д. Сазонову 2 апреля 1919 г. № 336. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 465.

рикой³². К.Д. Набоков писал, что за признание большевиков выступает Вудро Вильсон, и эта позиция находит поддержку некоторых видных членов английской делегации на Версальской конференции³³. Среди аргументов сторонников установления дипломатических отношений с Москвой он называл недостаточную сплочённость антибольшевиков, отсутствие уверенности в успехе наступления Юденича даже при союзной поддержке, давний тезис о реакционности Белого движения³⁴. В связи с этим дипломат просил РПС в ближайшие дни повторить декларацию объединённого правительства о принципах борьбы с большевиками, указать, что большевизм надо уничтожить в центре его распространения, т.е. в Петрограде и Москве³⁵. В свою очередь, С.А. Угет рекомендовал организовать интервью адмирала Колчака или Вологодского «с представителем «Ассошиэйтед пресс», выдержанное в духе широкой американской публики»³⁶. Подводя итог заочной дискуссии, Сазонов обратил внимание Омского правительства на слабость Движения и опасность в этой обстановке потворствовать всяким стремлениям к поискам новых ориентаций³⁷.

В свою очередь РПС, осознавая необходимость сплочения Белого движения для признания правительства Колчака, продолжил проводившуюся со второй половины 1918 г. линию на сплочение сил. Совещание выступило с призывом к центрам антибольшевистской борьбы об официальном признании правительства в Омске «объединяющей и главенствующей властью» в качестве Временного всероссийского национального правительства³⁸. С задачей решить этот вопрос делегация РПС выехала на юг России. 30 апреля Архангельское, а 20 мая Екатеринодарское правительства заявили о своём подчинении Колчаку.

Между тем с инициативой сближения с «национальной» Россией выступило правительство новообразованного, но так и не получившего признания из-за продолжавшихся территориальных споров с Италией Королевства сербов, хорватов и словенцев (далее КСХС). В конце марта в Омск прибыл эмиссар Белграда Й. Миланкович, который просил о принятии его в качестве дипломатического представителя³⁹. 1 апреля посланник в Афинах Е.П. Демидов сообщил, что возвращавшийся из Парижа королевич Александр Сербский выказал намерение «принять почин по вопросу о признании Российского правительства в Омске»⁴⁰. Во время переговоров в Париже с министром иностранных дел Коро-

³² К.Д. Набоков на имя министра иностранных дел 10 апреля 1919 г. № 163. Там же. Л. 102.

³³ Секретная телеграмма поверенного в делах в Лондоне на имя министра иностранных дел 10 апреля 1919 г. № 172. Там же. Л. 110.

³⁴ Секретная телеграмма К.Д. Набокова на имя министра иностранных дел 10 апреля 1919 г. № 172. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 334. Л. 110.

³⁵ Секретная телеграмма С.А. Угета на имя министра иностранных дел 19 апреля 1919 г. № 420. Там же. Д. 547. Л. 1.

³⁶ С.Д. Сазонов – мининдел в Омск 25 апреля 1919 г. № 799. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 881.

³⁷ Копия секретной телеграммы посла в Париже на имя министра иностранных дел 24 апреля 1919 г. № 793. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 334. Л. 100.

³⁸ Копия секретной телеграммы товарища министра иностранных дел Г.В. Жуковского на имя посла в Париже. Для Сазонова 5 апреля 1919 г. № 55. Там же. Д. 396. Л. 12.

³⁹ Е.П. Демидов – В.А. Маклакову 1 апреля 1919 г. № 121. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 498.

левства С.Д. Сазонов очень осторожно затронул вопрос о взаимном признании правительств. В Омск он написал по этому поводу, что «проявление славянской солидарности в настоящую минуту особенно желательно»⁴¹.

Е.П. Демидов, воодушевлённый результатами встречи с королевичем Александром, в середине апреля предложил инициировать обсуждение этого вопроса с греческим правительством: «Налаживающееся признание КСХС Омского правительства, – писал он министру в Париж, – могло, казалось бы, побудить и союзное Греческое правительство к такому решению. Если Вы считаете это, как я, желательным, мог бы затронуть вопрос с МИД, хотя полагал бы более практичным, чтобы Вы непосредственно переговорили на сей счёт с Венезелосом, постоянно выражавшим мне сочувствие и уверенность в скорейшем восстановлении России»⁴². Однако Сазонов посчитал такой демарш преждевременным⁴³. Видимо, он отдавал себе отчёт в том, что Греция в этом вопросе не займёт независимую позицию. КСХС и в самом деле в апреле 1919 г. признало Омское правительство и установило с ним дипломатические отношения. Оно стало первым и единственным государством, признавшим Колчака⁴⁴.

Мировые лидеры тем временем продолжали выдерживать паузу, указывая на то, что власть в России должна окрепнуть и доказать свою состоятельность. Думается, на самом деле Западу не нравились тенденции развивавшиеся в антибольшевистском движении. Среди тех, кто собрался в Версале, идеалистов не было. Шмелёв справедливо пишет, что там «речь шла не о демократизме, либерализме и справедливости, а о разделе мира, о власти и сферах влияния» (Шмелёв 2017: 44). Выдвинутый белыми лозунг «Великой, Единой и Неделимой России в границах 1914 г.» никак не мог импонировать западным державам, у которых появилась возможность ослабить одну из сильнейших соперниц в Старом Свете.

Надо признать, что для держав рассмотрение этого вопроса и в самом деле было непростым. Односторонний классовый подход советской историографии, ограничивавшийся тезисом о безусловной поддержке буржуазными правительствами русских антибольшевиков, не выдерживает критики. Попытаемся представить себе, что видели перед собой мировые лидеры, с чем им приходилось иметь дело.

Россия в тот период была представлена, как минимум, тремя крупными силами: доказавшей свою устойчивость советской властью, противостоявшим ей Белым движением и поднявшим голову сепаратизмом окраин, которые боялись распространения на их территории большевизма и одновременно стремились получить преференции в условиях ослабления России.

⁴¹ Копия секретной телеграммы министра иностранных дел С.Д. Сазонова на имя управляющего министерством И.И. Сукина 8 апреля 1919 г. № 650. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 396. Л. 10.

⁴² Е.П. Демидов – В.А. Маклакову. Для Сазонова. 13 апреля 1919 г. № 148. ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. Р. 3.

⁴³ С.Д. Сазонов – Е.П. Демидову 21 апреля 1919 г. № 758. Там же.

⁴⁴ Лишь черногорский король Николай от имени своей, изгнавшей его, страны объявил, что признаёт правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком, «как единое представляющее Россию». См.: В.А. Маклаков в МИД в Омск № 1141, копия А.А. Нератову № 5 29 мая 1919 г. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 354. Л. 84.

Державы ещё в конце 1917 – начале 1918 г. отказались признать большевиков. Наверное, их политики предпочли бы, чтобы в России восторжествовали силы порядка, под которыми, конечно, понимались не большевики. Однако в позиции лидеров антибольшевистских сил Западу явно не хватало «реализма», готовности торговаться, покупать помощь уступками, в том числе сдачей позиций страны в мире. Имея собственные интересы в регионе, союзники отчасти поддерживали сепаратистов, давали им определённые заверения.

Поворот в настроениях великих держав наметился в конце апреля 1919 г. Совет четырёх⁴⁵ отдавал себе отчёт как в невозможности установить прочный мир и утвердить новую конфигурацию Европы до тех пор, пока в России продолжалась Гражданская война, так и решить без участия России вопросы, касавшиеся её интересов в делах Запада и Востока⁴⁶. К тому времени лидеры держав убедились в невозможности ни договориться с большевиками, ни оказывать на них влияние. С.Д. Сазонов считал, что среди прочих факторов решающее значение имели военные успехи Сибирской и Добровольческой армий. Проанализировав ситуацию, с дистанции прошедших лет с ним согласился А.В. Шмелёв: «Именно возможность быстрой победы белых весной 1919 г. взволновала союзников: они боялись опоздать к триумфу белых и таким образом перекрыть себе дорогу к участию в нём» (Шмелёв 2017: 52). Державы были вынуждены обратиться к рассмотрению проблемы. Впрочем, сначала, в первых числах мая, они признали независимость Финляндии.

Во второй половине мая правительство Японии неожиданно выступило с инициативой признания Омска. Через своих представителей в Вашингтоне, Лондоне, Париже и Риме, как писал в Париж посол В.Н. Крупенский, Токио обратился к правительствам четырёх держав с предложением приступить к обсуждению условий признания русского Омского временного правительства. Со своей стороны, Япония выставила лишь обычное условие принятия на себя новой властью всех долгов и международных обязательств её законных предшественников (до большевистского переворота).

Опытный и осторожный русский представитель в Токио не спешил передавать эти сведения коллегам – видимо, проверял их достоверность⁴⁷. Но 21 мая о такого рода сообщениях японских послов донесли Н.А. Кудашев из Пекина, К.Н. Гулькевич из Стокгольма⁴⁸.

⁴⁵ Совет четырёх – негласное объединение лидеров ведущих стран антигерманской коалиции на Парижской мирной конференции: Вудро Вильсона (США), Дэвида Ллойда Джорджа (Великобритания), Витторио Орландо (Италия) и Жоржа Клемансо (Франция).

⁴⁶ С.Д. Сазонов – П.В. Вологодскому 17 июня 1919 г. № 68. ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 16. Л. 64.

⁴⁷ В.Н. Крупенский – министру 22 мая 1919 г. № 189. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1309; ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 334 Л. 89.

⁴⁸ Секретная телеграмма Н.А. Кудашева на имя министра иностранных дел 21 мая 1919 г. № 383; К.Н. Гулькевич министру 21 мая 1919 г. № 254. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1285, 1291.

В России тогда зрела уверенность в скором слиянии восточного и южного фронтов, а значит, и в объединении правительств. Глава денкинского Управления внешних сношений уверял, что никаких недоразумений при этом слиянии не произойдёт, он даже сообщил текст, заготовленный для объявления об этом событии⁴⁹.

В конце мая Совет четырёх отложил все срочные дела и обратился к рассмотрению «русского вопроса».

В общественном сознании Белой России, а вслед за ним и во многих исторических работах, меморандум союзников конца мая 1919 г. и последовавшие за тем переговоры рассматриваются как обсуждение вопроса о признании правительства Колчака. Сазонов писал в Омск 27 мая 1919 г.: «Получил сведения, что совет четырёх в Париже решил признать правительства адмирала Колчака на следующих условиях...»⁵⁰, а советский историк Б.Е. Штейн называл в этой связи Ллойд Джорджа и Вильсона инициаторами признания Колчака (Штейн 1949: 231).

Между тем меморандум, с которым главы держав обратились к Омску, ни слова о признании не содержит. Кроме того, так и остался открытым вопрос, в качестве какого правительства, регионального – Сибири, или всё же Всероссийского если не предполагалось, то допускалось признание омских властей. Исследовавшие этот вопрос западные историки склонялись к выводу о признании в качестве правительства Сибири (Ullman 1968: 231). Столкновения с русской точкой зрения о Всероссийском характере власти Колчака не произошло потому, что в практическую плоскость признания как такового вопрос, так и не был поставлен.

Сазонов в мае 1919 г. не ожидал обращения конференции к рассмотрению русского вопроса. В то время он находился в Лондоне, где вёл весьма его удовлетворившие переговоры с различными политическими силами Англии. Союзники между тем не только не посчитали нужным передать выработанный документ через официальных представителей Колчака в Париже, но и ввести их в курс дела⁵¹.

Руководство Корпуса узнало о происходящем по своим каналам. Гирс личной телеграммой поспешил сообщить министру стоявшие на обсуждении условия меморандума, сформулированные в секретариате Ллойд Джорджа:

1. Созыв Учредительного собрания сразу после взятия Москвы. В случае невозможности в этот момент проведения всеобщих выборов, временно должно быть собрано Учредительное собрание 1917 г.;

⁴⁹ Бар. Искуль – министру 22 мая 1919 г. № 213. Там же. Л. 1285, 1308.

⁵⁰ Секретная телеграмма министра иностранных дел на имя управляющего МИД 27 мая 1919 г. № 252. ГАРФ. Ф. 200 Оп. 1. Д. 334. Л. 76.

⁵¹ Секретная телеграмма В.А. Маклакова на имя министра иностранных дел от 29 мая 1919 г. № 1140. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 336. Л. 125.

2. Проведение земских и городских выборов;
3. Обязательство не допускать классовых привилегий;
4. Границы Польши и Финляндии определяются третейским судом Лиги Наций;
5. Вопрос об Эстонии, Латвии и Литве будет решён непосредственными переговорами при содействии Лиги Наций;
6. Обязательство войти в Лигу Наций и подчиниться общим мерам ограничения вооружений⁵².

Интересно, что в этой записке нет требования признать долги добольшевистских правительств.

Совет четырёх к представленному документу отнёсся сочувственно, но не принял решения ввиду отсутствия представителя Японии⁵³.

Ознакомившись с сообщением из Парижа, министр был в ярости: «Нахожу поставленные условия неприемлемыми как нарушающие суверенные права России»⁵⁴, – поделился он первым впечатлением с тем из коллег, кому доверял безусловно – Гирсом. Не смог он скрыть своего разочарования и перед лордом Керзоном, взявшим на себя труд ознакомить пребывавшего в Лондоне русского министра с текстом, одобренного Советом пяти⁵⁵ меморандума. Глава английского внешнеполитического ведомства констатировал, что Сазонов «далёк от того, чтобы проявлять какое-либо удовлетворение по поводу предполагаемого признания со стороны Держав». Похоже, его неприятно удивила склонность последнего «придираться к условиям и требовать для адмирала Колчака права их изменения или пересмотра»⁵⁶. В начале июня у Клемансо появились какие-то основания говорить на Совете четырёх о том, что Сазонов категорически против меморандума, который послан Колчаку⁵⁷.

Сомнения возникли не только у министра. Свои замечания озвучил представителю Форин-офис и Набоков. Особенно его беспокоило упоминание о возможности созыва Учредительного собрания 1917 г., в составе которого заметную роль играли большевики, депутатами которого были, в числе прочих, Ленин и Троцкий⁵⁸.

⁵² В.А. Маклаков – С.Д. Сазонову в Лондон 26 мая 1919 г. передаёт личную телеграмму М.Н. Гирса № 1111. *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1356.

⁵³ Там же.

⁵⁴ С.Д. Сазонов – М.Н. Гирсу 27 мая 1919 г. № 257. Там же. Л. 1370.

⁵⁵ Главный рабочий орган Версальской конференции. В его состав входили представители США, Великобритании, Франции, Италии и Японии.

⁵⁶ Примечание к телеграмме л. Керзона сэру С. Элиоту (Владивосток) №44[85208/11/57] от 11 июня 1919 г. *DBFR*. Vol. 3. P. 360.

⁵⁷ Extract from Motes of a Meeting held at President Wilson Cs House in the Place des Etats-Unis, Paris, June 3. *DBFR*. Vol. 3. P. 342.

⁵⁸ Телеграмма л. Керзона сэру С. Элиоту (Владивосток) №44[85208/11/57] от 11 июня 1919 г. *DBFR*. Vol. 3. P. 360.

Впрочем, мировые лидеры прекрасно понимали, что они делали. Англичане стремились вбить клин между Колчаком и его дипломатической службой. Набоков донесением от 5 июня сообщил о беседе с помощником статс-секретаря по иностранным делам, который счёл нужным привести целую серию аргументов в пользу того, чтобы Омск дал удовлетворительный ответ⁵⁹. А Ллойд Джордж, получивший сообщение о недовольстве Сазонова выставленными союзниками условиями, дал распоряжение британским представителям в Омске убедить Колчака не слушать своего министра иностранных дел⁶⁰.

С.Д. Сазонов быстро взял себя в руки. Уже на следующий день по получении телеграммы Гирса он писал: «...мы должны очень осторожно взвесить выражения нашего ответа на требования, которыми Державы желают обусловить *признание правительства адмирала Колчака* [здесь и далее выделено автором – Е.М.], чтобы, отстаивая наши интересы по существу, не оттолкнуть от себя благожелательные к нам круги резкостью по форме»⁶¹. Он нашёл понимание в Париже. Пройдя сложный путь, его коллеги тоже научились реально смотреть на вещи: «Как бы предложение Держав не было неприемлемо в виде, в каком оно сделано, – телеграфировал Маклаков, – самый факт подобного обращения должен рассматриваться как определённый сдвиг в нашу сторону, который путём переговоров можно использовать для достижения постановки вопроса для нас приемлемой»⁶².

Министр срочно собрался в Париж, написал в Омск, что сразу после ознакомления с точным текстом заявления держав сообщит проект ответа, а до того момента просил воздержаться от каких-либо заявлений иностранным представителям⁶³.

Действительность превзошла его ожидания. В тот ответственный момент разобщённость центров антибольшевистской борьбы достигла пика, чем не преминули воспользоваться контрагенты.

Проигнорировав и состоявшееся объединение антибольшевистских центров в России, и русское дипломатическое представительство, союзники передали текст своего заявления всем главам русских правительств через свои каналы. Колчаку он был вручён французским представителем в Омске Мартемом, причём времени на рассмотрение предоставлено не было. Апеллируя к тому, что вопрос должен быть решён до отъезда Вильсона в Америку, французский представитель потребовал немедленного ответа.

⁵⁹ К.Д. Набоков – министру 5 июня 1919 г. № 276 Срочная. Личная. *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1500.

⁶⁰ Extract from Motes of a Meeting held at President Wilsor Cs House in the Place des Etats-Unis, Paris, June 3. *DBFR*. Vol. 3. P. 342.

⁶¹ С.Д. Сазонов – П.В. Вологодскому 28 мая 1919 № 260. *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1394; ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 334. Л. 90.

⁶² Секретная телеграмма В.А. Маклакова на имя министра иностранных дел от 29 мая 1919 г. № 1140. *ГАРФ*. Ф. 200. Оп. 1. Д. 336 Л. 125.

⁶³ С.Д. Сазонов – П.В. Вологодскому 28 мая 1919 г. № 260. *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1394.

Оставаясь в неведении об интриге, Сазонов ещё до отъезда из Лондона набросал свои замечания по существу обращения конференции. Вернувшись 3 июня в Париж, министр зафиксировал свои наброски в форме официального ответа. Этот документ он переслал в Омск на утверждение. Настаивая на крайней важности следовать общепринятому «в международных сношениях правилу, согласно которому заявления иностранным правительствам делается всегда через своих представителей при последних»⁶⁴, он настаивал на том, что ответ державам должен быть передан в Париже через него.

В преамбуле своего ответа на вопросник держав русский министр постарался расставить все точки на «і», оговаривая, что русское правительство понимает обращение держав как «намерение *признать* правительство адмирала Колчака *Всероссийским правительством*». То есть, с одной стороны, определял намерения держав как признание, с другой – подчёркивал статус правительства как Всероссийского, а не местного.

По существу сформулированных союзниками пунктов он предлагал ответить следующее:

1. Правительство уже неоднократно заявляло о твёрдом намерении созвать при первой возможности Учредительное собрание, но Учредительное собрание, выбранное под большевистским режимом, не может быть созвано даже временно.

2. Всюду, где распространяется власть адмирала Колчака и нет военных действий, городские и земские учреждения уже восстановлены и действуют, то же будет повсюду по мере очищения территории, причём будут допущены и новые выборы в означенные учреждения.

3. Гражданская и религиозная свобода составляет основной принцип Временного правительства, не стремящегося восстановить классовые привилегии.

4. Независимость Польши в этнографических границах уже признана Россией. Независимость Финляндии может быть законно освящена только Учредительным собранием, при обеспечении безопасности России. Разграничение с Россией должно быть установлено непосредственными переговорами. Если соглашение не будет достигнуто, можно прибегнуть к дружескому содействию Лиги Наций, если Россия будет в ней участвовать.

5. В новой России инородцы, оставаясь в составе Русского государства, будут обеспечены режимом, являющимся их национальным стремлением с сохранением прав меньшинства. Пределы и формы автономии будут определены Учредительным собранием, на право которого правительство не может посягать. Россия может воспользоваться для улаживания возможных затруднений советами и сотрудничеством Лиги Наций. Пока новый «модус вивенди» не бу-

⁶⁴ Телеграмма С.Д. Сазонова ген. Миллеру 8 июня 1919 г. № 1180. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 352. Л. 73-74; Д. 334. Л. 67.

дет установлен для окраин, Русское Правительство будет «временно считаться с нынешним положением, не возражая на признание автономии союзных держав, с фактическими властями этих местностей» [так в тексте – *Е.М.*], однако без предрешения будущего.

6. В уездах Бессарабии с молдавским большинством население может быть опрошено по вопросу о присоединении к Румынии. Но опрос может быть произведен лишь с согласия Русского Учредительного собрания, и с полным соблюдением беспристрастности под контролем Лиги Наций.

7. Россия готова вступить в Лигу Наций, но лишь на равных условиях с пятью великими державами. Россия будет охотно сотрудничать с Лигой по вопросам ограничения вооружений, и сама сообразует в одинаковой с другими великими державами мере, с решениями, которые будут приняты сообща.

Согласно всем прежним заявлениям, Россия, несомненно, примет уплату по всем государственным долгам до большевистского переворота⁶⁵.

Изучение этого документа показывает, что министр сформулировал взгляды, которые бытовали в среде русских политиков в Париже, ранее высказывались в той или иной связи, и не сделал ни одной дополнительной уступки. Сообразно задачам, которые Омск неоднократно ставил перед дипломатическими представителями, Сазонов стремился оттянуть разрешение большей части вопросов до выборов нового Учредительного собрания, которые могли стать возможными только после разгрома большевиков. Министр допускал участие Лиги Наций в рассмотрении многих спорных вопросов, как на том настаивали союзники, но только в случае, если Россия войдёт в неё на равных условиях с великими державами. И наконец, самый больной вопрос – о федерализации унитарного прежде государства. В представлениях русских политиков в Париже и военного командования на родине по этой проблеме существовал значительный разрыв. В марте 1919 г. русская делегация без согласования с центром подавала председателю мирной конференции меморандум, допустивший изменения в государственном устройстве будущей России. Колчак был раздражён, запретил печатать этот документ в Сибири, но не дезавуировал. Деникин и полгода спустя считал слово «автономия» запретным на своей территории⁶⁶.

Через несколько дней оказалось, что Сазонов зря спешил в Париж и торопился с подготовкой ответа. Ещё совсем недавно министр, ссылаясь на крайнюю медлительность сношений, настаивал на своём праве иногда «действовать сообразно с требованиями здешней обстановки» без согласования с правительством⁶⁷. Теперь Омск, посчитав, что «всякое промедление не оправдывалось бы

⁶⁵ Секретная телеграмма министра иностранных дел на имя председателя Совета министров от 3 июня 1919 г. № 1180. Там же. Д. 334 Л. 67.

⁶⁶ «Совершенно лично и доверительно!»... С. 232.

⁶⁷ Министр – В.А. Маклакову 27 мая 1919 г. № 254. Копия в Омск. *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1367.

обстоятельствами и, имея в виду существование неоспоримых основных принципов»⁶⁸, не стал советоваться с парижским центром. Правительство Колчака самостоятельно подготовило ответ и передало его французскому представителю в день получения меморандума – 3 июня.

Сазонову в этой ситуации предлагалось настоять на том, чтобы ответ Колчака рассматривался как связывающий все «национальные» центры России и не требующий дополнительных подтверждений и переговоров с Архангельском и Екатеринодаром⁶⁹.

Подготовленный управляющим МИД И.И. Сукиным «ответ Колчака», сильно отличавшийся по форме от проекта Сазонова, по сути, от «неоспоримых основных принципов» не отходил. В целом он удовлетворил оставшегося за бортом его подготовки министра. Последний отметил только три более или менее серьёзных просчёта молодого дипломата, и прежде всего то, что он упустил возможность «поймать контрагентов на слове», не уточнив, что русские власти понимают обращение союзников как начало процесса признания. Кроме того, он отметил отсутствие указаний на то, что независимая Польша признаётся в этнографических пределах, а независимость Финляндии обусловлена решением будущего Учредительного собрания. Впрочем, в ноте Колчака говорилось только об автономии Финляндии наряду с балтийскими окраинами и Кавказом. Позже сам Сукин выделил ещё несколько аспектов, ответов на которые нота Омского правительства не содержала. Молчанием был обойдён вопрос о плебисците для Бессарабии, о признании временных соглашений союзников с «национальными группировками» в России, о равноправии с великими державами в Лиге Наций. Он объяснял эти упущения нежеланием предрешать ход дальнейших переговоров. По его словам, «ответ был составлен так, чтобы правительство ничего не проиграло от своего заявления, даже если бы и не последовало признания»⁷⁰. В телеграмме представителям Колчака на Дальнем Востоке и в США он подчёркивал, что его ответ содержит суммарное повторение прежних деклараций по внешней и особенно по внутренней политике. В нём нет никаких уступок, он «вполне сохраняет национальное достоинство России и выдержан в демократическом тоне»⁷¹. Впрочем, управляющий омским МИД писал это уже в середине июня, после ответа союзников.

Сазонов был раздражён предпринятым Колчаком шагом и не стал более комментировать обмен нотами между западными державами и Омском, так же как и его последствия.

⁶⁸ Черновик телеграммы Адмирала Колчака С.Д. Сазонову 3 июня 1919 г. ГАРФ Ф. 200. Оп. 1. Д. 333. Л. 24.

⁶⁹ Телеграмма Адмирала Колчака С.Д. Сазонову 3 июня 1919 г. Там же.

⁷⁰ И.И. Сукин – С.Д. Сазонову 17 июня 1919 г. № 477. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 335. Л. 126.

⁷¹ И.И. Сукин – российским представителям в Токио, Пекине и Вашингтоне, советнику МИД на Дальнем Востоке 1 июня 1919 г. Там же. Д. 333. Л. 40.

Занятые мирным договором с Германией, представители держав только 12 июня отправили Колчаку ответную телеграмму. На фоне успехов колчаковского наступления главы держав сочли ответы Омска удовлетворительными, но о признании ни в качестве Всероссийского, ни даже местного правительства речи не шло. Была выражена лишь готовность предоставить антибольшевистскому движению помощь продовольствием и снаряжением для того, чтобы оно укрепилось как правительство всей России (Черчилль 1932: 116–118).

На сей раз Сазонов был своевременно предуведомлён о содержании ответа и заранее старался смягчить то разочарование, которое он должен был вызвать в Омске. Министр сообщил Колчаку, что предпринятый демарш «рассматривается общественным мнением, как поворот политики по отношению к России»⁷² и предлагал относиться к нему как этапу на пути признания. Одновременно он подчёркивал, что дальнейшие шаги союзников будут находиться в зависимости от военных успехов Сибирских армий. Свою задачу в этих обстоятельствах дипломат видел в работе над расширением политического значения созданного положения, его использовании «для ряда практических достижений в области финансов и снабжения»⁷³.

16 июня Мартель без каких-либо комментариев передал Верховному правителю телеграмму союзников. Колчак и его окружение были ожидаемо разочарованы. «Ответ Держав был принят Верховным правителем с безразличием, которое характеризует общее отношение правительства к вопросу признания», – написал в тот день Сукин⁷⁴. Власти Омска прислушались к советам своего министра и решили выжать из полученных обещаний максимум пользы. Сазонову поручили выяснить, в чём на деле будет выражаться обещанная помощь: «Можно ли рассчитывать на приток снабжения из Америки, открытие кредитов в иностранной валюте, предоставление сколько-нибудь значительного тоннажа для перевозок и т.д.». С другой стороны, правительство считало, что в ближайшие недели придётся серьёзно оценить совокупность военной обстановки на всех фронтах, а также положение Дальнего Востока и охрану железной дороги, и обсудить с союзниками практические мероприятия в этом направлении⁷⁵.

Между тем французский верховный комиссар в Сибири поздравил Омское правительство с большим дипломатическим успехом, вызвав в последнем, по-видимому, подозрения в издевке. Во всяком случае, Сукин писал Сазонову, что «смысл последнего для нас не ясен»⁷⁶. Так или иначе, Колчак ответил телеграммой, по выражению представителя высшего межсоюзного командования в Омске французского генерала Жанена, полной «трогательного либерализма» (Жанен 1930: 120).

⁷² С.Д. Сазонов – на имя Верховного правителя 12 июня 1919 г. №1277. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 115. Л. 84.

⁷³ С.Д. Сазонов – П.В. Вологодскому 17 июня 1919 г. № 68. ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 16. Л. 64–65.

⁷⁴ И.И. Сукин – С.Д. Сазонову 16 июня 1919 г. № 1005. АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1630.

⁷⁵ И.И. Сукин – С.Д. Сазонову 17 июня 1919 г. № 100. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 113. Л. 64.

⁷⁶ И.И. Сукин – министру 20 июня 1919 г. № 1059. ГАРФ. Ф.10003. Оп. 2. Р. 13; Ф. 200. Оп. 1. Д. 334. Л. 37.

Таким образом, в вопросе признания правительства Колчака продвинуться не удалось. Положительным итогом обмена нотами стало налаживание снабжения Белых армий. В отношении между союзниками и Белым движением всё глубже проникала обоюдная подозрительность. Французский генерал М. Жанен писал, что «здешняя публика, учитывая материальные и моральные выгоды, которые доставит им признание, будет обещать всё, что от неё потребуют, и даже больше»⁷⁷.

Понимая, что вопрос о признании, а вместе с ним и легализация Заграничного корпуса в качестве представительства Омского правительства, вновь откладываются в долгий ящик, Сазонов решил более не мириться с ненормальным положением. Международные сношения – сфера, подчинённая известной регламентации. Представительства не могли себя чувствовать уверенно, не соблюдая формальностей. Между тем они продолжали по инерции действовать в рамках полномочий от правительств (имперского и Временного), которые давно канули в Лету, пользуясь снисходительностью, проявленной державами. Положение самого Сазонова не только на международной арене, но и внутри ведомства было двусмысленным. Послы, по крайней мере, когда-то были назначены законными, хотя более и не существовавшими правительствами, и все (за исключением Маклакова) прошли аккредитацию, а Сазонов был министром правительства, которое ни одно государство, кроме Сербии, не признало. Нельзя сказать, что как в международной, так и в русской среде, ему не кололи этим глаза. Задуманный им акт в какой-то мере должен был исправить ситуацию, выровнять полномочия, переведя всё ведомство на положение представительства Омского правительства.

16 июня министр написал Колчаку: «желательно, чтобы Вы поручили мне, как министру иностранных дел, оповестить от Вашего имени иностранные представительства, что Вами подтверждаются полномочия, состоящих при них русских представителей. О посылке мне такового поручения желательно также осведомить иностранных дипломатов в Омске»⁷⁸. Более месяца потребовалось Верховному правителю на принятие решения, пока в конце июля задуманная Сазоновым акция была проведена⁷⁹.

Летом – осенью 1919 г. успешно развивалось наступление войск генерала Деникина. В сентябре он предпринял наступление на Москву. В октябре началось давно готовившееся наступление Юденича на Петроград. С этими событиями был связан новый этап работы над международным признанием Белого движения.

⁷⁷ Там же. С. 143-144.

⁷⁸ С.Д. Сазонов – адмиралу Колчаку 16 июня 1919 г. № 1333. АВПРИ. Ф 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1635.

⁷⁹ И.И. Сукин – С.Д. Сазонову от 23 июля 1919 г. Там же. Л. 103.

Дипломатам давно было очевидно, что вопрос о международном признании прямо зависит от хода военных действий на фронтах Гражданской войны. Это соображение министр старался донести до руководства Белого движения. «Признание русского правительства, – писал он, – будет зависеть от успехов наших армий и устройства жизни в областях, очищенных от большевиков»⁸⁰. Его поддержал старейшина Корпуса, полагавший, что причины затягивания рассмотрения вопроса лежат в области внутренних дел союзников, «в неустойчивости преследуемых политических видов и отчасти в сомнении в прочности военных наших успехов»⁸¹. Впрочем, главу внешнеполитического ведомства воодушевили последние успехи Белых армий, и он обещал в случае их дальнейшего развития возобновить активные настояния в этом вопросе⁸².

24 сентября русская делегация вновь передала Верховному совету союзников в Париже меморандум, настаивавший на необходимости признания правительства Колчака⁸³. Разворачивая работу над решением этого вопроса, Сазонов рекомендовал главам российских посольств в США и Великобритании энергично настаивать, чтобы представителям этих стран в Совете пяти были даны распоряжения содействовать международному признанию Колчака. Он предлагал коллегам обратить внимание правительств стран их пребывания на существенный вред, наносимый дальнейшим затягиванием признания, которое лишало Белое движение возможности использовать целый ряд средств в борьбе с большевиками, и делал упор на то, что «самим союзникам выполнение данных ими адмиралу Колчаку обещаний будет облегчено после признания»⁸⁴.

Информация из стран поступала вполне оптимистичная. «Газеты полны сведений о наших победах, и общественное мнение спешит на помощь победителям»⁸⁵, – сообщало посольство в Лондоне. О «благоприятной фазе» писал из Вашингтона посол Бахметев. Он полагал, что американцы готовы взять на себя инициативу в этом вопросе, но после того, как окончательно определится исход борьбы с большевиками⁸⁶. Однако скоро выяснилось, что военные успехи были лишь отголоском побед летней кампании.

С воодушевлением включился в решение этой проблемы сменивший Набокова на посту главы посольства в Лондоне Е.В. Саблин. Он вёл переговоры с руководителем русского отдела Форин офис Дж. Грегори, через сочувствовавших

⁸⁰ Секретная телеграмма министра иностранных дел на имя управляющего МИД 26 сентября 1919 г. № 2387-207. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 333 Л. 4.

⁸¹ Там же. Л. 12.

⁸² Секретная телеграмма министра иностранных дел на имя управляющего МИД 16 сентября 1919 г. № 2269-1807. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 335. Л. 77.

⁸³ Секретная телеграмма министра иностранных дел 24 сентября 1919 г. № 2367-202. Там же. Д. 333. Л. 4.

⁸⁴ Министр в мининдел в Омск, А.А. Нератову в Таганрог, Б.А. Бахметеву в Вашингтон, Е.В. Саблину в Лондон 24 сентября 1919 г. № 2367/202. ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. Р. 3.

⁸⁵ Е.В. Саблин – И.И. Сукину 18 октября 1919 г. № 715. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 335. Л. 47.

⁸⁶ Секретная телеграмма посланника в Пекине (передаёт телеграмму Бахметева) на имя управляющего МИД 22 сентября 1919 г. № 189. Там же. Л. 73.

английских политических деятелей стремился повлиять на премьер-министра, каждый день писал редактору «Таймс», чтобы укрепить его в симпатии к Белому движению⁸⁷. По использовавшейся им аргументации можно судить о тезисах, которыми оперировала русская дипломатия в переговорах по этому вопросу.

Прежде всего, Саблин старался убедить контрагентов, что признание Колчака будет полезно самой Англии. Во-первых, большевики создают угрозу английским интересам в Туркестане, Афганистане и Индии. И напротив, «организованная и сильная Россия на окраинах Персии, Афганистана и Индии есть необходимость для Англии, если она желает сохранить Индию». Дипломат обращал внимание на прибытие в Москву афганского посольства и указывал на перешедших на сторону Советов русских специалистов по Востоку, которые, будучи хорошо знакомы с положением дел в регионе, способны создать там англичанам серьёзные неприятности. Во-вторых, он указывал на угрозу установления Германией в России «режима, коего опасается Ллойд Джордж». Наконец, Саблин не упустил случая повторить сентенцию «о влиянии позиции Лондона в сложившихся обстоятельствах на будущие отношения между двумя странами, и в целом и, в частности, на востоке»⁸⁸.

Саблин призывал Англию энергично поднять вопрос о признании Омского правительства «столько же в своих интересах, сколько в наших» и обещал своё содействие в самом широком распространении в России известий о роли Англии в этом процессе⁸⁹.

Дипломат продолжал работать над проблемой на протяжении всего октября 1919 г.⁹⁰ 1 ноября на в очередной раз заданный вопрос о признании правительства Колчака он получил ответ, «что известия из Сибири неудовлетворительны, что Колчаку, вероятно, придётся отступить и что при настоящих обстоятельствах признание не является своевременным. Иначе будет обстоять вопрос, когда Деникин возьмёт Москву. К этому времени английское правительство будет приурочивать признание»⁹¹. 4 ноября Сазонов из Парижа писал, что «взятие Петрограда нанесёт тяжёлый удар большевизму и, подняв авторитет Российского правительства, ускорит его признание»⁹².

Неблагоприятный оборот событий на Восточном и Северо-Западном фронтах, приостановка наступлений на Южном остановили дальнейшее обсуждение проблемы. Сазонов старался сгладить неблагоприятное впечатление от поражений Белых армий в России, однако, несмотря на то что допущенная Ллойд

⁸⁷ Е.В. Саблин И.И. Сукину 18 октября 1919 г. № 715. Там же. Л. 47.

⁸⁸ Е.В. Саблин – С.Д. Сазонову 16 октября 1919 г. Из архива организаторов интервенции в России. 1961. *Исторический архив*. №6. С. 92-93.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Е.В. Саблин И.И. Сукину 24 октября 1919 г. № 748. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 335. Л. 42.

⁹¹ Е.В. Саблин министру 1 ноября 1919 г. № 779. ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 12.

⁹² Секретная телеграмма министра иностранных дел на имя управляющего МИД. В Омск. 4 ноября 1919 г. № 2913-312. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 280. Л. 164.

Джорджем возможность новых предложений в духе Принкипо встретила решительное осуждение французского и, по-видимому, американского правительств, переломить ситуацию дипломатическими переговорами не удалось⁹³. В конце декабря 1919 г., когда правительство Колчака перебиралось из Омска в Иркутск, накануне ареста Верховного правителя чехами, министр предпринял ещё одну попытку добиться признания его правительства со стороны славянского государства. Поиски болгарским правительством контактов с Белым движением дали почву для выставления ему условий. В качестве главного министр выдвинул Софии требование обнародовать готовность «признать Российское правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком и представляемое на юге генералом Деникиным»⁹⁴. Однако время уже работало против подобных решений.

Заграничный корпус и вопрос о признании правительства Врангеля

Весной 1920 г. проблему признания в несколько изменённом виде унаследовало правительство П.Н. Врангеля.

С одной стороны, ограниченный полуостровом последний оплот антибольшевизма в европейской России, так же как и его представители за рубежом, ни о каком «равноправии» или об участии в мировых политических процессах уже не помышляли. Русский заграничный дипломатический корпус и сам занял полунезависимое от крымских властей позицию, что выразилось в выдвигании им своего собственного главы, которым стал М.Н. Гирс. Последний разделил ответственность за ведение внешней политики Движения с назначенным П.Н. Врангелем главой управления внешних сношений П.Б. Струве. В новых условиях рассчитывать можно было исключительно на признание нового правительства в качестве фактического, судя по всему, на тех же основаниях, на каких в период Гражданской войны это легко делалось в отношении национальных окраин. Но в ситуации с русским анклавом и такой вариант оказался проблематичным.

С другой стороны, севастопольские власти преодолели те рамки, в которых решался вопрос в 1919 г. Возглавив движение, генерал барон П.Н. Врангель и его правительство поставили задачу скорейшего восстановления отношений с «бывшими неприятельскими странами».

Летом 1920 г. была предпринята попытка добиться официального признания со стороны Османской империи. Порты уклонилась от этого шага, однако, Великий визирь согласился признать за фактически возобновившей свою работу в начале 1919 г. русской миссией в Стамбуле все дипломатические права и привилегии, а за русскими людьми – права, признанные за остальными европейцами (Михайловский 1992: 582-583).

⁹³ Секретная телеграмма министра И.Д. 13 ноября 1919 г. № 3021-327. Там же. Д. 333. Л. 54.

⁹⁴ С.Д. Сазонов – мининдел, Иркутск, А.А. Нератову, Таганрог. 25 декабря 1919 г. № 339-387. ГАРФ. Ф.10003. Оп. 2. Р. 3.

Осенью 1920 г. группа немецких промышленников под руководством Вагнера, заинтересованная в приобретении концессий, инициировала вопрос о воссоздании официальных отношений между Германией и правительством Врангеля. Главнокомандующий, отвергнув из «формальных» соображений экономические инициативы, проявил заинтересованность в открытии дипломатических представительств в Германии и Австрии, причём в случае невозможности установления официальных отношений, посчитал приемлемым и «принцип официозного представительства». Правительство придавало этой проблеме чрезвычайное значение – её не затмевали даже военные действия: 14 октября Главнокомандующий, а 5 ноября председатель его Совета начальников управлений А.В. Кривошеин подчёркивали «настоятельную необходимость» его решения⁹⁵.

Одновременно с инициативой об установлении дипломатических отношений с Севастополем выступило правительство Венгрии, выразив готовность даже финансировать русское представительство, которое было бы аккредитовано в Будапеште. Интересно, что обсуждение вопроса велось накануне падения Крыма, так что даже поражение армии Врангеля и её эвакуация с полуострова не остановило его решения. Полковник Генерального штаба фон Лампе получил назначение в Будапешт в качестве военного агента в конце января 1921 г. Князь П.М. Волконский летом того же года был упомянут в списке русских дипломатических агентов в качестве официального представителя в Венгрии⁹⁶.

Между тем процесс установления отношений со странами Антанты осложнился. После поражения Колчака, а затем и Деникина Лондон решил, что поддерживать белых больше не имеет смысла, и выразил готовность стать посредником в переговорах об их сдаче большевикам. Англичане развивали контакты с советским правительством, проявляя готовность к установлению торговых отношений, что означало его фактическое признание. Тогда впервые за последний год из тени Лондона в решении русского вопроса вышел Париж. Обусловлено это было его последовательной поддержкой Польши в борьбе против РСФСР.

Исследователи (Карлей 2017: 52-73; Гришанин, Ермаков 2006: 118) пришли к общему выводу, что отношения с врангелевским правительством Франции были вторичны сравнительно с её связями с Варшавой. Значимость Крыма для Парижа возрастала по мере поражений поляков в войне с Советской Россией. Он привлёк к себе особое внимание французского кабинета после июньских поражений поляков. Этим сумел воспользоваться находившийся в Париже руководитель врангелевского отдела внешних сношений П.Б. Струве: он выступил с серией докладов о положении в России, обрисовав успехи и подчеркнув новые подходы главного командования как во внутренней, так и во внешней

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 63. Л. 1, 2.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

политике⁹⁷. 20 июня глава Управления внешних сношений передал во французский МИД меморандум с изложением программы Севастопольского правительства. 21 июня Струве с Маклаковым были приняты А. Мильераном. Французский премьер-министр заверил представителей Севастополя в том, что для Парижа важна ясность и твёрдость внутренней политики Крыма и «искренняя готовность действовать заодно с поляками». Помимо того, он считал необходимым сохранить контакты между английскими властями и Севастопольским правительством, чтобы оставить открытым вопрос о переговорах на основании признания неприкосновенности Крыма и казачьих территорий, а также «очищения территорий кавказских политических образований, в чём заинтересована сама Англия». В этой связи он рекомендовал сохранять выдержку и к звучавшим из Лондона призывам о прямых переговорах с большевиками, предложениям о посредничестве при обсуждении капитуляции Врангеля и амнистии его сторонникам относиться, как к советам дружественным, «которым невозможно следовать»⁹⁸. Совещание Верховного совета союзников в Булони в 20-х числах июня подтвердило готовность стран-участниц продолжать экономические переговоры с Советами.

Струве принял рекомендацию Мильерана и отправился в Англию, где столкнулся с последовательным нежеланием англичан «разговаривать... в дипломатическом порядке»⁹⁹. Обстоятельства для таких переговоров складывались неблагоприятные: поляки на фронте борьбы с большевиками терпели неудачи, а советское правительство проявило готовность пойти на предложенные Англией переговоры.

В Лондоне, видимо, не без участия главы посольства Саблина, Струве сформулировал ближайшие задачи русской дипломатии. Они подразумевали необходимость «убедить и французов, и англичан, в том, что вопрос о мире должен быть развёрнут в общую проблему, включающую обеспечение нашего существования в занятых нами пределах и наше фактическое международное признание»¹⁰⁰. Предполагалось также разъяснить французам международную опасность признания одних большевиков, которая усматривалась, в частности, «на Ближнем и Среднем Востоке, где может произойти сближение оставленных союзниками русских патриотических сил с национальными элементами большевиков». Такое объединение, по мнению русских дипломатов, было бы непременно направлено против Антанты¹⁰¹.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 11. К. 174. Л. 6.

⁹⁹ П.Б. Струве через Е.В. Саблина 12 июля 1920 г. № 426. АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524 Д. 3549. Л. 44 об.

¹⁰⁰ П.Б. Струве через Е.В. Саблина 11 июля 1920 г. № 423. Там же. Л. 33 об.

¹⁰¹ П.Б. Струве через Е.В. Саблина 12 июля 1920 г. № 426. Там же. Л. 44 об.

Не добившись результатов в Лондоне, Струве отправился в Бельгию на союзническую конференцию в Спа. Туда его сопровождал советник посольства в Париже Н.А. Базили¹⁰². Глава управления настаивал на приезде в Спа М.Н. Гирса¹⁰³, однако старейшина Корпуса, который, как мы видели ранее, ведение переговоров с французами передал Маклакову, от приглашения уклонился.

Дипломаты после октября 1917 г. позиционировали себя представителями единой России. Будущее Севастопольского правительства, не имевшего серьёзных перспектив в борьбе за страну в целом – что понимал и сам Врангель – вызывало у них большие сомнения. Они не стремились демонстрировать свою связь с властями Крымского полуострова, чтобы в случае его поражения не лишиться той «благодати преемственности», которой ещё пользовались, и которая должна была дать им возможность продолжить работу в случае неблагоприятного окончания Гражданской войны. Но и отказать в поддержке усилий врангелевской дипломатии они не считали для себя возможным. В непростой ситуации М.Н. Гирс, видимо, сознательно, как «хранитель» Корпуса, был выведен за рамки этой работы.

Тем не менее дипломаты с напряжением наблюдали за развернувшейся в Спа борьбой. Ллойд Джордж, придерживавшийся линии на заключении торгового соглашения с Советской Россией (что стало бы её фактическим признанием), выступил с инициативой о прекращении советско-польской и Гражданской войн. Он предложил посреднические услуги Англии в мирных переговорах, созыв конференции, на которую предполагал допустить представителей Врангеля только в качестве технических сотрудников для обсуждения условий сдачи. Вопрос о признании Севастопольского правительства в такой обстановке поставлен быть не мог. Тем не менее на конференции стало заметно углубление противоречий между Англией и Францией в вопросах, касавшихся Польши и Севастопольского правительства¹⁰⁴.

Все заинтересованные стороны с напряжением ждали ответа большевиков на новые предложения английского премьера. Ответ, отрицательный по содержанию и грубый по форме, подтолкнул Париж к решительным действиям: французы опасались разгрома поляков, своих последних союзников против Германии.

23 июля П.Б. Струве сообщил МИД Франции, что он уполномочен официально признать все международные соглашения, заключённые предыдущими российскими правительствами (Карлей 2017: 60). Получив заверения о принятом французским правительством решении признать Врангеля де-факто, Пётр Бернгардович отправился в Крым. В начале августа он сообщил М.Н. Гирсу

¹⁰² Е.В. Саблин – Н.А. Базили (передаёт телеграмму П.Б. Струве) 11 июля 1920 г. № 423. Там же. Л. 33 об.

¹⁰³ Д.А. Нелидов – В.А. Маклакову 13 июля 1920 г. № 1430. Там же. Л. 48 об.

¹⁰⁴ Донесения Н.А. Базили М.Н. Гирсу через Нелидова 14, 17 июля 1920 г. Там же. Л. 46 об., 47.

обязательства, которые примет на себя правительство в случае признания: готовность отвечать по всем обязательствам прежних правительств, проведение аграрной реформы, предоставление народу по окончании борьбы возможности свободно проявить свою волю в вопросе государственного устройства¹⁰⁵.

Однако время шло, а обещанного признания так и не происходило. 4 августа Струве обратился в парижское посольство с просьбой при участии Гирса ускорить решение вопроса¹⁰⁶. Показательно, что напрямую ставить эту задачу перед старейшиной Струве не стал. Тем не менее Гирс счёл момент удобным для своего включения в общее дело: он встретился с Мильераном и дал ему все необходимые заверения. 8 августа российское посольство в Париже отправило официальный запрос на признание де-факто. Последней каплей на чаше весов, склонившей Париж к признанию, по мнению М.Д. Карлея, стал несогласованный с Мильераном совет о примирении с РСФСР, который Ллойд Джордж дал полякам 10 августа, накануне битвы за Варшаву (Карлей 2017: 61).

Итак, 10 августа 1920 г. Франция де-факто признала правительство Врангеля. М.Н. Гирс сделал по этому случаю заявление прессе об основных задачах и целях политики Врангеля. Получив заблаговременно полномочия на такую публикацию, он не успел согласовать её текст с Севастополем. Главнокомандующий в целом одобрил выступление Гирса, за исключением «излишнего подчёркивания «нашей демократичности» и фразы «о законном освящении захвата земли, совершённого крестьянами в течение революции» (Воспоминания генерала... 1992).

Представители Дипломатического корпуса с немалой долей скепсиса отнеслись к столь долгожданному событию. Даже непосредственно участвовавший в переговорах Н.А. Базили не испытывал эйфории. Он признавал, что «фактическое признание определяет на *ближайшее время* отношение французского правительства и открывает возможность существенных облегчений в вопросах снабжений», но при этом советовал не забывать, что линия политики французского правительства зависима от «*общей конъюнктуры взаимоотношений западных держав между собой и с большевиками*». Он советовал использовать момент для получения всего, что только возможно, не затягивая с заявками на военные материалы и снаряжение¹⁰⁷. Есть сведения, что заместитель Струве князь Г.Н. Трубецкой относился к этому шагу как к попытке установления Францией протектората над Крымом без оказания реальной помощи (Михайловский 1992: 616). В дипломатической среде высказывалось мнение, что в 1919 г. признание «вынудило бы союзников в конце концов к непосредственным

¹⁰⁵ А.А. Нератов посольству в Париже 3 августа 1920 г. № 617 (передаёт т-му П.Б. Струве В.А. Маклакову). *АВПРИ*. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3549 Л. 94 об.

¹⁰⁶ П.Б. Струве – В.А. Маклакову, Н.А. Базили 4 августа 1920 г. № 623. *ГАРФ*. Ф. 10003. Оп. 11. К. 174. Л. 122.

¹⁰⁷ Н.А. Базили – П.Б. Струве 12/25 августа 1920 г. № 1158. Pipes R. Les relations diplomatiques du gouvernement Wrangel en Crimée, 1920 *Cahiers du monde russe et soviétique* 1963. 4(4-4). P. 422.

военным действиям», тогда как в обстоятельствах 1920 г. признание Врангеля могло свестись к моральной поддержке (Михайловский 1992: 616). Маклаков в письме Бахметеву откестился от участия в этом деле, сославшись на то, что последние месяцы из-за болезни и не имел возможности участвовать в общей работе. Полученное известие о признании, по его собственному утверждению, не доставило ему удовлетворения. Он «опасался бурного протеста англичан и отступления французов». Посол рассматривал признание фактического правительства Юга России как «полемиический» жест, который, «как всякий жест имел свойство дразнить одних, обещать другим и ничего не давать»¹⁰⁸. Его беспокоило охватившее Крым воодушевление, провоцировавшее настойчивые распоряжения поскорее добиться признания и от других стран; запросы о том, какие юридические последствия будет иметь такое признание; предписания передать правительству Врангеля, как признанной власти, остатки всех государственных средств; был также поднят вопрос об объединении русско-польских войск в деле борьбы с большевиками под французским командованием¹⁰⁹.

Заключение

Задача международного признания небольшевистского правительства России для продолжавшего работать за рубежом Русского дипломатического корпуса имела первостепенное значение и на протяжении всей Гражданской войны занимала центральное место в его деятельности. Дипломаты осознавали непреходящую значимость этого вопроса для будущего страны: только имея признанное правительство можно было рассчитывать на участие в мирной конференции по окончании Первой мировой войны и, тем самым, в определении конфигурации будущего мира; только добившись признания можно было рассчитывать на получение помощи для вооружённой борьбы с большевизмом.

В рассмотрение вопроса был вовлечён весьма ограниченный круг сотрудников Корпуса: С.Д. Сазонов в качестве министра иностранных дел, М.Н. Гирс, как старейшина Корпуса и посол в Италии, В.А. Маклаков и Б.А. Бахметев, послы в Париже и Вашингтоне, К.Д. Набоков и Е.В. Саблин в качестве поверенных в делах в Великобритании; на начальном этапе посланник в Китае Н.А. Кудашев и посол в Японии В.Н. Крупенский, на завершающем этапе – Н.А. Базили, советник посольства в Париже. Однако надо иметь в виду, что за каждым из них стояли посольство со своим штатом или круг доверенных лиц.

Дипломаты изначально оказались в неординарной ситуации: им пришлось участвовать в создании того правительства России, которое могло бы обрести международное признание. Новое место Заграничного корпуса в иерархии вла-

¹⁰⁸ В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву 6 сентября 1920 г. «Совершенно лично и доверительно». Т. 1. С. 226.

¹⁰⁹ Там же. С. 228.

сти в условиях Гражданской войны дало ему возможность не столько подчиняться правительству, сколько выступать с ним на паритетных началах: предлагать и отставить свою концепцию, видение ситуации и подхода к решению проблемы международного признания.

Корпус относился к этой проблеме с большой осторожностью, не всегда был един в подходах к её решению. Дискуссии, которые вела русская дипломатия, касались не существования проблемы, а тактики её решения.

Осознавая заинтересованность держав, от которых зависело признание, в ослаблении России, они проявили готовность пойти на уступки, которые, однако, были признаны неприемлемыми военным руководством Белого движения. Дальнейший политический торг оказался невозможен. Дипломаты видели прямую зависимость отношения союзников к вопросу признания от побед Белых армий и пытались донести этот факт до сознания белых военачальников, которые, однако, были не в состоянии победить без помощи союзников, обусловленной признанием.

Чрезвычайно ограниченное политическое поле, на котором пришлось действовать Корпусу, не позволило дипломатам добиться признания правительств Колчака–Деникина в 1919 г. Была предпринята попытка разрешить эту проблему примером славянских стран, однако только Королевство сербов, хорватов и словенцев по собственному почину признало правительство Колчака.

В конце Гражданской войны Дипломатический корпус отдал инициативу борьбы за международное признание Движения правительству Врангеля в лице главы его отдела внешних сношений – П.Б. Струве. Севастопольское правительство расширило рамки рассмотрения вопроса, занявшись восстановлением отношений со странами, потерпевшими поражение в мировой войне. Франция, в интересах своей пропольской политики, де-факто признала правительство Врангеля на тех же основаниях, на каких в те годы державы давали признание национальным окраинам бывшей Российской империи. Дипломатический корпус поддержал усилия Севастополя в этом отношении, понимая запоздалость этой меры и не видя перспектив борьбы с советской властью. Он отдавал себе отчёт в том, что в основе признания Францией Севастопольского правительства лежали вовсе не интересы Белой борьбы в России.

Об авторе:

Елена Михайловна Миронова — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник института Всеобщей истории РАН. 119334, Москва, Ленинский проспект 32-А.
E-mail: alena.stankina@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327.82(470+571)"1918/1920"

Received: November 4, 2022

Accepted: February 10, 2023

Russian Non-Bolshevik Diplomacy and the Issue of International Recognition of the White Movement in 1918-1920

E.M. Mironova

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-52-86](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-52-86)

Institute of world history RAS

Abstract: Gaining international recognition for the White Movement was the most important foreign policy task of the Russian non-Bolshevik diplomacy. The article traces the evolving discourse of career diplomats considering this issue at different stages of the civil war. It shows their deep patriotism, professionalism, and persistency in carrying out the task. However, when the allies did not share the slogans of the White Movement, the possibilities for finding common ground were very limited. At the first stage (summer-autumn 1918), diplomats were cautious about the claims for recognition of numerous Russian non-Bolshevik governments. In the second stage (1918 – 1919), the issue of recognition played a unique role – participation of Russian representatives in the peace conference, and therefore in determining the configuration of the post-war world, depended on its success. The resolve of the diplomats to defend the Russia's national interests did not suit foreign powers, who did not share the movement's slogan about restoring a united and indivisible Russia, its power, and its position in the world. At the third stage (spring-summer 1920), diplomats, losing hope for military victory of the White Movement in the civil war, withdrew from the direct involvement in seeking international recognition for the Movement. However, they provided all possible technical support to the head of the Department of External Relations of the Wrangel Government, Peter B. Struve, who assumed this mission. France's recognition of the Sevastopol authorities in the summer of 1920 was limited, did not involve active military assistance, and caused justified skepticism in diplomatic circles.

Keywords: Russian foreign diplomatic corps, Allies, S.D. Sazonov, P.B. Struve, V.A. Maklakov, M.N. Giers.

About the author:

Elena M. Mironova – PhD (Historical science) Associate Professor, Senior Researcher, Institute of world history RAS, Russia, 119334 Moscow, Leninsky Prospekt 32-A.

E-mail: alena.stankina@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Thompson J.M. 1966. *Russia, Bolshevism and the Versailles Peace*. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press. 429 p.

Tongour N.N. 1979. *Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris, 1918–1925*. Ph.D Dissertation. Stanford University.

Ullman R.H. 1968. *Anglo-Soviet Relations, 1917–1921*: in 3 vols. Princeton, Jersey: Princeton Univ. Press. Vol. 2: *Britain and the Russian Civil War*. 396 p.

Abrikosov D.I. 2008. *Sud'ba russkogo diplomata* [The Fate of the Russian Diplomat]. Moscow: Publishing Center "Terra". (In Russian).

Chemakin A.A. 2020. Deyatel'nost' P.B. Struve kak ministra inostrannykh del pravitel'stva YUga Rossii (1920) [Activities of P.B. Struve as Minister of Foreign Affairs of the Government of the South of Russia (1920)]. *Nauchnyy dialog*. №12. P. 362–377. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377

Churchil' W. 1932. *Mirovoy krizis* [The Global Crisis]. Moscow: State Military Publishing House. 328 p. (In Russian).

Cvetkov V.Zh. 2009. *Beloe delo v Rossii. 1919 formirovanie i evolyuciya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii*. [White Business in Russia 1919 the Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia]. Moscow: Posev. 635 p. (In Russian).

Emcov G.N. 2002. Mezhdunarodnoe priznanie pravitel'stva A.V. Kolchaka (1918–1920 gg.): istoriko-pravovoi analiz [International Recognition of the Government of A.V. Kolchak (1918–1920): Historical and Legal Analysis]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava*. Krasnoyarsk. P. 63–75. (In Russian).

Ermakov V.P., Grishanin P.I. 2002. God 1920 v Krymu: «beloe delo» generala P.N. Vrangelya i pozicii pravitel'stva SSHA [Year 1920 in the Crimea: “White Matter” of General P.N. Wrangel and the Position of the US Government]. *Aktual'nye problemy rossijskoj i mirovoi istorii. Uchyonye zapiski*. Vypusk I. Pyatigorsk. P. 99–107. (In Russian).

Grishanin P.I., Ermakov V.P. 2006. P.N. Vragel' i Pol'sha: slozhnosti i protivorechiya vzaimootnoshenij [P.N. Wrangel and Poland: Complexities and contradictions of relations]. *Krym, Vragel'. 1920*. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl'. P. 116–124. (In Russian).

Karlej M.D. 2017. Antibol'shevizm vo vneshnej politike Francii: pol'skij krizis 1920 g. [Anti-Bolshevism in French Foreign Policy: The Polish Crisis of 1920]. *Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropejskikh istoricheskikh issledovaniy*. Moscow. 3(10). P. 52–73. (In Russian).

Listikov S.V. 2009. Mir bez Rossii: predstavitel'stvo Belogo dvizheniya na Parizhskoi konferencii [World Without Russia: Representation of the White Movement at the Paris Conference]. *MGIMO Review of International Relations*. 1(4). P. 15–29. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-15-29

Listikov S.V. 2011. «Vil'sonovskie 14 punktov» i russkie nebol'shevistskie sily na parizhskoi mirnoi konferencii [Wilson's 14 Points" and Russian non-Bolshevik Forces at the Paris Peace Conference]. *Zabytaya vojna i predannyye geroi*. Moscow: Veche. P. 129–158. (In Russian).

Mel'gunov S.P. 2004. *Tragediya admirala Kolchaka* [The Tragedy of Admiral Kolchak.] Book 1. Moscow. (In Russian).

Mikhailovsky G.N. 1992. *Zapiski. Iz istorii rossijskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva. 1914–1920* [Notes. From the History of the Russian Foreign Ministry. 1914–1920]. Books 1–2. Moscow. (In Russian)

Mironova E.M. 2013. *Ot Pevcheskogo mosta do ulicy Grenel' 1917–1918 gg.* [From Pevchesky Bridge to Grenelle Street 1917–1918]. Moscow: IVI RAN. 235 p. (In Russian).

Sergeev E.Yu. 2019. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnosheniya, 1918–1924 gg: ot intervencii k priznaniyu*. [Bolsheviks and British. Soviet-British Relations, 1918–1924: from Intervention to Recognition]. Saint-Petersburg: Nauka. 831 p. (In Russian).

Shmelev A.V. 2017. *Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka. 1918–1919* [Foreign Policy of the Government of Admiral Kolchak. 1918–1919]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 266 p. (In Russian).

Shtein B.E. 1949. *"Russkij vopros" na Parizhskoj mirnoj konferencii (1919–1920 gg.)* ["The Russian Question" at the Paris Peace Conference (1919–1920)]. Moscow: Gospolitizdat. 463 p. (in Russian).

Smolin A.V. 2017. *U zakrytyh dverej versal'skogo dvorca. Parizhskaya mirnaya konferenciya i russkaya diplomatiya v 1919 g.* [At the Closed Doors of the Palace of Versailles. Paris Peace Conference and Russian Diplomacy in 1919]. Saint-Petersburg: Nauka. 417 p. (In Russian).

Vrangel P.N. *Vospominaniya generala barona Vrangelya* [Memoirs of General Baron Wrangel]. 1992. Part 2. Moscow. (In Russian).

Zhanen M. 1930. *Otryvki iz moego sibirskogo dnevnika. Kolchakovshchina. Iz belyh memuarov.* [Excerpts from my Siberian Diary. Kolchakovshchina. From the White Memoirs]. N.A. Kornatovsky (Ed.). Leningrad: Krasnaya Gazeta. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Абрикосов Д.И. 2008. *Судьба русского дипломата.* Москва.

Врангель П.Н. 1992. *Воспоминания генерала барона Врангеля.* Ч. 2. Москва: Изд. центр «Тerra».

Гришанин П.И., Ермаков В.П. 2006. П.Н. Врангель и Польша: сложности и противоречия взаимоотношений. *Крым, Врангель. 1920.* Москва: Социально-политическая мысль. С. 116–124.

Емцов Г.Н. 2002. Международное признание правительства А.В. Колчака (1918–1920 гг.): историко-правовой анализ. *Актуальные проблемы теории и истории государства и права.* Красноярск. С. 63–75.

Ермаков В.П., Гришанин П.И. 2002. Год 1920 в Крыму: «белое дело» генерала П.Н. Врангеля и позиции правительства США. *Актуальные проблемы российской и мировой истории. Учёные записки.* Выпуск I. Пятигорск. С. 99–107.

Жанен М. 1930. *Отрывки из моего сибирского дневника. Колчаковищина. Из белых мемуаров.* Под ред. Н.А. Корнатовского. Ленинград: Красная газета.

Карлей М.Д. 2017. Антибольшевизм во внешней политике Франции: польский кризис 1920 г. *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.* Москва. 10(3). С. 52–73.

Листиков С.В. 2009. Мир без России: представительство Белого движения на Парижской конференции. *Вестник МГИМО-Университета.* 1(4). С. 15–29. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-15-29

Листиков С.В. 2011. «Вильсоновские 14 пунктов» и русские небольшевистские силы на парижской мирной конференции. *Забывтая война и преданные герои.* Москва: Вече. С. 129–158.

Мельгунов С.П. 2004. *Трагедия адмирала Колчака.* Кн. 1. Москва. 592 с.

Миронова Е.М. 2013. *От Певческого моста до улицы Гренель 1917-1918 гг.* Москва: ИВИ РАН. 235 с.

Михайловский Г.Н. 1992. *Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920.* Кн. 1-2. Москва;

Сергеев Е.Ю. 2019. *Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию*. Санкт-Петербург: Наука. 831 с.

Смолин А.В. 2017. *У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русская дипломатия в 1919 г.* Санкт-Петербург: Наука. 417 с.

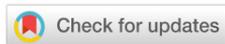
Цветков В.Ж. 2009. *Белое дело в России 1919 гг. формирование и эволюция политических структур Белого движения в России*. Москва: Посев. 635 с.

Чемакин А.А. 2020. Деятельность П.Б. Струве как министра иностранных дел правительства Юга России (1920). *Научный диалог*. №12. С. 362-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377

Черчилль У. 1932. *Мировой кризис*. Москва: Государственное военное издательство. 328 с.

Шмелёв А.В. 2017. *Внешняя политика правительства адмирала Колчака. 1918–1919*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 266 с.

Штейн Б.Е. 1949. *«Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.)*. Москва: Госполитиздат. 463 с.

Гуманитарная помощь Красного Креста и других общественных организаций Нидерландов Советской России во время голода 1921–1923 гг.

Г.Г. Циденков

Самарский государственный социально-педагогический университет

Историография голода в советских России и Украине 1921–1923 гг. включает большое количество научных трудов, освещающих гуманитарную помощь голодающим крупных организаций, таких как «Американская администрация помощи», Нансеновский комитет и т.д. Вместе с тем практически отсутствуют научные работы, в которых исследовалась бы помощь отдельных государств и национальных комитетов. Цель настоящей статьи состоит в освещении и обобщении основных аспектов деятельности нидерландских благотворительных и общественных организаций на территории советских России и Украинской ССР во время голода 1921–1923 гг. на основе документов российских центральных и региональных архивов, а также Национального архива Швеции, данные которого впервые вводятся в научный оборот. В деле помощи голодающим приняли участие представители самых широких слоёв голландского общества. Собранные автором данные позволяют выделить четыре основных канала поступления голландской гуманитарной помощи, которые различались между собой и географией своей деятельности.

1) Проправительственные и общественные благотворительные организации (Красный Крест Нидерландов, голландское отделение Международного союза помощи детям) оказывали помощь населению в Поволжье, Автономной Крымской ССР и на Украине. Помимо посылки гуманитарных грузов для работы на местах, охваченных бедствием, Красный Крест Нидерландов снарядил собственную экспедицию.

2) Объединения профсоюзов II Интернационала участвовали в финансировании самостоятельной экспедиции «Международной федерации тред-юнионов» в Чувашскую автономную область.

3) Коммунистические профсоюзы и объединения, действовавшие через организацию «Международная рабочая помощь», принимали участие в восстановлении советского народного хозяйства, а также содержании многочисленных детских домов в Советской России.

УДК: 339.96, 339.726.2

Поступила в редакцию: 10.07.2022

Принята к публикации: 12.12.2022

4) Религиозные общества меннонитов направляли гуманитарную помощь в места расселения своих единоверцев, где по настоянию советского правительства оказывали содействие всем нуждающимся без различия вероисповедания. Деятельность различных голландских организаций и отдельных граждан в Советской России и Украинской ССР показала готовность населения и политических сил Нидерландов поддерживать тесные контакты и взаимодействие между нашими народами вне зависимости от официальных отношений государств и политических разногласий.

Ключевые слова: голод 1921–1923 гг., гуманитарная помощь, Красный Крест Нидерландов, Нансеновский комитет, Нидерланды, меннониты, Межрабпом, Украина, Поволжье, Крым

Во время опустошительного голода 1921–1923 гг. в РСФСР и УССР помощь пострадавшему населению оказывали различные иностранные гуманитарные организации. Гуманитарная помощь из Нидерландов поступала по четырём основным каналам: через Нид. КК, Международную федерацию тред-юнионов, коммунистическую пролетарскую организацию «Межрабпом» (Международная рабочая помощь) и от меннонитов.

Красный Крест Нидерландов – одна из немногих зарубежных организаций, которая сумела отправить в Россию собственную постоянную экспедицию для помощи голодающим в поражённых бедствием районах. Нидерландский Красный Крест входил и в Нансеновский международный комитет помощи голодающим (далее Нансеновский комитет), и в крупнейшую европейскую гуманитарную организацию «Международный союз помощи детям» (МСПД, Save the children). Нид. КК действовал в одной из наиболее пострадавших областей – на территории Самарской губернии, где на пике голода оказались без продовольствия 2 600 тыс. человек из всего населения в 2 775 тыс. человек¹. Самарская экспедиция Нид. КК работала под общим руководством Шведского Красного Креста.

Большинство нидерландских профсоюзов состояли в Международной федерации тред-юнионов (далее МФТЮ), которая оказывала помощь населению Чувашской автономной области.

Участие в работе Межрабпома принимала, в основном, Коммунистическая партия Голландии. Межрабпом оказывал помощь народному хозяйству, а также содержал многочисленные детские дома на территории РСФСР и УССР.

Голландские меннониты действовали на территории РСФСР и УССР как через посредничество Нид. КК, так и самостоятельно, в составе Нансеновского комитета.

¹ Голод в Средневолжском крае в 20-30-е годы XX в. 2014. Том 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX в. Сборник документов ГБУСО «Самарский областной государственный архив социально-политической истории», ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Самара. С. 18.

Сведения о гуманитарной деятельности Красного Креста Нидерландов (далее Нид. КК) и других нидерландских организаций помощи на территории РСФСР и Украинской ССР во время голода 1921–1923 гг. содержатся в различных научных публикациях, однако носят разрозненный и зачастую случайный характер. В настоящее время в научной литературе отсутствуют работы, обобщающие и анализирующие деятельность гуманитарных организаций Нидерландов в Советской России в указанный период.

В частности, информацию о работе Нид. КК можно найти только в работах, посвящённых более крупным организациям, как, например, в статье Ю.Ю. Аншаковой (Аншакова 2012), где голландская миссия упоминается в контексте работы Нансеновского комитета в Самарской губернии. Отдельные упоминания о гуманитарной помощи Нидерландов голодающему населению можно обнаружить в краеведческой литературе и научных статьях, посвящённых региональной истории, в частности, в статьях по истории Крымской АССР В.Г. Зарубина и В.А. Крапивенцевой (Зарубин 2011: 214-215, 217-218; Крапивенцева 2010).

Подробнее изучена деятельность нидерландских коммунистических, пролетарских и профсоюзных организаций, отдельных коммунистов. Связано это с повышенным вниманием, с которым в советское время изучали вклад в восстановление народного хозяйства, внесённый интернациональной коммунистической организацией «Международная народная помощь» и производственными и сельскохозяйственными коммунарами зарубежных стран. Упоминания о гуманитарной помощи голландских коммунистов и пролетарских организаций содержатся в монографиях Г.Я. Тарле, Д. Мичева и А.А. Макаренко (Тарле 1968; Мичев 1971; Макаренко 1961). Сведения эти, однако, также не представляют единого целого. Кроме того, они не увязаны с деятельностью других нидерландских организаций помощи.

Исследовательские работы, посвящённые гуманитарной помощи религиозных и сектантских организаций голодающему населению советских России и Украины, рассматривают в основном такие крупные международные организации, как Джойнт – Объединённый распределительный комитет американских фондов помощи евреям, пострадавшим от войны (после 1931 г. – Американский еврейский объединённый распределительный комитет) и Общество Друзей – Квакеры. Сведения о гуманитарной деятельности голландских меннонитов практически отсутствуют в научной литературе, т.к. действовали они в основном через посредничество Нид. КК и других организаций, а работа их собственной миссии в Крыму носила сравнительно скромный характер.

Основной массив документов о деятельности экспедиции Нид. КК в Самарской губернии содержится в архивах Самарской области – в Центральном государственном архиве Самарской области и Самарском областном государственном архиве социально-политической истории, в фондах самарского Помгола, а также в Национальном архиве Швеции (Riksarkivet), в фондах Шведского Красного Креста. В самарских архивах хранятся отчёты Шведского Красного Креста

с информацией о работе Нид. КК, его деловая переписка с советскими органами власти и данные обследования районов работы Нид. КК. В Национальном архиве Швеции находятся на хранении рапорты и отчёты экспедиции Нид. КК, поступавшие в Шведский Красный Крест, а также фотографии участников нидерландской экспедиции. Документальные свидетельства гуманитарной деятельности Международной федерации тред-юнионов, Межрабпома и голландских меннонитов широко представлены в Государственном архиве Российской Федерации, в региональных архивах Республики Крым и Самарской области.

В связи с изложенным настоящая статья ставит перед собой две цели:

1) Обобщить доступные сведения о гуманитарной деятельности Нидерландов по оказанию помощи голодающему населению Советской России и Украины в 1921–1923 гг. в единое целое. Показать основные направления этой деятельности, её географический и демографический охват.

2) Выявить основные источники гуманитарной помощи Нидерландов голодающим советских России и Украины.

Красный Крест Нидерландов и Международный союз помощи детям

В августе 1921 г. в Нидерландах был создан Комитет помощи России, координировавший сбор гуманитарной помощи и работу экспедиции Нид. КК. Секретарём Комитета был избран доктор Бурикс. Первые продовольственные грузы Комитет был готов отправить шведским пароходом в Ригу уже 2 сентября 1921 г.², но основная его работа началась осенью того же года, когда сбором средств занялся Нид. КК.

Нид. КК сосредоточился, главным образом, на Самарской губернии, где организации Нансеновского комитета работали с осени 1921 г. Голландская экспедиция в Самарской губернии действовала под началом Шведского Красного Креста. Это происходило по следующим основаниям:

1) Шведский Красный Крест на тот момент был одной из наиболее авторитетных организаций Красного Креста, осуществлявшей масштабные гуманитарные операции во время Первой мировой войны на огромных территориях России и Центральных держав.

2) Шведский Красный Крест получал стабильное государственное финансирование, тогда как экспедиция Нид. КК финансировалась, по большей части, за счёт частных пожертвований. Кроме того, шведская сторона оплачивала фрахт пароходов, которые доставляли нидерландские грузы из Копенгагена в Петроград и Ревель.

3) Шведский Красный Крест имел большой опыт работы в Самарской губернии, где с 1915 г. действовала шведская миссия помощи военнопленным

² ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 10. Л. 1.

(см. подробнее Olsson 2018), а с 6 декабря 1921 г. – постоянная экспедиция помощи голодающим (Аншакова 2012: 449).

Экспедиция Нид. КК отправилась шведским пароходом «Карке» из Роттердама в Петроград в конце января 1922 г. Сопровождавший грузы делегат Нид. КК Йохан Люгер в письме от 25 января 1921 г. сердечно благодарил Шведский Красный Крест за фрахт судна и успешную доставку экспедиции в Россию³. Дорога из Петрограда в Самару заняла существенно больше времени: голландский эшелон прибыл на вокзал Самары 24 февраля 1922 г. Первоначально экспедиция состояла из четырёх человек: руководителя экспедиции доктора Эдуарда Риммерсма, его заместителя капитана А. Малдера, медсестер Корнелии Фисель и Иоганны Бентем⁴. Позже к ним присоединилась эстонский доктор Маргарита Линебах⁵, которая получала зарплату от Шведского Красного Креста⁶. С первым эшелонам прибыли следующие грузы:

пять вагонов бульонов и супов, всего 4959 пудов брутто;

один вагон бобов – 1000 пудов брутто;

один вагон кукурузной муки – 972 пудов брутто.

10 марта прибыли отставшие в пути грузы:

бульоны и супы – 166 015 кг;

кукурузная мука – 75 795 кг;

бобы – 99 582 кг;

пшеничная мука – 16 430 кг;

сухие овощи – 9 258 кг⁷.

С этими грузами экспедиция выехала в первый район своей деятельности – село Пестравка Самарской губернии. Экспедиция Нид. КК строила работу по правилам Шведского Красного Креста:

кормление голодающих детей в столовых горячей пищей;

помощь по закупке крупного рогатого скота;

помощь в приобретении необходимого сельхозинвентаря;

помощь высококачественными семенами для посева;

санитарная помощь в борьбе с инфекциями (одежда, постельное бельё), санитарная обработка, прививки населения.

За каждым делегатом закреплялись конкретные волостные центры, где они отвечали за гуманитарную помощь, контактировали с выборными представителями от крестьян, распределяли общественные работы (Циденков 2018b: 180).

Для достижения общих показателей калорийности пайков голландская и шведская экспедиции обменивались продуктами между собой и с экспедицией

³ Национальный архив Швеции – Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland/F/Vol. 2. Inc. 28. A. 2 № 1711.

⁴ Riksarkivet. 730236 Svenska Röda Korset, 18 Samaraexpeditionen 1919 – 1924. Fotosamling, Serie 1. Vol. 17.

⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-79. Оп.1. Д. 245. Л. 56.

⁶ Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland/F/Vol. 2.

⁷ ЦГАСО. Ф.Р-79. Оп.1, Д.108. Л. 2.

Чехословацкого Красного Креста, которая работала в той же местности (Циденков 2018а: 67). Калорийность пайков организаций Нансеновского комитета в Самарской губернии составляла в среднем 1250 калорий (Аншакова 2012: 450). Столовые трёх названных экспедиций имели идентичное меню:

понедельник: ржаной хлеб – 225 г, пшённая каша с овощами – 72 г, шведская сельдь – 300 г;

вторник: ржаной хлеб – 225 г, гороховая каша с овощами – 170 г, шведская сельдь – 300 г;

среда: ржаной хлеб – 225 г, гороховая каша с примесью пшённой – 170 г, шведская сельдь – 300 г;

четверг: ржаной хлеб – 225 г, драники – 100 г, шведская сельдь – 300 г, а также 5 г сала, 5 г соли, 5 г сухого молока с собой;

пятница: ржаной хлеб – 225 г, макароны – 75 г, молоко – 380 г, а также 10 г сала и 75 г солонины с собой;

суббота: ржаной хлеб – 225 г, рис с маргарином – 95 г, шведская сельдь – 300 г, яблочный мармелад – 80 г;

воскресенье: как среда (Циденков 2018а: 68).

Село Пестравка стало центром района деятельности Нид. КК. В волостных центрах открывались пекарни, столовые, продовольственные, медицинские и промышленные склады, откуда окрестные сёла получали гуманитарную помощь.

Грузы Нид. КК приходили в Самару по железной дороге один–два раза в месяц, что позволило существенно расширить район деятельности, открыть детские дома для детей-сирот и больницы. К июлю 1922 г. Нид. КК работал преимущественно в волостях на границе Самарского и Пугачёвского уездов. В волостных центрах Самаровке и Дмитриевке голландцы открыли тифозные больницы, в остальных волостных центрах и в Пестравке действовали амбулаторные пункты. Кроме того, Нид. КК содержал городскую больницу №5 в Самаре, больницу в Пестравке, детские дома в Колдыбани, Колокольцовке, Димитриевке и Самаровке⁸.

На «Карте-схеме питательных пунктов Международного, Голландского, Шведского и Чехословацкого Красного Креста», составленной руководством Шведского Красного Креста, основными районами работы Нид. КК на пике его деятельности в июне–июле 1922 г. показаны волостные сёла Пестравка, Колокольцовка, Дмитриевка, Мокша, Самаровка, Томылово, Покровское⁹. В перечисленных сёлах Нид. КК содержал склады, амбулатории, питательные пункты и пекарни, население получало горячие пайки. К волостным центрам были при-

⁸ *Голод в Средневолжском Крае в 20-30-е годы XX века*. 2014. Сборник документов. Самара. С. 332.

⁹ *Riksarkivet. SKR/Byrå för hjälpverksamhet i Ryssland/C1/*. Vol. 3.

креплены окрестные деревни, которые получали с питательных пунктов сухие пайки для раздачи местному населению¹⁰. В этих волостях действовало 19 столовых с пропускной способностью 13 833 человека в сутки¹¹.

В сёлах Томылово и Вязовый Гай были открыты детские дома для сирот, которые снабжались и содержались за счёт Нид. КК. Персонал для них был нанят русский, общее руководство осуществляла медсестра Иоганна Бентем¹².

Всего по состоянию на 1 августа 1922 г. Нид. КК ежедневно кормил, одевал и обеспечивал медикаментами в подопечных волостях 25 200 человек, из них и 12 200 детей¹³. Продовольственный паёк дети, старики, больные, беременные женщины и женщины с малолетними детьми получали безвозмездно, а все остальные – только при условии выполнения общественно-полезных работ (ремонт дорог и зданий, уборка улиц, доставка продуктов и медикаментов и т.п.)¹⁴. Нансеновский комитет, при участии Нид. КК, обеспечивал в Самарской губернии в июле–августе 1922 г. питание 61 000 взрослых и 78 000 детей¹⁵.

В связи с тем, что в 1922 г. в Поволжье ожидался хороший урожай, почти все иностранные организации помощи к концу лета начали сворачивать свою деятельность в пострадавших местностях. Однако в августе стало ясно, что урожай снова погиб из-за засухи и нашествия саранчи, стая которой имела аномальные размеры – её вес оценивался в 44 млн т (Валиева 1965: 17). Большинство иностранных организаций не смогли сразу восстановить свою гуманитарную деятельность в прежнем объёме либо вовсе покинули страну, тогда как Нид. КК лишь незначительно снизил масштабы своей работы. Мы можем объяснить это «голландской предусмотрительностью»: уже в июле доктор Римерсма и капитан Малдер обследовали посевы в подконтрольной области, получив печальные результаты:

«Рожь – засеяно 340 кв. сажень, погибло 80 кв. сажень, в плохом состоянии 158 кв. сажень, в удовлетворительном 87 кв. сажень, в хорошем 15 кв. сажень.

Пшеница – 78 кв. сажень, погибло 33 кв. сажень, в плохом 40 кв. сажень, в удовл. 5 кв. сажень.

Ячмень – 134 кв. сажень, погибло 77 кв. сажень, в плохом 37 кв. сажень, в удовл. 20 кв. сажень.

Овёс – 17 кв. сажень, погибло 10 кв. сажень, в плохом 7 кв. сажень.

Просо – 432 кв. сажень, погибло 432 кв. сажень»¹⁶.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 108. Л. 7.

¹² Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland/C1/. Vol. 4.

¹³ Голод в Средневолжском Крае в 20-30-е годы XX века. 2014. Сборник документов. Самара. С. 332.

¹⁴ Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland/F/. Vol.2.

¹⁵ ЦГАСО. Ф.Р-79. Оп.1. Д. 8. Л. 358.

¹⁶ Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland/F/. Vol.2.

Исходя из этого, Нид. КК, снизив к сентябрю объёмы помощи до 12 000 пайков в сутки¹⁷, уже к 1 октября 1922 г. вернулся к высоким показателям – 16 000 питаемых ежедневно человек¹⁸.

Свою деятельность в Самарской губернии Нид. КК продолжал до 15 августа 1923 г.¹⁹. Фактическое питание населения средствами Нид. КК продолжалось всю зиму с 1922 на 1923 гг. и составляло приблизительно 10 000 человек в сутки²⁰, а с весны – до 17 689 человек²¹. В конце мая 1923 г. Нид. КК прекратил массовое питание населения в Самарской губернии. Июнь–июль прошли в мероприятиях по ликвидации деятельности Нид. КК и передаче неизрасходованного имущества советским властям и Шведскому Красному Кресту, который продолжал работать на территории Самарской губернии до лета 1924 г.

Помимо гуманитарной деятельности, Нид. КК внёс существенный вклад в статистику Самарской губернии. В волостях, подконтрольных Шведскому и Нидерландскому Красному Кресту, проводились подсчёты и сверки данных, необходимых для организации помощи населению, которые дают наглядную картину о движении населения, об экономическом положении волостей и о последствиях голодного бедствия. О последствиях не только голода, но и Первой мировой и Гражданской войн в отдельных местностях мы можем судить по следующим статистическим данным Дмитриевской волости Самарской губернии, собранным под руководством доктора Э. Римерсма в августе 1922 г. (см. табл. 1).

Табл. 1. Число жителей, родившихся и умерших в Дмитриевской волости Пугачёвского уезда в 1914, 1919, 1920, 1921 и 1922 гг.

Table 1. The number of residents born and died in the Dmitrievskaya volost of the Pugachev district in 1914, 1919, 1920, 1921 and 1922.

Год:	Родилось мужчин	Родилось женщин	Умерло мужчин	Умерло женщин	Всего жителей
1914	255	256	122	124	8396
1919	168	170	136	144	8110
1920	221	207	106	111	7728
1921	239	230	237	223	5989
январь – июль 1922	47	34	250	206	5395

Источник: по материалам Riksarkivet, SE/RA/Svenska Röda Korset/730236/1/18 Samaraexpeditionen 1919-1924. Vol. 2F.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 91. Л. 165.

¹⁸ Голод в Средневолжском Крае в 20-30-е годы XX века. 2014. Сборник документов. Самара С. 330.

¹⁹ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 54. Л. 63.

²⁰ Голод в Средневолжском Крае в 20-30-е годы XX века. 2014. Сборник документов. Самара. С. 330.

²¹ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 108. Л. 44.

Как мы видим, в 1921 г. показатели смертности населения волости резко возросли и оставались весьма высокими в первую половину следующего года. При этом убыль населения существенно превышала показатели смертности, что объясняется миграцией беженцев из пострадавшего региона.

Табл. 2. Поголовье скота в сёлах Дмитриевка и Богдановка Дмитриевской волости в 1914, 1920, 1921–первой половине 1922 гг.

Table 2. Livestock in the villages of Dmitrievka and Bogdanovka of the Dmitriev Volost in 1914, 1920, 1921–first half of 1922.

	1914 г.	1920 г.	1921–14.07.1922 г.
Лошади	с. Дмитриевка – 1744 с. Богдановка – 1957	с. Дмитриевка – 1228 с. Богдановка – 1342	с. Дмитриевка – 251 с. Богдановка – 308
Верблюды	с. Дмитриевка – 92 с. Богдановка – 168	с. Дмитриевка – 68 с. Богдановка – 98	с. Дмитриевка – 24 с. Богдановка – 73
Коровы	с. Дмитриевка – 1170 с. Богдановка – 1639	с. Дмитриевка – 953 с. Богдановка – 1192	с. Дмитриевка – 425 с. Богдановка – 416
Овцы и козы	с. Дмитриевка – 3724 с. Богдановка – 5224	с. Дмитриевка – 3397 с. Богдановка – 4026	с. Дмитриевка – 131 с. Богдановка – 251
Свиньи	с. Дмитриевка – 540 с. Богдановка – 519	с. Дмитриевка – 118 с. Богдановка – 89	с. Дмитриевка – 0 с. Богдановка – 0
Куры	с. Дмитриевка – 4608 с. Богдановка – 11041	с. Дмитриевка – 4200 с. Богдановка – 6740	с. Дмитриевка – 300 с. Богдановка – 573

Источник: по материалам Riksarkivet, SE/RA/Svenska Röda Korset/730236/1/18 Samaraexpeditionen 1919–1924. Vol. 2F.

Из представленных в Таблице 2 данных мы можем сделать вывод о том, что за годы Первой мировой войны, Гражданской войны и военного коммунизма произошло существенное, но не критичное сокращение поголовья рабочего и домашнего скота в крестьянских хозяйствах. В то время как голодная катастрофа 1921 г. фактически разорила население, сократив количество скота в разы, практически лишив крестьян транспорта и конной силы на полевых работах, полностью уничтожив поголовье свиней.

Ввиду крайне слабой работы статистических органов во многих поражённых голодом местностях собранные организациями Красного Креста данные играли более чем существенную роль при распределении не только иностранной, но и советской гуманитарной помощи, и в дальнейшем использовались при восстановлении и развитии народного хозяйства.

Советская власть оказывала на территории Самарской губернии полное содействие экспедиции Нид. КК, контактируя в основном с её шведским руководством. Деятельность Шведского Красного Креста и Нансеновского комитета в целом советское руководство считало образцовой и бесконфликтной. Экспедиция Шведского Красного Креста в Самаре, в которую и входила миссия Нид. КК, неоднократно получала официальные благодарности и удосто-

илась похвалы видного большевика, председателя Самарского губисполкома В.А. Антонова-Овсеенко²².

Помимо работы в Самарской губернии, Нид. КК осуществлял отдельные операции в Крымской АССР. Эти операции носили автономный и разовый характер и осуществлялись совместно с организациями Германского и Итальянского Красного Креста в местах расселения голландских и немецких колонистов. Так, в первых числах мая 1922 г. представители Итальянского Красного Креста и Нид. КК завезли в республику около 3 000 пудов продовольствия²³, а в августе 1923 г. Нид. КК и Германский Красный Крест доставили в республику два вагона с продовольствием и четыре трактора²⁴.

Как отмечалось выше, Нид. КК входил в состав МСПД и использовал свой аппарат и ресурсы также для сбора средств и доставки грузов этой организации в Россию и на Украину. На местах эти грузы распределяла собственная экспедиция МСПД, которая работала главным образом в Саратовской губернии и в Трудовой области немцев Поволжья (Немкоммуне), где на пике своей деятельности летом 1922 г. обеспечивала питанием 301 500 детей (Аншакова 2017: 80), а также в крупных городах на поражённой голодом территории. Согласно отчёту МСПД о деятельности экспедиции в советской России, с 1 октября 1921 г. по 31 июля 1923 г. Нид. КК доставил 1 313 988 пайков для раздачи голодающим детям Поволжья²⁵.

С июня 1922 г. по май 1923 г. МСПД развернул широкую кампанию по питанию детей в Украинской ССР. В Харькове, Полтаве, Киеве, Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Елисаветграде и Запорожье было открыто 84 столовых, в которых горячее питание получали 29 200 детей. Из этого числа 2 650 детей питались на средства Нид. КК²⁶.

В контексте действий Нид. КК и МСПД в советской России необходимо упомянуть о несостоявшемся проекте отправки детей из голодающих местностей в Нидерланды для поправки здоровья. 17 июля 1922 г. Нидерландское отделение МСПД обратилось к полпреду РСФСР в Германии Н.Н. Крестинскому с официальным письменным предложением разместить порядка 150 детей из голодающих губерний в голландских семьях. Инициаторами такого предложения выступали, в первую очередь, семьи голландских фермеров, рабочих, учителей и других представителей среднего класса. Правительство Нидерландов давало принципиальное согласие на приём советских детей с единственным условием: через медицинский карантин. Проезд детей на поезде через территории Прибалтийских стран и Германии голландцы брали под свою ответственность²⁷.

²² «Коммуна». 1922. 4 февраля. С. 2.

²³ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 448. Л. 9.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 285. Л. 41.

²⁵ L'Union internationale de secours aux enfants en Russie, 1921–1923. Bulletin No. 60, décembre 1923. P. 1184.

²⁶ Там же. P. 1190.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 71. Л. 2.

Рис.1. Плакат Нид. КК с призывом жертвовать средства на помощь голодающим детям России

Pic. 1. Poster of the Dutch Red Cross with an appeal to donate funds to help the starving children of Russia

18 июля Крестинский переправил это письмо в Наркомат иностранных дел (далее – НКВД), заведующей Заграничным отделом ЦК Помгол О.Д. Каменевой²⁸. 29 июля НКВД ответил своим согласием «по политическим соображениям»²⁹. Однако 27 июля Деткомиссия ВЦИК и ЦК Помгол приняли принципиальное решение об отказе «от всякой эвакуации детей за границу»³⁰. 10 августа Наркомат просвещения также высказался против отправки детей в Нидерланды, подробно обосновав своё решение тем, что состоявшаяся эвакуация детей в

²⁸ Там же. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 24.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 71. Л. 24.

Чехословакию дала отрицательные результаты: перевозка обошлась крайне дорого и дети подверглись антисоветским провокациям³¹. Очевидно, что Наркомпрос имел в виду инцидент в карантинном лагере в Пардубице на территории Чехословакии, в котором «бывшие врангелевские офицеры» из стоявшей по соседству казачьей части проникли к советским детям и подвергли их унижениям и издевательствам (Смирнова 2007: 77). В результате протестов ЦК Помгол, Деткомиссии ВЦИК и Наркомата просвещения в эвакуации детей в Нидерланды было отказано.

Международная федерация тред-юнионов

Второй по значимости организацией, доставлявшей из Нидерландов гуманитарную помощь голодающим советской России, была МФТЮ, также известная как «Амстердамский Интернационал». Созданная в Амстердаме в 1919 г. Федерация объединяла 17,74 миллиона членов профсоюзов стран Европы, Америки, Австралии и Южной Африки (Van Goethem 2001: 27). Несмотря на то, что стоявшая на позициях II Интернационала МФТЮ пребывала во враждебных отношениях с коммунистическими профсоюзами и отказалась от сотрудничества с коммунистическим Межрабпомом, в помощи голодающим РСФСР и УССР Федерация приняла деятельное и самостоятельное участие.

В рамках заключённого 5 ноября 1921 г. официального договора с советским правительством Федерация брала на себя обязательство по обеспечению питанием 40 000 человек в Чувашской автономной области³². При МФТЮ была создана Комиссия помощи голодающим России, которую возглавил видный деятель английского профсоюзного движения Джеймс О'Грэйди³³. Согласно заявлению О'Грэйди, МФТЮ уже в январе 1922 г. располагала 50 000 фунтов стерлингов пожертвований от членов профсоюзов и планировала довести эту цифру до 200 000 фунтов³⁴.

Свою работу в Чувашской автономной области миссия МФТЮ начала в январе 1922 г. и к 20 февраля открыла 516 столовых, в которых получали питание 37 851 человек³⁵. На пике своей деятельности, в июне 1922 г., МФТЮ содержала в Чувашии 441 столовую, где получали питание 96 628 человек, в т.ч. 45 126 детей³⁶. Однако в июле организация не смогла изыскать средства для продолжения работы, резко сократила объём питаемого населения и вскоре полностью прекратила свою деятельность. Выделить из этого объёма гуманитарную помощь

³¹ Там же. Л. 28.

³² ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.

³³ Там же.

³⁴ *Morning Post*, 06.01.1922. Р. 3.

³⁵ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.

³⁶ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 49. Л. 55.

от голландских профсоюзов в настоящее время не представляется возможным. Тем не менее о деятельном голландском участии в работе миссии МФТЮ свидетельствуют следующие обстоятельства:

в состав первой экспедиции под руководством О'Грэйди входил мэ́р Амстердама Виллем де Влугт³⁷, которого сопровождала внушительная делегация голландских служащих (Александров 1960: 25-26);

с осени 1922 г. по июнь 1923 г. эшелоны с грузами МФТЮ сопровождал нидерландский профсоюзный деятель и политик Томсон. Во время одной из поездок, в январе 1923 г., у Томсона из купе неизвестные похитили сумку с 30 тысячами французских франков³⁸.

Организация международной рабочей помощи

Организация международной рабочей помощи (Межрабпом, Internationale Arbeiterhilfe) была создана по инициативе В.И. Ленина и видного немецкого коммуниста Вилли Мюнценберга в августе 1921 г. в Берлине. Первоначально именно оказание пролетарской помощи в борьбе с голодом в советской России стало главной задачей Межрабпوما. В его учредительной конференции участвовали представители практически всех европейских коммунистических партий, а также сочувствующие учёные, инженеры, артисты и писатели.

Голландская помощь по линии Межрабпوما прежде всего ассоциируется с именем Себальда Рутгерса – основателя знаменитой трудовой коммуны «АИК Кузбасс». Инженер и коммунист С. Рутгерс смог объединить несколько сотен иностранных инженеров, шахтёров и рабочих, которые за рекордные сроки превратили Кузбасс в один из важнейших центров угольной промышленности. Так, благодаря работе группы Рутгерса добыча угля в Кузбасском бассейне увеличилась за 1923–1925 гг. на 238%, а себестоимость продукции понизилась на 41%. Были восстановлены химический завод и электростанция, электрифицировано большинство шахт (Мичев 1971: 81, подробнее об «АИК Кузбасс» см. Тарле 1968).

Коммунисты Нидерландов приняли участие в работе Межрабпوما с момента его основания. В учредительный комитет вошла известная голландская поэтесса, автор голландского текста «Интернационала» Генриетта Роланд Холст ван дер Схалк (Мичев 1971: 48). 2 000 нидерландских коммунистов к сентябрю 1921 г. отправили Межрабпому 10 000 гульденов (Макаренко 1963: 148), а всего за «голодную кампанию» 1921–1922 гг. собрали для русских голодающих около полумиллиона гульденов³⁹. На деньги голландских коммунистов содержалось

³⁷ У Александрова ошибочно «Вудерс» – прим. авт.

³⁸ ГА РФ. Р-1058. Оп. 1. Д. 365. Л. 358.

³⁹ Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. 1922. № 18. С. 11.

два детских дома: им. Карла Маркса в Самаре на 70 детей и в Смолино Нижегородской губернии на 85 детей⁴⁰.

Кроме того, в 1922 г. в Челябинске была организована школа-коммуна на 175 детей-сирот, которая содержалась на средства «Союза молодёжи Голландии, Германии, Франции и Японии» (Каменева 1923: 60-61).

Меннониты

В 1921–1923 гг. на территории советских России и Украины действовали многочисленные религиозные и сектантские организации помощи. Подавляющее их большинство стремились работать в местах компактного проживания единоверцев. Советское правительство не препятствовало такой политике, однако настоятельно и деятельно требовало оказывать помощь в равной пропорции, один к одному, всему населению на подопечных территориях. Помощь голодающим от голландских (и немецких) меннонитов поступала через посредничество Нансеновского комитета.

В сентябре 1921 г. представитель голландских меннонитов Якоб Кёкебаккер уведомил заместителя народного комиссара иностранных дел РСФСР М.М. Литвинова о том, что меннонитские общины Нидерландов намерены оказать продовольственную помощь своим единоверцам в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, а также в поселениях на территории Самарской и Уфимской губерний⁴¹. В рамках договора с Нансеновским комитетом в октябре 1921 г. с голландскими меннонитами в лице Кёкебаккера был составлен отдельный договор, согласно которому они обязались предоставить гуманитарную помощь населению меннонитских колоний без различия вероисповедания на общую сумму в 75 000 американских долларов⁴².

Основную деятельность голландские меннониты развернули на Украине и в Крыму – местах наиболее многочисленного расселения своих единоверцев. Первые столовые голландских меннонитов открылись в Запорожской и Николаевской губерниях УССР. Они работали с мая по октябрь 1922 г., обеспечивая питанием 21 000 человек ежедневно⁴³.

В Крымской АССР действовала отдельная миссия голландских меннонитов в количестве восьми человек во главе с Иогенсом – крупным фермером и соучредителем фирмы *Altius & Co*, которая работала в Архангельске на паях с советским Северолесом⁴⁴. Миссия сосредоточила свою деятельность в восточ-

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 38. Л. 193-195.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 6. Л. 39.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 217. Л. 7.

⁴³ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 49. Л. 55.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

ной части Евпаторийского уезда, куда доставляли грузы из Севастополя. Среди местного населения миссия Иогенса распределила шесть голландских и четыре немецких вагонов с грузом пшеницы и фасоли⁴⁵. Всего в Крыму, через посредничество Германского Красного Креста, голландские меннониты распределили 60 000 пудов продовольствия с мая по сентябрь 1922 г.⁴⁶

Помимо продовольственной помощи, голландские меннониты намеревались создать в Крыму образцовую сельскохозяйственную коммуну, для чего Иогенс завёз пароходом в Севастополь 45 000 пудов семян⁴⁷. Однако на переговорах выяснилось, что Иогенс собирался использовать продукцию будущей коммуны для обеспечения питанием работников более крупного предприятия – бывшего Русско-французского металлургического завода в Керченском районе и Сакского бромного завода с прилегающим озером, из водорослей которого получали бром⁴⁸. Эти предприятия голландцы хотели приобрести в долгосрочную концессию. Власти Крымской АССР сочли такую сделку стратегически невыгодной и предложили Иогенсу распределить завезённые семена среди населения Евпаторийского уезда, что и было исполнено⁴⁹.

Для меннонитов Самарской губернии грузы доставлялись посредством Нид. КК и данные об их распределении входят в общую статистику работы экспедиции Нид. КК, приведённую выше.

Заключение.

До настоящего времени помощь Нидерландов советским России и Украине во время голода 1921–1923 гг. остаётся малоизученной. В своей статье мы постарались обобщить и структурировать выявленные сведения по этой теме. Как мы видим, помощь Нидерландов, сравнительно небольшая по объёму, носила комплексный характер, будучи представленной во всех областях гуманитарной деятельности. Помощь распределялась в основном в Поволжье, Крыму и восточных губерниях Украинской ССР. Основными её источниками были:

- общественные и благотворительные организации (Нид. КК, отделение МСПД в Нидерландах);
- рабочие коллективы коммунистической и социалистической направленности, а также отдельные энтузиасты;
- профсоюзные организации II Интернационала;
- общины меннонитов.

⁴⁵ Там же. Л. 6.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

⁴⁷ Там же. Л. 27.

⁴⁸ Там же. Л. 16.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 16, 27.

Нид. КК полностью выполнил свои обязательства в составе Нансеновского комитета к сентябрю 1922 г. и позднее действовал по собственной инициативе. Коммунисты Нидерландов, несмотря на свою малочисленность и политическую слабость, смогли оказать реальную помощь и в спасении голодающих, и в восстановлении народного хозяйства.

Что касается питания голодающего населения, то здесь первенство принадлежит Нид. КК и голландскому отделению МСПД: на пике своей деятельности они обеспечивали питанием порядка 30 000 человек в сутки в течение года. Голландские меннониты в течение пяти месяцев кормили 21 000 человек в восточных губерниях Украинской ССР и несколько тысяч человек в Крыму. Количество населения Чувашии, получавшего в 1922 г. продовольствие от профсоюзов Нидерландов через МФТЮ, установить в настоящее время не представляется возможным. По линии Межрабпома мы можем говорить о трёх детских домах в Советской России, которые в течение года содержали голландские рабочие и коммунисты. Главный вклад в борьбу с голодом внесла группа Рутгерса – «АИК Кузбасс» начала давать стране уголь в самый разгар топливного кризиса, что позволило существенно ускорить и улучшить движение эшелонов с продовольствием и иной гуманитарной помощью для голодающих.

Особенно важно отметить, что граждане и организации Нидерландов оказывали помощь в отсутствии дипломатических отношений между нашими странами, что, на наш взгляд, является свидетельством не только искренней симпатии между нашими народами, но и подлинно народной дипломатии, которая способна эффективно работать в условиях крайне сложной политической обстановки.

Об авторе:

Григорий Геннадиевич Циденков – кандидат социологических наук, доцент кафедры Отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета. 443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67. E-mail: gcidenkov@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 339.96, 339.726.2
Received: July 10, 2022
Accepted: December 12, 2022

Humanitarian Aid of the Red Cross and Other Public Organizations of the Netherlands To Soviet Russia During the Famine of 1921–1923

G.G. Tsidenkov
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-87-105](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-87-105)

Samara State University of Social Sciences and Education

Abstract: Historiography of the famine in Soviet Russia and Ukraine 1921-23. includes a large number of scholar papers covering foreign humanitarian aid to starving population in the context of the work of such large organizations as the American Relief Administration, the Nansen Committee, etc. At the same time, there are practically no articles and thesis which fully describe the assistance to the Soviet starving from individual states and national aid committees. The purpose of this article is to highlight and summarize the main aspects of the activities of the Dutch charitable and public organizations on the territory of Soviet Russia and the Ukrainian SSR during the famine of 1921-23 on the basis of documents from the Russian central and regional archives, as well as the National Archives of Sweden, whose data are first introduced into the scientific circulation. Despite the absence of diplomatic relations between Soviet Russia and the Netherlands, representatives of almost all sectors of Dutch society took part in that activities. The collected data allow us to identify four main channels for the receipt of Dutch humanitarian aid in the areas affected by crop failure:

- 1) Pro-government and public charitable organizations (the Red Cross of the Netherlands, the Dutch branch of the International Union "Save the Children"), which provided aid to the population in Volga region, Crimea and in Ukraine. In addition to sending humanitarian supplies, the Dutch Red Cross equipped its own expedition to Samara province;
- 2) Associations of trade unions of the Second International, which participated in the financing of an independent expedition of the "International Federation of Trade Unions" to the Chuvash Autonomous Region;
- 3) communist trade unions and associations of the Netherlands, acting through the organization "International Workers' Aid", which took part in the restoration of the Soviet national economy, and also maintained numerous orphanages in Soviet Russia;
- 4) Religious societies of Dutch Mennonite Protestants, which sent humanitarian aid to the places of settlement of their co-religionists, where, at the insistence of the Soviet government, they provided aid to all those in need, regardless of religion.

All the activities of various Dutch organizations and individual citizens in Soviet Russia and the Ukraine showed the readiness of the population and political forces of the Netherlands to maintain close contacts and interaction between our peoples, regardless of the official relations of states and political differences.

Keywords: the famine of 1921-23, humanitarian aid, Netherlands Red Cross, Nansen Committee, Netherlands, Mennonites, "Mezhrabpom", Ukraine, Volga region, Crimea

About the authors:

Grigoriy G. Tsidenkov – candidate of sociological sciences, docent of the Chair of Russian History and Archeology, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation. 443099, Russia, Samara, ul. M. Gorky, 65/67. E-mail: gcidenkov@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

- Olsson P.A. 2018. *Krigets fångar och änglar: Svenska hjälparbetare under första världskriget*. Stockholm: Historiska media. 331 s. (In Swedish)
- Goethem van G. 2001. *De Internationale van Amsterdam: de wereld van het Internationaal Vakverbond, IVV (1913–1945)*. Universiteit van Amsterdam. Faculteit der Geesteswetenschappen. 280 s. (In Dutch)
- Aleksandrov V.N. 1960. *V bor'be s posledstviyami neurozhaya 1921 g. v CHuvashii. Vospominaniya*. [In the Fight Against the Consequences of the Crop Failure of 1921 in Chuvashia. Memories]. Cheboksary: Chuvashgosizdat. 48 p. (In Russian)
- Anshakova Yu.Yu. 2012. Gumanitarnaya deyatel'nost' Shvedskogo Krasnogo Kresta v Rossii vo vremya goloda nachala 1920-h godov [Humanitarian Activities of the Swedish Red Cross in Russia During the Famine of the Early 1920s]. *Rossiyskaya gosudarstvennost': ot istokov do sovremennosti. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Samara. P. 448-453. (In Russian)
- Anshakova Yu.Yu. 2017. Iz prostogo chelovekolyubiya: o rabote Mezhdunarodnogo soyuza pomoshchi detyam v Povolzh'e vo vremya goloda nachala 1920-h godov [Out of Simple Humanity: about the Work of the International Union for Helping Children in the Volga Region During the Famine of the Early 1920s.]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN*. 19(3). (In Russian)
- Kameneva O.D. 1923. *Kak proletarii vsekh stran pomogayut golodayushchim Rossii* [How the Proletarians of all Countries Help the Starving of Russia]. Moscow. 88 p. (In Russian)
- Krapiventseva V.A. 2010. Predposylki goloda v Krymu v 1921–1923 godah [Prerequisites of Famine in Crimea in 1921–1923]. *The Black Sea region. History, politics, culture*. №2. P. 78–81. (In Russian)
- Makarenko A.A. 1963. *Mirovoj proletariat – strane Sovetov* [The World Proletariat to the Country of Soviets]. Kiev: Izd-vo Akademii nauk USSP. 283 p. (In Russian)
- Michev D. 1971. *Mezhrabpom – organizaciya proletarskoj solidarnosti. 1921–1935* [Mezhrabpom is an Organization of Proletarian Solidarity. 1921–1935]. Moscow: «Mysl'». 303 p. (In Russian)
- Smirnova T.M. 2007. O sud'be sovetских detej, evakuirovannyh v CHEKhoslovakiyu v nachale 1920-h godov [About the Fate of Soviet Children Evacuated to Czechoslovakia in the Early 1920s]. *Otechestvennaya istoriya*. №1. P. 77–93. (In Russian)
- Tarle G. Ya. 1968. *Druz'ya strany Sovetov: uchastie zarubezhnyh trudyashchihsya v vostanovlenii narodnogo hozyajstva SSSR v 1920-1925 gg.* [The Friends of the Soviet Country: Participation of Foreign Workers in the Restoration of the National Economy of the USSR in 1920–1925]. Nauka. 371 p. (In Russian)
- Tsidenkov G.G. 2018. Gumanitarnaya pomoshch' chekhoslovackogo Krasnogo Kresta RSFSR i USSR vo vremya goloda 1921-1923 gg. [Humanitarian Aid of the Czechoslovak Red Cross for Soviet Russia and Ukraine During the Famine of 1921–1923s]. *Vestnik MGIMO*. 6(63). (In Russian)

Tsidenkov G.G. 2018. Organizacionnaya struktura missii Shvedskogo Krasnogo Kresta po okazaniyu pomoshchi golodayushchim Samarskoj gubernii vo vremya goloda 1921-1923 godov [Organizational Structure of the Swedish Red Cross Mission to Help the Starving of Samara Province During the Famine of 1921–1923]. *Samarskij nauchnyj vestnik*. 7(1(22)). P. 179-182. (In Russian)

Valieva D.V. 1965. *Sovetsko-iranskije kul'turnye svyazi (1921-1960 gg.)* [Soviet-Iranian Cultural Ties (1921–1960)]. Akad. nauk UzSSR, In-t vostokovedeniya im. Abu Rajhana Biruni. Tashkent: Nauka. 172 p. (In Russian)

Zarubin V.G. 2011. Karaïmskaya obshchina Kryma i golod 1921–1923 gg. [Karaite Community of Crimea and the Famine of 1921–1923]. *Scientific works on Judaism*. P. 214-218. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Александров В.Н. 1960. *В борьбе с последствиями неурожая 1921 г. в Чувашии. Воспоминания*. Чебоксары: Чувашгосиздат. 48 с.

Аншакова Ю.Ю. 2012. Гуманитарная деятельность Шведского Красного Креста в России во время голода начала 1920-х годов. *Российская государственность: от истоков до современности. Материалы международной научной конференции*. Самара. С. 448-453.

Аншакова Ю.Ю. 2017. Из простого человеколюбия: о работе Международного союза помощи детям в Поволжье во время голода начала 1920-х годов. *Известия Самарского научного центра РАН*. 19(3).

Валиева Д.В. 1965. *Советско-иранские культурные связи (1921–1960 гг.)*. Акад. наук УзССР, Ин-т востоковедения им. Абу Райхана Бируни. Ташкент: Наука. 172 с.

Зарубин В.Г. 2011. Караимская община Крыма и голод 1921–1923 гг. *Научные труды по иудаике*. С. 214-218.

Каменева О.Д. 1923. *Как пролетарии всех стран помогают голодающим России*. Москва. 88 с.

Крапивенцева В.А. 2010. Предпосылки голода в Крыму в 1921–1923 годах. Причерноморье. *История, политика, культура*. №2. С. 78-81.

Макаренко А.А. 1963. *Мировой пролетариат – стране Советов*. Киев: Изд-во Академии наук УССР. 283 с.

Мичев Д. 1971. *Межрабпом – организация пролетарской солидарности. 1921–1935*. Москва: «Мысль». 303 с.

Смирнова Т.М. 2007. О судьбе советских детей, эвакуированных в Чехословакию в начале 1920-х годов. *Отечественная история*. №1. С. 77-93.

Тарле Г.Я. 1968. *Друзья страны Советов: участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920-1925 гг.* Наука. 371 с.

Циденков Г.Г. 2018. Гуманитарная помощь чехословацкого Красного Креста РСФСР и УССР во время голода 1921-1923 гг. *Вестник МГИМО-Университета*. 6(63). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-62-80

Циденков Г.Г. 2018. Организационная структура миссии Шведского Красного Креста по оказанию помощи голодающим Самарской губернии во время голода 1921-1923 годов. *Самарский научный вестник*. 7(1(22)). С. 179-182.

Military Deterrence vs Foreign Interference: Record of the Cold War

I.A. Istomin

MGIMO University

Abstract: Academic literature is largely skeptical regarding the role of military deterrence in addressing low-level coercion. The stability-instability paradox suggests that increasing destructiveness of the armed forces (especially with the emergence of nuclear weapons) diminishes their utility in response to limited wars, proxy conflicts or economic sanctions. Recent debates often extend the same logic to foreign interference in internal affairs, as they position it as a supplement for forcible rivalries. This article seeks to advance understanding of the linkage between military deterrence and foreign interference in internal politics by exploring the record of the early Cold War starting from 1948 to the mid-1950s. The analysis attests that concern over the Soviet military capabilities had a major restraining effect on Washington. As a result, the US pursued more cautious activities against the Soviet Union in comparison to the campaigns targeting less capable states. This historical record reveals that interference is more amenable to military deterrence than other types of low-level coercion. It differs from them, as covert operations produce an existential danger to the political leaders of a target state, inciting overreaction on their behalf. Therefore, they create escalation risks when threatening a great power. Interference exacerbates confrontation even between adversaries that perceived each other as malign beforehand. Apart from signaling hostile intentions, it aggravates a sense of urgency on finding a response. Although military capabilities do not provide a direct solution to political threats, they serve as a repellent against potential subversive activities. These conclusions do not depend on the specific type of interference pursued by external agents. The findings of the article demonstrate that cross-domain deterrence is more prevalent than stability-instability paradox envisages.

Keywords: foreign interference in internal affairs, covert operations, military deterrence, nuclear weapons, Cold War, US, Soviet Union, Italy, Albania, Iran

UDC: 327, 321.8

Received: November 11, 2022

Accepted: December 01, 2022

John J. Mearsheimer, in his magisterial book on great power politics, claimed: “great powers inherently possess some offensive military capability, which gives them the wherewithal to hurt and possibly destroy each other. States are potentially dangerous to each other, although some states have more military might than others and are therefore more dangerous” (Mearsheimer 2001: 30). However, as the danger is mutual great powers tend to avoid potentially devastating clashes with each other. Therefore, major wars between them remain relatively rare throughout history (Braumoeller 2019).

As great powers seek other ways to coerce or undermine their peers, meddling in internal politics of an adversary constitutes a tempting alternative (Kastner, Wohlforth 2021). It promises acquisition of competitive advantage even without resorting to arms. Foreign interference sows discord weakening a target state and empowers local sympathizers, potentially turning a foe into a friend (Istomin 2022). In this regard, it complements a toolbox of non-forcible and indirect means applied in great power rivalries, which also includes economic sanctions and proxy conflicts.

How does military and especially nuclear deterrence affect this lower-level coercion? On the one hand, the logic of inadvertent escalation should put a limit even on non-forcible harassment (Wohlforth 2020). It imposes a risk of a military response to foreign interference in internal politics. On the other, the stability-instability paradox suggests that the rising costs of an all-out war elevate the threshold for resorting to arms (Liddell Hart 1960: 23; Snyder 1961: 226; 1965; Jervis 1984: 31, 1989: 19-22). Abundant military capabilities even incentivize non-forcible coercion, making armed responses to meddling highly doubtful.

Arbitration between these two perspectives became urgent for the debates on great power rivalries by the 2020s. Growing anxiety over foreign interference in internal politics largely neglect links to military deterrence, treating it as a lucrative alternative to forcible coercion¹. This approach allocates a narrow niche to military capabilities in strategic competition. The enormous destructive potential of nuclear weapons reduces their utility apart from protection against similar armaments of the other side. Nevertheless, some military analysts allocate have a profound and omnipresent role to nuclear weapons in great power rivalries².

¹ For example, the Russian Minister of Defense Sergey Shoigu suggested that interference pursued by the West “allows with minimum resources and limited use of one’s arms and armed forces to crush regional powers, advancing political and economic aims”. [Shoigu said that the likelihood is high that the geography of ‘color revolutions’ will expand]. *RIA Novosti*. 21.02.2017. URL: <https://ria.ru/20170221/1488497860.html> (accessed: 25.02.2023) (In Russian).

² The most prominent voice in this regard is Matthew Kroenig, see (Kroenig 2018).

This paper seeks to advance understanding of the linkage between military deterrence and foreign interference in internal politics by exploring the record of the early Cold War starting from 1948 to the mid-1950s. It examines how the concerns over formidable Soviet capabilities affected US covert operations against Moscow. It also compares the US efforts to undermine the Soviet regime with its activities targeting less capable states. Thus, it combines cross-temporal and cross-country comparisons to assess the potential linkage.

The analysis attests that concern over the Soviet military capabilities had a major restraining effect on Washington. Even when it held a monopoly on atomic weapons, the US still expressed anxiety over potential conventional military responses to their covert operations. As a result, Washington pursued lower-level activity against the Soviet Union in comparison to the campaigns targeting less capable states. However, the US did not fully renounce covert operations against the opposing superpower, revealing the limitations of a military deterrent.

This cautious balance survived changes in US administrations, demonstrating that it was not a product of individual idiosyncrasies of specific decision makers. Even Republican hardliners, who criticized Democratic predecessors, became cautious with the advancement of Soviet nuclear arsenal. Illustratively, Washington passed an opportunity to scale up its meddling despite the relative relaxation of internal security in the Soviet Union after the death of Stalin. Therefore, it is possible to designate the effect of military capabilities on foreign interference as that of partial deterrence.

The historical record of the early Cold War represents a hard case for the claim regarding constraining effects of military deterrence. The 1950s acquired designation as the “golden age” of covert operations. Therefore, the US wariness in targeting Moscow did not proceed from ethical aversion or incapacity to pursue it. Despite the loss of its monopoly on atomic weapons, Washington retained nuclear superiority throughout this period and even considered preventive strikes against its opponent (Betts 1987). Henceforth, the article points to the importance of overall military deterrence rather than purely nuclear balance.

Theorizing beyond the specific case, the article argues that interference invites greater escalation concerns than other types of non-forcible or indirect coercion. Unlike the alternatives, it directly challenges the national leadership of a target state, which increases the risks of overreaction on its behalf. An initiator faces a hard time proving to its target that meddling remains below the threshold of forcible response. As a result, foreign interference in internal politics contradicts preceding inferences on stability-instability paradox.

These findings contribute to the debates over the fungibility of various sources of power in international politics (Baldwin 1979, 1999). They affirm the utility of military capabilities beyond averting and responding to a direct armed attack. Henceforth, the article contributes to the ongoing exploration of the preconditions for cross-domain

deterrence (Cross-Domain Deterrence 2019). Despite reliance on historically remote record, its conclusions are applicable to the recent anxieties over interference as part of ongoing great power rivalries.

The following analysis proceeds in six sections. First, I examine the logic of stability-instability paradox, illuminating diminishing utility of increasingly destructive force. Second, I provide a theoretical explanation behind the escalatory potential of interference. Third, I describe the record of the US covert operations against Moscow. Fourth, I reveal the US anxieties about potential war with the Soviet Union and its constraining effects on confrontation. Fifth, I compare this record with cases of US interference targeting less capable states. Finally, I draw generalizable lessons from the study.

Promise and perils of military deterrence

Military deterrence (with a particular emphasis on nuclear weapons) constituted the primary subject of strategic studies since their inception⁴. This section examines the broader impact of military capabilities on great power rivalries. It highlights deficiencies in relying on nuclear weapons as a remedy against lower-level coercion, such as proxy conflicts or economic warfare. Moreover, it explores specific attributes of foreign interference in internal politics, which diminish the credibility of military deterrence in addressing this threat.

Armed forces traditionally constituted the ultimate arbiter in international politics. The rise in destructiveness of modern weapons throughout the 20th century incited interest towards its role in deterring rather than defeating an adversary. This emphasis became especially evident in debates over nuclear weapons, commonly viewed as a revolutionary invention in warfare (Mandelbaum 1981; Jervis 1989). A pioneer of strategic research Bernard Brodie argued, “Thus far the chief purpose of our military establishments has been to win wars. From now on its chief purpose must be to avert them. It can have almost no other useful purpose” (Brodie 1946: 76).

However, expectations regarding the pacifying effect of atomic and thermonuclear weapons invited qualifications. B.H. Liddell Hart claimed: “to the extent that the H-bomb reduces the likelihood of full-scale war, it increases the possibility of limited war pursued by widespread local aggression” (Liddell Hart 1960: 23)⁵. Glenn Snyder defined this dynamic as the stability-instability paradox (Snyder 1965). He noted that the very destructiveness of weapons reduces their applicability in great power rivalries. In competition between peers, nuclear capabilities nullify each other for most contingencies apart from safeguarding the state from full-scale military attack.

³ See, for example, (Jeffreys-Jones 2003: 81-99).

⁴ For the historical account of the discipline, see (Kaplan 1991).

⁵ Designation H-bomb refers to the thermonuclear weapon (otherwise known as hydrogen weapon).

The potential devastation of an all-out war between nuclear powers undermines the commitment to massive retaliation against secondary threats. Thus, effective deterrence requires additional options apart from the menace of nuclear annihilation to address lower-level coercion. During the Cold War, this urge encouraged strategies of flexible response, aspiring to dissuade an adversary from offensive actions by denial rather than by unacceptable punishment (Snyder 1961).

Meanwhile, nuclear weapons did not deter the Soviet Union and the US from facing each other in local conflicts across the global periphery⁶. Apart from supporting proxies, they engaged in direct hostilities although on a relatively small scale and with limited public awareness. Despite the intensity of bipolar confrontation, both sides effectively colluded in concealing these limited wars to prevent their escalation into a major clash (Carson 2018). The very fear of nuclear Armageddon enabled the sides to compete intensely in areas where the stakes remained marginal.

The logic of the stability-instability paradox extends beyond the domain of armed struggle. Apart from the incapacity of preventing limited warfare, nuclear deterrence proved largely futile vis-a-vis non-forcible coercion. For example, the US imposed tough economic restrictions against the USSR throughout the Cold War. Washington specifically tailored its sanctions to weaken Soviet military capabilities by imposing export control on sensitive technologies. These efforts suffered from allied disobedience and domestic pushback within the US, but not from concerns over armed retaliation by an adversary (Mastanduno 1985, 1988).

The narrow applicability of military deterrence corroborates neoliberal arguments regarding constraints on the fungibility of power in international politics (Keohane, Nye 1977; Baldwin 1979, 1999). Neoliberals claim that the ability of states to influence others is context specific, while capabilities are rarely interchangeable between issue areas. Thus, the stability-instability paradox emerges as a derivative from the broader challenge of projecting power across various domains. Armed capabilities provide insurance only against a narrow selection of threats and do not serve as the ultimate guarantor of national security.

Foreign interference in internal politics in many respects is inconducive to the success of military deterrence. It primarily proceeds through small scale covert operations, placing this type of coercion conventional warfare let alone nuclear retaliation on confrontation ladder. The initiator retains at least partial deniability regarding its activities, which complicates attribution of blame (Poznansky 2022). Its poor record weakens portrayal of interference as existential threat to the great power (O'Rourke 2021; Downes 2021; Istomin 2022).

⁶ Richard Betts indicated that the US in particular applied nuclear threats to acquire advantage in these contingencies, but accept that the impact of such coercion on an adversary is hard to access, see (Betts 1987).

The antecedent discussion revealed the deficiencies of military deterrence in restraining indirect and non-forcible coercion, including foreign interference in internal politics. It demonstrated that nuclear threats have limited practical utility against peers, due to the escalation risks. However, foreign interference differs from most other instruments of great power rivalry due to its focus on the authority structure of an adversary. Strategic consequences of such targeting require closer examination. The following section will explore concerns regarding escalation potential of interference.

Escalatory risks of foreign interference

The disparity between relatively small-scale covert operations and all-out armed struggle provides a misleading psychological comfort regarding the risks of escalation. This section examines the nature of foreign interference in greater detail, demonstrating its disproportionate effect on the leadership of a target state. Although military retaliation provides a poor remedy against the threats to internal politics, the sense of existential danger to the ruling elites raises the stakes of competition. For revealing these destabilizing consequences of interference, the section starts with clarification of the notion.

Despite an extensive debate over the causes and outcomes of interference, the available literature struggles to provide the definition of the term⁷. Like some other widely circulating concepts such as terrorism, it suffers from pejorative connotations promoted by political actors. They designate as interference radically different activities that appear hurtful and dangerous for them, but rarely acknowledge their own culpability in violating the sovereignty of others. This subjective use of interference rhetoric complicates efforts to employ the concept for analytical purposes.

The most elaborate definition belongs to Deon Geldenhuys, characterizing interference as “the calculated action of a state, a group of states, an international organization or some other international actor(s) to influence the political system of another state (including its structure of authority, its domestic policies and its political leaders) against its will by using various means of coercion (forcible or non-forcible) in pursuit of particular political objectives” (Geldenhuys 1998: 6). However, even this meticulous wording leaves significant gaps.

Despite its length, this definition provides little clarity beyond recognition of the coercive nature of interference and its aspiration to undermine sovereign authority from the outside. It opens a wide space for interpretation when applied to specific cases⁸. Attempts to replace the problematic notion by alternative terms ends up being

⁷ For the most prominent attempts to define it, see (Rosenau 1969; Vincent 1974; *Intervention in World Politics* 1986; Little 1987; Reus-Smit 2013). In much of the literature the terms “interference” and “intervention” appear interchangeably.

⁸ For example, the suggested definition does not clarify whose will it refers to. This creates a point of contention amidst the debate over popular vs. government sovereignty. For the account of the latter, see (Barkin, Cronin 1994; Weber 1995).

equally unsatisfying. Some of them, such as political (psychological) warfare or subversion, are even broader and less clear⁹. Others, like foreign imposed regime change (FIRC), are plainly misleading, with FIRC covering instances of leadership change without institutional transformations¹⁰.

This article treats interference as a combination of covert operations and propaganda applied intentionally by the outside power to undermine authority of the government, selection of political leadership and/or territorial integrity of the state through support of local opposition, separatist and dissident movements. This approach is narrower than the one suggested by Geldenhuys, excluding attempts to affect specific policies, activities of actors other than states and forcible interventions. However, it is broad enough to cover instances other than the Cold War, which enables generalizations beyond a single case.

Building upon Defensive Realist argument regarding discrimination between satisfied and greedy powers, William Wohlforth claimed that subversive activities constitute a strong signal to a target state of especially malign intentions of their initiator (Wohlforth 2020: 469). He concluded that such perception produces major escalation risks, unlike other types of coercion, due to the potential retaliation by such target state. However, this approach underestimates destabilizing effects of interference beyond signaling of intentions. It invites escalation even amidst preexisting beliefs regarding malevolence of an adversary.

The preceding definition discloses that the essential characteristic of interference, which distinguishes it from other forms of coercion, is its immediate focus on the authority structure within a target state. It explicitly targets the political leaders of an adversary. Moreover, the latter finds it difficult to redirect potential costs to some other groups within the country, the way they often do with suffering from war or economic pressure¹¹. Although, foreign interference remains a marginal threat to a state and especially a great power, it imposes disproportionate risks on the ruling elite by threatening its grip on power.

Political survival constitutes the primary interest of the leadership as it remains a precondition for achieving any other goals (De Mesquita, Smith et al. 2005). Therefore, targeted elites acquire strong incentives to overreact to foreign interference given the

⁹ Illustratively, Paul Blackstock argued that political warfare envisages “the aggressive use of a wide range of essential non-military tools of foreign policy”. He further outlined their scale from “overt political and economic pressure, aggressive action through international agencies such as the United Nations and its affiliated organizations, and the use of political parties, trade unions, and similar groups as “organizational weapons”; to such clandestine activities as political assassinations, and the training, arming, and disposition of spies, saboteurs, and guerrillas to carry on subversive or revolutionary and counter-revolutionary movements.” Blackstock also acknowledged that “these methods of political warfare have been accompanied by propaganda activities from straight news services and cultural relations programs to the most scurrilous forms of “black” or non-attributable propaganda and rumor-mongering.” See, (Blackstock 1964: 20-21).

¹⁰ See, (Werner 1996; Downes, Monten 2013; Downes, O'Rourke 2016).

¹¹ In this regard, even targeted economic sanctions designed to selectively affect the ruling elites, end up hurting primarily broad population. See, (Tostensen, Bull 2002; Peksen 2009; Drezner 2011; Escribà-Folch 2012; Targeted sanctions 2016; Park, Choi 2022).

heightened personal stakes. Even when other types of coercion position an adversary as similarly malevolent, they do not threaten an equal amount of harm. Thus, interference creates escalatory risks absent under economic sanctions, or even limited wars, which do not produce the same acute consequences for political leaders¹².

Military capabilities do not provide a direct response to the risks associated with covert operations and propaganda activities of outside powers. In fact, the all-out war creates preconditions for more aggressive interference (Wohlforth 2020: 470). Nevertheless, the initiator of interference needs to consider the potential desperation of the targeted leadership, turning the latter into a reckless adversary. It cannot rely on restraints caused by mutual vulnerability, as personal anxieties diminish the threshold for retaliation. The escalatory risks of interference restrict the potential scope of covert operations and propaganda targeting a great power in comparison with less militarily capable states.

The preceding analysis concludes that military deterrence is a more effective barrier against foreign interference relative to other types of coercion. Covert operations create an existential threat if not for a target state than for its leadership. The stability-instability paradox becomes less applicable in such circumstances as an adversary acquires greater appetite for escalation out of desperation. Therefore, foreign interference becomes a poor substitute for armed struggle. This theoretical logic implies that great powers face higher impediments when targeting peers relative to their allies or unaffiliated states.

US covert operations targeting the Soviet Union

The US policy towards the Soviet Union starting from the late 1940s provides a rich empirical record of interference among peers. The case provides favorable grounds for testing the theoretical argument as Washington retained overall preponderance over Moscow and remained largely out of reach of the Soviet armed forces. Nevertheless, its covert operations were cautious. This section explores the scope of the US activities providing preconditions for subsequent examination of its strategic deliberations.

The nature of political regimes played a major role in the inauguration of the Cold War¹³. Washington explicitly framed the threat posed by the Soviet Union with references to its domestic institutions and extended similar anxieties to its adversary. For example, the Long Telegram by George Kennan, which set the premise for the US

¹² Andrej Krickovic pointed to the contribution of internal threats to the security competition between states along with external threats. See, (Krickovic 2016). However, this article demonstrates that what he designates as internal threats is even more destabilizing comparing to external ones.

¹³ For the broader argument regarding the importance of ideological divisions in great power rivalries, see (Haas 2018).

strategy of containment, argued: “Soviet leaders are [by] driven necessities of their own past and present position to put forward a dogma which [...] outside world as evil, hostile and menacing”¹⁴.

Moreover, the US President Harry Truman claimed in an address to Congress on March 12, 1947: “...totalitarian regimes imposed on free peoples, by direct or indirect aggression, undermine the foundations of international peace and hence the security of the United States.” He asserted: “...it must be the policy of the United States to support free peoples who are resisting attempted subjugation by armed minorities or by outside pressures”¹⁵. Thus, US officials in both private and public communications indicated motives for challenging the authority structure of the Soviet Union.

Henceforth, Washington set a machinery for addressing the source of its anxieties by conducting interference in internal politics of its adversary. The National Security Council in December 1947 approved the directive (NSC-4A) authorizing the Director of Central Intelligence to initiate and conduct “covert psychological operations designed to counteract Soviet and Soviet-inspired activities”¹⁶. In June 1948, the NSC replaced it by another directive (NSC-10/2), establishing an Office of Special Projects within the Central Intelligence Agency, which acquired responsibility for covert operations.¹⁷

These bureaucratic tools accompanied developments in US policy. In November 1948, the NSC produced a report outlining Washington’s approach for combating the Soviet Union (NSC-20/4). The document defined a set of aims for US policy, including encouraging the development “among the Russian peoples of attitudes which may help to modify current Soviet behavior and permit a revival of the national life of groups evidencing the ability and determination to achieve and maintain national independence.” In order to achieve this goal, the NSC advised the US to “place the maximum strain on the Soviet structure of power”¹⁸.

It was difficult to implement these recommendations as access of foreigners to the Soviet Union was narrow. Even agents with diplomatic cover faced difficulties operating in the country (Rositzke 1977). Under these circumstances, US activities proceeded along two main lines. First, they sought to mobilize exiles in the West, encour-

¹⁴ 861.00/2-2246: Telegram, The Chargé in the Soviet Union (Kennan) to the Secretary of State, Moscow, February 22, 1946—9 p.m., FRUS, 1946, Eastern Europe, The Soviet Union, Volume VI.

¹⁵ President Truman’s Message to Congress; March 12, 1947; Document 171; 80th Congress, 1st Session; Records of the United States House of Representatives; Record Group 233; National Archives.

¹⁶ Draft Directive to Director of Central Intelligence Hillenkoetter, Washington, December 17, 1947 (NSC-4A), FRUS, 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment.

¹⁷ National Security Council Directive on Office of Special Projects, Washington, June 18, 1948 (NSC-10/2), FRUS, 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment. The newly created unit was soon renamed into Office for Policy Coordination (OPC).

¹⁸ Report by the National Security Council on U.S. Objectives with Respect to the USSR To Counter Soviet Threats to U.S. Security, Washington, November 23, 1948 (NSC-20/4), FRUS, S/S-SNC Files: Lot 63D351: NSC 20 Series.

aging them to formulate an ideological and political alternative to the Soviet regime and treating them as an asset for propaganda. Second, they established contacts with separatists operating within the Soviet Union, primarily in Ukraine and the Baltic republics.

By the late 1940s, the Russian and Soviet émigré community comprised of multiple groups. The most prominent were the National Alliance of Russian Solidarists (Narodno-Trudovoj Soyuz, NTS), the Union for the Struggle for the Freedom of Russia (Soyuz borby za svobodu Rossii, SBSR), the Union of Struggle for the Liberation of the Peoples of Russia (Soyuz Borby za Osvobozhdenie Narodov Rossii, SBONR), the Committee for the Liberation of the Peoples of Russia (Komitet za osvobozhdenie narodov Rossii, KONR), and the Russian National Movement (Russkoe Narodnoe Dvizhenie, RND)¹⁹.

Apart from the personal ambitions of their leaders, the disputes between these groups reflected generational divides as well as ideological differences. Some organizations (primarily KONR) were tainted by their association with the Nazis during the Second World War. Moreover, various Russian factions maintained uneasy relations with exile groups claiming to represent the ethnic minorities of the Soviet Union. The former remained committed to national unity, while the latter supported separatist causes. Finally, émigré organizations suspected each other of links to the Soviet security services.

Starting from the 1950, the CIA attempted mediation between these factions, bringing them under the umbrella of the American Committee on Liberation from Bolshevism. It also promoted the Institute for the Study of the USSR in Munich, which hired exiles to produce publications that criticized the Soviet system under the guise of academic credibility (O'Connell 1990). In 1953, the CIA employed émigrés to launch Radio Liberation (later renamed as Radio Liberty), producing subversive broadcasting for Soviet audiences²⁰. Nevertheless, US operatives became frustrated by the infighting between exiles.

The US links to separatist movements inside the Soviet Union dated back to the end of the Second World War²¹. Members of such groupings as the Ukrainian Supreme Liberation Council acquired shelter from the advancing Soviet troops in the Western occupation zones in Germany. They came into contact with US operatives either directly or through the Gehlen Organization with extensive connections among former Nazi collaborators²². Meanwhile, their associates engaged in an insurgency back in the Soviet Union.

¹⁹ For a more detailed account of the relations between exiles and the CIA, see (Mikkonen 2012; Tromly 2019).

²⁰ For the historical accounts of the Radio Free Europe and Radio Liberty, see (Puddington 2000; Schwartz 2009; Cummings 2009).

²¹ For the detailed account of these ties, see (Burds 2001).

²² Reinhard Gehlen was the chief of the Wehrmacht intelligence in the Eastern Europe during the Second World War. After surrendering to the American troops in May 1945, he worked for the US, establishing a precursor for the subsequent West German intelligence agency, see (Critchfield 2003).

By the end of the 1940s, the US intensified its support for separatist operations, primarily in Western Ukraine. It delivered supplies to the insurgency via airdrops and parachuted couriers recruited from the exiles to coordinate activities on the ground (Kuzio 2012)²³. Nevertheless, Moscow managed to crush armed resistance by 1953, forcing the US to adopt less overt methods of interference. For example, it continued to promote the publishing of separatist and dissident literature²⁴. The CIA maintained relatively limited subversive activities throughout the following decades.

The US record indicates a significant gap between the tough rhetoric and the scope of interference. The strength of Soviet security countermeasures as well as the weakness and factionalism of anti-Soviet resistance created impediments for subversive activities. However, the limitations on covert operations also proceeded from Washington's anxieties regarding potential escalation risks. The following section will examine such constraints.

Escalation risks in US strategic calculations

Starting from the inauguration of the Cold War, the US viewed the Soviet Union as a formidable military power. This acknowledgement produced contradictory effects, as it both encouraged confrontation and imposed severe limits on the applicable coercion. Declassified documents reveal how the risks of the potential clash with Moscow shaped Washington's policies. Moreover, the rapid rise in Soviet capabilities amplified the gap between the tough rhetoric and practical activities.

Concerns over potential escalation with Moscow loomed large in the US decision-making. In 1948, Washington estimated that the Soviet forces could seize the whole of Continental Europe and the Near East. However, it did not treat a direct military clash as inevitable, given the expected strain on the Soviet power under this scenario. The US also envisaged a delay until Moscow became capable to seriously threaten the Western hemisphere, which could have lasted until 1955²⁵. Thus, it anticipated the Soviet attempts to extend its sphere of influence through political rather than military means.

Under this combination of apprehensive and optimistic assessments, the NSC 20/4 asserted that "We should endeavor to achieve our general objectives by methods short of war". It also recognized the risk of war-initiation due to the "U.S. miscalculation of Soviet reactions to measures which we might take"²⁶. This recognition incited

²³ For account of the insurgency on the Soviet territory see, also (Statiev 2010).

²⁴ See, for example, an overview of QRPLUMB operations (A Synopsis of QRPLUMB Operations 1946-Date. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/QRPLUMB%20%20VOL.%201_0001.pdf (accessed 25.02.2023).

²⁵ Report by the National Security Council on U.S. Objectives with Respect to the USSR To Counter Soviet Threats to U.S. Security, Washington, November 23, 1948 (NSC-20/4), FRUS, S/S-SNC Files: Lot 63D351: NSC 20 Series.

²⁶ Ibid.

Washington to tailor its activities against the Soviet Union in a way not to provoke an armed response. However, its doctrinal documents did not outline specific boundaries in this regard, due to the emphasis of US strategists on flexibility.

The Soviet atomic test in 1949 evoked a sense of urgency in Washington. In April 1950, the National Security Council adopted a report reassessing the Soviet threat and revising the US response to it. NSC-68 concluded that Moscow was on track to nuclear parity with the US by 1954, which elevated the risks of an all-out armed conflict. Although calling for a military build-up, the document reaffirmed that Washington should rely on measures short of war to curtail its adversary. It reflected an awareness of Soviet military capabilities and the devastating consequences of potential direct confrontation.

NSC-68 advocated aggressive interference against Moscow more than any preceding document. It stipulated promoting “a fundamental change in the nature of the Soviet system” as one of the US key objectives. The document also revealed that the containment policy pursued by Washington sought to “foster the seeds of destruction within the Soviet system.” It justified virtually any operation against Moscow, arguing that “the integrity of our system will not be jeopardized by any measures, covert or overt, violent or non-violent, which serve the purposes of frustrating the Kremlin design”²⁷.

Building upon these policy recommendations, the State Department inaugurated the TROY Project, enrolling leading academics into a secret group under the auspices of Harvard University and MIT. Its aim was to design innovative propaganda activities targeting Moscow²⁸. In February 1951, TROY scholars delivered a report with detailed recommendations regarding radio broadcasting, framing of messages, engagement with exiles and the use of balloons to disseminate propaganda leaflets. The members of the groups followed up with additional projects in subsequent years.

Nevertheless, aggressive proposals mostly remained on paper. Actual operations against the Soviet Union remained modest and became less aggressive with the dismantlement of the separatist insurgency in Ukraine in the early 1950s. As a result, the Republican party criticized the Truman administration for its lack of firmness in standing up to Moscow. President Dwight Eisenhower, who replaced Truman, promised a strong commitment to pursuing psychological warfare (Osgood 2000, 2006). He even placed a prominent hardliner, Allen Dulles, at the head of the CIA.

However, these changes did not produce intensification of subversive activities inside the Soviet Union. This situation persisted despite the death of Stalin in 1953, which created an opening for more aggressive interference. His demise launched an internal struggle for power within the Soviet elite, which the US could have tried to

²⁷ NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security, Washington, April 7, 1950.

²⁸ For the detailed account of the initiative, see (Needell 1993).

exploit. Even more importantly, it paved the way for relative relaxation of security arrangements and greater access to the USSR by foreigners (Rositzke 1977). Nonetheless, Washington decided to seek reconciliation with the new Soviet leadership rather than attempting to undermine it.

The US refrained from exploiting opportunities for covert operations, demonstrating its sensitivity to the risks of potential escalation. It feared that such activities would foster additional insecurity among Stalin's successors, encouraging them to overreact. The Hungarian crisis of 1956 reinforced these concerns as it demonstrated that the Soviets were committed to safeguard Communist rule with military force, not only on its own soil, but across the Eastern Europe. This led the US to further curtail covert operations against the Soviet camp, although it did not abandon them altogether (Mitrovich 2000).

Moreover, the introduction of intercontinental ballistic missiles starting from 1957 put US territory within the reach of Soviet nuclear weapons, increasing the threat of military retaliation. Although this new vulnerability did not prevent the two adversaries from intense brinkmanship in the following years, the restrained approach towards covert operations persisted. It contrasted with their greater appetite for risk in the early days of the Cold War, despite the increased skill and organizational capacity the US interference machinery had accumulated.

Therefore, the rise in the Soviet capabilities, especially in nuclear domain, elevated anxiety in the US. It intensified the quest for strategic instruments to undermine Moscow. However, increased sense of urgency and even heightened rhetoric did not translate into more aggressive subversive actions. To the contrary, Washington became increasingly cautious in its covert operations targeting the Soviet Union, due to the growing costs of potential armed escalation. This dynamic contradicted the logic of stability-instability paradox. It also distinguished the US policy toward Moscow from its attitude to less military capable states.

Other US covert operations in the early Cold War

The literature attributes the limited scope of US interference against the Soviet Union in the early Cold War to the lack of strategic coherence, interagency in-fighting, or the lack of experience in covert operations (Corke 2007; Lucas, Mistry 2009). Washington shifted between political containment, military deterrence, and roll-back responses to the Soviet threat. The National Security Council, State Department and CIA jostled responsibilities over political warfare. Moreover, the whole enterprise of interference was novel for the US government, involved in learning by doing.

However, these explanations poorly fit the record of US covert operations against less military capable states in the same period. Starting from 1948, Washington pursued a series of campaigns against Soviet allies, then non-aligned states and even countries in its own backyard. Despite significant variance across these instances, none of

them risked the same level of escalation as interference in the internal affairs of the Soviet Union. The following subsections comprise analysis for the three exemplary cases of covert operations targeting Italy, Albania, and Iran. Each of them relies on a vast secondary literature as well as declassified sources.

These states differed in terms of geography, type of political regime and preceding relationship with Washington. The tools applied by the US in each instance were different. The following cases also took place under different US administrations although within the overall timeframe of late 1940s – mid 1950s. While the strategic value of these three states varied, none of them occupied a place in US decision-making anywhere near to the Soviet Union. However, they all faced more aggressive covert operations than Moscow.

Building upon the vast academic literature and primary sources, the respective subsections will further substantiate the selection of cases. Then they will present the context of interferences, outline the US activities, and examine their consequences. They will also draw parallels with the subversive activities targeting the Soviet Union to reinforce the overall argument regarding the constraining effects of military capabilities on interference.

Italy

Italy emerged as the first training ground for the US experimentations in political warfare starting from 1947. Washington applied a broad set of measures aimed at swinging popular elections in favor of its proxy. Unlike some other instances, in Italy it combined clandestine measures with overt support. The extent of the US involvement proved its capacity to pursue complex covert operations at the start of the Cold War. Moreover, the success in Italy shaped subsequent deliberations on interference in Washington²⁹.

After the end of the Second World War, Italy experienced deep political divisions between Christian Democracy party (CD) oriented towards the US and Communists (PCI) aligned with the Soviet Union. The latter enjoyed broad popular support due to their role in the fight against Fascists. Nevertheless, Alcide De Gasperi, who chaired the CD, broke with the leftist parties in May 1947 and established a right-centrist government (Brogi 2018). His positions remained shaky in advance of parliamentary elections of 1948.

Initially, the US paid limited attention to Italy, given its weak industrial potential and peripheral geographic position. However, Washington reassessed its attitude with the inauguration of the containment policy, which required opposing Communism

²⁹ See, The inauguration of organized political warfare. Policy Planning Staff Memorandum. Washington, May 4, 1948. Foreign Relations of the United States, 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment.

at every point. The US suspected that if the PCI acquired majority in the elections and create a government, it would transfer Italy to the Soviet camp. It simultaneously feared that the potential loss of the Communists at the polls would incite their armed uprising³⁰.

Thus, the Truman administration launched a massive campaign in support of De Gasperi and his government. It channeled significant amounts of aid under the Marshall plan to Italy, making its assistance clearly visible. Washington diverted some of these funds to covertly finance CD electoral campaign and black propaganda against Communists. Moreover, it incentivized US citizens of the Italian origin to agitate in their historical homeland. The US mobilized the American trade-unions, as well as businesses and other non-governmental entities to promote ties with the Italian counterparts³¹.

These coordinated efforts produced the desired result as the CD achieved a crushing victory over the PCI and consolidated its control over Italy. The Communists lost much of their appeal as the population associated improved economic conditions with the US assistance. As a result, the risk of their armed uprising also diminished. Despite preceding concerns, the PCI accepted outcomes of the elections. Italy got tied to the Western camp. Furthermore, it emerged as one of the Founding Members of NATO in 1949.

Italy provided a more conducive environment for the foreign interference in comparison with the Soviet Union, as the US had a chance to project not only covert but also overt influence. The government led by De Gasperi actively colluded with the Truman administration (Mistry 2006). On its end, the US demonstrated eagerness to allocate significant resources in Italy, despite the low priority of this target in comparison with the Soviet Union. Thus, availability was a more significant driver of interference than strategic urgency.

In Italy, Washington pursued aggressive interference despite domestic infighting over strategy and bureaucratic divisions. This case reveals the US competences in complex covert operations early in the Cold War. Its freedom of maneuver proceeded from the virtual absence of escalation risks in Italy which distinguished this situation from subversive activities targeting the Soviet Union. Thus, this historical instance validates theoretical expectations proceeding from the constraining effects of military deterrence on interference.

³⁰ See, NSC 1/1: The Position of the United States with Respect to Italy. Report by the National Security Council. November 14, 1947. Foreign Relations of the United States, 1948, Western Europe, Volume III; NSC 1/3: Position of the United States with Respect to Italy in the Light of the Possibility of Communist Participation in the Government by Legal Means. Report by the National Security Council. Washington, March 8, 1948. Foreign Relations of the United States, 1948, Western Europe, Volume III.

³¹ For the account of the US activities, see (Miller 1983; Del Pero 2001; Mistry 2011).

Albania

Albanian case exemplifies the readiness of the US to pursue aggressive and prolonged interference in an unfavorable environment. The target state resembled in some respects the Soviet Union as it was a personalistic regime with strong security services and no space for political pluralism (Fevziu 2016). However, it was less dangerous due to the miniscule military and industrial potential. Henceforth, Washington used similar tools to the ones that it applied against Moscow, but on a grander scale.

Unlike Italy, Albania was a Soviet ally at the start of the Cold War³². The ruling Albanian Workers' Party (AWP) under the leadership of Enver Hoxha committed itself to Communism, pledging personal loyalty to Joseph Stalin. It prohibited political alternatives and initiated systematic repression against potential opponents. The surviving dissenters, including the deposed King Zog, fled to exile under the threat of physical elimination.

Washington did not devote much attention to Albania, which was a small and poor agrarian country³³. It only expressed concerns regarding its contribution to the potential basing of Soviet submarines in the Mediterranean. Nevertheless, the US viewed Albania as a lucrative target to practice subversive activities against Communist regimes, precisely due to its apparent weakness. Therefore, the US collaborated with the UK in promoting anti-regime insurgency by enrolling, training, and supplying Albanian exiles (Lulushi 2014).

Similarly to the Russian and Soviet emigres, these proxies remained divided by personal ambitions and ideological preferences. Starting from 1948, the US attempted to bring them under the umbrella of the National Committee for a Free Albania (NCFA). Washington also exploited Albanian troubled relations with neighbors to acquire assistance to its covert operations and propaganda activities from Italy, Greece and even Communist Yugoslavia.

Between 1949 and 1954, the CIA and MI-6 infiltrated several hundreds of paramilitaries through airdrops and sea landings. Despite the upbeat reporting, these efforts largely failed³⁴. Building upon the information from the Soviet agent in British intelligence, Albanian security services seized dispatched exiles before they could launch their activities. In late 1950, the US abandoned hopes on armed resistance, concentrating on propaganda (Long 2020). Nevertheless, around 300 paramilitaries got killed or captured in the context of its covert operation.

³² Initially, it oriented towards neighboring Yugoslavia, but rapidly changed its allegiances during Stalin-Tito split, see (Marku 2022).

³³ See, NIE-42: The Current Situation in Albania with Particular Reference to Greek, Yugoslav and Italian Interests. November 20, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951, Europe: Political and Economic Developments, Volume IV, Part 2.

³⁴ See, for example, Intelligence Operations Against Albania from Italy and Greece. May 3, 1949. CIA Declassified archives. URL: https://gjonmarkagjoni.files.wordpress.com/2017/09/obopus-bgfiend-vol-13-bgfiend-operations_0006-first-operation-in-feb-1949-validates-letter-of-9-feb-1949.pdf

Albanian case illustrates the US commitment to subversion of Communist regimes even in marginal states. Washington employed a combination of tools similar to the one used against Moscow, including exile organizations, paramilitary activities and radio propaganda. However, it applied them more aggressively in Albania comparing to the Soviet Union. Such assertiveness in a minor case relative to the wariness in targeting peer adversary underscores moderating effects of military deterrence.

Iran

Iran occupied an important place in the US policy early on, given the significance of its oil reserves and its location at the border with the USSR³⁵. In 1946, it emerged as an early hot spot between Washington and Moscow, when the latter delayed evacuation of its forces from the country despite preceding understanding³⁶. Thus, Iran occupied a high position in the US priorities than Albania or Italy, although hardly comparable with the Soviet Union.

The US involvement in the 1953 coup reveals its eagerness to target governments even without explicit ties to the Soviet Union and international Communism. It also demonstrates continuity in covert operations between the US administration, despite their public polemics. The case also proved highly consequential for the relations between Iran and the US in the following decades.

By the early 1950s, Iran was a constitutional monarchy, where Shah retained limited powers. The real authority sat within the government responsible to the majority in Majlis (Parliament). Iranian elections in 1951 brought to power National Front, led by widely popular Mohammad Mosaddegh. Mosaddegh ran his campaign on the promises to nationalize oil production, previously controlled by the Anglo-Persian Oil Company. He became the new prime minister despite the discontent of the Shah (Kinzer 2008).

Once in office Mosaddegh consistently implemented his pledges on nationalization to the outrage of the UK. Although Washington initially positively assessed his rise, it became increasingly wary of the Iranian policies due to their effects on the strategic oil reserves. Its suspicions further intensified given reliance of Mosaddegh on the support by the pro-Soviet Tudeh party (Byrne 2004). As a result, the newly created Eisenhower administration joined the UK in plotting a coup against the Iranian government in 1953³⁷.

³⁵ NSC 54: Report of the National Security Council on the Position of the United States with Respect to Iran. July 21, 1949. Foreign Relations of the United States, 1949, The Near East, South Asia, and Africa, Volume VI.

³⁶ For the account of the crisis, see (Hess 1974; Hasanli 2006). The US also conducted an ongoing covert operation, aimed at limiting the Soviet influence in Iran, starting from 1948, see (Gasiorowski 2013).

³⁷ For the account of the plans for the operation, see the report of its CIA coordinator Donald N. Wilber prepared in 1954 (Wilber 2006).

Washington and London secured the assistance of the Shah, who sought to restore his authority. They also enrolled parts of the military under the leadership of General Fazlollah Zahedi. The US and UK promoted coordination and provided financial support for the coup. However, the attempt to arrest Mosaddegh and his key supporters on August 15 largely failed due to the leaks about the plot. Mass popular demonstrations in favor of the government undermined the initial plans of regime change.

Nevertheless, General Zahedi seized the initiative through instigation of a Communist uprising by Tudeh party loyalists. It provided a cover for the deployment of the armed forces, which restored order and arrested Mosaddegh. The Shah appointed Zahedi as the new prime minister. His government reversed nationalization of the Iranian oil industry. Moreover, the coup transformed Iran into a major US ally in the Middle East for the next quarter of the century³⁸.

The US interference in Iran exemplifies an instance of a covert operation triggered by mere implications of the government in ties with the Communists. Like with the Italian and Albanian cases, Washington did not face risks of military escalation in Iran, which encouraged it to orchestrate a coup. The change in the US administrations from Truman to Eisenhower did not diminish the appetite for interference. Illustratively, Washington launched such covert operation at the time when it restricted subversive activities targeting the Soviet Union.

Conclusions

This article examined the connection between armed capabilities of a state and foreign interference in its affairs. Much of the preceding literature, including the Realist writings on stability-instability paradox and Neoliberal critique on fungibility of power, suggests that military deterrence does not bring safeguards against non-forcible coercion or even encourage it. The preceding analysis demonstrated that interference differs in this regard from economic sanctions or limited warfare.

Unlike other types of coercion, interference produces an existential danger to the political leaders of a target state. Therefore, it creates escalation risks when threatening a military strong power. Interference exacerbates confrontation even between adversaries that perceived each other as malign beforehand. Apart from signaling hostile intentions, it aggravates a sense of urgency on finding a response. Although military capabilities do not provide a solution to political threats, they serve as a repellent against subversive activities.

The record of the early Cold War corroborates these theoretical claims. Although the Soviet Union represented the most significant strategic target for the US, it experienced relatively modest subversive activities in comparison with less capable states.

³⁸ For the detailed accounts of the coup, see (Kinzer 2008; Abrahamian 2013).

Washington explicitly stated concerns over potential escalation due to its own actions and, therefore, constrained interference against Moscow. Meanwhile, the US pursued more aggressive covert operations against minor states, which did not create comparable risks of armed confrontation.

Recent anxieties over foreign interference in domestic affairs emphasize the role of novel technologies and methods of meddling. Nevertheless, these changes are irrelevant to the destabilizing impact of covert operations on rivalries between major powers. The cases examined in this article covered various types of interference targeting different political regimes. They demonstrated that concerns over escalation risks have a more significant impact on the intensity of interference than other variables.

Meanwhile, the rise of non-governmental and semi-autonomous actors in international politics complicated management of interstate tensions after the Cold War. Military deterrence does not play a primary role in their calculations. Therefore, they face lower constraints in their subversive activities against major powers relative to peer competitors. Nevertheless, the desperate leadership of target states is unlikely to draw distinction between unauthorized voluntarism of activists and policies of their home states.

The findings of this article qualify preceding discussions on the promises and limitations of military power. They demonstrate that cross-domain deterrence is more prevalent than stability-instability paradox envisages. Moreover, they encourage re-assessment in preceding conclusions that covert operations appear successful mostly against small and weak states (O'Rourke 2018; Istomin 2022). Given the concerns regarding military response, the poor performance of interference targeting great powers can reflect the lack of trying rather than actual resilience of such targets.

About the author:

Igor A. Istomin – Candidate of Political Sciences, Acting Chair, Department of Applied International Political Analysis; Lead Research Fellow, Center for Advanced American Studies, Institute for International Studies, MIGMO University. Email: iaistomin@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

Research received support from the grant of the Russian Science Foundation No. № 22-18-00723, <https://rscf.ru/project/22-18-00723/>. The preliminary draft of the article was presented at the St. Petersburg Congress on International Studies, November 10, 2022. The author expresses his gratitude to Andrej Krickovic for his valuable comments and to Daria Zhabina for her assistance in preparation of the manuscript for submission.

УДК 327, 321.8

Поступила в редакцию 11.11.2022 г.

Принята к публикации: 01.12. 2022 г.

Военное сдерживание против иностранного вмешательства? Опыт Холодной войны

И.А. Истомин

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-olf4](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf4)

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Резюме: В исследовательской литературе наблюдается серьёзный скепсис относительно роли военного сдерживания в противодействии невоенным и непрямым формам давления. Парадокс стабильности-нестабильности предполагает, что возрастание разрушительной мощи вооружённых сил (особенно с появлением ядерного оружия) снижает их полезность для предотвращения ограниченных войн, опосредованных конфликтов или экономических санкций. Растущие опасения относительно рисков иностранного вмешательства во внутреннюю политику в значительной степени опираются на ту же логику – они позиционируют такого рода операции как замену военного противоборства. В настоящей статье делается попытка углубить понимание связи между военно-политическим сдерживанием и иностранным вмешательством во внутренние дела на основе изучения опыта начала холодной войны с 1948 г. по середину 1950-х гг. Проведённый анализ свидетельствует, что опасения относительно советского военного потенциала оказали сдерживающее воздействие на политику США. Соединённые Штаты продемонстрировали большую осторожность при проведении подрывных операций против СССР по сравнению с их кампаниями, направленными против более слабых в военном плане государств. Этот исторический опыт показывает, что военно-политическое сдерживание более успешно в ограничении вмешательства, чем других видов давления. В отличие от иных способов принуждения вмешательство порождает экзистенциальную опасность для политических лидеров государства-объекта, провоцируя исключительно жёсткий ответ с их стороны. В этой связи подрывные действия создают значительные риски эскалации, когда они предпринимаются против великой державы. Вмешательство обостряет противостояние даже между государствами, которые заранее уверены во враждебности друг друга. Хотя военный потенциал не предоставляет непосредственной защиты от подрывных действий, он существенно демотивирует потенциальных инициаторов вмешательства. Полученные выводы не связаны с конкретными формами вмешательства. Они указывают, что увязывание сдерживания в различных областях соперничества может быть более успешным, чем предполагает парадокс стабильности-нестабильности.

Ключевые слова: иностранное вмешательство во внутренние дела, подрывная деятельность, военно-политическое сдерживание, ядерное оружие, холодная война, США, СССР, Италия, Албания, Иран

Об авторе:

Игорь Александрович Истомирин – кандидат политических наук, и.о. заведующего Кафедрой прикладного анализа международных проблем; в.н.с. Центра перспективных американских исследований ИМИ МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76. Email: iaistomin@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00723, <https://rscf.ru/project/22-18-00723/>. Предварительный вариант исследования был представлен на сессии Санкт-Петербургского конгресса исследователей международных отношений 10 ноября 2022 г. Автор выражает признательность Андрею Кричковичу за ценные комментарии и Д.П. Жабину за помощь в подготовке рукописи к подаче.

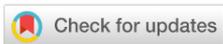
References:

- Abrahamian E. 2013. *The Coup: 1953, the CIA, and the Roots of Modern US-Iranian Relations*. New York: The New Press. 304 p.
- Baldwin D.A. 1979. Power Analysis and World Politics: New Trends versus Old Tendencies. *World Politics*. 31(2). P. 161-194.
- Baldwin D.A. 1999. Force, Fungibility, and Influence. *Security Studies*. 8(4). P. 173-183.
- Barkin J.S., Cronin B. 1994. The State and The Nation: Changing Norms and The Rules of Sovereignty in International Relations. *International Organization*. 48(1). P. 107-130.
- Betts R.K. 1987. *Nuclear Blackmail and Nuclear Balance*. Washington: Brookings Institution Press. 240 p.
- Blackstock P.W. 1964. *The Strategy of Subversion: Manipulating the Politics of Other Nations*. Chicago: Quadrangle books. 351 p.
- Braumoeller B.F. 2019. *Only the Dead: The Persistence of War in the Modern Age*. Oxford: Oxford University Press. 344 p.
- Brodie B. 1946. *The Absolute Weapon*. New York: Harcourt Brace. 214 p.
- Broggi A. 2018. Ending Grand Alliance Politics in Western Europe: US Anti-Communism in France and Italy, 1944–7. *Journal of Contemporary History*. 53(1). P. 134-157. DOI: 10.1177/0022009416678919
- Burds J. 2001. The Early Cold War in Soviet West Ukraine, 1944–1948. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 1505. 73 p. DOI: 10.5195/cbp.2001.116
- Byrne M. 2004. The Road to Intervention: Factors Influencing US Policy Toward Iran, 1945–1953. *Mohammad Mosaddeq and the 1953 Coup in Iran*. Ed. by Gasiorowski M.J., Byrne M. Syracuse: Syracuse University Press. P. 201-226.
- Carson A. 2018. *Secret Wars: Covert Conflict in International Politics*. Princeton: Princeton University Press. 344 p. DOI: 10.2307/j.ctv346p45
- Corke S.J. 2007. *US Covert Operations and Cold War Strategy: Truman, Secret Warfare and the CIA, 1945-53*. New York: Routledge. 256 p. DOI: 10.4324/9780203016305
- Critchfield J.H. 2003. The Early History of the Gehlen Organization and Its Influence on the Development of a National Security System in the Federal Republic of Germany. *Secret Intelligence in the Twentieth Century*. Ed. by Bungert H., Heitmann J.G., Wala M. London: Routledge. P. 159-166. DOI: 10.4324/9780203498859

- Cross-Domain Deterrence: Strategy in an Era of Complexity*. 2019. Ed. by Gartzke E., Lindsay J.R. New York: Oxford University Press. 384 p. DOI: 10.1093/oso/9780190908645.001.0001
- Cummings R.H. 2009. *Cold War Radio: The Dangerous History of American Broadcasting in Europe, 1950–1989*. Jefferson: McFarland. 320 p.
- De Mesquita B.B., Smith A., Siverson R.M., Morrow J.D. 2005. *The Logic of Political Survival*. Cambridge: MIT Press. 550 p.
- Del Pero M. 2001. The United States and "Psychological Warfare" in Italy, 1948–1955. *The Journal of American History*. 87(4). P. 1304-1334. DOI: 10.2307/2674730
- Downes A.B. 2021. *Catastrophic Success: Why Foreign-Imposed Regime Change Goes Wrong*. Ithaca: Cornell University Press. 424 p. DOI: 10.7591/cornell/9781501761140.001.0001
- Downes A.B., Monten J. 2013. Forced to Be Free? Why Foreign-Imposed Regime Change Rarely Leads to Democratization. *International Security*. 37(4). P. 90-131. DOI: 10.1162/ISEC_a_00117
- Downes A.B., O'Rourke L.A. 2016. You Can't Always Get What You Want: Why Foreign-Imposed Regime Change Seldom Improves Interstate Relations. *International Security*. 41(2). P. 43-89. DOI: 10.1162/ISEC_a_00256
- Drezner D.W. 2011. Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice. *International Studies Review*. 13(1). P. 96-108. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2010.01001.x
- Escribà-Folch A. 2012. Authoritarian Responses to Foreign Pressure: Spending, Repression, and Sanctions. *Comparative Political Studies*. 45(6). P. 683-713. DOI: 10.1177/0010414011427883
- Fevzi B. 2016. *Enver Hoxha: The Iron Fist of Albania*. London: Bloomsbury Publishing. 312 p. DOI: 10.5040/9781350986268
- Gasiorowski M.J. 2013. The CIA's TPBEDAMN Operation and the 1953 Coup in Iran. *Journal of Cold War Studies*. 15(4). P. 4-24. DOI: 10.1162/jcws_a_00393
- Goldenhuis D. 1998. *Foreign Political Engagement: Remaking States in The Post-Cold War World*. London: Palgrave Macmillan London. 326 p.
- Haas M.L. 2018. *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789–1989*. Ithaca: Cornell University Press. 248 p. DOI: 10.1515/9781501732461
- Hasanli J. 2006. *At the Dawn of the Cold War: The Soviet-American Crisis Over Iranian Azerbaijan, 1941–1946*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 424 p.
- Hess G.R. 1974. The Iranian Crisis of 1945-46 and the Cold War. *Political Science Quarterly*. 89(1). P. 117-146.
- Intervention in World Politics*. 1986. Ed. by H. Bull. Oxford: Oxford University Press. 198 p.
- Istomin I. 2022. How Not to Interfere in Another Country's Domestic Politics. *International Affairs*. 98(5). P. 1677-1694. DOI: 10.1093/ia/iiaa191
- Jeffreys-Jones R. 2003. *The CIA and American Democracy*. New Haven: Yale University Press. 368 p.
- Jervis R. 1984. *The Illogic of American Nuclear Strategy*. Ithaca: Cornell University Press. 203 p.
- Jervis R. 1989. *The Meaning of the Nuclear Revolution: Statecraft and the Prospect of Armageddon*. Ithaca: Cornell University Press. 266 p.
- Kaplan F. 1991. *The Wizards of Armageddon*. Stanford: Stanford University Press. 452 p.
- Kastner J., Wohlforth W.C. 2021. A Measure Short of War: The Return of Great-Power Subversion. *Foreign Affairs*. 100(4). P. 118-131.
- Keohane R.O., Nye J.S. 1977. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown and Company. 300 p.

- Kinzer S. 2008. *All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror*. Hoboken: John Wiley & Sons. 258 p.
- Krickovic A. 2016. Catalyzing Conflict: The Internal Dimension of the Security Dilemma. *Journal Of Global Security Studies*. 1(2). P. 111-126. DOI: 10.1093/jogss/ogw002
- Kroenig M. 2018. *The Logic of American Nuclear Strategy: Why Strategic Superiority Matters*. Oxford: Oxford University Press. 280 p. DOI: 10.1093/oso/9780190849184.001.0001
- Kuzio T. 2012. US Support for Ukraine's Liberation During the Cold War: A Study of Prolog Research and Publishing Corporation. *Communist and Post-Communist Studies*. 45(1-2). P. 51-64. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2012.02.007
- Liddell Hart B.H. 1960. *Deterrent or Defence: A Fresh Look at the West's Military Policy*. London: Stevens & Sons. 257 p.
- Little R. 1987. Revisiting Intervention: A Survey of Recent Developments. *Review of International Studies*. 13(1). P. 49-60.
- Long S. 2020. CIA-MI6 Psychological Warfare and the Subversion of Communist Albania in the Early Cold War. *Intelligence and National Security*. 35(6). P. 787-807. DOI: 10.1080/02684527.2020.1754711
- Lucas S., Mistry K. 2009. Illusions of Coherence: George F. Kennan, US Strategy and Political Warfare in the Early Cold War, 1946–1950. *Diplomatic History*. 33(1). P. 39-66. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2008.00746.x
- Lulushi A. 2014. *Operation Valuable Fiend: The CIA's First Paramilitary Strike Against the Iron Curtain*. New York: Arcade Publishing. 326 p.
- Mandelbaum M. 1981. *The Nuclear Revolution: International Politics Before and After Hiroshima*. Cambridge: Cambridge University Press. 283 p.
- Marku Y. 2022. Shifting Alliances: Albania in the Early Cold War. *Journal of Cold War Studies*. 24(3). P. 80-115.
- Mastanduno M. 1985. Strategies of Economic Containment: US Trade Relations with the Soviet Union. *World Politics*. 37(4). P. 503-531. DOI: 10.1162/jcws_a_01074
- Mastanduno M. 1988. Trade As a Strategic Weapon: American and Alliance Export Control Policy in the Early Postwar Period. *International Organization*. 42(1). P. 121-150.
- Mearsheimer J.J. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: WW Norton & Company. 555 p.
- Mikkonen S. 2012. Exploiting the Exiles: Soviet Émigrés in US Cold War Strategy. *Journal of Cold War Studies*. 14(2). P. 98-127. DOI: 10.1162/JCWS_a_00222
- Miller J.E. 1983. Taking Off the Gloves: The United States and the Italian Elections of 1948. *Diplomatic History*. 7(1). P. 35-56. DOI: 10.1111/j.1467-7709.1983.tb00381.x
- Mistry K. 2006. The Case for Political Warfare: Strategy, Organization and US Involvement in the 1948 Italian Election. *Cold War History*. 6(3). P. 301-329. DOI: 10.1080/14682740600795451
- Mistry K. 2011. Re-Thinking American Intervention in the 1948 Italian Election: Beyond a Success–Failure Dichotomy. *Modern Italy*. 16(2). P. 179-194. DOI: 10.1080/13532944.2011.557224
- Mitrovich G. 2000. *Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956*. Ithaca: Cornell University Press. 256 p.
- Needell A.A. 1993. “Truth Is Our Weapon”: Project TROY, Political Warfare, and Government-Academic Relations in the National Security State. *Diplomatic History*. 17(3). P. 399-420. DOI: 10.1111/j.1467-7709.1993.tb00588.x
- O'Connell C.T. 1990. The Munich Institute for the Study of the USSR: Origin And Social Composition. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 808. 46 p. DOI: 10.5195/cbp.1990.47

- O'Rourke L.A. 2018. *Covert Regime Change: America's Secret Cold War*. Ithaca: Cornell University Press. 330 p. DOI: 10.7591/cornell/9781501730658.001.0001
- Osgood K.A. 2000. Form Before Substance: Eisenhower's Commitment to Psychological Warfare and Negotiations with the Enemy. *Diplomatic History*. 24(3). P. 405-433. DOI: 10.1111/0145-2096.00225
- Osgood K.A. 2006. *Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad*. Lawrence: University Press of Kansas. 520 p.
- Park J., Choi H.J. 2022. Are Smart Sanctions Smart Enough? An Inquiry into When Leaders Oppress Civilians Under UN Targeted Sanctions. *International Political Science Review*. 43(3). P. 433-449. DOI: 10.1177/0192512120931957
- Peksen D. 2009. Better or Worse? The Effect of Economic Sanctions on Human Rights. *Journal of Peace Research*. 46(1). P. 59-77. DOI: 10.1177/0022343308098404
- Poznansky M. 2022. Revisiting Plausible Deniability. *Journal of Strategic Studies*. 45(4). P. 511-533. DOI: 10.1080/01402390.2020.1734570
- Puddington A. 2000. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty*. University Press of Kentucky. 408 p.
- Reus-Smit C. 2013. The Concept of Intervention. *Review of International Studies*. 39(5). P. 1057-1076. DOI: 10.1017/S0260210513000296
- Rosenau J.N. 1969. Intervention as a Scientific Concept. *Journal of Conflict Resolution*. 13(2). P. 149-171. DOI: 10.1177/002200276901300201
- Rositzke H. 1977. *The CIA's Secret Operations: Espionage, Counterespionage, and Covert Action*. Boulder: Westview Press. 326 p.
- Schwartz L.H. 2009. The Early Years of Radio Liberty, 1953-60. *Political Warfare Against the Kremlin*. London: Palgrave Macmillan. P. 124-147. DOI: 10.1057/9780230236936
- Snyder G.H. 1961. *Deterrence and Defense*. Princeton: Princeton University Press. 306 p.
- Snyder G.H. 1965. Balance of Power or Balance of Terror. *Balance of Power*. Ed. by P. Seabury. San Francisco: Chandler. P. 185-201.
- Statiev A. 2010. *The Soviet Counterinsurgency in The Western Borderlands*. Cambridge: Cambridge University Press. 368 p. DOI: 10.1017/CBO9780511730399
- Targeted sanctions*. 2016. Ed. by Biersteker T.J., Eckert S.E., Tourinho M. Cambridge: Cambridge University Press. 405 p. DOI: 10.1017/CBO9781316460290
- Tostensen A., Bull B. 2002. Are Smart Sanctions Feasible? *World Politics*. 54(3). P. 373-403. DOI: 10.1353/wp.2002.0010
- Tromly B. 2019. *Cold War Exiles and the CIA: Plotting to Free Russia*. Oxford: Oxford University Press. 352 p. DOI: 10.1093/oso/9780198840404.001.0001
- Vincent R.J. 1974. *Nonintervention and International Order*. Princeton: Princeton University Press. 474 p.
- Weber C. 1995. *Simulating Sovereignty: Intervention, the State, and Symbolic Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press. 164 p.
- Werner S. 1996. Absolute and Limited War: The Possibility of Foreign-Imposed Regime Change. *International Interactions*. 22(1). P. 67-88. DOI: 10.1080/03050629608434880
- Wilber D.N. 2006. *Regime Change in Iran: Overthrow of Premier Mossadeq of Iran, November 1952-August 1953*. Nottingham: Spokesman Books. 111 p.
- Wohlforth W.C. 2020. Realism and Great Power Subversion. *International Relations*. 34(4). P. 459-481. DOI: 10.1177/0047117820968858

Адаптация к разрядке: политика США по вопросу объединения Кореи в 1968–1973 гг.

Д.А. Садаков

Вятский государственный университет

Статья посвящена истории адаптации внешнеполитического курса США к процессу разрядки международной напряжённости, запущенному в конце 1960-х гг. К началу рассматриваемого периода американцы подошли, обладая прочными военными и политическими позициями на Корейском полуострове. Опираясь на них, Вашингтону удалось сдержать попытки КНДР в 1966–1969 гг. гибридными методами дестабилизировать ситуацию на Юге. Новым вызовом для американцев стал процесс постепенного установления межкорейских контактов. На фоне набиравшей обороты разрядки это привело к постановке вопроса об обновлении части американских внешнеполитических инструментов в регионе, включая контролируруемую США Комиссию ООН по объединению и восстановлению Кореи. Ещё одним вызовом для США стало предпринятое северокорейцами «дипломатическое наступление», по итогам которого позиции КНДР в мире существенно укрепились. Вашингтон пытался использовать имевшийся политический вес в целях превращения ежегодных дебатов по корейскому вопросу в Генеральной Ассамблее ООН из формальности в нечто реальное. Вместе с тем сохраняла свою актуальность задача поиска адекватных способов реагирования на растущую напряжённость в районе Северной разграничительной линии, выразившуюся в участившихся в конфликтах. Тем не менее в 1968–1973 гг. американцам удалось успешно перестроить свою политику на корейском направлении в условиях резкого улучшения международного положения КНДР и урегулирования отношений США и КНР. Американцы сумели с минимальными потерями отказаться от Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи, а также добиться того, чтобы обсуждение корейского вопроса в Организации Объединённых Наций не оказало деструктивного влияния на внутривнутриполитическую жизнь Юга. В этих условиях межкорейский диалог оставался лишь политической игрой существовавших на полуострове режимов, а сохранение желанного для американцев status quo в этом регионе стало главным результатом применённых дипломатией США манипулятивных техник. Подобные подходы сохраняют актуальность и для современной внешней политики США, легко избавляющейся от исполнивших свою роль международных инструментов в случае прагматической необходимости.

Ключевые слова: политика США, межкорейские контакты, корейский вопрос, корейский конфликт, ООН, КНДР, Республика Корея, Корейская ДМЗ

УДК 327.54+94(73+519)

Поступила в редакцию: 27.11.2022

Принята к публикации: 20.02.2023

В современном мире, в эпоху гибридных противостояний, грань между миром и войной необычайно тонка. Державы, претендующие на суверенитет и субъектную роль в международной политике вынуждены быстро адаптироваться к меняющейся ситуации и своевременно применять соответствующие ситуации методы и подходы. Кроме того, великим державам приходится находить и способы оперативной утилизации утративших для них свою ценность внешнеполитических инструментов. Весьма показательным примером подобной адаптации является история корейской политики США в конце 1960-х – начале 1970-х гг., когда американцам пришлось оперативно реагировать на переход северокорейской политики в отношении проблемы объединения Кореи в формат дипломатического наступления. Дополнительным фактором этого процесса стало начавшееся в 1971 г. восстановление отношений США и КНР.

Политика Соединённых Штатов в отношении проблемы объединения Кореи в 1968–1973 гг. рассматривалась в отечественной и зарубежной историографии (Асмолов 2003; Chong-Ki 1975; Rosenberg 1977; Shapiro 1975; Sung-Hack 2007; Yafeng, Zhihua 2014), однако ставшие доступными в последние годы архивные документы позволяют по-новому взглянуть на этот вопрос.

К началу рассматриваемого периода американцы подошли, обладая прочными военными (Садаков 2021б) и политическими (Sadakov, Yungblud 2021) позициями на Корейском полуострове. Опираясь на них, Вашингтону удалось сдерживать попытки КНДР в 1966–1969 гг. гибридными методами дестабилизировать ситуацию на Юге.

Новый северокорейский курс был публично обоснован в докладе Ким Ир Сена на конференции Трудовой партии Кореи 5 октября 1966 г. Руководитель северокорейского государства раскритиковал идею разрядки международной напряжённости на каком-либо одном из фронтов противостояния империализму и призвал наносить удары по американским силам по всему миру, связывая их «по рукам и ногам, чтобы они не могли своевольничать». Озвученный Ким Ир Сеном политический курс проявил себя на практике уже к середине октября, когда в результате двух северокорейских рейдов было убито суммарно 17 южнокорейских солдат (Wittels 2010: 3).

Самые острые моменты конфронтации были связаны с многочисленными пограничными инцидентами, рейдами северокорейского спецназа на Юг, захватом американского разведывательного корабля «Пуэбло» и уничтожением разведывательного самолёта ЕС-121 (Садаков 2021а; Юнгблюд 2021). Однако постоянная работа Вашингтона по укреплению защиты Юга от инфильтрации с Севера, а также редкое, но эффективное вмешательство СССР в критические моменты позволяли предотвращать военную эскалацию на Корейском полуострове.

Ситуация с захватом «Пуэбло», растянувшаяся практически на весь 1968 г., стала имеющим мало прецедентов случаем захвата военного корабля одной страны силами ВМФ другого государства. При этом, не имела принципиального значения даже дискуссия о том, находилось ли захваченное судно в нейтраль-

ных или северокорейских водах¹. Действия разведывательных кораблей вблизи территориальных вод соперничающих держав не были уникальной практикой. Например, Советский Союз имел собственный флот выполнявших аналогичные задачи судов. Более того, существовали прецеденты нарушения советскими моряками границ территориальных вод других государств². Принцип иммунитета в отношении военных кораблей, предусмотренный Женевской конвенцией 1958 г. «О территориальном море и прилежащей зоне», признавали и соблюдали и США вместе с союзниками, и социалистические страны, в том числе СССР и КНР (Butler, Lissitzyn, Cohen 1969: 7)³.

О реальном восприятии ситуации с «Пуэбло» советскими дипломатами можно судить по мемуарам Добрынина, где он прямо характеризовал действия властей КНДР как захват заложников.

Нападения северокорейских судов на находящиеся в нейтральных водах иностранные разведывательные корабли происходили и ранее. 28 декабря 1959 г. на советское судно ГС-34 (под статусом гидрографического корабля «Унго»), находившееся в районе 39-й параллели в 30 милях от берега КНДР и 36 милях от побережья Республики Корея было совершено вооружённое нападение по итогам которого был убит один и ранено несколько советских матросов. Обстрел продолжался значительное время даже после поднятия на ГС-34 гидрографического флага Советского Союза. МИД СССР заявил в связи этим случаем протест в отношении действий Республики Корея и пригрозил «уничтожить пиратство». Однако, южане отрицали свою причастность к инциденту и «клятвенно ручались» в этом. В дальнейшем они сообщили о наблюдении с их судна обстрела северокорейцами неизвестного корабля в указанном СССР районе. Как выяснилось позже, нападение на советский корабль действительно совершил северокорейский катер № 205 типа БО-1, полученный от СССР в 1950-х гг. После этого в Москве поспешили замять инцидент⁴.

История с американским разведывательным кораблём развивалась по более драматичному сценарию. Тем не менее Вашингтон использовал дипломатические методы разрешения конфликта вокруг захвата экипажа «Пуэбло», а знаменитые «извинения» США перед КНДР были дезавуированы немедленно после освобождения заложников.

¹ При этом, в представленных северокорейцами доказательствах имелись существенные признаки фальсификации, а американские моряки впоследствии заявляли, что их «признания» были получены под давлением. В Вашингтоне были уверены в отсутствии у «Пуэбло» приказа подходить ближе 12 миль к северокорейским берегам. (Садаков 2021б).

² Foreign Relations of the United States (Далее – FRUS). 1964–1968. Vol. 29, Part 1. Wash., 2000. P. 596.

³ Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tsea.pdf (дата обращения: 17.02.2023). С. 237–238.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. 4459. Оп. 20. Д. 20202. Л. 7–9, 38; Оп. 27. Д. 21010. Л. 1–3, 7; Оп. 27. Д. 20052. Л. 66–69; Халилецкий Г.Г. Подвиг моряков-разведчиков бригады разведывательных кораблей Тихоокеанского флота. URL: 38brrzk.ru/public/podvig-morjakov-razvedchikov (дата обращения: 27.02.2023).

Что касается инцидента с ЕС-121 15 апреля 1969 г., то сегодня невозможно со стопроцентной уверенностью утверждать, нарушал ли ЕС-121 северокорейское воздушное пространство или нет. Однако, само уничтожение самолёта произошло в 167 км от побережья КНДР над акваторией Японского моря. В период кризиса кораблями Краснознаменного Тихоокеанского флота СССР с поверхности Японского моря были подняты и переданы американцам обнаруженные фрагменты самолёта – части обшивки, одежды, карандашей и т.п.⁵ По версии КНДР уничтожение самолёта было итогом погони, начавшейся после нарушения им воздушной границы Северной Кореи. При этом заявлялось, что ЕС-121 первым открыл огонь. Радио Пхеньяна одновременно продвигало версию, согласно которой американский самолёт был сбит при попытке проникнуть в воздушное пространство КНДР⁶. В ходе двусторонних консультаций с СССР министр иностранных дел КНДР ситуацию описал с подкупающей простотой: «Когда наши лётчики сбивают самолёт агрессора, вторгшийся в воздушное пространство КНДР, они не думали о дальнейшем развитии событий. Мы тоже не думали об этом. Если бы мы стали думать, то нам пришлось бы просить самолёт улететь подальше»⁷. На этот раз американцы не были скованы наличием заложников в руках оппонента, но всё равно предпочли уклониться от существенного ответа на действия северокорейской стороны.

Военная активность на полуострове со стороны КНДР дополнялась попытками укрепления международного положения страны. Пхеньян продолжал считать невозможным мирное сосуществование с США и их «марионеточным» режимом в Южной Корее и настаивать на нелегитимности участия Организации Объединённых Наций в разрешении корейского конфликта. Необходимость свержения южнокорейского режима «прогрессивными силами» и изгнание американских войск из Кореи рассматривались в качестве предварительного условия мирного объединения⁸.

Летом 1967 г. Пхеньян выразил готовность учесть пожелания СССР, относительно того, чтобы КНДР в той или иной форме признала основные принципы устава ООН. При этом, Пхеньян заявил о том, что именно США, а не Север отрицают принципы и цели Организации, и именно КНДР должна представлять корейский народ в Нью-Йорке⁹. Москве даже приходилось сдерживать пыл Пхеньяна. К примеру, так произошло в случае с заявлением министра иностранных дел КНДР Пак Сен Чера о том, что, если США продолжат свои агрессивные

⁵ *Российский государственный архив новейшей истории* (Далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 61. Д. 466. Л. 128–132

⁶ *FRUS, 1969–1972. Vol. 19. Part 1. Wash., 2009. P. 18, 23–24, 31; Kissinger H. The EC-121 Shootdown // White House Years. Part 2. Chapter IX. Boston, 1979.*

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 466. Л. 121.

⁸ Там же. Л. 76; *Архив внешней политики РФ* (Далее – АВП РФ). Ф. 0102. Оп. 28. Папка 55. Д. 9. Л. 2–3; Там же. Оп. 23. Папка 110. Д. 5. Л. 129; *FRUS, 1964–1968. Vol. 29. Part 1. Wash., 2000. P. 443–445.*

⁹ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 23. Папка 110. Д. 6. Л. 22.

действия, они могут лишиться права быть членом ООН. Посол СССР в КНДР Н.Г. Судариков сравнил публичные выступления подобного рода с залпом политической артиллерии главного калибра – для этого необходимо найти подходящий момент, дабы залп не вышел «холостым»¹⁰.

Осенью того же года северяне приняли деятельное участие в выработке тактики социалистических стран на очередной сессии Генассамблеи ООН. Приоритетным вопросом для Пхеньяна оставалась проблема вывода из Кореи иностранных войск. Большое внимание на Севере уделяли привлечению представителей нейтральных государств к поддержке позиции КНДР¹¹. Для достижения этой цели северяне в последующем неоднократно совершали рабочие поездки в Азию и Африку¹². Параллельно делегации нескольких дружественных северянам стран, включая Камбоджу и Сирию, внесли на рассмотрение ГА проект резолюции с требованием безусловного принятия КНДР в ООН.

Готовность северян участвовать в дебатах Генеральной Ассамблеи по корейскому вопросу на фоне нагнетания ими же напряжённости в районе 38-й параллели застала американцев врасплох. По мнению Госдепартамента, это событие могло внести вклад в укрепление имиджа ООН. Однако, и Пхеньян мог существенно выиграть от участия в работе Генассамблеи. Несмотря на то, что позиция северян не могла рассчитывать на поддержку со стороны большей части мирового сообщества, сам факт участия КНДР в работе ООН укреплял международную легитимность режима Ким Ир Сена. Кроме того, в США ожидали усиления позиций критиков американской «платформы ООН»¹³ внутри Южной Кореи. Перед американцами вставала проблема обеспечения безопасности северокорейского делегата от гипотетических южнокорейских радикалов. Наконец, в США опасались, что выступление северокорейцев в Нью-Йорке на фоне захвата экипажа американского разведывательного корабля «Пуэбло» в начале 1968 г. и провала многолетних попыток добиться вступления Республики Корея в ООН может быть воспринято в мире как зримая победа КНДР. В итоге американцы взяли курс на противостояние любым попыткам пригласить северян в ООН для участия в дебатах без предварительных условий. Одновременно они добились принятия на ГА резолюции, которая приглашала Пхеньян к диалогу, но только в случае признания им авторитета Организации в деле разрешения корейского вопроса. Естественно, это предложение было заведомо неприемлемым для КНДР¹⁴.

¹⁰ *АВП РФ*. Ф. 0102. Оп. 23. Папка 110. Д. 6. Л. 320.

¹¹ *АВП РФ*. Ф. 0102. Оп. 23. Папка 110. Д. 6. Л. 160–163.

¹² *АВП РФ*. Ф. 0102. Оп. 24. Папка 113. Д. 7. Л. 77–78, 91–93.

¹³ Американцы настаивали, что лишь созданная в 1948 г. при непосредственном участии ООН Республика Корея является единственным легитимным режимом на полуострове. Объединение Кореи допускалось ими лишь в формате присоединения КНДР к Республике Корея. См. подробнее (Садаков, Юнгблюд 2020).

¹⁴ *National Archives and Records Administration* (Далее – NARA). RG 59. Central Policy Files, 1967–1969. Box 2260. A North Korean in New York.: Probable Repercussions. Oct. 22, 1963. Pol 32-4 Kor; Ibid. North Korea State UN Position. 1968. Sept. 25. Pol 32-4 Kor; Ibid. Box 2261. On the Commemorative Events on the 20th Anniversary of the Founding of North Korea. 1968. Oct. 1968 P. 5; Ibid. Indian Stance on UN Korean Invitation Issue. 1968. Dec. 12. Pol 32 Kor/UN; FRUS. 1964–1968. Vol. 29. Part 1. Wash., 2000. P. 443–445; The New York Times. 1968. December 14. P. 16.

Стоит отметить, что американцы осознавали устаревание своих подходов к проблеме объединения Кореи, а вернее наблюдали разочарование многих своих партнёров по ООН в многолетней их неизменности. Одним из инструментов американцев долгое время являлась созданная в 1951 г. комиссия Объединённых Наций по объединению и восстановлению Кореи. В её состав в основном вошли представители принимавших непосредственное участие в боевых действиях в Корею стран – Турции, Филиппин, Таиланда, Австралии, Нидерландов.

Несмотря на слово «объединение» в названии, этот орган, первоначально преимущественно занимался распределением выделяемой по линии ООН экономической помощи Республике Корея. К примеру, в течение второй половины 1953 – первой половины 1954 г. программа помощи Югу предусматривала расходы на сумму 130 млн долларов. Руководителем комиссии в тот период являлся американский генерал Дж. Коутер¹⁵. В дальнейшем американцы сконцентрировались на оказании прямой помощи Республике Корея, и комиссия, в основном, занималась фиксированием ситуации в политической и экономической жизни Республики Корея, а также трансляцией взглядов её властей на корейскую проблему на платформе Генеральной Ассамблеи¹⁶.

В социалистических странах деятельность комиссии воспринималась как незаконная и направленная на прикрытие действительного положения в Южной Корее – «развала экономики, политического режима репрессий и террора»¹⁷. По факту этот орган ООН оставался реликтом Корейской войны 1950–1953 гг. и стремительно терял авторитет. Состав, структура, размытые функции и отсутствие заметных результатов не вдохновляли на модернизацию этого органа.

Впрочем, при обсуждении позиции США по этому вопросу официальные лица в Вашингтоне не шли дальше поиска новых формулировок, подчёркивающих и конкретизирующих роль Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи. Кроме того, американцы пытались возродить интерес к Корее в мире при помощи акцентирования внимания на допускаемых северянами нарушениях соглашения о перемирии¹⁸. Своё влияние на действия США оказывала и позиция Республики Корея, которая всё более опасалась того, что северяне начнут использовать площадку ООН для ведения собственной пропаганды. В этих условиях осенью 1968 г. Вашингтон и Сеул отказались от многолетней практики автоматического включения отчёта Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи в повестку очередной Генеральной Ассамблеи. Смена форму-

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 10. Папка 53. Д. 17. Л. 17–19.

¹⁶ См. например: Доклад комиссии Организации Объединённых наций по объединению и восстановлению Кореи. Нью-Йорк, 1955.

¹⁷ См. например: ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 43. Д. 2380. Л. 13, 24.

¹⁸ См. например: NARA. RG 59. Central Policy Files, 1967–1969. Box 2261. UNCORK continuation resolution. 1968. Nov., 30. Pol 32-4 Kor/UN; Korean Question at UN GA. 1968. Oct., 10. Pol 32-4 Kor/UN; Korea in UN. 1968. May, 17. Pol 32-4 Kor/UN; Indian Stance on UN Korean Invitation Issue. 1968. Dec., 12. Pol 32 Kor/UN.

лировки соответствующей резолюции позволила направлять отчёт в адрес генерального секретаря Организации, что давало возможность избежать дебатов по корейскому вопросу в случае необходимости (Sung-Hack 207: 169)¹⁹.

Политика США в условиях снижения напряжённости в Корее

В конце 1969 г. произошло резкое снижение напряжённости в демилитаризованной зоне (ДМЗ)²⁰ и последовавший сдвиг акцента северокорейской пропаганды в сторону продвижения идеи мирного объединения страны²¹. Северяне вновь стали усиленно требовать проведения общенациональных выборов после вывода иностранных войск, эксплуатируя, по мнению американцев, естественное желание многих южных корейцев улучшить отношения с Пхеньяном. При этом Пхеньян продолжал настаивать на мирном характере своей политики и последовательно критиковать роль ООН в процессе разрешения корейского вопроса, одновременно требуя безусловного приглашения своей делегации на обсуждение Корейского вопроса на ГА²².

В ЦРУ допускали что события на полуострове могут развиваться по германской модели, подразумевая под этим постепенное улучшение отношений между Севером и Югом при отсутствии шансов на реальное объединение. Впрочем, американцы обращали внимание на важное различие между двумя кейсами. Межгерманские отношения никогда не доходили до стадии «горячей» войны. Пока на Юге было живо поколение, пережившее Корейскую войну, а на Севере у власти находился Ким Ир Сен, жители Республики Корея были вынуждены испытывать постоянное беспокойство в связи с коммунистической угрозой²³. Интересно, что Ким Ир Сен довольно жёстко критиковал германский пример, указывая на то, что Германия являлась побеждённой во Второй мировой войне страной с развитым монополистическим капиталом, а Южная Корея такого уровня в своем развитии пока не достигла²⁴. С другой стороны, идеи объединения пользовались

¹⁹ NARA. RG 59. Central Policy Files, 1967–1969. Box 2261. Avoidance of Korean Debate in 24th GA. 1969, June, 28. Pol 32-4 Kor/UN.

²⁰ Корейская ДМЗ была создана в районе 38-й параллели согласно условиям положившего конец Корейской войне Соглашения о перемирии 1953 г.

²¹ NARA. RG 59. Central Policy Files, 1967–1969. Box 2260. Korea: Pyongyang Modifies Tactics Toward the ROK. Pol 23-7 Kor S; Ibid. Box. 2261. September 25 Foreign Policy Statement by Pak Song-Chol, Vice Premier and Foreign Minister of North Korea. Pol 15-1 KorN.

²² NARA. RG 59. Central Policy Files, 1967–1969. Box 2260. NK Statements on UN in 295th MAC Meeting. Pol 27-14 Kor/UN. 1969. Oct. 20; Ibid. 295th MAC Meeting. 1969. Sep. 28, Pol 27-14 Kor/UN; North Korea: Pyongyang Seeks Unconditional Invitation to UN Debate on Korea. Pol 32-4 Kor/UN; Ibid. Box 2261. September 25 Foreign Policy Statement by Pak Song-Chol, Vice Premier and Foreign Minister of North Korea. Pol 15-1 KorN.

²³ FRUS. 1969–1976. Vol. 19. Part 1. Wash., 2009. P. 206, 210; Letter, DPRK Ministry of Foreign Affairs, Concerning DPRK's Rejection of Korean Question. 1969. December 5. // Wilson Center Digital Archive. URL: Resolution <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117360> (дата обращения 13.02.2023).

²⁴ Российский государственный архив новейшей истории (Далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 66. Д. 679. Л. 113–114.

большой популярностью в среде южнокорейской молодёжи. Однако Пак Чон Хи долгое время не уделял должного внимания этому вопросу²⁵.

Тем не менее, южнокорейский лидер был вынужден реагировать на общественные настроения, и в марте 1969 г. в Республике Корея был создан Национальный совет объединения²⁶. По наблюдениям американцев, во второй половине 1969 г. восстановление единства Кореи необычайно широко обсуждалась в южнокорейской прессе. При этом, работа нового ведомства первоначально была сосредоточена вокруг старой платформы ООН, а широкому общественному обсуждению проблемы препятствовали южнокорейские законы²⁷. Более того, в январе 1971 г. южнокорейский президент в своём новогоднем обращении лично предупредил своих сограждан об опасности публичного обсуждения проблемы восстановления единства страны²⁸.

Тенденция к разрядке напряжённости тем не менее сохранялась. Летом 1970 г. американцы объявили о планах сокращения своего контингента на Юге (северянами, правда, это было воспринято лишь как маскировка планов США по наращиванию военного потенциала Юга²⁹).

В августе Пак Чон Хи призвал придать соревнованию между Пхеньяном и Сеулом исключительно мирный характер. Весной того же года северяне выступили с новыми предложениями об организации консультаций между представителями политических партий Севера и Юга³⁰. Тогда же наблюдался и определённый сдвиг в подходах США к вопросу о вступлении отдельных стран в ООН. Американцы пытались опередить изгнание из ООН представителя гоминдановского Китая и продвигали принцип «универсальности», который позволил бы добиться одновременного участия в работе Генеральной Ассамблеи делегатов от обоих Китаев³¹. Южнокорейские власти с тревогой восприняли эти новости. Они опасались потенциального участия КНДР в работе ООН и дестабилизации ситуации на Юге в случае открытой поддержки американцами плана восстановления единства Кореи³². С другой стороны, идея одновременного вступления двух корейских государств в ООН получила определённую поддержку в среде южнокорейской оппозиции³³. Впрочем, провал инициативы США в отношении проблемы представительства Китая быстро отодвинул этот вопрос на второй план.

²⁵ *FRUS*. 1969–1976. Vol. 19. Part 1. P. 234–235.

²⁶ См.: *NARA*. RG 59. Central Policy Files, 1967–1969. Box 2263. National Unification Institute. 1969. Jan. 29. POL KORN–KORS. Впоследствии на его основе будет создано Министерство объединения Республики Корея.

²⁷ *Ibid.* Box 2260. Plans for Reunification. 1969. Dec. 10. Pol 32-4Kor; *Ibid.* Cable from Amembassy, Seoul, to Secstate, Washington. 1969. Dec. 6. Pol 32-4 Kor.

²⁸ *Inter-Korean Proposals and Dialogue*, 1985. *CIA FOIA*. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp-04t00447r000200750001-0> (дата обращения 13.02.2023). P. 7.

²⁹ *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 63. Д. 462. Л. 66.

³⁰ *Inter-Korean Proposals and Dialogue*. P. 6-7.

³¹ См. подробнее: *FRUS*. 1969–1976. Vol. 5. Wash., 2004. P. 50–51, 582–584, 609–610.

³² *Ibid.* Vol. 19. Part 1. P. 235.

³³ Letter, Ozbudun to Narasimhan. 1971. Nov. 29. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117513> (дата обращения 13.02.2023).

На этом фоне в августе 1971 г. южане решили взять инициативу в свои руки и увести ситуацию в сторону обсуждения неполитических вопросов. Южнокорейский Красный Крест предложил своим северокорейским коллегам обсудить возможность проведения двусторонних переговоров по проблеме разделённых межкорейской границей семей. Эта идея была поддержана (впрочем, северяне заявили, что это они являются авторами инициативы). Более того, для оптимизации процесса в сентябре между Севером и Югом была проведена телефонная линия. Характерно, что в Сеуле не считали, что подобные переговоры могут привести к реальным подвижкам в деле объединения страны. Американцы идею переговоров поддержали, видя в ней потенциал «громоотвода» для царившего на юге стремления масс к налаживанию межкорейских контактов³⁴.

В ноябре 1971 г. переговоры были дополнены секретными встречами представителей Севера и Юга, на которых стали обсуждаться не только гуманитарные, но и политические вопросы. Американцы были в курсе развития межкорейского диалога благодаря регулярным контактам с ключевыми членами администрации Пак Чон Хи, в число которых входил и директор южнокорейского ЦРУ Ли Ху Рак. Американцы поддерживали идею переговоров. Они хорошо вписывались во взятый администрацией Никсона курс на снижение степени американского прямого участия в корейских делах. При этом в США уделяли большое внимание взаимодействию с южнокорейским общественным мнением. Они настоятельно рекомендовали южанам раскрыть часть информации о секретных переговорах с северянами и старались избежать впечатления, будто подвижки в межкорейском диалоге связаны с постепенным уходом американцев с полуострова³⁵.

С другой стороны, в 1971 г. на фоне восстановления прав КНР в ООН американцы воспользовались результатами смены своей политики в 1968 г. и отказались от многолетней практики проведения ежегодных дебатов по корейскому вопросу на Генеральной Ассамблее, предложив перенести их на год (Chong-Ki 1975: 339). Генеральная Ассамблея учла продолжавшиеся в этот период межкорейские переговоры и проголосовала за отсрочку в рассмотрении вопроса³⁶. Однако такое решение могло быть лишь временным.

Корейский вопрос неоднократно поднимался во время переговоров помощника президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера и премьер-министра Госсовета КНР Чжоу Эньлая в 1971 г. Китайцы практически сразу подняли вопрос о выводе американских войск из Южной Кореи³⁷. Обсуждалась

³⁴ FRUS. 1969–1976. Vol. 19. Part 1. P. 268; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 462. Л. 255.

³⁵ См. например: FRUS. 1969–1976. Vol. 19. Part 1. P. 332–335, 344–345, 362–365.

³⁶ FRUS. 1969–1976. Vol. 5. P. 202.

³⁷ Memorandum of Conversation at Chinese Government Guest House. 1971. July, 9. *Richard Nixon Library and Museum. Richard Nixon Foundation*. URL: <https://www.nixonfoundation.org/wp-content/uploads/2019/04/Memcon-HAK-to-Zhou-Enlai-7-9-71.pdf> (дата обращения 13.02.2023). P. 37–38.

на переговорах и проблема восстановления единства стран Корейского полуострова, а также роли ООН в этом процессе. Позиция КНР основывалась на требованиях КНДР и заключалась в признании равенства прав КНДР и Республики Корея в этой международной организации³⁸. Особняком обсуждалась проблема существования Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи, которая была раскритикована китайцами, поскольку не учитывала мнения КНДР. Киссинджер обещал подумать над судьбой этого органа в будущем³⁹.

Межкорейские переговоры тем временем продолжались. В январе 1972 г. Ким Ир Сен выдвинул идею заключения межкорейского мирного договора⁴⁰. В марте представители Пхеньяна и Сеула встретились в Пханмунджоме для обсуждения возможности проведения переговоров в верхах⁴¹. По оценкам американской разведки, подготовленным в мае 1972 г., цели участия Пхеньяна и Сеула в этом процессе решительно отличались. С точки зрения американцев, в КНДР ожидали, что использование дипломатических мер позволит дискредитировать Юг на международной арене, повысит напряжение внутри страны, позволит добиться прекращения участия ООН в корейских делах, и, в конечном итоге создаст поле для дальнейших мер, нацеленных на объединение Кореи под эгидой режима Ким Ир Сена. С другой стороны, Юг находился во власти опасений, что развитие диалога может дестабилизировать внутреннюю ситуацию в Республике Корея, а также привести к полному выводу американских войск. Поэтому южане вынужденно шли на поводу общественного мнения, но делали это крайне осторожно и, в основном, не публично.

Американцы рассчитывали, что конкретные соглашения могут быть достигнуты по гуманитарным вопросам. Общую ситуацию на полуострове в Вашингтоне считали относительно стабильной, и эта оценка основывалась, в том числе, на данных разведки, согласно которым ни одна из принимавших прямое участие в корейских делах великих держав на самом деле не была заинтересована в нарушении status quo. Сложность заключалась лишь в том, что КНР и СССР конкурировали между собой за влияние на Пхеньян, а потому не могли добиваться заключения формализующего раздел страны соглашения, не боясь вызвать недовольство Ким Ир Сена. Американцы допускали возможность возвращения

³⁸ FRUS. 1969–1976. Vol. 17. Wash., 2006. P. 527; ПГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 462. Л. 266.

³⁹ En-Lai., Kissinger et. al. Memorandum of Conversation. Great Hall of the People, Peking. 21 October 1971, 10:30am-1:45pm. *Richard Nixon Library and Museum. Richard Nixon Foundation*. URL: <https://www.nixonfoundation.org/wp-content/uploads/2019/04/Memcon-HAK-and-Zhou-10-21-71-PM.pdf> (accessed 13.02.2023). P. 13–14; FRUS. 1969–1976. Vol. 17. P. 571.

⁴⁰ В течение года северяне неоднократно выдвигали эту идею. В начале 1973 г. южане официально ответили на данное предложение отказом, предложив вместо этого работать на укрепление доверия между Пхеньяном и Сеулом. См.: *The Rise and Fall of Détente on the Korean Peninsula. Wilson Center*. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/RiseAndFall_Part1.pdf (accessed 13.02.2023) P. XXI.

⁴¹ Ibid. P. XIX.

межкорейских отношений к конфронтационному формату, существовавшему до 1971 г., однако даже самый жёсткий возможный сценарий не предусматривал начала новой Корейской войны⁴².

Во второй половине 1972 г. в рамках межкорейского диалога был достигнут значительный успех. Ли Ху Рак совершил визит в КНДР, итогом которого стало подписание 4 июля совместного коммюнике. В нём декларировались ключевые принципы, на основе которых могло быть достигнуто объединение страны. Речь шла о независимости этого процесса от внешнего вмешательства, достижении единства мирными способами и необходимости преодоления различий между системами. Кроме того, корейцы договорились установить прямую телефонную линию между Сеулом и Пхеньяном⁴³. Как отмечает К.В. Асмолов, переговоры происходили в интересной обстановке. На встрече Ли Ху Рака с Ким Ир Сенем и тот, и другой подчёркивали независимость своих стран от внешних игроков. Асмолов приводит следующий диалог:

«Ким: Давайте исключим внешние силы. Давайте не будем сражаться. Давайте объединимся как нация. Давайте не будем заикливаться на коммунизме или капитализме...»

Ли: Нация с населением в 40-50 миллионов человек – это сильная страна. Сто лет назад мы были вынуждены искать покровительство сверхдержав, потому что были слабы, но в будущем великие державы будут искать покровительство у нас. Я хочу, чтобы вам было ясно, что сверхдержавы лишь на словах поддерживают нашу надежду на объединение. В действительности они этого не хотят.

Ким: Сверхдержавы и империализм предпочитают разделить нацию на несколько мелких наций» (Асмолов 2003).

Успех прямых межкорейских переговоров ставил перед дипломатией США новые вызовы. Юг желал медленного движения по пути к объединению и видел в переговорах в первую очередь средство снижения внутренней напряжённости⁴⁴. Север, в свою очередь, стремился форсировать события. Практически сразу после подписания коммюнике от 4 июля северяне повторно выдвинули требования вывода из Кореи иностранных войск и настаивали на раскрытии для широкой общественности информации о секретных переговорах с Югом⁴⁵. Южане же, несмотря на все заявления, нуждались в американской поддержке для того, чтобы иметь твёрдую переговорную позицию⁴⁶.

⁴² *FRUS*, 1969–1976. Vol. 19. Part 1. Wash., 2009. P. 345–347.

⁴³ The July 4 South-North Joint Communiqué URL: <https://peacemaker.un.org/korea-4july-communiqué72> (accessed 13.02.2023); РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 679. Л. 81; The Carter Chill: US-ROK-DPRK Trilateral Relations, 1976–1979. Wash., 2013. P. 460; Доклад комиссии Организации Объединённых Наций по объединению и восстановлению Кореи. 1972. Нью-Йорк. С. 10–12.

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 679. Л. 172.

⁴⁵ *FRUS*, 1969–1976. Vol. 19. Part 1. P. 369–370.

⁴⁶ *Ibid.* P. 371.

Необходимо учитывать, что развитие межкорейского диалога с точки зрения Юга представляло собой процесс извлечения внутривнутриполитических выгод ценой внешнеполитических побед северо-корейской дипломатии. Многие страны, ранее стоявшие на платформе поддержки Сеула, отныне стали рассматривать Северную Корею в качестве самостоятельного государства и склоняться в пользу тезиса о сосуществовании двух Корей. Прежняя альтернатива – «или с КНДР, или с Южной Кореей» – уходила в прошлое⁴⁷.

Достигнутые успехи в межкорейском диалоге также ставили вопрос об установлении экономических связей между Севером и Югом. В Москве обращали внимание на то, что в этом аспекте Пхеньян продолжал придерживаться подхода, основанного на довоенной структуре экономики обеих Корей. Однако, вне поля зрения северян оставалось то, что в последние годы Южная Корея превратилась из экспортёра сельскохозяйственных товаров в их импортёра, а КНДР, напротив, стала нуждаться в импорте промышленного оборудования. В итоге, к 1974 г. на полуострове сложилась ситуация, при которой ни Север, ни Юг фактически не могли предложить товаров, способных удовлетворить потребности своего партнёра по переговорам⁴⁸.

В 1972 г. власти КНДР попытались использовать своё укрепившееся в результате активной дипломатической кампании международное положение в целях превращения ежегодных дебатов по корейскому вопросу в Генеральной Ассамблее ООН из формальности в нечто реальное. В посольстве СССР в Корее отмечали, что северяне под влиянием Советского Союза и других социалистических стран стали рассматривать Организацию как орган, который может способствовать «созданию благоприятных условий для мирного объединения Корей». В мае того же года Ким Ир Сен в интервью корреспондентам *The New York Times* заявил, что КНДР никогда не нарушала и не игнорировала Устав ООН⁴⁹. При этом северяне сумели добиться поддержки «неприсоединившихся» стран – IV Конференция Движения неприсоединения поддержала курс Пхеньяна на сближение с организацией⁵⁰. Успеху Севера способствовало то, что начиная с 1950-х гг. Сеул воспринимал неприсоединившиеся страны как прокоммунистические и враждебные⁵¹.

Деятельную поддержку Пхеньяну в ООН собиралась оказывать делегация КНР, которая представила на Ассамблею свой проект резолюции по Корее⁵². В целом, американцы наблюдали существенный сдвиг в настроении междуна-

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 679. Л. 172; Д. 680. Л. 23.

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 102. Оп. 34. Папка 71. Д. 18. Л. 104–105.

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 679. Л. 2.

⁵⁰ Там же. Д. 680. Л. 39.

⁵¹ АВП РФ. Ф. 102. Оп. 39. Папка 87. Д. 24. Л. 31.

⁵² FRUS. 1969–1976. Vol. 19. Part 1. P. 398; FRUS 1969–1976. Vol. E-13. Wash., 2006. Document 158; Report fromk Barity Miklós, 'Visit of the Korean ambassador'. 1972. Aug., 12. // Wilson Center Digital Archive URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/123125> (дата обращения 13.02.2023).

родного сообщества – всё чаще звучали голоса, что текущая роль ООН в Корее является лишь атрибутом холодной войны, а в современных условиях корейский вопрос необходимо решать на основе Совместного коммюнике от 4 июля⁵³. С другой стороны, в США продолжали считать, что, несмотря на все успехи межкорейского диалога, в ближайшее время от него не стоило ожидать чего-то более масштабного, чем промежуточные договорённости⁵⁴.

Модернизация американских подходов

Разработка новых подходов США к проблеме участия ООН в корейских делах началась летом 1972 г. Первоначально она осуществлялась в контексте нового раунда переговоров Киссинджера и Чжоу Эньлая. Китаец обратил внимание на деятельность Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи, которая, с его точки зрения, являлась враждебным КНДР инструментом и лишь провоцировала ссоры среди заинтересованных в судьбе этой страны государств. Чжоу выразил надежду на прекращение её деятельности уже в этом году. Американцы, в свою очередь, хотели отложить решение этого вопроса ещё на год⁵⁵. В этих условиях Киссинджер сумел найти платформу для компромисса. В Вашингтоне желали повторно избежать обсуждения корейской проблемы в ООН, а потому предложили Пекину не мешать этим планам в обмен на обещание использовать в дальнейшем американское влияние для роспуска комиссии⁵⁶.

В дальнейшем Г. Киссинджер поднял этот вопрос на заседании группы старших экспертов СНБ, во время которого критике была подвергнута деятельность Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи. По мнению помощника госсекретаря по политическим вопросам А. Джонсона, она не представляла реальной ценности ни для США, ни для Республики Корея. Однако, власти последней по-прежнему желали продолжения работы этого органа. Южане считали, что факт существования комиссии укрепляет их позицию на переговорах с Севером, поскольку та является символом легитимности южнокорейских властей в глазах мирового сообщества. Американцы не желали деморализовать Сеул. Однако, комиссия уже начинала распадаться. Из её состава вышли представители Чили⁵⁷, уступая давлению КНР свои полномочия готовился прекратить

⁵³ *FRUS*. 1969–1976. Vol. 19. Part 1. P. 379–380.

⁵⁴ Central Intelligence Bulletin. 1972. Sept. 14. *CIA FOIA*. URL: cia.gov/readingroom/document/cia-rdp-79t00975a022700120001-6 (дата обращения 13.02.2023). P. 13–14.

⁵⁵ *FRUS*. 1969–1976. Vol. 17. Wash., 2006. P. 990.

⁵⁶ *Ibid.* P. 1032.

⁵⁷ См. также: Report, UN Department of Political and Security Council Affairs, 'Chile, UNCURK, and the UN Stand on the Korean Question'. 1970. Nov. 13. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117379> (accessed 13.02.2023); NARA. RG 59. Central Policy Files, 1967–1969. Box 2260. Chile and UNCURK. 1969. Aug. 16. Pol 32-4 Kor-UN.

и Пакистан. В сложившихся обстоятельствах в США решили потянуть один-два года и организовать комиссии «достойные похороны», а также дать возможность южанам предпринять те или иные контрмеры⁵⁸.

Также на совещании был поднят вопрос о судьбе Командования ООН⁵⁹. В Вашингтоне понимали, что Генеральная Ассамблея даже при условии принятия соответствующей резолюции не сможет прекратить его полномочия, поскольку для этого требовалась бы санкция Совета Безопасности. Однако, в США допускался вариант проявления демонстративной гибкости при помощи повторного обсуждения принципов продления его полномочий в СБ ООН. В любом случае Командование ООН рассматривалось как ценный инструмент политики США, поскольку оно легитимизировало действия Вашингтона в регионе. Полезным было признано и продолжение участия иностранных государств в его работе⁶⁰.

В октябре 1972 г. накануне проведения референдума о поправках в конституцию в Республике было введено военное положение и арестованы лидеры оппозиции. В рамках этой кампании планы Пак Чон Хи по созданию своей пожизненной диктатуры отчасти маскировались под попытку организации условий для объединения страны. Спустя неделю после принятия необходимых южнокорейскому президенту поправок начал свою работу Координационный комитет Севера и Юга. Впрочем, как отмечал в эти дни премьер-министр Республики Корея Ким Чон Пхиль, на самом деле правительство было намерено с осторожностью развивать диалог с КНДР и ожидало сложностей на этом пути. Более того, чиновник со скепсисом относился к достигнутым ранее Ли Ху Раком дипломатическим успехам. Американцы, однако, считали, что оценки Пака были искажены фактом давнего соперничества между премьер-министром и директором ЦРУ, а позиция самого Пак Чон Хи была скорее промежуточной⁶¹.

На фоне протестов оппозиции в связи с принятием Конституции Юсин⁶², в ООН США избрали тактику затяжек и проволочек, фактически обеспечивая происходящий государственный переворот своим дипломатическим сопровождением. Они постарались погасить эмоции от налаживания межкорейских контактов и отложить дебаты на ГА ООН по корейскому вопросу хотя бы ещё на один год. В крайнем случае в Вашингтоне желали отсрочить его обсуждение на период после окончания президентских выборов в Республике Корея

⁵⁸ *FRUS*. 1969–1976. Vol. 19. Part 1. P. 385–387, 395–397.

⁵⁹ Командование ООН было создано в 1950 г. для руководства вооружёнными силами коалиции стран ООН в Корейской войне. Вплоть до 2018 г. его возглавляли различные американские генералы.

⁶⁰ *FRUS*. 1969–1976. Vol. 19. Part 1. P. 388–389, 397–398.

⁶¹ *Ibid.* P. 421, 431–432; Section 6. Situation in the Korean Peninsula. Diplomatic Bluebook for 1972. *Japanese MOFA*. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1972/1972-1-6.htm> (accessed 13.02.2023).

⁶² Конституция Южной Кореи, принятая в 1972 г. в результате организованного Пак Чон Хи переворота. Она легитимировала концентрацию власти в руках южнокорейского лидера и позволяла ему фактически бессрочно оставаться на своём посту.

(декабрь 1972 г.). В конечном итоге Генассамблея одобрила нужную американцам резолюцию, которая фиксировала *status quo* и откладывала дебаты (Chong-Ki 1975: 399)⁶³.

В то же время американцы крайне скептически относились к перспективам подобного трюка следующей осенью. Одним из способов избежать обсуждения мог стать некий (гипотетически, как полагали, возможный) прорыв в межкорейских переговорах⁶⁴. Однако, более надёжным решением стало бы достижение компромисса с китайцами по вопросу о роспуске Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи. К началу 1973 г. американцам удалось облечь в конкретную форму свои предложения по этой проблеме, и в феврале 1973 г. Киссинджер сообщил Чжоу о возможности прекращения работы этого органа во второй половине года. Американцы стремились к тому, чтобы с подобной инициативой выступили южные корейцы – те могли пойти на условия США, поскольку сами были заинтересованы в тишине на ГА. Кроме того, все заинтересованные стороны прекрасно понимали, что комиссия продолжала распадаться. Из состава органа вышли представители Чили и Пакистана, власти Нидерландов и Австралии заявили о бесполезности комиссии, теряли интерес к ней Таиланд и Турция. С другой стороны, в США опасались, что законное прекращение работы органа возможно только при наличии соответствующего решения ГА ООН – а это неизбежно привело бы к дебатам, которых американцы старались не допустить. В этих условиях в Вашингтоне желали завершения работы комиссии *sine die* – то есть без установления даты нового собрания (Yafeng, Zhihua 2014: 1102)⁶⁵. К лету этот план трансформировался в пожелание, чтобы данный орган рекомендовал прекращение своей работы в собственном ежегодном отчёте⁶⁶.

Естественно, это предложение не совсем соответствовало ожиданиям Пекина, который желал формального роспуска этого органа – Киссинджер был готов не препятствовать КНР, если та будет настаивать на принятии соответствующей резолюции. Согласия южан на эти шаги американцы собирались добиться обещанием сохранить полномочия Командования ООН⁶⁷.

К середине 1973 г. у США появились и новые поводы для беспокойства. С одной стороны, новых дипломатических успехов добился Пхеньян. Весной 1973 г. северокорейцы направили официальные делегации в более чем 70 различных стран мира в целях разъяснения миролюбивого характера своей политики по вопросу объединения страны. На смену прежней альтернативе «или с КНДР, или

⁶³ Letters between Ahmet H. Ozbudun and C.V. Narasimhan. 1972. Sept. 26. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117610> (accessed 13.02.2023); FRUS. 1969–1976. Vol. 19. Part 1. P. 390, 399.

⁶⁴ FRUS. 1969–1976. Vol. E-12. Wash., 2010. Document 233. P. 2.

⁶⁵ Ibid. Document 234. P. 1–2; Document 235. P. 6–7.

⁶⁶ Ibid. Document 241. P. 2.

⁶⁷ Ibid. Document 236. P. 3.

с Южной Кореей» пришла более гибкая тактика. Отныне власти КНДР охотно шли на контакт с признававшими Республику Корея странами, и, более того, старались вытеснить влияние Юга из них. Стратегия демонстрации мирных намерений быстро принесла плоды. К концу 1973 г. дипломатические отношения с обеими Кореями имела уже 31 страна⁶⁸. В посольстве СССР в Пхеньяне отмечали, что признание правительством КНДР принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем вызвало позитивную реакцию в различных кругах целого ряда капиталистических стран. О намерении расширить свои контакты с Пхеньяном заявляли власти Австралии, Швеции. КНДР посещали делегации предпринимателей из ФРГ, Франции, Финляндии, Дании, Италии, Великобритании, Японии, других стран. При иностранном участии на Севере строились новые промышленные объекты. Серьёзное беспокойство в Сеуле вызвали установление и нормализация дипломатических отношений между КНДР и Австралией в июле 1974 г. Продолжала развивать свои двусторонние отношения с КНДР и Япония. Между Севером и ведущими западными странами стал резко расти товарооборот. Продолжил развиваться процесс расширения связей и укрепления позиций КНДР в Африке⁶⁹.

Весной Север был принят во Всемирную организацию здравоохранения (Chong-Ki 1975: 399). При голосовании в Генеральной Ассамблее ООН из 66 стран 41 выступила за, а ещё 21 воздержалась⁷⁰. Предпринятая южанами попытка срыва этого процесса провалилась⁷¹. Благодаря участию в работе специализированного органа ООН Пхеньян получил возможность обрести статус наблюдателя при Организации. К осени 1973 г. была создана постоянная миссия КНДР в Нью-Йорке (Vreeland, Just, Martindale et al. 1975: 213)⁷². На этом фоне уже летом 1973 г. в СНБ обсуждались весьма пессимистичные варианты дальнейшего обсуждения корейского вопроса на ГА – американцы готовились к возможным последствиям роспуска Командования ООН, что могло затронуть даже базы США на территории Японских островов⁷³.

С другой стороны, без видимых для американцев причин, стало резко меняться содержание диалога по проблеме объединения. Сначала северяне внешне отходили от программы развития двусторонних связей с Югом в рамках

⁶⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 680. Л. 23; АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 32. Папка 137. Д. 17. Л. 130.

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 30. Папка 132. Д. 20. Л. 67.

⁷⁰ North Korea voted member of WHO. 1973. *The New York Times*. May 18. P. 8.

⁷¹ Letters between Shail Upadhyaya and C.V. Narasimhan. 1973. May 2. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117589> (accessed 13.02.2023); Letters between Shail Upadhyaya and C.V. Narasimhan. 1973. May 23. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117593> (accessed 13.02.2023).

⁷² Telegram to Pyongyang from First Directorate, SECRET, No. 01/08463, Flash. 1973. June 16. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114063> (accessed 13.02.2023).

⁷³ *FRUS*. 1969–1976. Vol. E-12. Document 238. P. 1-5.

Letters between Shail Upadhyaya and C.V. Narasimhan. 1973. June 5. // *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117595> (дата обращения 13.02.2023).

Координационного комитета и стали настаивать на приоритете ликвидации межкорейского военного противостояния и на взаимном сокращении военных сил. Советские дипломаты указывали, что северяне не могли не понимать, что идут на совершенно неприемлемый для южан шаг, поскольку армия оставалась опорой режима Пак Чон Хи. В посольстве СССР даже подозревали, что этот манёвр был связан с тем, что Пхеньян опасался согласия Сеула на предложенную ранее самими северокорейцами программу экономической интеграции. Одновременно была ужесточена позиция КНДР и в рамках переговоров Красных крестов обеих стран. Советские дипломаты были вынуждены констатировать отсутствие у Пхеньяна искреннего желания добиться прогресса на переговорах с Сеулом. Северяне предпочли отдать приоритет задачам укрепления своего международного положения (новые предложения хорошо вписывались в тенденции разрядки) и подрыву внутреннего положения режима Пак Чон Хи⁷⁴.

Таким образом, несмотря на события 1972 г., суть объединительной политики КНДР оставалась прежней – любыми путями добиться вывода американских войск с полуострова и добиться падения режима Пак Чон Хи⁷⁵.

Южане ожидаемо отвергли предложение Севера, сославшись на высокую степень милитаризации общества КНДР, что делало неэффективным простое сокращение вооружённых сил⁷⁶. В ответ власти Республики Корея выдвинули тезис о признании ситуации, при которой две Кореи будут существовать неопределённо долгий срок. Необходимость объединения признавалась, но лишь в качестве абстрактной конечной цели. Южане довольно спокойно приняли новость о скором прекращении работы Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи и лишь рассчитывали на американскую поддержку их последующих дипломатических инициатив⁷⁷.

Эти события продемонстрировали, что в восприятии обоих корейских политических режимов межкорейский диалог не являлся самостоятельным и самоценным инструментом решения проблемы мирного объединения страны. Фактически северяне использовали его для ослабления позиций США и режима Пака, а южане преимущественно решали свои собственные внутривнутриполитические задачи.

23 июня 1973 г. Пак Чон Хи предложил идею нормализации отношений с КНДР и одновременного вступления двух Корей в Организацию Объединённых Наций (Work 2019: 121)⁷⁸. Идея Пака по одновременному вступлению двух Корей в ООН была оценена в США как реалистичная и дальновидная. В новой

⁷⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 679. Л. 83–86.

⁷⁵ Там же. Л. 126.

⁷⁶ Там же. Л. 111.

⁷⁷ FRUS, 1969–1976. Vol. E-12. Document 238. P. 1-5; Letters between Shail Upadhyaya and C.V. Narasimhan. 1973. June, 5. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117595> (accessed 13.02.2023).

⁷⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 679. Л. 171.

политике южан американцы увидели попытку предотвратить надвигавшееся дипломатическое поражение в Генеральной Ассамблее, а также способ формирования нового *modus vivendi* на полуострове. Претворение в жизнь инициативы Пака могло на какое-то время укрепить региональную стабильность, что отвечало интересам США. В ноябре 1974 г. президент США Дж. Форд в ходе официального визита в Корею заявил о готовности иметь дело с КНДР и даже установить с ней дипломатические отношения в случае, если СССР и КНР поступят аналогичным образом в отношении Юга⁷⁹. В то же время, постепенный отказ от старых механизмов безопасности, созданных под эгидой ООН, несомненно привёл бы к повышению значения обязательств Вашингтона в рамках двустороннего альянса с Сеулом⁸⁰.

В КНДР с удовольствием раскритиковали новые подходы южан. В Пхеньяне усмотрели в них попытку укрепления раскола Кореи. В ответ на предложение Пак Чон Хи Ким Ир Сен опубликовал план из пяти пунктов, целью которого было создание так называемой Конфедеративной Республики Корё и вступление двух Корей в ООН в качестве единого государства⁸¹. Как отмечает К. Уорк, на Севере осознали невозможность разрешения противоречий с Югом в рамках прежнего подхода и сделали ставку на смещение Пак Чон Хи силами южнокорейской оппозиции, а также на ведение прямых переговоров с США (в том числе о заключении двустороннего мирного договора) (Work 2019: 121–122; История Кореи 1974: 333)⁸². В рамках решения последней задачи критика действий США со стороны Севера на некоторое время стала более сдержанной. В частности, относительно мягкой оказалась реакция Пхеньяна на визит Форда в Корею в ноябре 1974 г.⁸³ Смене политических подходов сопутствовал рост военной напряжённости в районе так называемых Северо-Западных островов⁸⁴.

Параллельно южанами предпринимались усилия по улучшению отношений с нейтральными и социалистическими странами (в том числе с СССР). 23 июня 1973 г. Пак Чон Хи заявил о стремлении Юга развивать отношения со всеми странами мира, независимо от различий в идеологии, политике и других областях. Это привело к активизации связей Сеула с нейтральными странами и, в том числе, участниками движения неприсоединения⁸⁵.

⁷⁹ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 30. Папка 132. Д. 20. Л. 36.

⁸⁰ FRUS, 1969–1976. Vol. E-12. Document 239.

⁸¹ Letter from Kim Il Sung to Enver Hoxha. 1973. July 7. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114285> (accessed 13.02.2023).

⁸² АВП РФ. Ф. 102. Оп. 34. Папка 71. Д. 18. Л. 42.

⁸³ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 30. Папка 132. Д. 20. Л. 48.

⁸⁴ Северная разграничительная линия продолжала демаркационную черту в ДМЗ по акватории Жёлтого моря и *de facto* являлась морской границей между Севером и Югом. Линия не являлась результатом какого-либо соглашения, была проведена американцами в 1953 г. в одностороннем порядке и не признавалась Пхеньяном. Она, среди прочего, отделяла так называемые Северо-Западные острова от побережья КНДР. В определённом смысле начавшиеся в 1973 г. события в районе Северной разграничительной линии были продолжением инцидента с захватом «Пуэбло» и представляли собой попытку утверждения северянами 12-мильной границы своих территориальных вод.

⁸⁵ АВП РФ. Ф. 102. Оп. 39. Папка 87. Д. 24. Л. 31–33.

Наиболее результативной оказалась экономическая дипломатия Сеула. Предложенные странам третьего мира выгодные торговые сделки (Сеул в этот период поддерживали, к примеру, Габон, Заир, Сьерра-Леоне, Свазиленд, ЦАР) позволили к 1976 г. скорректировать соотношение влияния обеих Корей в мире в пользу Юга. Эта политика продолжала развиваться и совершенствоваться на всём протяжении 1970-х гг. При этом самым действенным её инструментом был именно южнокорейский экономический потенциал. С 1977 г. начала активно развиваться торговля Юга со странами Латинской Америки. В 1980 г. Республика Корея присоединилась к Организации американских государств в качестве постоянного наблюдателя. Расходы Сеула на продвижение своих интересов в мире составляли около 300 млн вон ежегодно. Южная Корея содержала свыше 800 отделений и представительств торговых фирм в Азии, Африке, Латинской Америке. С 1979 г. 22 страны-участницы движения неприсоединения пользовались южнокорейскими кредитами для закупки произведённых на Юге товаров и оборудования⁸⁶.

Действия Юга со временем привели к значимому укреплению позиций Республики Корея в ООН. Стали смягчаться и корейские резолюции Движения неприсоединения. Впрочем, отказ на просьбу южан об участии в Гаванской конференции неприсоединившихся стран 1979 г. показал, что их позиции в Движении значительно слабее чем у Севера⁸⁷.

Предпринимались южанами и попытки установления контактов с социалистическими странами, в том числе с СССР. Однако, МИД СССР выдерживал линию непризнания южнокорейского режима и отказа от вступления в любые контакты с южнокорейцами⁸⁸.

Понимание тупиковости прежнего курса постепенно приходило и к американцам. Ещё в конце 1972 г. американское посольство в Сеуле сообщало в Вашингтон, что политика США нуждается в адаптации к новым условиям на полуострове. Дипломаты предлагали постепенно выводить проблему объединения из поля зрения Организации Объединённых Наций, оставляя её решение самим корейцам⁸⁹. В этих условиях была найдена платформа для компромисса с КНР – американцы пообещали китайцам пересмотреть роль Командования ООН на полуострове в случае получения очередной передышки в обсуждении корейского вопроса на Генеральной Ассамблее⁹⁰. Благодаря достижению этой договорённости самороспуск Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи,

⁸⁶ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 32. Папка 137. Д. 17. Л. 177–181; АВП РФ. Ф. 102. Оп. 39. Папка 87. Д. 24. Л. 23–27, 31–32, 34.

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 102. Оп. 39. Папка 87. Д. 24. Л. 33.

⁸⁸ АВП РФ. Ф. 102. Оп. 34. Папка 71. Д. 18. Л. 2, 26, 44–49, 51, 52; АВП РФ. Ф. 102. Оп. 39. Папка 87. Д. 24. Л. 31, 77.

⁸⁹ FRUS. 1969–1976. Vol. 19. Part 1. P. 437, 441.

⁹⁰ FRUS. 1969–1976. Vol. E-12. Document 252. P. 1.

состоявшийся в ноябре 1973 г., прошёл по американскому плану. Данный орган констатировал необходимость прекращения своей работы, и эта рекомендация была принята ГА ООН без дебатов (Shapiro 1975: 335)⁹¹.

Заключение

В первой половине 1970-х гг. американцы сумели обновить свой внешнеполитический инструментарий на корейском направлении на фоне глобального сдвига в международных отношениях, связанного с явлением разрядки. Корейский контекст, в этих условиях, накладывал свою специфику, связанную с постоянным военным напряжением в районе 38-ой параллели и важностью проблемы восстановления единства Кореи для обоих враждебных друг другу корейских государств.

В 1968–1973 гг. руководству США удалось осуществить перестройку своей политики на корейском направлении в условиях резкого улучшения международного положения КНДР и урегулирования отношений США и КНР. Оно сумело минимизировать потери вследствие ликвидации ранее подконтрольной Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи, а также добиться того, чтобы обсуждение корейского вопроса в Организации Объединённых Наций не оказало деструктивного влияния на внутривнутриполитическую жизнь Юга. В этих условиях межкорейский диалог оставался лишь политической игрой существовавших на полуострове режимов, а сохранение желанного для американцев status quo в этом регионе стало главным результатом применённых дипломатией США манипулятивных техник.

Об авторе:

Денис Андреевич Садаков – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. ORCID: 0000-0003-4308-7276. E-mail: rstk2005@gmail.com

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

⁹¹ Central Intelligence Bulletin. 1973. Nov. 23. CIA FOIA. <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp-79t00975a025700020001-4 12> (accessed 13.02.2023).

Доклад комиссии Организации объединённых наций по объединению и восстановлению Кореи. Нью-Йорк, 1973; Letter, Ahmet H. Ozbudun to C.V. Narasimhan, "Impact of UNCURK's Recommendation for Its Dissolution". 1973. Dec. 6. Wilson Center Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117556> (accessed 13.02.2023).

UDC 327.54+94(73+519)
Received: 27.11.2022
Accepted: 20.02.2023

Adapting to Détente: US Policy on Korean Unification in 1968–1973

D.A. Sadakov

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-130-152](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-130-152)

Vyatka State University

Abstract: The article studies the history of the US foreign policy adaptation to détente that started in the late 1960s. By this time the Americans had strong military and political positions on the Korean peninsula. Washington managed to thwart DPRK attempts in 1966–1969 to destabilize the situation in the South. Americans saw growing inter-Korean contacts as a new challenge. With détente gaining momentum, this led to the obsolescence of some American foreign policy instruments in the region, including the US-controlled UN Commission on the Unification and Rebuilding of Korea. Another challenge for the Americans was the North Koreans' «diplomatic offensive,» which strengthened North Korea's position in the world. It tried to use the accumulated political weight to turn the annual debate on the Korean issue in the UN General Assembly from a formality to something real. At the same time, the military threat posed by the Democratic People's Republic of Korea, for example, in the 1973–1975 conflict along the Northern Boundary Line, remained relevant.

Nevertheless, in 1968–1973 the Americans succeeded in reshaping their policy toward Korea under conditions of a dramatic improvement in the international situation of the DPRK and settlement of US-Chinese relations. The Americans managed to eliminate the obsolete UN Commission on the Unification and Restoration of Korea with minimal losses. They ensured that the discussion of the Korean question in the United Nations would not have a destructive influence on the internal political life of the South. Under these conditions, the inter-Korean dialogue remained merely a political game of the regimes on the peninsula. Preserving the status quo in the region was the main result of US diplomacy's manipulative techniques. Such approaches are still relevant for the modern US foreign policy – getting rid of international instruments, which have exhausted their purpose.

Keywords: US policy, inter-Korean contacts, the Korean issue, the Korean conflict, the UN, the DPRK, the Republic of Korea, the Korean DMZ

About the author:

Denis A. Sadakov – Candidate of Historical Sciences, Research Associate at the Department of History and Political Science, Vyatka State University. Russian Federation, 610000, Kirov, st. Moscow, 36. ORCID: 0000-0003-4308-7276. E-mail: rstk2005@gmail.com.

Acknowledgements:

The study was supported by grant No. 22-78-10179 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10179/>.

Conflict of Interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Chong-Ki C. 1975. The Korean Question in the United Nations. *Verfassung und Recht in Übersee, Law and Politics in Africa, Asia and Latin America*. 8(3/4). P. 395–406.
- Rosenberg W. 1977. Korea and Reunification. *New Zealand International Review*. 2(1). P. 30–31.
- Shapiro J.P. 1975. Soviet Policy Towards North Korea and Korean Unification. *Pacific Affairs*. 48(3). P. 335–352.
- Sung-Hack K. 2007. The Special Relationship between South Korea and the United Nations. *International Peacekeeping: The Yearbook of International Peace Operations*. Vol. XI. Leiden. P. 159–202.
- Vreeland N., Just P., Martindale K., Moeller Ph., Shinn R. 1974. *Area Handbook for South Korea*. Washington.
- Work C.A. 2019. *Fly in Amber: Carter's Korea Troop Withdrawal & The Recasting of U.S. Hegemony and Korean Agency*. PhD Dissertation. University of Washington. Seattle.
- Yafeng X., Zhihua S. 2014. China's Last Ally. *Diplomatic History*. 38(5). P. 1083–1113.
- Butler W., Lissitzyn O., Cohen J. 1969. The Pueblo Crisis: Some Critical Reflections. *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969)*. Vol. 63. Perspectives for International Legal Development. Cambridge. P. 7–13.
- Wittels S. 2010. *Korean Peninsula Clashes*. Wash.
- Sadakov D., Yungblud V. 2021. Inclusion of the Republic of Korea in the US Defense Perimeter after the Korean War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 66. Issue 1. P. 226–244. (In Russian).
- Asmolv K. V. 2003. General Pak Chon Khi. Oчерк politicheskoy biografii General Park Chung-hee. Sketch of Political Biography. *Seul'skiy vestnik*. № 77–80. URL: <https://pravo33.wordpress.com/2008/09/21/%D0%BA-%D0%B0%D1%81%D0%BC%D0%BE%D0%B%D0%BE%D0%B2-%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB-%D0%BF%D0%B0%D0%BA-%D1%87%D0%BE%D0%BD-%D1%85%D0%B8/> (accessed 13.02.2023). (In Russian).
- Sadakov D. A. 2021. *Diplomatiya SShA i osvobozhdenie ekipazha korablya «Pueblo», 1968 g.* [US Diplomacy and the Release of the USS Pueblo Crew, 1968]. Kirov. (In Russian).
- Sadakov D. A. 2021. «U.S. unilateral policy and the termination of the Neutral Nations Supervisory Commission in South Korea, 1955–1956». *Rossiya i Amerika v XXI veke*. № 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760014756-8-1/> (accessed 13.02.2023). (In Russian).
- Sadakov D. A., Yungblud V. T. 2020. US Coalition Diplomacy on the Korean issue record of the Geneva conference of 1954. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2020. № 4: 81–107. (In Russian).
- Yungblud V. T. 2021. An Unusual Role: Soviet Diplomacy between Washington and Pyongyang in 1968. *Quaestio Rossica*. Vol. 9. № 4: 1490–1502. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- АСМОЛОВ К. В. 2003. Генерал Пак Чон Хи. Очерк политической биографии. *Сеульский вестник*. №№ 77–80. URL: <https://pravo33.wordpress.com/2008/09/21/%D0%BA-%D0%B0%D1%81%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2-%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB-%D0%BF%D0%B0%D0%BA-%D1%87%D0%BE%D0%BD-%D1%85%D0%B8/> (дата обращения 13.02.2023).

Добрынин А.Ф. 1996. *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США*. (1962–1986 гг.). Москва. С. 470.

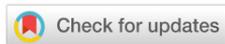
Ким Ир Сен. 1983. *Сочинения*. Т. 14. Пхеньян, С. 383.

Садаков Д. А., Юнгблюд В. Т. 2020. «Усложняющий фактор»? Коалиционная дипломатия США в Корейском вопросе. Опыт Женевской конференции 1954 г. *Международные процессы*. 2020. № 4. С. 81–107

Садаков Д. А. 2021а. *Дипломатия США и освобождение экипажа корабля «Пуэбло», 1968 г.* Киров.

Садаков Д. А. 2021б. США и прекращение деятельности Наблюдательной комиссии нейтральных стран на Юге Кореи, 1955–1956 гг. *Россия и Америка в XXI веке*. № 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760014756-8-1/> (дата обращения 13.02.2023).

Юнгблюд В. Т. 2021. Непривычная роль: советская дипломатия между Вашингтоном и Пхеньяном в 1968 году. *Quaestio Rossica*. Т. 9. № 4: 1490–1502.

Взгляды югославских военных аналитиков на ввод советских войск в Афганистан в 1979–1981 гг.

А.Ю. Тимофеев

Белградский университет, Институт новейшей истории Сербии

В статье анализируется отношение югославских военных аналитиков к вводу советских войск в Афганистан в 1979–1981 гг. в течение года с начала активных боевых действий. Афганистан не входил в дипломатические, а тем более в военные приоритеты СФРЮ. После переворота в Афганистане, состоявшегося 27 апреля 1978 г., отношения между двумя странами, ранее чисто формальные, стали прохладными, поскольку Кабул начал склоняться от политики неприсоединения к просоветской ориентации. СФРЮ исходила из статуса Афганистана как неприсоединившейся страны и была крайне обеспокоена советским вмешательством во внутренние дела суверенного государства, что проясняет отношение югославской военной науки к действиям СССР в Афганистане в 1979–1981 гг. Югославские аналитики считали, что эта территория превратится в постоянную проблемную зону для СССР. Анализ взглядов аналитиков Югославской народной армии на уроки афганской войны свидетельствует о примате повседневных политических (и даже пропагандистских) соображений над военной наукой. Несмотря на богатый материал для типологических наблюдений, югославские аналитики не увидели новизны в тактике и применении нового оружия в горной местности. Они пренебрегли анализом тактики антипартизанских действий в горной местности; их прогнозы не были оригинальными; они игнорировали наличие воинствующего фундаментализма как фактора ведения боевых действий.

Ключевые слова: взаимоотношения СССР–СФРЮ, военная дипломатия, противоповстанческие операции, партизанские действия

УДК 94(497.1)+327.54

Поступила в редакцию: 16.12.2022

Принята к публикации: 20.02.2023

Югославия в 1955–1991 гг. вела по отношению к СССР сложную политику балансирования, которая сводилась к попытке сохранить равноудалённость от США и СССР. Такой была позиция Югославии и в ходе событий в Венгрии в 1956 г., и в Чехословакии в 1968 г., и во Вьетнаме в 1960-е – 1970-е гг.¹

Позиция СФРЮ по вопросу о советской политике в Афганистане практически не исследована в российской и иностранной научной литературе. Эту позицию можно рассматривать с применением разных подходов. Естественным видится хронологический подход, в рамках которого можно выделить: ранний период, когда действия СССР подверглись острому осуждению Запада, а их результативность была ещё крайне спорной; период санкционного давления и перехода конфликта в затяжную вялотекущую фазу; период поиска Советским Союзом путей выхода из Афганистана, увенчавшийся выводом войск. Воспоминания об этих событиях оставили многие их участники². Другим подходом для анализа позиции СФРЮ по вопросу о советских действиях в Афганистане было бы разделение общих (практических) и субъективных (локальных) факторов на формирование взглядов официального Белграда.

К общим факторам стоит отнести экономические и политические интересы самой Югославии в отношениях с СССР и США. Показательна в этом отношении динамика развития югославской внешней торговли с середины 70-х гг. XX в. до 1991 г. Напомним, что в 1964 г. Югославия стала ассоциированным членом Совета экономической взаимопомощи. С точки зрения дипломатии, развитие отношений с Европейским сообществом шло параллельно: торговое соглашение 1970 г., соглашение о торговле и сотрудничестве 1980 г. Однако отношения со странами Варшавского Договора развивались намного динамичнее (Timofeev 2012: 101). Доля СССР и других социалистических стран во внешней торговле Югославии в 1981/1982 гг. составляла 38% (в т.ч. 25% СССР), а в 1987 г. доля социалистических стран Восточной Европы, СССР, Кубы и Монголии достигала 41% югославского импорта. В 1990 г. на страны СЭВа направлялось 45% югославского экспорта, тогда как в капиталистические страны Европы – 30% и лишь 5% – в США³. Таким образом, не обнаруживалось тенденции к ослаблению экономических связей Югославии с СССР, несмотря на осуждение введения советских войск в Афганистан.

¹ *Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.* Т. 1: 1946–1964. Т. 2: 1964–1980. Москва: 2017.

² Громов Б. В. 1994. Ограниченный контингент. Москва; Ляховский А.А. 1995. *Трагедия и доблесть Афгана*. Москва; Майоров А.М. 1996. *Правда об Афганской войне. Свидетельства Главного военного советника*. Москва; Нешумов Ю. А. 2006. *Границы Афганистана: Трагедия и уроки*. Москва.

³ *The World Factbook, Washington (D.C.): Central Intelligence Agency, 1982–1990.*

Субъективная (локальная) составляющая позиции Югославии по вопросу об Афганистане формировалась на основании донесений югославской дипломатии и оценок Генерального штаба, мнение которого было традиционно важным в оценке Белградом внешнеполитических проблем (Вишняков 2012: 90–111). Уникальную возможность детально представить взгляды Генерального штаба Югославской народной армии (ЮНА) на действия советской армии в Афганистане на раннем этапе мы имеем на основании объёмной аналитической записки 1981 г., получившей столь высокий уровень поддержки военного руководства, что она была направлена для ознакомления проходившим переподготовку высшим офицерам.

Тема взаимоотношений СССР и Югославии в контексте Афганской войны в научной литературе не изучена, поскольку документы пока засекречены в Москве и лишь недавно поступили в открытый доступ в Белграде. Представления югославского Генерального штаба о ходе и результатах первого года Афганской войны мы попытаемся сравнить с реальным положением дел, воссоздавая его на основании современной отечественной литературы, в которой доминируют мемуары (Костыря 2009).

Контекст югославо-афганских взаимоотношений до и после 1979 г.

До ввода советских войск Югославия знала об Афганистане очень мало. Первой обширной публикацией на сербохорватском языке об Афганистане стали путевые заметки Ларисы Рейснер, которая посетила Афганистан в 1921 г. вместе с мужем Ф. Раскольниковым – главой советской делегации, прибывшей с целью установления межгосударственных отношений. А те в ту пору были весьма интенсивными: в 1919 г. Афганистан провозгласил независимость от Великобритании, и первым государством, признавшим его суверенитет и подписавшим договор с первым монархом независимого Афганистана Амануллой-ханом, стала Советская Россия. Когда в 1929 г. в результате государственного переворота он утратил престол, СССР предпринял безуспешную военную операцию, дабы вернуть своего союзника к власти в Кабуле. Советские войска проводили операции на территории Афганистана против представлявших угрозу для безопасности СССР группировок и в 1930 г. Вскоре после этих событий в Югославии был опубликован перевод объёмной книги Л. Рейснер (245 страниц)⁴.

Следующие публикации относились уже к периоду социалистической Югославии. Имеется в виду справочник (73 страницы), изданный Институтом международной политики и экономики, дабы восполнить полное отсутствие информации об этом отдалённом участке земного шара. Упоминания также за-

⁴ Рейснер Л.М. 1925. *Афганистан*. Москва; Reissner L. 1935. *Iz zemlje Amanullaha*. Zagreb: Binoza – Svjetski pisci.

служивают две небольшие брошюры: напечатанная научно-популярным издательством «Седьмая сила» (64 страницы) и вышедшая «в помощь пропагандисту» в серии «Неприсоединение и неприсоединившиеся» (29 страниц)⁵.

Очевидно, Афганистан не относился к числу дипломатических и, тем более, военных приоритетов СФРЮ вплоть до ввода советских войск 27 декабря 1979 г. в результате операции «Шторм-333» – штурма спецназом КГБ дворца президента Амина. Тот сверг и убил своего предшественника, в результате чего в Москве было принято решение о необходимости вооружённого вмешательства. Советские войска входили в Афганистан с декабря 1979 г. по февраль 1980 г., размещаясь в гарнизонах по всей стране. Боевые действия против исламских фундаменталистов, пользовавшихся поддержкой Пакистана, США, Китая и ряда ближневосточных мусульманских государств, начались в марте 1980 г. и продолжались до апреля 1985 г., когда ситуация стабилизировалась. К январю 1987 г. советские войска снизили свою активность, хотя операции советской авиации, артиллерии и специальных подразделений по поддержке самостоятельных действий афганских вооружённых сил не прекращались. С января 1987 г. по февраль 1989 г. СССР вёл подготовку к выводу войск из Афганистана, пытаясь при этом укрепить авторитет и стабильность местного правительства. После ухода советских сил Республика Афганистан просуществовала до 1992 г., хотя крах её был предопределён уже в 1990 г., когда Москва прекратила оказывать военную и экономическую помощь режиму М. Наджибуллы (Grau, Gress 2002).

Дипломатические отношения между ФНРЮ и Королевством Афганистан были установлены в 1950-е гг., когда формулировалась концепция неприсоединения. Имевшие место контакты между двумя государствами нельзя назвать интенсивными. Показательно, что авторитетный премьер и будущий президент М. Дауд в ходе своего турне по Восточной Европе, состоявшегося в 1957 г., отказался посещать Югославию (в отличие от Польши и Чехословакии). По мнению афганского лидера, ловко балансировавшего между Вашингтоном и Москвой, следовало избегать непредсказуемого Белграда⁶.

Визиты на высоком уровне – короля Захира в Югославию в 1960 г. и Й. Броза Тито в Афганистан в 1968 г. – активизировали двусторонние отношения. Однако, несмотря на обширные планы и обещания, озвученные руководителями двух отдалённых друг от друга стран, соглашение между президентом Тито и королём Захиром не привело к серьёзному экономическому сотрудничеству⁷. В Белграде переворот 1973 г. восприняли со спокойствием, а югославские дипломаты оптимистично оценивали перспективы нового правительства

⁵ Kraljić J. 1961. *Avganistan*. Beograd; Milin V. 1965. *Probuđeni Avganistan*. Beograd; Jovanović M. 1976. *Republika Avganistan*. Beograd.

⁶ *Архив Југославије (АЈ)*. Фонд 837 (Кабинет председника Републике). Фасцикла I-3а. Архивска јединица 7-18.

⁷ АЈ. 837. I-2/37-1.

М. Дауда, которое Югославия признала одной из первых. Межгосударственные контакты интенсифицировались уже после 1975 г., когда заместитель главы МИД Афганистана В. Абдулла прибыл с визитом в Белград, где его принял тогдашний председатель Союзного исполнительного вече Д. Бедич. С дипломатической учтивостью стороны уведомили друг друга о своей твёрдой приверженности политике нейтралитета. С ответным визитом в 1976 г. в Кабул прибыл зампред вече Милош Минич, встретившийся с В. Абдуллой⁸. Географическая отдалённость и экономическая слабость обоих государств (прежде всего, Афганистана с его едва ли не натуральным хозяйством), вопреки доброй воле их лидеров, обусловили невозможность реальных взаимовыгодных отношений. После нового переворота в Афганистане, состоявшегося 27 апреля 1978 г., отношения между двумя странами охладели, поскольку, несмотря на публичные заявления новых афганских руководителей, страна начала склоняться от неприсоединения к просоветской ориентации.

Новая информация от афганской стороны выглядела хаотично. 28 июля 1978 г. член президиума ЦК СКЮ М. Минич в ходе встречи с генеральным секретарём Народной демократической партии Афганистана Х. Амином выслушал заверения в том, что ситуация в стране стабильна, а также что Афганистан сохранит приверженность Движению неприсоединения. В сентябре 1978 г. посол Демократической республики Афганистан в СФРЮ А. Ратембзад провела ряд встреч с югославскими партийными и государственными руководителями, жаловалась на репрессии в своей стране и просила предоставить убежище ей и её семье⁹. Югославские дипломаты отреагировали на эти просьбы осторожно, указав, что СФРЮ не желает ставить под угрозу дипломатические отношения. Нестабильность, мятежи в армии и волнения в отдалённых районах стали обычным явлением в Афганистане, который вопреки рекомендациям Москвы предпринимал разные левацкие эксперименты. В конце 1979 г. югославское посольство в Кабуле сообщило, что Амин утратил доверие как своего народа, так и союзников в лице СССР¹⁰.

После ввода советских войск отношения Кабула с Белградом пыталась выправить бывший посол А. Ратембзад, вернувшаяся в страну из вынужденной политической эмиграции. Эта эмансипированная афганка, происходившая из влиятельной пуштунской семьи, была личным другом и советником Б. Кармалы – первого человека в НДПА в 1979–1986 гг., так что высшие советские офицеры называли её за глаза «Надеждой Крупской»¹¹. Однако югославское руководство не верило её утверждениям, будто ликвидированный Х. Амин состоял

⁸ АЖ. 837. I-5-B/7-3.

⁹ АЖ. Ф. 507 (Савез комуниста Југославије). IX. 7/5.

¹⁰ АЖ. 837. I-5-B/7-3.

¹¹ Майоров А.М. 1996. *Правда об Афганской войне. Свидетельства Главного военного советника*. Москва. С. 85–91.

агентом на службе у США, а его левый уклонизм должен был подготовить почву для исламистского мятежа и раздела страны между Пакистаном и Ираном¹². Тщетно этот новый член Политбюро НДПА в своих письменных обращениях к партийному руководству СФРЮ подчёркивала революционный характер нового правительства¹³.

В первые дни после ввода войск советский посол в Югославии Н.Н. Родионов в ходе встреч с председателем СИБ В. Джурановичем и заместителем главы союзного секретариата М. Пешичем также пытался объяснить причины действий Кремля. Однако Югославия исходила из статуса Афганистана как страны-члена Движения неприсоединения и выражала озабоченность вмешательством во внутренние дела этого суверенного государства¹⁴.

Страны третьего мира по-разному отнеслись к вводу советских войск. В то время как просоветские государства (Вьетнам, Ангола, Куба) и Индия (из-за вражды с Пакистаном) приняли его, против выступило большинство консервативных мусульманских государств. Разумеется, ввод советских войск осудили США и Китай. По афганской проблеме СФРЮ фактически солидаризировалась с США, что напрямую проявилось в ходе переговоров югославского посла в Вашингтоне Б. Лончара (1979–1983) с госсекретарём С. Венсом, который высоко отозвался о принципиальности и жёсткости югославской позиции, «ставшей неожиданностью для Советов». После этого американская сторона стала снабжать югославов информацией об операциях и перемещениях советских войск¹⁵.

События в Афганистане вызвали раскол не только в международном коммунистическом движении (между еврокоммунистами и ревизионистами, с одной стороны, и просоветскими силами, с другой), среди неприсоединившихся стран, а также между двумя блоками государств, но и внутри югославского общества. В аппарате ЦК СКЮ с тревогой отмечали, что часть членов партии придерживается «догматической позиции», т.е. тайно поддерживает советскую политику¹⁶. В этих условиях была развёрнута пропагандистская кампания, призванная убедить общественность в правильности позиций руководства страны и одновременно заверить внешних наблюдателей в твёрдости внешнеполитической линии СФРЮ.

В 1980–1981 гг. югославская пресса занимала ярко выраженную одностороннюю позицию по отношению к событиям в Афганистане: неудачливым и жестоким советским оккупантам, а также горстке примкнувших к ним коллаборационистов противостояли отважные борцы за свободу. Самую детальную информацию (почерпнутую из западных источников) поставляли журналисты,

¹² AJ. 507. IX. 7/7.

¹³ AJ. 507. IX. 7/6.

¹⁴ AJ. 837. I. 5-B/99-31.

¹⁵ AJ. 837. I. 5-B/104-24.

¹⁶ AJ. 507. IX. S/A-337.

объединившиеся вокруг редакции журнала «НИН». Тон задавали корреспонденты из Хорватии и Словении (например, Н. Бриксы и Ю. Густинчич), которые непосредственно ретранслировали позицию США¹⁷. Бросалось в глаза, что эти люди эмоционально разделяли озвучиваемые ими утверждения. Неслучайно среди авторов, восхвалявших афганских моджахедов, оказалось немало тех, кто позднее, во время конфликта на территории бывшей СФРЮ (а особенно в Боснии) встал на сторону исламских фундаменталистов и активно критиковал сербские власти. Сложно не заподозрить, что речь шла не о симпатиях к мусульманам, а в последовательной проамериканской позиции. Например, М. Кларина в начале войны в Югославии прозвали «журналистом, инициировавшим новый Нюрнберг», потому что, будучи корреспондентом газеты «Борба» в Брюсселе, он выступал за создание международного суда по преступлениям в Югославии (для суда над Белградом и его ставленниками), превратившись в итоге в старейшину гаагской журналистики¹⁸. Не меньшую активность проявлял В. Радоман, один из основателей международных организаций «Врачи без границ» и «Врачи мира», которые также занимали недвусмысленную позицию в отношении конфликтов на Балканах в 1990-е гг.¹⁹

Помимо публикаций этих активно антисоветских журналистов югославские СМИ перепечатывали очевидно пристрастные статьи западных журналистов²⁰. Подобное освещение событий должно было не только повлиять на население страны, но и послать ясный сигнал иностранным наблюдателям. Привела ли описанная медийная кампания к каким-либо позитивным последствиям, сказать непросто. Негативные последствия очевидны: спустя два десятилетия экспертное сообщество, консультировавшее центры принятия решений в Москве, не забыло поведение югославских СМИ, что не могло не повлиять, по крайней мере, подсознательно, на их позицию²¹.

Поскольку Югославия не имела существенных экономических или политических связей с Кабулом, острота, с которой её пресса освещала события, определялась состоянием отношений Белграда с Москвой и Вашингтоном. Эта тема уже получила историографическое освещение (Jakovina 2011). В то же время нельзя не отметить, что, несмотря на энергичную критику советских действий в Афганистане, СФРЮ не присоединилась к союзникам США, наложившим на СССР санкции, участвовала в Олимпиаде 1980 г. и в попытках преодоления американского эмбарго при строительстве в 1981–1983 гг. газопровода Уренгой–Помары–Ужгород.

¹⁷ Бриксы Н. Свети рат против странаца. *НИН*. 20.01.1980. С. 41-43; Густинчић Ј. Већина је неподмитљива. *НИН*. 20. 01.1980. С. 44-45.

¹⁸ Кларин М. Побуна у Кабулу. *НИН*. 2. 03.1980. С. 42-43.

¹⁹ Радоман В. Рањеници умиру у планинама.. 9.03.1980. С. 42-43.

²⁰ Рат без заробљеника. *НИН*. 27.04.1980. С. 59-60.

²¹ Решетников Л.П. 2021. *В тени и на свету: линия жизни разведчика*. Москва. С. 140-165.

Партизанские и антипартизанские операции в югославской военной науке

Для того, чтобы понять отношение аналитиков Генерального штаба Югославской народной армии к Афганской войне, стоит рассмотреть его в общем контексте отношения югославской военной науки к партизанским и антипартизанским операциям. Социалистические государства располагали преимущественно опытом партизанской борьбы, в то время как антипартизанские действия были им малознакомы – лишь СССР имел опыт подобных операций. Кроме подавления повстанчества в первые годы после Гражданской войны, такие действия велись в 20–30-х гг. в Средней Азии, где советским войскам приходилось сражаться с басмачами в пустынной и горной местности²². Подавление антикоммунистического партизанского движения в первые послевоенные годы в Прибалтике и на Западной Украине также обогатило имевшийся опыт²³. Однако в послевоенные годы речь шла о лесных и горнолесных районах, причём местное население отличалось отсутствием разветвленной родовой структуры и большей степенью индивидуализма, что умаляло ценность такого опыта применительно к афганскому очагу партизанской активности. Вооружение противоборствующих сторон в 1920–1940-е гг. кардинально отличалось от рубежа 1970–1980-х гг. Повстанцы 1920–1940-х гг. в основном имели лёгкое стрелковое вооружение, редко применяли миномёты и крупнокалиберные пулемёты и лишь в исключительных случаях – горную артиллерию (Statiev 2010). Поэтому повстанцы 1920–1940-х гг. не могли выстоять против бронетехники и самолётов. Поддержка авиацией партизанских отрядов находилась в зачаточном состоянии²⁴. С другой стороны, иной техникой располагали и силы, боровшиеся с повстанцами в 1920–1940-х гг. Тогда ещё было вертолётов, мало применялась авиация, редко боевые действия координировались посредством радиосвязи (Шитько 2007). Советская наука занималась обобщением опыта противопартизанских операций в гористых и пустынных районах Средней Азии, однако эти труды в 1980-е гг. имели скорее научно-историческое, чем прикладное значение (Зевелев, Поляков, Чугунов 1981; Nourzhanov 2015: 177–189)²⁵.

²² *Сборник указаний по борьбе с басмачеством*. 1924. Ташкент; *Материалы по истории ферганского басмачества и боевых операций в Бухаре*. 1924. Москва; *Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии*. 1917–1920 гг. 1957. Документы и материалы. Фрунзе; Каканбаев А. 1958. *Борьба с басмачеством и упрочение Советской власти в Фергане*. Ташкент.

²³ *НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике*. 1939–1956. 2008. Сборник документов. Москва.

²⁴ Яцук Н.А. 1921. *Помощь авиации действиям партизан*. Москва.

²⁵ *Боевые действия в горах*. 1940. Москва.

Аналогичным образом югославский опыт опирался в основном на партизанские действия Народно-освободительной армии Югославии в годы Второй мировой войны при незначительном обогащении послевоенными операциями, покрытыми туманом секретности по политическим соображениям. Опыт партизанской войны югославских коммунистов имел глубокие корни (Timofejev, Živanović 2018). В 1941–1945 гг. Коммунистической партии Югославии удалось развязать, вести, а затем и победить в наиболее масштабной и интенсивной партизанской войне на всей территории оккупированной нацистами Европы (Schmider 2002). Этот опыт прославлялся и превратился в общенациональный нарратив, от которого трудно было делать отступления с момента его кодификации в конце 1950-х гг. (Strugar 1962).

В первые послевоенные годы доктрина партизанской войны не получила выраженного развития в Югославии, партийное руководство которой сосредоточило усилия на строительстве регулярной армии. В «Уставе военной службы», опубликованном в 1945 г., партизанские действия описаны весьма скупо, однако всё же уже упомянуты, в отличие от обычной практики того времени²⁶. Во «Временном боевом уставе пехоты» (1947) кроме различных вариантов наступательных, встречных и оборонительных действий не предусматривалось применение частей в тылу противника на временно оккупированных им территориях или иные формы партизанских операций²⁷. Однако в 1948–1953 гг. Югославия неожиданно оказалась в том положении (как и СССР в 20-е годы XX в.), когда партизанский способ ведения войны стал считаться важным средством сдерживания противника, обладающего численным и техническим превосходством (Животић 2022: 107–128). Большой вопрос, насколько эффективным на самом деле было это средство в начале 1950-х гг., или оно только казалось таковым сторонним наблюдателям²⁸. Во всяком случае, высшие функционеры ФНРЮ на него всерьёз рассчитывали. И.Б. Тито 26 декабря 1950 г. перечислил меры, которые ФНРЮ готовилась предпринять в случае агрессии со стороны СССР. На первом этапе войны предполагалась упорная оборона с комбинированным ведением боевых действий регулярными и партизанскими частями. Второй этап предусматривал отступление, вывод основных сил и молодёжи на зарубежные базы с целью реорганизации и подготовки к третьему этапу, а также продолжение партизанской войны в Югославии силами не более чем 100–150 тыс. бойцов. Третий этап – попытка вернуться в страну с возобновлением комбинированных военных действий. План получил одобрение и политического руководства

²⁶ *Ratna služba*. 1945. Beograd.

²⁷ *Privremeno pešadijsko borbena pravilo*. II deo. Bataljon, puk. Beograd: 1947.

²⁸ Jakšić P. *Nad uspomenu. Knjiga 2*. Beograd-Ljubljana: 1990. S. 53; *Dokumenti CIA o Jugoslaviji 1948–1983*. Beograd: 2009. S. 59.

ЦК КПЮ и Генерального штаба Югославской народной армии²⁹. О формировании Верховного командования партизанских частей писал в мемуарах С. Вукманович-Темпо, поставленный во главе этой новообразованной организации в 1949 г.³⁰.

В югославской военной литературе представления о партизанских операциях начали формироваться в 1950-е гг. Результаты усилий в этом направлении стали заметны с середины десятилетия, то есть после нормализации югославо-советских отношений, когда прикладное значение партизанской подготовки во многом утратило актуальность. До того времени имелись лишь малочисленные печатные материалы для повышения квалификации отобранных пехотных офицеров³¹. Тогда же в учебных пособиях по решению тактических задач партизанские операции стали квалифицироваться как обязательные, хотя и наименее важные, темы для отработки. Партизанский способ ведения войны определялся как «вооружённая борьба народа против оккупантов и их пособников... на части или на всей территории в опоре на поддержку населения этой территории», то есть в значительной мере в политическом ключе. Не случайно первой задачей, которую предполагалось решить посредством партизанских действий, было «политическое воздействие на волю к сопротивлению народных масс оккупированной территории»³². В многочисленных учебниках для средней школы и вузов по начальной военной подготовке, опубликованных в 1950-е гг., партизанский способ ведения военных действий не рассматривался. Не упоминался он и в газете «Начальная военная подготовка», издававшейся для педагогического состава ФНРЮ. В тот момент только формировалась концепция партизанской войны, широкое применение которой в военно-учебном процессе было ещё впереди.

Отражение ориентации на партизанское ведение войны мы встречаем в югославской военной науке начиная во второй половины 1950-х гг., то есть не в период конфликта с СССР и фактического военного союза с Западом, а в то время, когда Югославия заняла позицию осторожного нейтралитета в отношении двух противоборствующих блоков (Петровић 2016). В плане стратегии перелом произошёл в 1958 г. с принятием «Доктрины общенародной войны»³³. 21 июля 1959 г. Верховный главнокомандующий ВС ФНРЮ маршал Тито издал первое «Наставление по применению и боевым действиям партизанских, территориальных и диверсионных формирований», которое разъясняло основные элементы ведения партизанской войны в рамках оборонительных планов ФНРЮ и послужило основой для распространения этой концепции³⁴. Ф. Туджман,

²⁹ *Титов дневник*. Београд: 2009. С. 65–66.

³⁰ Vukmanović Tempo S. *Revolucija koja teče*. Knjiga 2. Београд: 1971. С. 98–116.

³¹ *Dejstva partizanskih jedinica - partizanskih brigada*. Београд: 1952.

³² *Partizanska dejstva. Rešavanje taktičkih zadataka*. Београд: 1956. С. 262–267.

³³ Vučinić M., Nikezić I., Todorović B. *Koncepcija, doktrina i sistem opštenarodne odbrane*. Београд: 1989. С. 183.

³⁴ *Uputstvo o upotrebi i borbenim dejstvima partizanskih, teritorijalnih i diverzantskih jedinica*. Београд: 1959.

в своём обширном труде «Война против войны» проанализировавший историю и традиции партизанских операций прошлого, ставил целью прийти к выводам, полезным для дальнейшего развития партизанской тактики и стратегии³⁵. Разработке концепции современных партизанских операций оборонительной направленности посвящены два издания «Военного дела», которые впоследствии выдержали несколько переизданий и доработок³⁶. Ведение партизанских действий было включено в программу начальной военной подготовки (с особым упором на засады, рейды, диверсии и борьбу с пятой колонной), о чём свидетельствуют учебный план и программа НВП за 1963 г.³⁷. После ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию резко выросла роль территориальной обороны как одного из элементов системы народной обороны и вооружённых сил СФРЮ³⁸.

В 1970-е гг. появилось значительное количество работ и монографий по различным аспектам партизанской войны, основанных преимущественно на опыте Народно-освободительной войны. В свет вышли многочисленные аннотированные библиографии³⁹. Показателем повышенного интереса к партизанскому опыту прошлого и настоящего служат две библиографии: изданная в середине 1970-х гг. аннотированная библиография объёмом почти тысячу страниц; библиография 1989 г., которая касается только Сербии, и насчитывает 8 997 наименований (Smolović 1974; Panajotović 1989).

Югославская военная наука не могла обойти вниманием боевые действия советских войск в Афганистане против вооружённой оппозиции. Западных и нейтральных исследователей интересовала прежде всего тактика советских войск, а исследования, посвящённые партизанскому способу ведения военных действий, появлялись редко (Grau 1996; Jalali, Grau 1995; Etschmann 2003).

Оценки начального этапа действий советских войск в Афганистане югославскими военными аналитиками

На Кафедре стратегии Школы народной обороны Центра высших военно-учебных заведений ЮНА «Маршал Тито» уже в 1981 г. вышла публикация «Военная интервенция СССР в Афганистане»⁴⁰. Перед глазами её авторы имели пример успешного аналогичного исследования, которое в 1975 г. вышло из-под

³⁵ Tuđman F. 1957. *Rat protiv rata. Partizanski rat u prošlosti i budućnosti*. Zagreb.

³⁶ Tanasković R. 1961. *Pitanja partizanskog ratovanja*. Beograd; Kleut P. 1960. *Partizanska taktika i organizacija*. Beograd.

³⁷ *Predvojnička obuka*. Udžbenik za učenike škola drugog stupnja. Beograd: 1964.

³⁸ Živković M. 1986. *Teritorijalna odbrana*. Beograd. S. 277.

³⁹ *Partizanska dejstva i ograničeni ratovi. Tematska referativna bibliografija*. Beograd: 1972; *O gerilskoj tradiciji naroda i narodnosti Jugoslavije. Važniji narodni ustanci od XVI veka do Drugog svetskog rata*. Beograd: 1976; *Partizanska dejstva*. Tematska bibliografija. Beograd: 1979; *Partizanska taktika ratovanja*. Tematska bibliografska informacija. Beograd: 1980.

⁴⁰ *Vojna intervencija SSSR-a u Avganistanu*. Beograd: 1981.

пера рабочей группы 2-го управления Генерального штаба ЮНА и было посвящено Вьетнамской войне 1954–1975 гг.⁴¹. Другой отправной точкой исследователей могло стать новое «Наставление по ведению партизанских действий», вступившее в силу 6 января 1981 г. взамен вышеупомянутого старого (первого в ЮНА) «Наставления по применению и боевым действиям партизанских, территориальных и диверсионных отрядов» от 1959 г.⁴².

Первые страницы аналитического материала предлагают читателю краткое введение, в котором подчёркнуто значение рассматриваемой темы. По словам авторов, состоялось «первое советское военное вторжение в государство, не являвшееся членом Варшавского договора»⁴³. Акцентируется скорость подготовки и выполнения операции, описан международный баланс сил в регионе, очерчены интересы неприсоединившихся стран. Геостратегическая характеристика Афганистана представлена в контексте Среднего Востока, что весьма показательно. Собственно термин «Средний Восток» (куда входят территории от Ближнего Востока до Средней Азии, создающие барьер на сухопутном пути к жемчужине британской короны – Индии) относится к числу «маркерных» названий, как, например, термин *Mitteleuropa* отражает германское видение соответствующего региона (Brechtfeld 1996). Термин «Средний Восток», наряду с «Ближним Востоком», происходит из британской колониальной терминологии XIX в. В начале XX в. он получил распространение в США и вытеснил «Ближний Восток» из английского языка после Первой мировой войны (Adelson 1995). Описание югославскими специалистами специфики Среднего Востока основано на многочисленных стереотипах. Ему не хватает основательности уже потому, что авторы исходили из идеологических установок, а не реальных сведений, даже если те имели открытый характер. Например, сказано, что в регионе сосредоточено 58% мировых запасов нефти, а «СССР очень заинтересован в запасах нефти на Среднем Востоке, а также в получении её по низкой цене, учитывая высокие затраты при эксплуатации собственных месторождений и постоянно растущее потребление»⁴⁴. Трудно сказать, почему авторы проигнорировали факты, известные в СФРЮ, ведь значительная доля импорта страны обеспечивалась советским энергетическим комплексом с начала 1980-х гг. Колоссальная промышленность Советского Союза была крупным потребителем энергии, однако наличие больших энергоресурсов позволяло их экспорт. С конца 1960-х – начала 1970-х гг. нефть поступала из Западной Сибири в количествах, достаточных для внутреннего потребления и экспорта. Газовая отрасль в конце 1970-х — начале 1980-х гг., по мнению современных западных исследовате-

⁴¹ *Rat u Vijetnamu*. Beograd: 1975.

⁴² *Uputstvo o partizanskim dejstvima*. Beograd: 1981.

⁴³ *Vojna intervencija*. S. 2.

⁴⁴ *Vojna intervencija*. S. 2.

лей, стала важным элементом внешней политики СССР, с которым считалось большинство стран Центральной и Юго-Восточной Европы. (Petrovic 2016). На Ближнем Востоке основным партнёром СССР в тот период была Сирия, небольших месторождений которой хватало для внутреннего потребления и незначительного экспорта. Афганистан в 1967–1989 гг. экспортировал углеводороды (в основном газ), но после 1979 г. их добыча снизилась, что свидетельствует об отсутствии заинтересованности СССР в эксплуатации афганских месторождений (логистические проблемы не позволили даже американцам вести добычу нефти и газа в стране в XXI в.) (Васиф Эль-Юсеф 1993; Аминулла 1992).

Авторы текста серьёзно проанализировали возможности потенциального вторжения с территории Афганистана в Иран, Пакистан и Индию, полностью проигнорировав, что и северные границы ДРА открывали путь к вторжению в СССР. После падения левацкого правительства в Афганистане к власти могли прийти члены исламистских группировок. В этом случае труднодоступные и малонаселённые участки советской границы стали бы уязвимы. Ранее наиболее сложными участками считались границы с недружественными исламскими государствами: сухопутная часть советско-турецкой (около 600 км) и советско-иранской границы (более 1700 км). В новых условиях более двух тысяч километров советско-афганской границы могли в одночасье удвоить критическую зону – это соображение югославские аналитики игнорировали.

Вторая часть секретной разработки генштабистов ЮНА, посвящённая «политическим, экономическим и военным отношениям между Афганистаном и СССР», также носила односторонний и малоинформативный характер. Не было сказано о вступлении советских войск на территорию Афганистана в 1929 и 1930 гг. Свержение монархии и приход к власти М. Дауда названы советской аферой, а «Халк» – умеренным крылом НДПА, что противоречило взглядам объективных исследователей (Barfield 2010). Несколько раз как о реальном факте написано о «ракетных позициях советских войск в Афганистане», которые якобы представляли угрозу для «территорий базирования ВМФ в Индийском океане и Персидском заливе»⁴⁵. Между тем, если принять во внимание фактическое состояние афганской транспортной сети, а также потребности СССР, нельзя не прийти к выводу о нецелесообразности и невозможности переброски в страну стратегического ракетного вооружения дальностью более 500 км. Из ракет, которые Москва разместила в Афганистане, наиболее мощными были оперативно-тактические комплексы Р-17 (по классификации НАТО – Scud-B), которые появились там под конец войны для прикрытия операций по выводу войск⁴⁶. Таким образом, вновь бросается в глаза или пропагандистский подход,

⁴⁵ *Vojna intervencija*. S. 25.

⁴⁶ Преснов А.И. Организация ракетно-технического обеспечения боевых действий в Республике Афганистан. *Военно-исторический журнал*. 2018 № 3.

или непреднамеренные ошибки, которые наложили отпечаток на материал под грифом «совершенно секретно».

Невероятно, но в аналитическом материале ЮНА, известной своей чувствительностью к национальному вопросу, почти ничего не говорится об этническом происхождении местных племён, о пуштунах как главенствующем народе, о Пуштунистане в Пакистане. Проигнорированы также проживающие на севере Афганистана этнические меньшинства, близкие народам СССР, что могло способствовать распространению воинствующего ислама из Афганистана, поскольку население Таджикистана, Туркмении и Узбекистана этнически близко группам в афганском приграничье. При описании целей СССР в качестве первостепенного «стратегического приоритета» упоминалась «ликвидация внеблоковой буферной зоны»⁴⁷, что отражает принципиальное непонимание авторами внешнеполитического курса послевоенного СССР – его политика как раз имела целью создание и расширение нейтральных буферных зон вокруг собственных сфер влияния и границ в Финляндии, в Австрии и де-факто в СФРЮ. Все советские инвестиции в Афганистан рассматривались исключительно в контексте подготовки к оккупации страны, которая прослеживалась якобы с 1950 г. Таким образом, и в этих главах информированность читателей, то есть офицеров, допущенных к секретным материалам, оказалась принесена в жертву интересам пропаганды, для которой хватило бы и передовицы в армейской многотиражке «Народная армия».

Глава, посвящённая подготовке советских сил, основана на далёких от истины предположениях. Например, утверждалось, что планы ввода войск Министерство обороны разрабатывало уже в середине 1979 г., а отвечал за них заместитель министра маршал С.Л. Соколов, которому будто бы помогал генерал армии И.Г. Павловский, посетивший Афганистан в августе–ноябре 1979 г.⁴⁸. В действительности маршал Соколов возглавлял оперативную группу Министерства обороны в Афганистане, а планированием ввода вооружённого контингента занимался заместитель начальника Генерального штаба ВС СССР генерал С.Ф. Ахромеев⁴⁹. В течение всей войны он осуществлял планирование военных операций в Афганистане, в том числе вывод войск. За непосредственную подготовку захвата власти и нейтрализацию (с вероятной ликвидацией) Х. Амина отвечал КГБ СССР. Только позже в дело вступила армия – 13 декабря 1979 г., когда была сформирована оперативная группа Министерства обороны СССР во главе с генералом С.Ф. Ахромеевым. Что касается упомянутого в тексте генерала И.Г. Павловского, то он не только не участвовал в подготовке ввода советских войск в Афганистан, но и выступал резко против этих пла-

⁴⁷ *Vojna intervencija*. S. 22.

⁴⁸ *Ibid.* S. 26.

⁴⁹ Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. 1992. *Глазами маршала и дипломата*. Москва.

нов. В Кабуле он успел побывать, так как сам Х. Амин многократно обращался с просьбой к Советскому Союзу прислать войска. По возвращении, в докладе министру обороны Д. Ф. Устинову и начальнику Генштаба Н.В. Огаркову Павловский дал негативную оценку потенциальному применению советских войск в Афганистане. Поэтому Сухопутные силы ВС СССР, командующим которых был И.Г. Павловский, на начальном этапе вообще не участвовали в разработке вышеупомянутых планов, а сам он вскоре потерял свою должность. Советские генералы выступали против вторжения, решение о котором принималось под давлением КГБ и лично Ю.В. Андропова, воздействовавшего в этом смысле на министра обороны Устинова и комиссию ЦК КПСС по Афганистану⁵⁰. Именно Ю.В. Андропова, который при больном Л.И. Брежневем концентрировал в руках всё больше власти, можно считать главным инициатором всей кампании⁵¹.

Любопытно, что использование «торгового флота с целью усиления присутствия СССР в Индийском океане» в рамках подготовки к вводу войск не ускользнуло от авторов рассматриваемого документа, но им не пришло в голову, что КГБ мог сыграть существенную роль в проведении операций. По сути, имела место попытка создать картину на основе приблизительной информации (необходимой для решения повседневных оперативных задач), которая не оговаривалась осторожными формулировками («допустим», «вероятно», «повидимому»), создавая у читателя ошибочное представление. Частица «якобы» относится к единственной точной информации, имевшей большое значение: «[Сформирована – А.Т.] якобы одна бригада специального назначения в форме афганской армии для проведения диверсионных и антипартизанских операций, составленная из представителей мусульманских национальностей»⁵². В данном случае речь шла о первом из «мусульманских батальонов», сформированных Генштабом из представителей среднеазиатских народов, служивших в ВДВ и спецназе.

Менее политизирована глава, посвящённая непосредственно вводу войск. Можно предположить, что в её основу легли американские источники, так как текст насыщен англицизмами. Захват Кабула описан со множеством фактических ошибок, что неудивительно, если принять во внимание дефицит достоверной информации. Первую скрипку в операции (нейтрализация лидера и перекрытие информационных каналов) сыграла не армия, а КГБ. Операцию «Штурм-333» (рейд в Кабул и захват крепости Тадж-бек, где укрывался Х. Амин) выполнили группы спецназа КГБ («Зенит» и «Гром»), а также «мусульманский батальон», в то время как десантникам отводилась вспомогательная роль. Они блокировали авиацию и ПВО, чтобы обезопасить прибытие основных сил в

⁵⁰ Павловский И.Г. Семь доводов против. *Родина*. 2000. № 3.

⁵¹ Майоров А.М. Указ. соч. С. 9.

⁵² *Vojna intervencija*. S. 30.

Кабул (Козлов 2013). Интересно, что в этой главе авторы подчёркивают «способность советских вооружённых сил быстро адаптировать организационно-штатную структуру и тактику применения к новым условиям... быстро заменять неподходящие части более подходящими и переходить» от одной тактики к другой⁵³. Такого рода комплиментарная оценка советской военной машины была далека от стереотипных югославских представлений о советской армии и скорее соответствовала взглядам некоторых американских аналитиков, очарованных мощью главного противника (Glantz 1984: 148–163). Фактические оценки этого раздела, несмотря на ряд неверных допущений, свидетельствуют о высокой информированности о действиях частей и соединений в полевых условиях. Номера частей и направления передвижения войск на этом участке, видимо, стали плодом интенсивной работы американских и союзных служб радиоэлектронной разведки в Пакистане, Турции и на кораблях в Индийском океане⁵⁴. Однако и здесь не обошлось без ошибки. Как всегда случается, преувеличены потери противника. Например, утверждалось, что на момент завершения работы над текстом советские войска потеряли 90 вертолётов Ми-24Д⁵⁵ – между тем по архивным данным СССР в 1979–1981 гг. потерял 52 вертолёт, из них 16 вертолётов Ми-24 во всех модификациях, в т.ч. семь в модернизированной ударной модификации Ми-24Д⁵⁶.

Самой лапидарной оказалась глава «Соппротивление советской военной интервенции», что также говорит о происхождении информации, использовавшейся при написании текста. Например, в схожем по тематике исследовании о Вьетнаме описание действий формирований Вьетконга было несравнимо детальнее⁵⁷. В этой главе вновь отметим огромное преувеличение советских потерь. Например, количество погибших – 10 тысяч человек (при этом осторожно указано, что это «оценки повстанцев»)⁵⁸. Общее число погибших в Афганистане, установленное с использованием архивных данных, составило 14 427 погибших военнослужащих за всё время операции и несколько сотен сотрудников КГБ СССР и МВД СССР (Кривошеев 2010: 562–566).

Пристрастный подход проявился и в разделе, посвящённом политике. Перечисляя семь действовавших в Афганистане группировок, авторы ни разу не использовали характеристику «исламисты». Этническое происхождение участников группировок проигнорировано, указаны только районы их активности. Обширной положительной характеристики удостоился Фронт национального спасения, который якобы представлял собой «наиболее многочис-

⁵³ Ibid. S. 39.

⁵⁴ Ibid. S. 37.

⁵⁵ Ibid. S. 49.

⁵⁶ Ляховский А.А. 1995. *Трагедия и долблесть Афгана*. Москва; Gabelić A. 1970. *Strategija Vijetnamskog rata*. Beograd.

⁵⁷ *Rat u Vijetnamu*. 1975. Beograd.

⁵⁸ *Vojna intervencija*. S. 54.

ленную и известную группу сопротивления либерально-социалистической ориентации»⁵⁹. На самом деле Фронт в 1978 г. основали «ревностные мусульмане» во главе с М. Себгатуллой. На пике своего развития это исламистско-фундаменталистское движение насчитывало около 6 000 бойцов. Руководство НФСА, штаб которого находился в Пешаваре, поддерживало тесные связи с Саудовской Аравией, США, Пакистаном и организацией «Братья-мусульмане». «Либерализм» Фронта проявлялся в лишь том, что его приверженцы не верили в немедленное построение исламистского общества, а планировали для начала восстановление общественного устройства, существовавшего в Афганистане до Дауда. Уместно напомнить, что семь ведущих повстанческих движений в рамках операции ЦРУ «Циклон» в конце 1981 г. объединились в «Исламский союз моджахедов Афганистана» (Riedel 2014).

С большим сочувствием авторы описали получившие широкое распространение в военно-политических доктринах СФРЮ⁶⁰ невооружённые формы сопротивления населения, которые будто бы приобрели в Афганистане «разнообразный и массовый» характер. Подчёркивалась успешность забастовок, демонстраций, отказа от сотрудничества и предоставления помощи. При этом внимание авторов к мирным средствам сопротивления сочеталось с несообразным преувеличением числа жертв – «мирных протестующих», убитых «советскими оккупантами». Например, количество погибших в ходе Кабульского восстания оценивалось в 300 человек, а раненых – в 1000⁶¹. На самом деле восстание 22–23 февраля 1980 г. началось с того, что провокаторы-исламисты застрелили младшего лейтенанта ВДВ, ранив несколько находившихся рядом с ним солдат-афганцев. Обстрелу подверглось и советское посольство. Имела место намеренная провокация, о чём говорит хотя бы тот факт, что «спонтанное восстание» произошло в День советской армии. Советские войска не участвовали в подавлении мятежа, а блокировали въезды в город, дабы помешать отрядам исламистов прийти на помощь повстанцам. Через двое суток с ними было покончено. После падения НДПА и прихода к власти «Талибана» этот день был провозглашён праздником – Днём начала джихада. По официальным данным нового режима, в восстании погибли 15 человек⁶².

Югославские авторы почти не писали о горных опорных пунктах исламистов – например, о знаменитом горном районе Тора-Бора на афгано-пакистанской границе⁶³, который советским и афганским войскам несколько раз прихо-

⁵⁹ Ibid. S. 54.

⁶⁰ Tanasković R. 1977. *Uvod u teoriju operacije opštenarodnog odbrambenog rata*. Beograd; Mišević M. 1986. *Neoružani oblici otpora u opštenarodnom odbrambenom ratu*. Beograd.

⁶¹ *Vojna intervencija*. S. 54.

⁶² Грешнов А. Афганский парламент почтил память жертв восстания 1980 года в Кабуле. <https://ria.ru/20090222/162832515.html> (дата обращения: 13.12.2022).

⁶³ Герасименко В.Д. 2012. *Тора-Бора. Первый заход*. Киев http://artofwar.ru/a/ablazow_walerij_iwanowich/text_a129.shtml (дата обращения: 13.12.2022).

дилось брать штурмом (в октябре-ноябре 1980 г. и июне 1981 г.). Сведения об этом опорном пункте имели важное тактическое значение и, вероятно, поэтому не встречались в источниках западного происхождения, которыми располагали югославские аналитики. Это предположение кажется тем более верным, если вспомнить, какое значение в оборонительных планах ЮНА придавалось многочисленным бункерам, разбросанным по труднодоступным горным районам. Аналогичным образом детальное описание маловажной «забастовки лавок и магазинов в Кабуле в знак протеста против советского присутствия» соседствует со скудной характеристикой средств повстанческого ПВО, которые, по словам авторов, сводились «к ручному стрелковому оружию и четырём зенитным орудиям»⁶⁴. И это не случайно: в ходе Афганской войны СССР взял на вооружение концепцию «штурмовой вертолёт – летающая БМП», превратив ПВО в исключительно актуальную проблему для своих противников. С самого начала противостояния мятежники получали китайские версии крупнокалиберного пулемёта ДШК (Туре-54) 12,7-мм и автоматических пушек ЗПУ-1/ЗГУ-1 (Туре-58/75-1/80). В указанный период большая часть вертолётов была сбита огнём китайских клонов ДШК, однако с 1980 г. начались поставки китайских (НН-5) и египетских (Айн-аль-Сакр) копий ПЗРК Стрела-2, которые также стали успешно применяться. Это направление помощи повстанцам продемонстрировало свою эффективность, поэтому в 1983 г. в Афганистан поступили британские ПЗРК Blowpipe и американские FIM-43 Redeye, а в 1985 г. – FIM-92 Stinger⁶⁵. Таким образом, речь шла о малоизученной, но более чем актуальной для югославской стороны проблеме. В «Наставлении о партизанских действиях» (1981) очень скудно говорится о борьбе с воздушными целями, средствах ПВО и расположении зенитно-ракетных частей⁶⁶. Афганистан ясно продемонстрировал, что готовность партизанских формирований к борьбе с авиацией противника имеет огромное значение для современной партизанской войны. Предположим, что именно по этой причине информация о тактике и средствах ПВО, использовавшихся отрядами исламистов, отсутствовала в источниках, доступных авторам рассматриваемого материала. В целом действия повстанческих формирований описаны весьма лаконично – не упоминаются способы применения минно-взрывных средств, гранатомётов, средств связи, а также тактических приёмов ведения партизанской войны в горных условиях.

В описании действий движения сопротивления отсутствуют упоминания о новшествах, нет попыток сопоставить происходившее с партизанскими войнами в других регионах и иных природных условиях (прежде всего, в Индокитае)⁶⁷.

⁶⁴ *Vojna intervencija*. S. 61.

⁶⁵ Марковский В.Ю. 2011. *Выжженное небо Афгана. Боевая авиация в Афганской войне*. Москва.

⁶⁶ *Uputstvo o partizanskim dejstvima*. Beograd: 1981.

⁶⁷ *Rat u Vijetnamu*. Beograd: 1975.

Возможно, дело не только в отсутствии у авторов необходимых источников, но и в осознанном следовании ими политической целесообразности, в жертву которой приносились научные и прикладные качества работы. В чём состояла эта целесообразность, можно судить по тому обстоятельству, что США отрицали поставку американского оружия афганским повстанцам вплоть до захвата советскими войсками Стингера и сопроводительной документации в январе 1987 г.

Главу, в которой излагается отношение ООН, НАТО, США, Китая, стран-членов Движения неприсоединения и СФРЮ к вводу советских войск в Афганистан, можно назвать исчерпывающей, но не всесторонней. И в этом случае информативность секретного материала принесена в жертву пропаганде. Ничего не сказано о позиции Индии, государств Варшавского Договора и части неприсоединившихся стран, вставших на сторону СССР и ДР Афганистан. О различных взглядах по афганской проблеме не сказано ни через осуждение, ни через выражение сомнений в искренности тех или иных заявлений. При упоминании 104 стран, осудивших ввод войск в 1981 г., не оговаривалось, что всего государств-членов ООН в тот период было 157. Таким образом, факты не просто не излагались во всей их полноте (пусть с осуждением или критикой), а замалчивались в целях усиления пропагандистского эффекта материала.

Особый интерес представляет заключительная глава с прогнозом развития ситуации в Афганистане и выводами. Ожидалось, что Афганистан превратится в проблемную зону стратегической важности, где Советскому Союзу придётся поддерживать своё присутствие, и стабилизация невозможна. В тот момент трудно было дать иной прогноз. Афганская война действительно превратилась в постоянную внешнеполитическую проблему СССР, решения которой даже не предвиделось. А уход СССР выглядел бы как поражение, что представлялось невыносимым для успешной сверхдержавы.

Выводы

Ещё до ввода войск в Афганистан советское военное командование, в отличие от верхушки КГБ, давало негативный прогноз последствий этим действиям. Анализ военной экспертизы ЮНА уроков Афганской войны говорит о примате повседневных политических (и даже пропагандистских) потребностей и интересов над принципами военной науки. Несмотря на наличие богатого материала для типологических наблюдений, югославские аналитики не обратили внимания на новые тактические приёмы и на применение нового оружия, проигнорировали особенности антипартизанской борьбы в горной местности. Их прогнозы были лишены оригинальности. Спустя десять лет офицерам, прочитавшим описанный нами материал, самим довелось вступить в схватку с моджахедами, за что они также оказались под огнём критики западных держав, испытав на себе презрение части международной и сербской общественности. Военные аналитики ЮНА не упоминали о роли исламского фундаментализма в

вооружённом противостоянии. Ещё не произошли события, благодаря которым это понятие вошло в общественный дискурс Западных Балкан. У югославских экспертов понимание этой проблематики начало зарождаться лишь в середине 1980-х гг. Только позднее бывшим республикам СФРЮ пригодится афганский опыт антипартизанской борьбы, а некоторым народам распадавшейся Югославии самим придётся принять участие в операциях против афганских повстанцев. Лишь спустя десятилетия после описываемых событий очередь дошла и до анализа бывшими гражданами Югославии попыток модернизации Афганистана, имевших место в прошлом. К этому побуждал поиск ответа на вопрос, почему многонациональное экономически более мощное общество терпит неудачу в борьбе с уверенными в своих силах горными племенами, которым нечего терять, кроме собственной жизни (Sudar 2021: 17–23).

В начале 80-х гг. прошлого века югославская военная наука не обладала такой прозорливостью и не могла предугадать эти проблемы, наблюдая за сражениями на далеких горных перевалах Афганистана. Преобладание политической целесообразности над военной наукой приводило к тому, что выкладки аналитиков Генерального штаба не сумели подняться над уровнем политической пропаганды и поэтому не смогли помочь руководству страны увидеть заранее проблемы, с которыми Белград вскоре столкнулся уже на своей территории.

Об авторе:

Алексей Юрьевич Тимофеев – доктор исторических наук, профессор, научный советник. Институт новейшей истории Сербии; кафедра новейшей истории, Отделение истории, Философский факультет Белградского университета. Сербия, 11000, г. Белград, Ул. Чика-Льубина, д. 18-20. E-mail: atimofej@f.bg.ac.rs

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 94(497.1)+327.54
Received: December 16, 2022
Accepted: February 20, 2023

Lessons Learned by Yugoslav Military Experts from the Soviet Invasion of Afghanistan 1979-1981.

A.Y. Timofeev

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-153-176](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-153-176)

University of Belgrade, Institute of Recent History of Serbia

Abstract: The article analyzes the attitude of Yugoslav military analysts to the deployment of the Soviet troops in Afghanistan in 1979–1981. Afghanistan was not among diplomatic, or military priorities for Yugoslavia. After the coup in Afghanistan on April 27, 1978, relations between the two countries, previously rather formal, deteriorated, as Kabul started to move away from the non-alignment movement taking a pro-Soviet orientation. Yugoslavia saw Afghanistan as a non-aligned country and was extremely concerned about the Soviet interference in the internal affairs of a sovereign state. This political assessment heavily influenced the views of Yugoslav military expert, resulting into some distorted conclusions and numerous overlooked lessons. This testifies to the primacy of everyday political (and even propaganda) needs over military science in Yugoslavia. They believed that Afghanistan would turn into a permanent problem for the USSR. Despite the rich empirical material, Yugoslav analysts did not see any novelty in tactics and the use of new weapons in mountainous areas. They neglected to analyze the tactics of anti-partisan actions in the highlands; their predictions were not original; they ignored the presence of militant fundamentalism as a factor in the conduct of hostilities.

Keywords: USSR-SFRY relations, military diplomacy, counterinsurgency operations, partisan actions

About the author:

Aleksey Y. Timofeev – Doctor of Sciences in History, Professor, Principal Research Fellow. Institute of Recent History of Serbia; Subdepartment of Contemporary History, Department of History, Faculty of Philosophy, University of Belgrade. Serbia, 11000, Belgrade, st. Chika-Lubina, 18-20. E-mail: atimofej@f.bg.ac.rs

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Adelson R. 1995. *London and the Invention of the Middle East: Money, Power, and War, 1902-1922*. New Haven: Yale University Press. 256 p.
- Barfield Th. 2010. *Afghanistan: A Cultural and Political History, Princeton Studies in Muslim Politics*. Princeton: Princeton University Press. 400 p.

Brechtfeld J. 1996. *Mittleuropa and German Politics: 1848 to the Present*. Basingstoke: Macmillan Press. 195 p.

Etschmann W. 2003. *Guerillakriege. Ursachen-Verläufe-Folgen*. Wien: Verlag AV. 384 p.

Glantz D.M. 1984. *The Soviet Airborne Experience*. Fort Leavenworth: Combat Studies Institute. 232 p.

Grau L.W. 1996. *The Bear Went Over the Mountain: Soviet Combat Tactics in Afghanistan*. Washington: National Defense University Press. 216 p.

Grau L.W. Gress M.A. 2002. *The Soviet-Afghan War: How a Superpower Fought and Lost*. Lawrence: University Press of Kansas. 364 p.

Jalali A., Grau L.W. 1995. *The Other Side of the Mountain: Mujahideen Tactics in the Soviet-Afghan War*. Fort Leavenworth: Foreign Military Studies Office. 429 p.

Mikac R. 2008. *Afganistan: nikad završen sukob*. Zagreb: Naklada Jesenski i Turk. 271 s. (In Croatian)

Nourzhanov K. 2015. Bandits, Warlords, National Heroes: Interpretations of the Basmachi Movement in Tajikistan. *Central Asian Survey*. 34(2). P. 177-189.

Petrovic J. (ed.) 2016. *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas*. Cham: Palgrave Macmillan. 425 p.

Riedel B. 2014. *What We Won: America's Secret War in Afghanistan. 1979-1989*. Washington: Brookings Institution Press. 189 p.

Schmider K. 2002. *Partisanenkrieg in Jugoslawien 1941-1944*. Hamburg: E. S. Mittler & Sohn GmbH. 589 s.

Statiev A. 2010. *The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands*. Cambridge: Cambridge university press. 368 p.

Jakovina T. 2011. *Treća strana Hladnog rata*. Zaprešić: Fraktura. 784 s. (In Croatian)

Panajotović Z. 1989. *Bibliografija o narodnooslobodilačkom ratu i socijalističkoj revoluciji Srbije 1941-1944. godine: knjige, brošure i članci 1944-1985*. [Bibliography on the National Liberation War and the Socialist Revolution of Serbia 1941-1944. Years: Books, Brochures and Articles 1944-1985.] Beograd. (In Serbian)

Petrović N.Ž. 2016. *Vojna saradnja Jugoslavije sa Sovjetskim Savezom 1953-1964. godine: pogled iz Beograda* [Military cooperation of Yugoslavia with the Soviet Union 1953-1964: view from Belgrade] Beograd: Medija centar Odbrana. 259 s. (In Serbian)

Smolović P. 1974. *Teritorijalna odbrana: anotirana bibliografija*. [Territorial Defense: an Annotated Bibliography.] Beograd. (In Serbian)

Strugar V. 1962. *Rat i revolucija naroda Jugoslavije, 1941-1945*. [War and Revolution of the people of Yugoslavia, 1941-1945.] Beograd: Vojnoistorijski Institut. (In Serbian)

Sudar V. 2021. Djelovanje Europske unije u Afganistanu. [Action of the European Union in Afghanistan.] *Političke analize: tromjesečnik za hrvatsku i međunarodnu politiku*. 39. S. 17-23. (In Croatian)

Timofeev A. 2012. Tito po drugi put među... Rusima [Tito for the Second Time among... Russians]. *Istorija 20. veka*. № 1. P. 99-108. (In Serbian)

Timofeev A., Živanović M. 2018. *Udžbenik za Tita: Kominternu i pripreme partizanskog rata u Evropi*. [Textbook for Tito: The Comintern and Preparations for the Partisan War in Europe]. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije. 527 p. (In Serbian)

Životić A. 2022. Strah ili realnost? Mogućnost sovjetske vojne intervencije u Jugoslaviji 1948-1953 [Fear or Reality? The Possibility of Soviet Military Intervention in Yugoslavia 1948-1953]. *Istorija 20. veka*. № 1. P. 107-128 (In Serbian)

Aminulla. 1992. *Ekonomicheskaya otsenka proyektnykh resheniy razvitiya neftegazovogo kompleksa Afganistana. Kandidatskaya dissertatsiya.* [Economic Evaluation of Design Solutions for the Development of the Oil and Gas Complex of Afghanistan. PhD thesis.] Moskva: Akademiya nefti i gaza im. I. M. Gubkina. 155 p. (In Russian)

Kostyrya A. A. 2009. *Istoriografiya, istochnikovedenie, bibliografiya specoperacii SSSR v Afganistane (1979–1989 gg.)* [Historiography, Sources, Bibliography of the USSR Special Operation in Afghanistan (1979–1989)]. Doneck: Promin. 596 s. (In Russian)

Kozlov S.V. 2013. *Spetsnaz GRU: Ocherki istorii. V 5 knigakh. Kniga 3. Afganistan — zvezdnyy chas spetsnaza 1979–1989. Istoricheskaya entsiklopediya.* [Spetsnaz GRU: Essays on History. In 5 books. Book 3. Afghanistan – the Finest Hour of Special Forces 1979–1989. Historical Encyclopedia.] Moskva: Russkaya panorama. 736 p. (In Russian)

Krivoshchev G.F. (ed.) 2010. *Rossia i SSSR v voynakh XX veka. Kniga poter'* [Russia and the USSR in the Wars of the 20th century. Book of Losses] Moscow: Veche. 607 s. (In Russian)

Shit'ko V.V. 2007. *Voyska OGPU-NKVD v lokal'nykh voynakh i konfliktakh. Kandidatskaya dissertatsiya.* [Troops of the OGPU-NKVD in Local Wars and Conflicts. PhD thesis.] Moscow: Voyenny universitet. 242 s. (In Russian)

Vasif El-Yusef. 1993. *Mestorozhdeniya tyazholykh neftey Sirii, osobennosti ikh stroeniya i osvoyeniya. Kandidatskaya dissertatsiya.* [Deposits of Heavy Oils in Syria, Features of Their Structure and Development. PhD thesis.] Moscow: Institut geologii RAN. 200 p. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V. 2012. *Voennyj faktor i gosudarstvennoe razvitie Serbii nachala XX veka.* [Military Factor and State Development of Serbia at the Beginning of the 20th century]. Moscow: MGIMO - Universitet, 2012. 440 p. (In Russian)

Zevelev A.I., Poliakov Iu.A., Chugunov A.I. 1981. *Basmachestvo: vzniknovenie, su-shchnost', krakh* [Basmachism: Emergence, Essence, Collapse.] Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva Nauka. 134 s. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Аминулла. 1992. *Экономическая оценка проектных решений развития нефтегазового комплекса Афганистана. Кандидатская диссертация.* Москва: Академия нефти и газа им. И.М. Губкина. 155 с.

Васиф Эль-Юсеф. 1993. *Месторождения тяжёлых нефтей Сирии, особенности их строения и освоения. Кандидатская диссертация.* Москва: Институт геологии РАН. 200 с.

Вишняков Я.В. 2012. *Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века.* Москва: МГИМО - Университет. 440 с.

Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. 1981. *Басмачество: возникновение, сущность, крах.* Москва: Главная редакция восточной литературы издательства Наука. 134 с.

Козлов С.В. 2013. *Спецназ ГРУ: Очерки истории. В 5 книгах. Книга 3. Афганистан — звездный час спецназа 1979—1989. Историческая энциклопедия.* Москва: Русская панорама. 736 с.

Костыря А.А. 2009. *Историография, источниковедение, библиография спецоперации СССР в Афганистане (1979 – 1989 гг.).* Донецк: Проминь. 596 с.

Кривошеев Г.Ф. 2010. (отв. ред.) *Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь.* Москва: Вече. 271 с.

Шитько В.В. 2007. *Войска ОГПУ-НКВД в локальных войнах и конфликтах. Кандидатская диссертация.* Москва: Военный университет. 242 с.

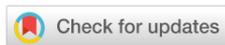
Список литературы на сербском языке:

Животић А. 2022. Страх или реалност? Могућност совјетске војне интервенције у Југославији 1948–1953. *Историја 20. века*. С. 107-128.

Петровић Н.Ж. 2016. *Војна сарадња Југославије са Совјетским Савезом 1953-1964. године: поглед из Београда*. Београд: Медија центар Одбрана. 259 с.

Тимофејев А. 2012. Тито по други пут међу... Русима. *Историја 20. века*. № 1. С. 99-108.

Тимофејев А., Живановић М. 2018. *Уџбеник за Тита: Коминтерна и припреме партизанског рата у Европи*. Београд: Институт за новију историју Србије. 527 с.

The Rise and Fall of the Iraqi Sunni Awakening Movement

Ramiz Sevdimaliyev

Baku State University (Azerbaijan)

Abstract: The article studies the rise of the Sunni Awakening (or *Sahwa*) movement as an example of how different groups can be mobilized for collective action and disintegrated by internal and external factors. It also examines the motives of the Sunni tribal leaders to oppose the AQI and the factors that had a decisive influence on the disintegration of the Awakening movement. The emergence of the Iraqi Sunni Awakening was associated not so much with a sense of ideological, patriotic, or religious obligation but with the loss of economic power of the tribal leaders who decided to mobilize against the AQI.

Since 2006, the Sunni Awakening has been a key component of the US strategy to combat jihadi groups. The growth of the movement's activity led to a weakening of the Islamic State of Iraq (ISI) and a significant decrease in the intensity of interfaith conflict in the country. After the official transfer of control of the Awakening to the Iraqi government, the relationship of the Sunni tribes with official Baghdad deteriorated, as Prime Minister Al-Maliki pursued a systematic policy of marginalizing and eliminating the Awakening. The disintegration of the Awakening was strongly influenced by two US decisions that were of strategic importance to Iraq: (a) support for al-Maliki following his defeat in the 2010 parliamentary elections, won by the secular Sunni-Shiite coalition; (b) poor timing of the withdrawal of American troops from Iraq, as by the end of 2011, the Iraqi security forces were still not ready to ensure the country's security. As a result, in 2012, numerous supporters of the *Sahwa* began to participate in anti-government revolts, and thousands of fighters from the movement joined ISIL.

Keywords: Iraq, Coalition Provisional Authority (CPA), Sunni tribes, Awakening (*Sahwa*), ISIL

The result of the March 21, 2003, invasion by the US troops and the member states of the anti-Iraq coalition in Iraq was the destruction of all state infrastructure and security agencies. Thousands of Sunni military and civil servants, who had a privileged position under the Hussein regime compared to the Shiite

UDC: 327.7

Received: August 18, 2022

Accepted: February 12, 2023

majority, were dismissed from their posts. The created power vacuum led to chaos and violence in which various extremist groups, including those acting under the guise of Islam, felt at ease.

One of the most influential forces opposing the jihadist group “Al-Qaeda in Iraq” (AQI) between 2006 and 2010 was the Sunni Awakening (or “*Sahwa*” in Arabic) movement. During this period, the Awakening movement was a key component of the US strategy in the fight against terrorist groups in Iraq (Hamourtziadou 2020). However, after 2010, numerous Sunni rebels left the *Sahwa* movement and joined the ranks of terrorist groups, especially AQI.*

The rise of the Sunni Awakening movement in recent Iraqi history was instrumental in mobilizing different groups for collective action. The Awakening example also provides an opportunity to understand better what prompted the leaders of the Sunni tribes, first in the al-Anbar, and then other provinces in Iraq, to oppose the AQI, with whom they previously worked. It is equally important to understand what factors had a decisive influence on the collapse of the Awakening movement.

The article analyzes the reasons and ways of mobilizing Sunni tribes against AQI, the Awakening's successes, and the movement's specifics. It also examines the political decisions of both the Iraqi government and the US administration that led to the collapse of this movement.

The author used unclassified, open-source materials to study the issues. The findings can serve as the basis for analyzing the causes of the emergence and collapse of similar organizations in the Middle East. However, the results cannot be directly applied to similar cases at this stage. Historical analysis of the *Sahwa* movement points to the fact that, in this particular case, external forces played an important role. Any analysis focused on similar cases must consider this variable's impact.

De-Ba'athification of Iraqi Society

The intervention of the coalition forces led to the fall of Saddam's regime and created a fertile ground for the escalation of violence across the country. The Coalition Provisional Authority (CPA), created as Iraq's transitional government and led by Paul Bremer, made two critical decisions that led to increased violence in Iraq. The first order was issued to de-ba'athification of Iraqi society – removing all public sector workers from offices associated with the Baath Party and prohibiting them from working in the public sector in the future¹. According to this order, all senior party members would be prohibited from government service. The top three levels of officials from

¹ Coalition Provisional Authority (CPA). 2003a. Order Number 1. De-Ba'athification of Iraqi Society (May 16). URL: https://govinfo.library.unt.edu/cpa-iraq/regulations/20030516_CPAORD_1_De-Ba_athification_of_Iraqi_Society_.pdf (accessed 21.02.2023).

all government ministries would be dismissed, even if they were not members of the Baath Party. Contrary to the assertion of the head of the CPA, Paul Bremer noted that the de-Baathification would affect only about 20,000 people (Bremer, McConnel 2007: 40), the total number ranged from 85,000 to 100,000 (Ricks 2006: 40, 160; Pfiffner 2010: 78; Sanchez, Phillips 2008: 184). In particular, following this order, "forty thousand schoolteachers who joined the Baath Party simply to keep their jobs" were fired (Tenet, Harlow 2007: 427).

The second destructive order issued by the CPA, which led to an escalation of violence in Iraq, was the disbandment of all Iraqi security forces and their replacement with newly created security forces². The security forces included 385,000 in the military, 285,000 in the Ministry of the Interior Affairs (police), and 50,000 in the presidential security forces (Ricks 2006: 162, 192).

As a result of these decisions, hundreds of thousands of Iraqis lost their jobs. Immediately a large pool of unemployed and armed people feeling humiliated and hostile towards the American occupiers emerged. Hundreds of thousands of Iraqis who could not support themselves or their families were alienated; the standard infrastructure needed for social and economic activities was undermined. These CPA decisions created a security vacuum in Iraq, which exacerbated and fueled sectarian divisions in Iraqi society, primarily between Sunnis, Shiites, and Kurds. Along with violence between these sects, insurgent attacks on the coalition and Iraqi security forces have increased.

A complicated internal political, economic, and social situation led to chaos in Iraq. The country was filled with various armed groups and militias, which the Iraqis joined per their religious beliefs to ensure their survival. There were essentially several insurgency wars in the country, leading to multi-level conflict (Arnold 2008: 25). Simultaneously, the nature of the insurgency varied from one region of Iraq to another. In particular, in the Sunni-majority areas (SMAs), the insurgency groups fought against US forces and the Shiite-dominated Iraqi government. In Baghdad, the clashes were most likely of a sectarian nature. For example, Sunni groups have resisted and attacked Shiite militias or Shia-dominated police for their sectarian purges. The conflict also involved groups consisting of former military personnel of the Iraqi Saddam army. These groups were motivated by several goals: a) to end the US forces' presence in the country; b) to return the state power "captured" by the Shiites; c) to avenge the violence against the Sunnis by the Shiite militias.

One of the active participants in the Iraqi conflict was the AQI, a group consisting of a significant number of foreigners. On the one hand, this group shared the goals of other Sunni rebel groups and had broader goals associated with global jihad. Vari-

² Coalition Provisional Authority (CPA). 2003b. Order Number 2. Dissolution of Entities (May 23). URL: https://govinfo.library.unt.edu/cpa-iraq/regulations/20030823_CPAORD_2_Dissolution_of_Entities_with_Annex_A.pdf (accessed 21.02.2023).

ous Shiite militias, mainly operating in Baghdad, and Iraqi police forces controlled by them, sought to expel the Sunnis from the city and maintain Shia dominance in the state and avenge the Sunni insurgents for violent acts against Shiites.³

The spread of sectarian violence in Iraq has provided a unique opportunity for various radical and jihadi Sunni groups to wage guerrilla warfare against Shiite militias, coalition forces, and the Iraqi government. From 2004 to mid-2007, the situation in Iraq was indeed extremely terrifying. By August 2006, Iraq averaged more than 1,500 civilian deaths per month, and by the 2006 fall US military was suffering a monthly toll of almost 100 dead and 700 wounded. (Biddle, Friedman, Shapiro 2012: 7).

By 2006 sectarian violence had become rampant in the country. During this period, experts⁴ characterized Iraq as a state suffering from a civil war. Radical Sunni factions such as Al Qaeda in Iraq (AQI), the Islamic Army, Hamas Iraq, and the 1920s Revolution Brigade were in open conflict with Shiite militias such as the Badr Brigades, Hezbollah Iraq, and the Mahdi Army. These groups simultaneously threatened the coalition forces and the nascent Iraqi government (Maye 2016: 133).

The birth of the Awakening councils

Shortly after the start of the anti-terrorist war in Afghanistan, many al-Qaeda fighters and jihadists fled the country, mainly to Pakistan, Iran, and Iraqi Kurdistan. In December 2001, Abu Musab Zarqawi and his followers left Afghanistan to take refuge in Iran. Sometime later, with the help of the Kurdish jihadist group Ansar al-Islam, he moved to northern Iraq (Napoleoni 2005: 104-105; Schanzer 2005: 136). Zarqawi arrived in Iraq when the United States stepped up its rhetoric and prepared to invade Iraq and established a jihadist group in Biyar, Sulaymaniyah province. Like the one he created in 1999 in Herat (Afghanistan), this group was named *Jama'at al-Tawhid wa al-Jihad* (JTWJ).^{5**}

Zarqawi led JTWJ group and significantly increased the scope and the number of terrorist attacks, including suicide bombings during 2004-2006. The group became more involved in the kidnappings and beheadings of foreign nationals. JTWJ became widely known in a short period due to the audacity and brutality of its attacks.

³ Shapland G. 2018. Elite Bargains and Political Deals Project: Iraq's Sunni Insurgency (2003–2013) Case Study. Stabilisation Unit, UK (February), p. 6-7. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/766033/Iraq_case_study.pdf (accessed 21.02.2023).

⁴ See: Beehner L. 2006. The Implications of "Civil War" in Iraq. *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/implications-civil-war-iraq> (accessed 21.02.2023).

⁵ Brisard J.-Ch., Martinez D. 2014. Islamic State: The economy-based terrorist funding. *Thomson Reuters* (October). URL: http://cat-int.org/wp-content/uploads/2016/06/White-Paper-IS-Funding_Final.pdf (accessed 21.02.2023);

Raphaeli N. 2005. *The Sheikh of the Slaughterers: Abu Mus'ab al-Zarqawi and the Al-Qaeda Connection*. The Middle East Media Research Institute. Inquiry & Analysis Series Report no. 231, July 1. URL: <https://www.memri.org/reports/%E2%80%98sheikh-slaughterers%E2%80%99-abu-musab-al-zarqawi-and-al-qaeda-connection> (accessed 21.02.2023).

It quickly established extensive international recruitment networks for foreign fighters and became a growing center for jihadist terrorists. In the wake of the aggravation of the struggle with the Americans and the new Shia-dominated Iraqi government, Zarqawi began negotiations with Osama bin Laden to merge with Al-Qaeda. After eight months-long negotiations, he pledged allegiance to Osama bin Laden and stated his loyalty to him and Al-Qaeda. From then on, the group was announced as an official extension of Al-Qaeda in Iraq. It was renamed Al-Qaeda in Mesopotamia (*Tanzim Qa'idat al-Jihad fi Bilad al-Rafidayn*). However, this group became known as Al-Qaeda in Iraq (AQI)⁶.

By early 2004, the JTWJ, the predecessor of AQI, and other terrorist groups operating under the guise of Islam had occupied relatively strong positions in the country's Sunni provinces, especially in Anbar province. Anbar's Sunni tribal leaders, because of the invasion of the coalition forces, faced the prospect of losing the lucrative patronage agreements appointed by Saddam Hussein after the 1991 Gulf War to maintain order in the province. To diminish the opportunities to achieve a stable income and to reject the Shiite government's political rule, which equaled to the political dominance of the Shiite majority, Sunni tribal leaders in Anbar quickly instigated an armed uprising to expel Coalition forces from Iraq. They began to accept help from jihadist groups such as AQI to achieve their goal. Consequently, from the early days of the invasion of Iraqi coalition forces and the fall of the Baathist regime, Anbar became the cradle of anti-coalition rebels and a central place where dissenting former Baathists and other elements mobilized and fought against the Coalition forces. However, the local Sunni insurgency was dominated by nationalists. From the outset, AQI sought to provoke a civil war between Sunnis and Shiites to create a foothold for what they saw as the re-establishment "caliphate" (Michael 2007: 346). Thus, the relationship between Iraqi Sunni and the AQI was based not on shared ideological visions or political doctrines on the country's future but on a short-term convergence of interests to expel Coalition forces from Iraq.

Soon, the AQI unilaterally began to impose the ideology of global jihad on the Sunni tribes, which required the mandatory re-fashioning of social and religious norms and customs following the principles of Salafi jihadism. They demanded that the elders introduce a ban on playing musical instruments, abandon celebrations, and order women to wear hijabs. Also, AQI deprived local tribes of the income they received for escorting goods to neighboring Syria. It is important to emphasize that from 1991 to 2003, tribal leaders provided transport corridors and protection to smugglers, thereby obtaining a steady income. Having settled in the provinces, the AQI militants began charging a fee to businesspeople and kidnapping them for ransom. There have

⁶ Muir J. 2017. 'Islamic State': Raqqa's loss seals rapid rise and fall. *BBC News*. October 17. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-35695648> (accessed 21.02.2023).

been frequent killings of people working in public institutions. A large number of AQI militants prevented the leaders of local tribes from earning income from contracts and other business projects offered by coalition forces⁷.

The forced imposition of its ideology and the deprivation of local tribes of opportunities to receive traditional income by AQI since 2004 only temporarily strengthened its position in the Sunni provinces of the country, mainly the Anbar province. Residents opposed the enforced medieval laws, for instance, against the right of the discretionary rape of Iraqi women appropriated by the AQI militants (Weiss and Hassan 2015: 94). AQI leaders and operatives were dismissive of local customs and attempted to marry women from prominent tribal families. They strove to create contact with society through family ties and eventually become part of the "social landscape." These attempts contradicted local regulations prohibiting exogamous marriage and generated considerable hostility among the population⁸. AQI consistently preferred to use assassination tactics to achieve local obedience. Tribal elders also resented abductions and murders. Two sheiks from the tribes of Abu Aeta and Albu Diyab were killed, and all others were constantly at gunpoint as competitors of the prosperous military economy of AQI (Benraad 2011).

The systematic and gross violation of local customs, the manifestation of a rude and aggressive ideology to monopolize not only political and economic power but also the entire way of life of the local Sunni population, as well as an attempt to dictate the direction of the rebel movement against the coalition forces, ultimately led to alienation, deterioration, and the enmity between the Sunni tribes and AQI. After some time, local tribal leaders, in response to violent acts and deprivation of their traditional sources incomes, called young people to go to the police service and refused to cooperate with AQI. This factor intensified attacks by AQI militants against those who collaborated with the coalition forces and the government of Iraq. As a result, AQI militants killed a prominent sheikh from the al-Dulaymi tribe Bazia al-Rishawi and his youngest son Muhammad, while other sons Abdullah and Ali were abducted⁹. It led to the mobilization of various Sunni tribes against AQI at the end of 2005. Finally, the 35-year-old Sheikh Abd al-Sattar al-Rishawi (known as Abu Risha), one of the sons of the murdered Sheikh Bazia al-Rishawi, announced the creation of the "al-Anbar Salvation Council" (*Majlis inqadh al-Anbar*) on September 26, 2006, in Ramadi and himself became the head of this Council (Benraad 2011). Initially, out of twenty-five tribes in Ramadi that al-Rishawi approached, only three supported him. However, that number soon rose as more tribal leaders saw the Council as an escape from the violence and

⁷ Nechitailo D.A. 2008. 'Awakening Councils' in Iraq. *Middle East Institute*. Moscow. September 29. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7560> (дата обращения 21.02.2023). (In Russ.).

⁸ Kilcullen D. 2007. Anatomy of a Tribal Revolt. *Small Wars Journal*. August 29. URL: <http://smallwarsjournal.com/blog/2007/08/> (accessed 21.02.2023).

⁹ Nechitailo D.A. 2008. 'Awakening Councils' in Iraq. *Middle East Institute*. Moscow. September 29. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7560> (дата обращения 21.02.2023). (In Russ.).

brutality of AQI. In a short time, the number of activists of the Council increased to 100, whose task was to detect and eliminate the AQI members. This development signaled the beginning of the active phase of the confrontation between local tribes and AQI. Soon, members of the Council, Sheikh Hikmat Mumtaz Al-Bazi, head of the Samarra tribal council, and Sheikh Kamal an-Nazzal, head of the Fallujah tribal council, were killed by militants of AQI¹⁰.

Abu Risha was not the first chieftain of the tribe to rebel against the AQI's authority in al-Anbar. Since 2003, several Sunni tribes in Iraq have also been in a latent conflict with the AQI group due to its ruthless methods and punitive campaign, leading to hundreds of their leaders' deaths. These tribes opposed the desire of the group to establish an "Islamic Emirate" on their territories. However, the contact of these tribes with the coalition forces has been fragile for a long time. In early 2005, several sheiks of the Albu Mahal tribe around the Iraqi city of Qaim, bordering Syria, began cooperating with US troops to expel the AQI militants from their territories¹¹. Soon, the sheiks of these and other Sunni tribes realized that working with US troops, in the long run, could give them an advantage in taking part in the country's political life.

On the other hand, before 2006, the US strategy in Iraq was based on an enemy-centric approach to counterinsurgency, essentially a war of attrition, in which American forces attempted to kill or capture as many insurgents as possible. By 2006, this strategy had failed: the situation in Iraq remained complicated, and the violence in the country got out of control; attacks by Sunni insurgents caused widespread repression of the Shiites and vice versa. Breaking this cycle required a new military strategy to ensure the population's safety and reconcile Sunnis and Shiites. The new strategy was based on the classic population-centric counterinsurgency approach, which emphasized the protection of the population to break the cycle of violence. The new strategy envisaged an increase of some 30,000 in the number of US troops deployed in the Sunni-majority areas, the redeployment of troops from large bases, and deployment in small groups directly in cities and villages. Besides, commanders were encouraged to promote contacts and cooperation with local communities. This direct association was intended to help the US forces better protect the local community, secure their support, and gain more information about the insurgent groups. The US needed to promote reconciliation between Sunnis and Shiites and persuade Sunnis to take responsibility for their security¹².

¹⁰ Ibid.

¹¹ Nickmeyer E., Finer J. 2005. Insurgents Assert Control over Town near Syrian Border. *The Washington Post*. September 6. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/09/05/AR2005090500313.html> (accessed 21.02.2023).

¹² Mannina R. N. 2018. How the 2011 US Troop Withdrawal from Iraq Led to the Rise of ISIS. *Small Wars Journal*. December 23. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/how-2011-us-troop-withdrawal-iraq-led-rise-isis> (accessed 21.02.2023).

Of course, for his part, the leader of the Al-Anbar Salvation Council, Abu Risha, also sought American support for the Awakening movement early in its formation. He asked for support from the U.S. Marine forces commander in Anbar province, Lieutenant Colonel Sean MacFarland, who then faced the rapidly deteriorating security challenges in the region. Clearly, the benefits of working with Sunni tribes were in the United States' interests, and Lt. Col. McFarland was soon given the mandate to support the Sunni movement (Maye 2016: 142). Finally, the US government realized that cooperation with the Sunni tribes to establish control over the situation was crucial. They began to negotiate with the leaders of the Sunni tribes in the western province of Anbar. Representatives of the US administration urged the leaders of the Sunni tribes to stop supporting the militants and called them to join the campaign of the coalition forces and the Iraqi government against the militants¹³. US support for the Sunni tribes included military training, protection, advice, and money. The money came from both payments to the families of dead policemen and the Commander's Emergency Response Program (CERP). This money allowed the tribal leaders to regain authority in their tribes and gain economic power within the province. Therefore, they wanted to support the Awakening's mobilization efforts and join more tribes¹⁴. Many Sunnis believed the promises that they would have positions in the state apparatus and control over their security and finance.

Abu Risha was the first tribal chief to urge his followers to join the local police in Anbar province to fight against AQI. Other tribal leaders followed suit. The collaboration pattern "quickly spread throughout the province" and thousands of young Sunnis joined the local police force (Maye 2016: 142).

In October 2006, Sunni tribes in the western Anbar province began an uprising against the AQI. Inspired by the successes, the leaders of the Sunni tribes supported the Anbar Salvation Council and continued to join the uprising against the AQI. As Abu Risha's revolt grew, renaming the "Anbar Salvation Council" (*Majlis inqadh al-Anbar*) to "Anbar Awakening Council" (*Majlis al-Sahwa al-Anbar*) and founded the "Council of Awakening." The Council included the leaders of a dozen Sunni tribes.¹⁵ Soon the uprising that began in Anbar "affected about 40% of the country" and "spread to Ninewa, Diyala, Babil, Salah ad-Din, Baghdad and – intriguingly – is filtering into Shi'a communities in the South"¹⁶.

¹³ Muir J. 2017. 'Islamic State': Raqqa's loss seals rapid rise and fall. *BBC News*. October 17. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-35695648> (accessed 21.02.2023).

¹⁴ Shapland G. 2018. Elite Bargains and Political Deals Project: Iraq's Sunni Insurgency (2003-2013) Case Study. *Stabilisation Unit*. UK (February). URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/766033/Iraq_case_study.pdf (accessed 21.02.2023).

¹⁵ Dagher S. 2007. Sunni Muslim Sheikhs Join US in Fighting Al-Qaeda. *Christian Science Monitor* (May 3). URL: <http://www.csmonitor.com/2007/0503/p01s04-wome.html> (accessed 21.02.2023).

¹⁶ Kilcullen D. 2007. Anatomy of a Tribal Revolt. *Small Wars Journal* (August 29). URL: <http://smallwarsjournal.com/blog/2007/08/> (accessed 21.02.2023).

The United States began arming and funding a militia of Sunni tribespeople, incorporating them into the Iraqi Security Forces (ISF) as an auxiliary police force called the Sons of Iraq. As a result, on the one hand, the AQI lost support among the Sunni population of Iraq and lost its principal recruiting source. On the other hand, the Sons of Iraq could deter the Iraqi government from abusing Sunni communities and thereby help break the violence cycle (Kilcullen 2016: 46).

Mainly Sons of Iraq consisted of mobilized Sunni Arab fighters outside Al-Anbar and across the country who had previously opposed the coalition forces (Benraad 2011: 122). Many Sons of Iraq leaders were former insurgents themselves and had a military background, including former officers and soldiers of Saddam Hussein's army (Maye 2016: 144). Soon the Awakening movement gained prominence in Baghdad, and Sunni politicians also began to support it. It became clear that the Awakening involved representatives of different levels of the Sunni society in Iraq: politicians, tribal leaders, former Baath supporters, and youth tribal representatives. At the elite level, Sunni politicians supported the creation of Sunni police forces and local groups to undertake counterterrorism activities. At the tribal level, leaders joined the movement and served as an example for others. Tribal leaders also encouraged young people to join the Awakening. Finally, at the local level, former officers and followers of the Baath Party were involved in the fight (Maye 2016: 141, 145).

The shared desire of the Coalition Forces and the Sunni tribal leaders for cooperation resulted from specific circumstances that led to an accidental overlap of their interests. Cooperation between Coalition forces and the Sunni tribal leaders effectively eliminated one of the main factors in the Iraqi conflict escalation. Thanks to this cooperation, the Sunni tribes, on the one hand, together with the United States, participated in the destruction of the AQI jihadists and, on the other hand, promoted a program of inter-communal reconciliation and prevented the threat of the Iraqi conflict sprouting into a regional Sunni-Shiite war. The establishment of successful cooperation between the coalition and the Sunni tribal leaders in Anbar province was a significant development that had yielded promising outcomes in Ramadi from mid-2006. This cooperation included extensive financial support for Sunni militias, joint operations using local intelligence by Sunni tribes, combined with US firepower backed by air support. Despite the Shia-dominated al-Maliki government's deep fears, a tactical alliance between US forces and Sunni militias soon bore fruit, and AQI members initiated rapid withdrawal from Anbar. Thus, the alliance with the Sunni tribes gave the United States the capacity to obtain reliable local intelligence, which led to the ability to distinguish jihadists from the rest of the local population effectively and led to the identification, isolation, and elimination of AQI members in Anbar province (Michael 2007: 346). On the other hand, the emergence of the US alliance with the leaders of the Sunni tribes and the change in the US position on security issues encouraged the local population to fight decisively against the AQI. The Anbar's experience would soon be repeated in the neighboring provinces (Phillips 2009: 29).

Thus, the Sunni Awakening in Anbar appeared from the emergence of convergent interests between Sunni tribal leaders and the United States, amid growing animosity between local insurgents and AQI militants and the escalation of sectarian violence in 2006. Subsequently, the use of Sunni tribes became one of the main elements of the American administration's strategy in the fight against terrorist groups. The Sunni Awakening (*Sahwa*) movement's collaboration with US forces began in mid-2007 under the leadership of General David Petraeus.

Successes of the *Sahwa* movement

Across the country, thousands of Sunni militants continued to join the ranks of the *Sahwa*. The movement has gained popularity and support in Salah al-Din's province, where support for Saddam Hussein has always been strong. Tribal sheiks in Tikrit also expressed support for *Sahwa*. Similar actions were carried out in other parts of the country. The movement became a serious political force in less than a year, and its paramilitary groups turned into leading armed groups against the ISI. By December 2007, the US military worked with over 60,000 armed Sunnis to provide security on the ground¹⁷. In the first quarter of 2008, more than 80,000 armed fighters were in the *Sahwa* movement ranks¹⁸, 82% of whom, according to the US military, were Sunni¹⁹.

The *Sahwa* movement has received technical and financial assistance from the coalition forces' command to confront the ISI. To deprive terrorists of the support of broad sections of the population, the American command began to introduce the practice of bribing Sunni tribes, which had previously opposed the foreign presence, in many parts of the country. The actions of the *Sahwa* fighters, supported by the American and local security forces, combined with their extensive knowledge of the terrain, proved very useful in fighting the ISI. They led to a change in the status quo.

Initially American military controlled the *Sahwa*. By mid-2008, the number of *Sahwa* fighters peaked at 100,000 people, and they received a monthly salary not exceeding 300 US dollars²⁰. According to the Assyrian International News Agency (AINA), the US spent no less than 15 million US dollars per month for this purpose²¹.

¹⁷ Shapland G. 2018. Elite Bargains and Political Deals Project: Iraq's Sunni Insurgency (2003-2013) Case Study. *Stabilisation Unit*. UK (February). p.12. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/766033/Iraq_case_study.pdf (accessed 21.02.2023).

¹⁸ O'Kane M., Black I. 2008. Sunni Militia Strike Could Derail US Strategy against al-Qaida. *The Guardian*. March 21. URL: <http://www.theguardian.com/world/2008/mar/21/iraq.alqaida> (accessed 21.02.2023).

¹⁹ Ali A., Jamail D. 2008. Tensions Rise Between 'Awakening' and Iraqi Govt Forces. *Inter Press Service*. February 29. URL: <https://www.enewspf.com/latest-news/tensions-rise-between-Sahwa-and-govt-forces/#.X1Aq8gzblU> (accessed 21.02.2023).

²⁰ Abbas M. 2013. Iraq to Reinstate Sahwa Forces. *Al-Monitor*. August 27. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/08/iraq-revive-Sahwa-qaeda-sunni-protesters.html> (accessed 21.02.2023).

²¹ Kino N. 2014. Former Iraq Awakening Members Joining ISIS. *Assyrian International News Agency*. June 15. URL: <http://aina.org/news/20140615144922.htm> (accessed 21.02.2023).

By January 2009, the US government had spent over \$ 400 million on salaries for the Awakening members. According to General Petraeus, who testified before the Senate Armed Services Committee in April 2008, it was a worthwhile investment because it allowed for saving lives and army vehicles. Consequently, the level of violence in Iraq has decreased considerably. The number of attacks against US troops in Anbar decreased substantially from 1,350 in October 2006 to just over 200 in August 2007. Besides, in October 2006, there were almost 3,100 violent deaths in Iraq; by October 2007, their total number was less than 600²².

Between October 2006 and August 2008, the number of terrorist attacks, including those that implemented vehicles filled with explosives, also reduced significantly. Consequently, the situation improved; terrorists have been forced out of most regions and physically eliminated. By mid-2007, Ramadi and Fallujah were almost entirely free from ISI (Benraad 2011).

The successes achieved in the fight against the ISI instilled confidence in the leaders of local tribes, and Abd al-Sattar al-Rishawi, inspired by his successes, began to exaggerate his role in achieving it (Gordon, Trainor 2013: 253). In his interview with the New York Times, he stated the following: "By God, if we had good weapons, good vehicles, and reliable support, I could drive Al Qaeda back to Afghanistan." New York Times reporter Edward Wong writes that Abu Risha allegedly said the same thing to President Bush during a meeting with him during the latter's visit to Baghdad in 2007²³.

However, according to the Chief of Police of Anbar Tareq Youssef, Abu Risha was killed in Ramadi a few days after meeting with the President after the bomb planted by ISI fighters exploded near his home. His two bodyguards also died during the attack²⁴. After Sattar ar-Rishawi was assassinated, his brother Akhmed Abu Risha succeeded him²⁵.

The increased efficiency of *Sahwa*'s activities has caused many foreign ISI fighters to leave Iraq, and the intensity of interfaith conflict in the country has decreased significantly.²⁶ In general terms, 34 out of 42 top-ranking ISI leaders have been murdered or captured, owing to the joint efforts of *Sahwa*, Iraq security forces, and US forces. The commander of the US military contingent in Iraq, General R. Odierno, said at the beginning of June 2010 that the ISI had been completely beheaded, 80% of the or-

²² Shapland G. 2018. Elite Bargains and Political Deals Project: Iraq's Sunni Insurgency (2003-2013) Case Study. *Stabilisation Unit*. UK (February). p.11, p. 15. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/766033/Iraq_case_study.pdf (accessed 21.02.2023).

²³ Wong E. 2007. An Iraqi Tribal Chief Opposes the Jihadists and Prays. *New York Times*. March 3. URL: <https://www.nytimes.com/2007/03/03/world/middleeast/03sheik.html> (accessed 21.02.2023).

²⁴ Roggio B. 2007. Sheikh Sattar, leader of the Anbar Awakening, was killed in a bombing. *The Long War Journal*. September 13. URL: https://www.longwarjournal.org/archives/2007/09/sheikh_sattar_leader.php (accessed 21.02.2023).

²⁵ Abbas M. 2013. Iraq to Reinstate Sahwa Forces. *Al-Monitor*. August 27. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/08/iraq-revive-Sahwa-qaeda-sunni-protesters.html> (accessed 21.02.2023).

²⁶ Kahl C. 2010. Breaking Dawn: Building a Long-term Strategic Partnership with Iraq. *Foreign Policy*. August 31. URL: <https://foreignpolicy.com/2010/09/01/breaking-dawn-building-a-long-term-strategic-partnership-with-iraq/> (accessed 21.02.2023).

ganization's combat strength had been eliminated, and all funding channels and connections to Al Qaeda's central leadership in Afghanistan and Pakistan had been lost²⁷. The threat of ISI diminished to a smaller degree and, consequently, the US decided to decrease the rewards for any information that would have led to the death or capture of Hamza al-Muhadjir, known as Abu Ayub al-Masri. In 2007 the amount to be paid for this information changed from 5 mln. US dollars to 1 mln. US dollars and, later, in 2008, decreased again to 100,000 US dollars²⁸.

The disintegration of the *Sahwa* movement

In 2009 the US transferred control over *Sahwa* to the Iraqi government (Benraad 2011: 123). To maintain security in the Sunni provinces, the latter agreed to employ at least 20% of the *Sahwa* fighters in the police and government offices, providing them with salaries. In the first half of 2010, the Iraqi government claimed that it was paying a salary to 650,000 police and military, including 20,000 of the *Sahwa* fighters involved in the country's security forces²⁹.

We should note that the political result of *Sahwa*'s efforts was expected to include the representatives of Sunni tribes in the central government and participate in the activities of government agencies. This policy was pursued in the country, but it lasted only until the withdrawal of American troops from Iraq, and after a while, the picture changed dramatically.

After the Americans officially transferred control over the *Sahwa* movement to the Iraqi government, relations between Sunni tribes and official Baghdad continued deteriorating. The Nuri al-Maliki government's reluctance to integrate the movement into state institutions resulted. Instead, Baghdad pursued a systematic policy of marginalization and liquidation of *Sahwa*. The fact that the *Sahwa* movement leaders, in turn, criticized Nuri al-Maliki for failing to restore security and implement a national consensus policy aggravated the situation.

Nuri al-Maliki's government created parallel tribal structures and attracted *Sahwa* leaders³⁰. In 2008, the Tribal Support Council split the local movement and transferred it under Baghdad's patronage. Grassroots leaders and *Sahwa* fighters joined this Council (Benraad 2011: 125).

²⁷ Shanker T. 2010. Qaeda Leaders in Iraq Neutralized, US Says. *The New York Times*. June 4. URL: <https://www.nytimes.com/2010/06/05/world/middleeast/05military.html> (accessed 21.02.2023);

Lister C. 2014. *Profiling the Islamic State*. Brookings Doha Center Analysis Paper. Number 13, November. P.10. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2014/12/en_web_listier.pdf (accessed 21.02.2023);

²⁸ Mount M. 2008. Reward for Wanted Terrorist Drops. *CNN*. May 13. URL: <http://edition.cnn.com/2008/WORLD/meast/05/13/pentagon.masri.value/> (accessed 21.02.2023).

²⁹ Hendawi H. 2010. Al-Qaida in Iraq Offers Cash to Lure Former Allies. *Associated Press Writer*. August 6. URL: http://archive.boston.com/news/world/middleeast/articles/2010/08/06/al_qaida_in_iraq_offers_cash_to_lure_former_allies/ (accessed 21.02.2023).

³⁰ Rubin A. J. 2008. Clash over Tribal Councils Intensifies in Iraq. *The New York Times*. November 4. URL: <https://www.nytimes.com/2008/12/04/world/africa/04iht-baghdad.1.18394779.html> (accessed 21.02.2023).

According to some experts (see: Benraad 2011), to weaken the *Sahwa* movement, the government attempted to deprive it of material and financial resources. For example, some soldiers have been provided with permanent and long-term work in government institutions; generally, the salaries promised to *Sahwa* fighters were low and irregular. Moreover, the government decided to impose restrictions on the carrying and possessing of weapons in the provinces where the *Sahwa* movement fought. In particular, to disarm and finally abolish the movement in the province of Diyala, where the confrontation with the ISI was more violent, thousands of permits for carrying and storing weapons have been suspended (Benraad 2011). By mid-2010, the ISI leadership eagerly recruited *Sahwa* militiamen and offered them more wages than the Iraqi government³¹.

The government generally sought to suppress the *Sahwa* movement and disband tribal councils. Since 2008, there has been a real hunt for the *Sahwa* fighters in the province of Diyala; they were accused of terrorism and illegal possession of weapons and were arrested³². Government reprisals provoked fury and a feeling of deep humiliation among the movement leaders, who repeatedly threatened to stop cooperating with the government. However, Nuri al-Maliki justified these repressions by citing the infiltration of ISI militants and Baathists into the ranks of *Sahwa*. This argument in al-Maliki's rhetoric became a tool for discrediting *Sahwa* in the eyes of the public.

The growing political and economic claims of the *Sahwa* movement illustrate the reason for the disappointment of Sunni tribes' fighters and the diminishing government assistance. It is explained by the fact that the tribal movement initially emerged in 2005, not because of patriotism but as a profoundly self-serving phenomenon due to the loss of control over the critical resources of the Al-Anbar tribes, including income derived from smuggling, robbery, and oil sales³³. In search of quick and effective ways to expel the ISI from their territories and regain control over their traditional illegal business and income, these tribes viewed US troops as a source of strength and alternative funding. However, the economic motives for the emergence of *Sahwa* suggested that when the alliance with the American administration ceased to bring sufficient dividends, this movement would collapse, and the tribes would return to their previous activities, including promoting violence.

Another critical factor in the recession of *Sahwa* was the Iraqi government's hostile attitude to the movement. Baghdad, from the very beginning, opposed the *Sahwa* movement. Nuri al-Maliki's government reacted with suspicion and indignation to

³¹ Williams T., Adnan D. 2010. Sunnis in Iraq Allied with US Rejoin Rebels. *The New York Times*. October 16. URL: https://www.nytimes.com/2010/10/17/world/middleeast/17awakening.html?pagewanted=all&_r=0 (accessed 21.02.2023).

³² Ali A., Jamail D. 2008. Tensions Rise Between 'Awakening' and Iraqi Govt Forces. *Inter Press Service*. February 29. URL: <https://www.enedsp.com/latest-news/tensions-rise-between-Sahwa-and-govt-forces/#.X1AQu8gzblU> (accessed 21.02.2023).

³³ Rubin A. J., Cave D. 2007. In a Force for Iraqi Calm, Seeds of Conflict. *The New York Times*. December 23. <https://www.nytimes.com/2007/12/23/world/middleeast/23awakening.html> (accessed 21.02.2023).

the US administration's alliance with *Sahwa* and feared that the success of this local movement could turn into real legitimate political power. Shiites and Kurdish political forces were also concerned about the *Sahwa* movement (Benraad 2011).

On the other hand, on August 31, 2010, the US administration officially announced the end of the combat mission in Iraq. It began to withdraw the American army's main contingent from the country. About 50,000 American soldiers, who were supposed to prepare the Iraqi army and security forces, protect American facilities, etc., remained in Iraq. The official termination of US military operations in Iraq occurred during severe political and institutional uncertainty in the country, which arose after the parliamentary elections on March 7, 2010 (Sevdimaliyev 2011: 294-296).

Before the parliamentary elections, al-Maliki opponents formed the nationalist, non-religious coalition *al-Iraqiyya*, a secular Sunni-Shiite alliance. The moderate Iraqi Shiite Ayad Allawi led the *al-Iraqiyya* coalition. Many leaders of the Sunni tribes, who in 2005 boycotted the election, also declared their support for him (Sky 2015: 313).

The inclusion of Sunnis in the election process in 2010, which was tumbled down by the country's key political event, was crucial to ensure the government's legitimacy and prevent further sectarian conflicts. Sunni turnout in the March elections was more substantial than expected. The media noted that Sunni Muslims, a minority that succeeded under Saddam Hussein, "aggressively pursued a get-out-the-vote campaign in hopes of gaining a larger voice in the government led by the Shiite majority"³⁴.

Maliki's State of Law coalition was defeated in the election. The *al-Iraqiyya* coalition won and got a slight majority of seats in parliament. The victory of *al-Iraqiyya* enabled the coalition to replace Maliki since, per the Constitution of Iraq, the bloc with the most significant number of seats in parliament received the right to form a government and appoint a prime minister. However, Maliki used a series of politically dubious maneuvers designed to delay, undermine, and challenge the election results. He accused opponents of rigging the elections, demanded a recount under the guise of de-Ba'athification, and sought to remove opponents from the *al-Iraqiyya* coalition. Ultimately, Maliki received the right to form a government because of these and other maneuvers³⁵.

Despite legally and politically questionable methods of contesting the election results, the Obama administration supported Maliki. This decision by the US administration undermined the democratic process in Iraq. The vast majority of Iraqis were opposed to Maliki forming a government and becoming the prime minister again. They believed that according to the election results, *al-Iraqiyya* should have this right and that the leader of the *al-Iraqiyya* coalition, Allawi, should become the prime min-

³⁴ UPI World News. 2010. Iraqi election turnout was 62 percent. March 9. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2010/03/09/Iraqi-election-turnout-62-percent/98731268143318/ (accessed 21.02.2023).

³⁵ Mannina R. N. 2018. How the 2011 US Troop Withdrawal from Iraq Led to the Rise of ISIS. *Small Wars Journal*. December 23. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/how-2011-us-troop-withdrawal-iraq-led-rise-isis> (accessed 21.02.2023).

ister. However, the Obama administration, fixated on the US withdrawal from Iraq as soon as possible, supported Maliki and pressured Allawi to refuse to form a government and accept Maliki as the prime minister (Sky 2015: 334, 336).

The Obama administration needed an active Iraqi government to facilitate the withdrawal of the US troops from Iraq in 2011. In the interests of political expediency, President Obama's administration persuaded Iraq to accept an agreement on the division of power, which did not reflect the Iraqi electorate's will. Thus, despite the Maliki bloc losing the election, it became more powerful than ever, thanks to the United States tacit support. US support for Nouri al-Maliki has stripped the Sunni minority of Iraq of civil rights and, ultimately, forced them to resume cooperation with the Islamic State of Iraq (ISI).

After the withdrawal of American troops from Iraq, agreements on the involvement of members of the Sunni tribes to rule the country have been violated. Sunni leaders blamed the country's pro-Shiite leadership for this. The *Sahwa* militia became increasingly disillusioned with the pro-Shiite central government of Nuri al-Maliki because of his lack of support and non-payment of wages.

The withdrawal of the 45,000 remaining US troops from Iraq by the end of 2011 led to a deterioration in the security situation in Iraq, as the Iraqi military forces were not ready to take responsibility for the country's safety. It has led to a security vacuum in parts of the country (Gordon, Trainor 2013: 670). Moreover, the withdrawal of US troops from Iraq almost coincided with the outbreak of civil war in Syria. The remnants of ISI, under the new brand of Islamic State of Iraq and the Levant (ISIS), used the conflict in Syria to renew their jihad and restore their former military power.

After the withdrawal of American troops from Iraq, Maliki rigidly consolidated power and oppressed the Sunni tribes. A week after the last American troops withdrew from Iraq, he forced his Sunni deputy into exile. Then he was accused of absentia and convicted of supporting terrorism. Under the pretext of combating terrorism and de-Ba'athification, the Maliki government arrested the Sunni elite, many of whom were subsequently tortured and killed. In December 2012, Iraqi security forces raided the Iraqi Finance Minister's home, a popular Sunni politician and member of the al-Iraqiyya coalition. Sunni protests broke out in Fallujah and spread throughout the country, lasting more than a year. In response to protests in *Hawija*, Iraqi security forces killed 23 to 44 civilians, some of whom were shot execution-style with their hands behind their backs. The systematic persecution of the Sunnis by the Maliki government after the US withdrawal caused a wave of indignation and discontent, which was characteristic of the Sunni riots in 2005–2006³⁶.

³⁶ Mannina R. N. 2018. How the 2011 US Troop Withdrawal from Iraq Led to the Rise of ISIS. *Small Wars Journal*. December 23. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/how-2011-us-troop-withdrawal-iraq-led-rise-isis> (accessed 21.02.2023).

Ultimately, Nuri al-Maliki's government dissolved the *Sahwa* movement. One hundred thousand Iraqi men who fought against the ISI were disarmed and left without a salary. Many of them were killed, others imprisoned, and a significant number managed to escape (Kino 2014). The resulting conflict led to the fact that in 2012, numerous supporters of the *Sahwa* movement took part in anti-government demonstrations in the province of Anbar. According to some data, thousands of *Sahwa* fighters faced threats of jihadists joining the ISI³⁷.

The alliance between the Sunnis and ISIS began in Ramadi in December 2013. Maliki sent Iraqi security forces to Ramadi to disperse the demonstrations, resulting in violent protest clashes. The clashes spilled into neighboring Fallujah. A few days later, ISIS fighters entered Fallujah and teamed up with Sunni tribal leaders and former Baathists. Iraqi security forces and government agencies were forced to leave the city. ISIS leaders used the Iraqi interfaith conflict to gain a foothold in Anbar. In turn, the leaders of the tribes saw ISIS as an ally in their tribal revolution. An influential Sunni sheikh called ISIS leader Abu Bakr al-Baghdadi the defender of 15 million Iraqi Sunnis (Warrick 2015: 299). Thus, due to popular Sunni support, ISIS captured Fallujah, parts of Ramadi, and Mosul by June 2014. It became clear that the Iraqi Sunnis joining the jihadists played an essential role in the rapid territorial conquests of ISIS and became one of the critical factors in its successes.

One of the *Sahwa* leaders, who moved to Europe a couple of days after ISIL fighters captured Mosul, in an interview with AINA – Assyrian International News Agency – stated:

It is as if we never existed. But the truth is that, in Mosul, *Sahwa* members who had been set free from prison by ISIS have joined ISIS. We hated extremism and fundamentalism, but now we see ISIS, an evolution of our enemy, Al-Qaeda, as the only possibility to stop the oppression and persecution of the Sunnis in Iraq. The enemy of my enemy has become my friend³⁸.

In general, the US presidential administration's two strategic decisions completely changed Iraq's progress, forcing Iraq to return to the path of interfaith violence. First, although the secular Sunni-Shiite political coalition won by a slight margin in the 2010 parliamentary elections in Iraq, the Obama administration decided to support Nouri al-Maliki after his defeat and effectively reinstated him as prime minister. It under-

³⁷ Hendawi H. 2010. Al-Qaida in Iraq Offers Cash to Lure Former Allies. *Associated Press Writer*. August 6. URL: http://archive.boston.com/news/world/middleeast/articles/2010/08/06/al_qaida_in_iraq_offers_cash_to_lure_former_allies/ (accessed 21.02.2023).

³⁸ Kino N. 2014. Former Iraq Awakening Members Joining ISIS. *Assyrian International News Agency*. June 15. URL: <http://aina.org/news/20140615144922.htm> (accessed 21.02.2023).

mined the fragile foundation of Iraqi democracy and deprived the civilian rights of the Sunni minority, whose cooperation during the Sunni Awakening was crucial for ending the violence in Iraq. Second, the time to withdraw US troops from Iraq was chosen poorly. By the end of 2011, the Iraqi security forces were still unprepared to ensure the state's security, and the Sunnis were vulnerable. Almost simultaneously, a civil war broke out in Syria, and the leaders of the radical groups used the conflict in Syria to resume jihad. Iraq's Sunni minority – alienated and abandoned – began fighting back against the Maliki government's oppression. The leaders of the Sunni tribes in this struggle saw ISIS as an ally and, by 2014, helped them capture almost a third of the territory of Iraq, creating a physical "caliphate."

Understanding grievances and motivation of the movement

When we analyze the history of the *Sahwa* movement, it is crucial to understand the perceptions of people who have laid its foundation and the people who joined the ranks of the movement.

From a theoretical perspective, it may seem that the intra-group religious ideology was the element that brought people under the umbrella of various groups operating in the country. Indeed, the members of Sunni groups had one feature in common – following Sunni Islam. However, it is impossible to identify religious belonging as a causal mechanism and attribute the start of the resistance movement to it. The trigger mechanism for the *Sahwa* movement's start was the volume and severity of atrocities committed by AQI and degenerating living standards due to AQI's presence. As the AQI gained momentum in Iraq, their actions provoked grievances among the Sunni population. Based on the analysis, we can argue that relative deprivation, both on an individual and group level, played a big part in forming grievances. Relative deprivation is when an individual compares their current situation to accepted norms and standards, such as equity, justice, or past experiences (Folger 1986). According to several authors (van Zomeren, Postmes, Spears 2008; Klandermans, van Stekelenburg 2013), the affective component of relative deprivation (feelings of dissatisfaction and discontent about outcomes) have a more significant effect on participation compared to the cognitive component (an observation that an individual or a group receives less than a promised standard). In this case, the less-than-favorable outcome for Sunni tribes meant they were better at staging an armed resistance than freeriding. Should they have chosen to comply with AQI's restrictions, the survival and long-term stability of Sunni tribes would have been threatened. Also, freeriding could have been a costly approach to the AQI threats because the tribes would have relinquished their interests and lost their identity.

In a way, it is possible to argue that the choices made by Sunni tribal leaders were rational and were made to maximize their chances for survival and economic prosperity. Success in fighting against the AQI meant that the movement could achieve its initial goal. This enabled the movement to look for other targets to accomplish. The

American troops' presence and their support made the tribes led by Sunni sheikhs reconsider their long-term future. The perceived belief in the benefits of aligning with American forces in Iraq made Sunni tribe leaders realize that they could claim a stake in the country's future governance.

For the Sunni tribes, the restrictions imposed by the US were tolerable because these restrictions only limited their level of control over the financial instruments of those tribes. On the other hand, AQI's restrictions radically transformed their lifestyle and left Sunnis without traditional income sources. The sudden radical transformation of established habits amplified the matter and added an extra layer of dissatisfaction for the local population.

Another element that must be considered when analyzing the issue is the Sunnis' lack of political trust in the Iraqi government. Because local Sunnis had little trust in the central authority and held their respective tribal leaders in higher esteem, the call to arms issued by the leaders became a sufficient factor for Sunnis to initiate the fighting against AQI. For many years Iraq faced significant problems regarding the rule of law and equality of all groups living in the country. Saddam Hussein's rule serves as an excellent example of this. During a specific period, the opportunities presented to Sunnis were more generous than to Shiites. After the fall of Hussein's regime and the events discussed in this work, it became evident that the power dynamic in the country was shifting. Bearing this in mind, the blow dealt to the Sunni tribes of Iraq by AQI and the presence of American forces in Iraq gave a higher degree of perceived authority to tribal leaders from their followers' perspective. The Sunni population believed that only the tribal leaders had the interests of their communities at heart.

According to Klandermans and van Stekelenburg (Klandermans, van Stekelenburg 2013), the above elements powerfully motivate grievances that affect group mobilization. When Sunni tribes of Iraq were restricted from obtaining income, it led to anger, an antecedent and a motivator of protest participation (van Zomeren, et. al., 2004). As we have seen from the analysis, restricting the availability of income was the primary trigger mechanism for the emotional response, which led to violent resistance.

The generating of grievances was possible due to the combination of factors: severity of intolerable acts, drastic change in the living standard, lack of trust in the political establishment, the growing influence of tribal leaders, and the amplifying feeling of anger. This combination made the mobilization of Sunni fighters possible, thus paving the way for the creation of *Sahwa*.

The response of the Iraqi government: an approach based on fear or rationalistic view?

The reasons for the disbandment of *Sahwa* are political and should be sought within Iraq's political establishment. From Baghdad's perspective, creating the conditions for the movement's disintegration was the logical step for containing the growing Sunni influence in the country. The Iraqi government's key priority was establishing

firm control over the country by maintaining the monopoly over the control of armed forces. After the US troops' withdrawal, the presence of a Sunni-centric *Sahwa* movement threatened the al-Maliki regime's stability. As the analysis of the events pointed out, Nouri al-Maliki carried out a policy aimed at limiting the power of the Sunni population. One causal mechanism possible to attribute to the intra-state power dynamic shift is fear and perceived threat.

The Iraqi government's goal to dissolve *Sahwa* is understandable in this context. Several factors explain this policy approach. From a theoretical perspective, both sides operated under the conditions of incomplete information. Existing information regarding the objectives of *Sahwa* made the Iraqi political establishment careful and raised a "status dilemma." A status dilemma is when the sides cannot interpret the status claims sent by each party. When the sides do not possess such crucial information, leaders feel the incentive to make the necessary steps to reassert their dominance.

Given that the Nouri al-Maliki cabinet found itself in a politically contentious and challenging situation, it looked at *Sahwa* from the prism of an interfaith threat to the regime's stability and the country. From a theoretical perspective, the steps taken by the government can be explained by the desire to simplify a very complex real-world phenomenon. However, stripping the issue's subtleties and nuance can lead to oversimplified judgments (Stein 2013: 371). The desire to simplify the level of existing threat led to a difficult decision that left one hundred thousand Iraqi fighters who actively resisted the threat of ISIS.

The impact of *Sahwa* on security in Iraq and the Middle East

The Middle East has long been one of the turbulent and explosive regions of the world, bound by armed conflicts, religious extremism, and terrorism. The US-led invasion of Iraq in March 2003 further exacerbated the potential for conflict in the region. One of the tragic consequences of the invasion of the coalition forces in Iraq was the rapid growth in the activity and influence of radical groups under the guise of global jihadism. Among these, AQI posed the most significant threat to international security. Another challenge in front of Iraq was the further aggravation of the religious and political confrontation between Sunnis and Shiites. In this context, the rise of the Sunni *Sahwa* movement has paved the way for some transformation in regional security in the Middle East and reducing the threat posed by AQI to international security. First, the increased role of the *Sahwa* movement in the fight against AQI and ensuring security in the country could improve mutual understanding between Sunnis and Shiites. Second, the movement's emergence introduced an additional variable into the equation, as the AQI faced a new threat. From the perspective of Al-Qaeda in Iraq, the *Sahwa* movement posed a threat to the AQI, which increased its dominance over time. With the *Sahwa* movement's rise to prominence, the position of AQI in the Sunni populated areas started to become more precarious because the movement was able to garner significant support against Al-Qaeda in Iraq. The radical group

relied on the strategy of terror, which led to resentment exhibited by the local population. As parts of the Sunni population started to lose their preferential positions in the military and law enforcement agencies, there was no shortage of skillful and trained military personnel. These people could have been mobilized quickly if their interests were guaranteed.

The USA utilized the Sunnis' grievances against the local branch of Al-Qaeda, and consequently, the American government used its resources to challenge the AQI without compromising its personnel. From the perspective of the United States, this was a low-risk, high-reward approach. In many ways, initiating regular combat against a decentralized group such as AQI is akin to asymmetric warfare. Mounting combat losses of American military personnel may have led to an increasing number of protests operations in the Middle East, which means that the decision-makers in the government would have had a difficult decision to make. The presence of Sunni tribes and their willingness to fight to improve their damaged social and economic position allowed the United States to achieve two key objectives: a) use proxy groups to extend their influence in the region; b) diminish the power of Al-Qaeda in Iraq.

The paradox is that this was a very positive approach from the perspective of peacebuilding in Iraq. The dawn and the subsequent rise of the *Sahwa* movement became the force that paved the way to establish a significant level of resistance to the terrorist groups operating under the guise of Islam. Consequently, this element enabled Iraq to create some resemblance of security and hold elections. Therefore, *Sahwa* became an essential element in the strategy of security building in Iraq, although this was not the movement's primary objective.

The movement's disintegration came down to two factors: the return of the American military home and the political approach of Nuri al-Maliki. Both from a theoretical and practical perspective, it was a matter of time before the population of the United States would start actively objecting to the presence of American forces in Iraq because, from the perspective of US citizens, the losses incurred by following this policy outweigh its potential benefits. From the perspective of American policymakers, it was a logical step to foster the conditions necessary for the local government to operate. It was the only safe way for Americans to leave the country; otherwise, the power vacuum would have harmed its security. Consequently, the elections took place in 2006 and 2010. Both times Nouri al-Maliki emerged as the Prime Minister.

As a result of Nouri al-Maliki's policies, especially after the withdrawal of US troops, Sunni tribes have been placed in a disadvantageous position. Their political prestige has been systematically limited, including banning 499 Sunni politicians from exercising their right to be elected in the 2010 elections due to their alleged ties to the Baath party³⁹. The Head of the Government of Iraq systematically utilized every tool

³⁹ Chulov M. 2010. Sunni candidates ban threatens Iraq election. *Guardian*. January 15. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/jan/15/sunni-candidate-ban-iraq-election> (accessed 21.02.2023).

to clear potential rivals' political landscape. The persecution and repression against members of the *Sahwa* movement organized by the Baghdad government have led many Sunni tribes to support ISIS. Despite this, the Sunni tribes, in general, were not imbued with radical Islamist ideology, and their alliance with ISIS was situational.

The political crisis that arose in 2014 due to the lightning-fast spread of ISIS led to the resignation of Nuri al-Maliki. Consequently, Haidar al-Abadi, the most compromising candidate not perceived negatively by a significant part of the Sunni tribes, became the new prime minister. However, the Sunni tribes, despite the improvement in the religious and political situation in the country, were not fully involved in the political process and today do not have a common leader or political party that enjoys the support of the majority of the Sunnis, as they continue to be divided. In this case, the split often takes place within the same tribe. Consequently, today the Sunni tribes do not operate as a single entity and do not have common political or economic interests.

Conclusion

The emergence of the Sunni *Sahwa* movement was initially not due to patriotism but because of the "self-serving" phenomenon, which stemmed from the loss of control over the critical resources of the Al-Anbar tribes, including income derived from smuggling, robberies, and oil sales. In this context, Sunni tribes viewed the US troops as a source of strength and alternative funding to expel the ISI from their territories and regain control over their traditional illegal business and revenues.

On the other hand, using Sunni tribes in the fight against terrorist groups was one of the main elements of the American administration strategy. The coalition forces commander provided technical and financial assistance to the *Sahwa* fighters to oppose the ISI. According to the American administration's promises, the political outcome of the efforts of *Sahwa* was to include representatives of the Sunni tribes in the central government of Iraq and their participation in the activities of the country's governmental bodies.

However, after the transfer of control of the *Sahwa* movement to the Iraqi government by the US administration in 2009, relations between Sunni tribes and Baghdad continued to deteriorate, as the government of Nuri al-Maliki opposed the *Sahwa* from the very beginning.

After the withdrawal of American troops from Iraq, agreements on the involvement of members of the Sunni tribes to rule the country were broken, and the *Sahwa* movement was disbanded. Consequently, the movement was disarmed, and many soldiers were imprisoned.

In response to the Al-Maliki government's actions, numerous *Sahwa* movement supporters took part in anti-government revolts in Anbar province, and thousands of *Sahwa* fighters joined the ISI.

Notes

* – The group, first created as the "Organization for Monotheism and Jihad" (*Jama'at al-Tawhid wa al-Jihad — JTWJ*), changed its name several times as its ambitions grew. In 2004 it was renamed "Al-Qaeda of Mesopotamia". It became known as "Al-Qaeda of Iraq" (*AQI*), which in early 2006, in alliance with other terrorist groups, created the Mujahideen Shura Council (*MSM*). The MSM, in turn, in alliance with several other groups and leaders of Sunni tribes in October 2006, announced the establishment of the so-called "Islamic State of Iraq" (*ISI*) in eight Sunni provinces. *ISI*, as it expanded to Syria in 2013, added the concept of "and the Sham" or "and the Levant" to its name and began to be called the "Islamic State of Iraq and Sham" (*ISIS*) or "Islamic State of Iraq and the Levant" (*ISIL*). In 2014, the so-called "Islamic State" was announced.

** – Zaraqawi set up a training camp in 1999 near Herat in western Afghanistan, away from the al-Qaeda base. He used the camp to train fighters for the "Levant Army" (*Jund al-Sham*), the jihadist group he created. Within a month, the group has renamed the "Organization for Monotheism and Jihad" (*Jama'at al-Tawhid wa al-Jihad*).

About the author:

Ramiz M. Sevdimaliyev – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of International Relations, Baku State University, Azerbaijan, AZ1148, Baku, Acad. Zahid Khalilov str., 23.
E-mail: sevdimaliyev@yahoo.com

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

УДК: 327.7
Поступила в редакцию: 18.08.2022
Принята к публикации: 12.02.2023

Анализ взлета и падения движения иракских суннитов «Пробуждение»

Рамиз Мамедали оглу Севдималиев
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-177-200](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-177-200)

Бакинский государственный университет (Азербайджан)

В статье изучается становление суннитского движения "Пробуждение" (или "Сахва") в качестве примера того, как различные группы могут мобилизоваться для коллективных действий и распасться под воздействием внутренних и внешних факторов. Также

изучаются мотивы вождей суннитских племён выступить против «Аль-Каиды» в Ираке (АКИ) и факторы, оказавшие решающее влияние на распад движения «Пробуждение». Пример «Сахва» также позволяет лучше понять, что побудило вождей суннитских племён сначала провинции аль-Анбар, а затем других провинций Ирака выступить против АКИ. Утверждается, что возникновение иракского суннитского «Пробуждения» было связано не столько с чувством идеологического, патриотического или религиозного долга, сколько с потерей экономической власти вождей племён, которые решили мобилизоваться против АКИ. После 2006 г. суннитское движение «Сахва» являлось ключевым компонентом стратегии США в борьбе с джихадистскими группами. Рост деятельности «Сахва» привёл к тому, что многие иностранные боевики Исламского государства Ирак (ИГИ) покинули Ирак, и накал межконфессионального конфликта в стране существенно снизился. После официальной передачи контроля над «Сахва» иракскому правительству отношение суннитских племён с официальным Багдадом ухудшалось, так как премьер-министр Аль-Малики проводил систематическую политику маргинализации и ликвидации «Сахва». На распад «Сахва» сильное воздействие оказали два решения США, которые имели стратегическое значение для Ирака: (а) поддержка Нури аль-Малики после его поражения на парламентских выборах 2010 года, на которых победу одержала светская суннитско-шиитская коалиция; (б) неудачный выбор времени вывода американских войск из Ирака, так как к концу 2011 г. иракские силы безопасности все ещё не были готовы обеспечить безопасность страны. В результате в 2012 г. многочисленные сторонники движения «Сахва» принимали участие в антиправительственных выступлениях в провинции Анбар и тысячи бойцов движения присоединились к ИГИЛ.

Ключевые слова: Ирак, Временная коалиционная администрация (ВКА), суннитские племена, «Пробуждение» (Сахва), ИГИЛ.

Об авторе:

Рамиз Мамедали оглу Севдималиев – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, Бакинский государственный университет, Азербайджан, AZ1148, Баку, ул. Акад.Захида Халилова, 23.
E-mail: sevdimaliyev@yahoo.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Arnold M. B. 2008. The US 'Surge' as a Collaborative Corrective for Iraq. *The RUSI Journal*. 153(2). P. 24-29. DOI: 10.1080/03071840802103199.
- Biddle S., Friedman J. A., Shapiro J. N. 2012. Testing the Surge: Why did Violence Decline in Iraq in 2007? *International Security*. 37(1). P. 7-40. DOI: 10.1162/ISEC_a_00087
- Benraad M. 2011. Iraq's Tribal 'Sahwa': Its Rise and Fall. *Middle East Policy*. 18(1). P. 121-131. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2011.00477.x
- Bremer L.P., McConnell M. 2007. *My Year in Iraq: The Struggle to Build a Future of Hope*. New York: Simon and Schuster.
- Folger R. 1986. Rethinking equity theory: A referent cognition model. H.W. Bierhoff, R.L. Cohen, & J. Greenberg (Eds.). *Justice in social relations*. P. 145-162. New York: Plenum.
- Gordon M.R., Trainor B.E. 2013. *The Endgame: The Inside Story of the Struggle for Iraq, From George W. Bush to Barack Obama*. New York: Vintage Books. A Division of Random House Inc.

Hamourtziadou L. 2020. *Body Count. The War on Terror and Civilian Deaths in Iraq*. Bristol University Press. 216 p.

Kilcullen David. 2016. *Blood Year: The Unraveling of Western Counterterrorism*. New York: Oxford University Press.

Klandermans B., van Stekelenburg J. 2013. Social Movements and the Dynamic of the Collective Action. In: L. Huddy, D.O. Sears, & J.S. Levy (Eds.). *The Oxford handbook of political psychology* (2nd ed.). New York: Oxford University Press. P. 774-811.

Maye D. L. 2016. Understanding the Sunni Realignment in Iraq with Complexity Theory. *Digest of Middle East Studies*. 25(1). P. 132-154. DOI: 10.1111/dome.12077.

Michael G. 2007. The Legend and Legacy of Abu Musab al-Zarqawi. *Defence Studies*. 7(3). P. 338-357. DOI: 10.1080/14702430701559248.

Napoleoni L. 2005. *Insurgent Iraq: Al-Zarqawi and the New Generation*. New York: Seven Stories Press.

Pfiffner J. P. 2010. US Blunders in Iraq: De-Baathification and Disbanding the Army. *Intelligence and National Security*. 25(1). P. 76-85. DOI: 10.1080/02684521003588120.

Phillips A. 2009. The Anbar Awakening: Can It Be Exported to Afghanistan? *Security Challenges*. 5(3). P. 27-46.

Ricks T. 2006. *Fiasco: The American Military Adventure in Iraq, 2003 to 2005*. New York: Penguin Press.

Sanchez R.S., Phillips D.T. 2008. *Wiser in Battle: A Soldier's Story*. New York: Harper.

Schanzer J. 2005. *Al-Qaeda's Armies. Middle East Affiliate Groups & the Next Generation of Terror*. Washington DC: The Washington Institute for Near East Policy.

Sevdimaliyev R. 2011. *International Terrorism and Political-Legal Problems of Combating It*. Baku: İNDİGO. (In Russian).

Sky E. 2015. *The Unraveling: High Hopes and Missed Opportunities in Iraq*. New York: Public Affairs.

Stein J. 2013. Threat Perception in international relations. L. Huddy, D.O. Sears, & J.S. Levy (Eds.). *The Oxford handbook of political psychology* (2nd ed.). New York: Oxford University Press. P. 364-394.

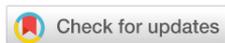
Tenet G., Harlow B. 2007. *At the Center of the Storm: My Years at the CIA*. New York: HarperCollins.

Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. 2008. Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives. *Psychological Bulletin*. 134(4). P. 504-535. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504

Van Zomeren M., Spears R., Fischer A. H., Leach C.W. 2004. Put Your Money Where Your Mouth is! Explaining collective action tendencies through group-based anger and group efficacy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 87(5). P. 649-664. DOI: 10.1037/0022-3514.87.5.649.

Warrick J. 2015. *Black Flags: The Rise of ISIS*. New York: Doubleday.

Weiss M., Hassan H. 2015. *ISIS: Inside the Army of Terror*. New York: Regan Arts.

President Erdogan's Discourse on the Kurdish Issue

Ayşe İrem Aycan Özer

Bogazici University
Marmara University

Abstract: The article analyzes Turkey's changing regime of ethnicity between 2004 and 2019. Turkey is a multiethnic republic that used assimilation as the key policy in its early days to create the nation-state. The Kurds, as the most populous ethnic minority, had suffered the most. The ethnic anti-minority regime was reflected in the discourse of state officials. The ethnicity regime changed only after the Justice and Development Party came to power. The state authorities acknowledged Kurds as a distinct ethnic minority, admitted the previous human rights violations, and tried to make up for past mistakes. The article reviews the evolution of the ethnicity regime through analysis of its official discourse from initially being anti-minority and through tumultuous changes to the current inclusive one. It focuses on analyzing President Erdogan's public speeches in Diyarbakir. The main finding of the article is that when the state moved away from anti-minority policies towards the Kurds, President's discourse became more inclusive. Previous studies acknowledged the agency of the state as the determining power behind changing the regime of ethnicity. The second significant contribution of this study is that organized minority groups have an independent agency; their actions significantly contributed to changing the regime of ethnicity.

Keywords: nation-state, state-building, ethnic minorities, regimes of ethnicity, human rights, discourse analysis, anti-ethnic regimes, multiethnic regimes, regime change

In Turkey, since the Republican period, assimilation has been the fundamental policy towards ethnic minorities. Only with the Justice and Development Party (AKP) in government do we see a change in the state discourse, which started to acknowledge Kurds as a distinct ethnic minority from the Turks, admitted the human rights violations committed by the state, and tried to make up for past mistakes. The 'Kurdish Opening' and 'Peace Process' initiatives began in 2009. They were the cornerstones of changing policies toward Kurds in Turkey. The positive change has become

UDC: 323.2, 327

Received: November 12, 2022

Accepted: January 27, 2023

evident after 2015. How did the government's reconciliatory approach to the Kurdish issue change? What are its implications in the state discourse that can be observed in the rhetoric of the President? These questions are essential because they are politically relevant, and there is only sporadic coverage of the topic in scholarly publications. The discourse analysis of the President's speeches provides an essential insight, directly reflecting the state policies.

The article covers the period from 2004 to 2019. Following the literature review, it traces the state policies toward the Kurds since the Republic's early days. The following section explains the new ethnicity policies after AKP came to power and how changes in official discourse accompanied it. The discourse analysis focuses on the rhetoric of President Erdogan, specifically on his speeches at public meetings in Diyarbakır since 2004. As there have been no recent public meetings due to the pandemic, the article takes the 2019 meeting as the latest one.

Literature Review

State-building and nation-building processes followed a similar trend in many multicultural societies after the end of the First World War when empires were dissolved and replaced by nation-states. Integrating different ethnic groups became a central problem for the new political elite. Historically states exercised many ways to form a nation-state, from genocide, forced population exchanges, partition, and secession to integration or assimilation (O'Leary, McGarry 1993: 4). The Nazis used the genocide of Jews and population transfers, while the USA practiced the genocide of Native Americans and the integration of Europeans. The state policies revoked the ethnic consciousness of minorities. The subsequent decades inherited problems emanating from the past. This case was no different for Kurds in the Turkish Republic. Denying their ethnic identity and the assimilation policies created severe human rights violations in Turkey.

Radical social restructuring of the state cannot produce the intended effects when it lacks the administrative capacity to transform minority groups and integrate them into the social and political system. Centralizing and assimilation policies lead to the growing ethnic consciousness since the peripheral communities see state encroachment as hostile. They form their own group identity as they see their inferiority and the disadvantages they have to endure (Brown 1994: 51). Although state policies intend to ensure national unity through homogenization, this culminates in dissensus (Brown 1994: 77). Assimilation policies create severe ethnic problems, such as defensive ethnic solidarity, ethnic separation, or rebellion (Brown 1994: 3).

In her study of Latin American countries, Hooker analyzes how states move from denial of certain groups to acceptance. The spread of rights to different racial groups was adopted in Latin America not to eliminate political threats to national stability but because elites wanted to increase their "national-democratic legitimacy during periods of transition from authoritarianism" (Hooker 2005: 299). It was achieved by making

the constitution more ethnically inclusionary and granting rights to different groups. The aim was to promote the nation's unity through references to democracy and values of participation, inclusion, and tolerance (Van Cott 2000b: 278). The decision to grant rights to different groups was motivated by the fact that such groups could prove their distinct cultural identity, differentiating them from the rest of society. Hence, in Latin America, regimes of ethnicity were shaped by the demands of such groups' cultural differences and identities (Hooker 2005: 300). D.L. Van Cott (Van Cott 2000b: 263) sees this as the states' attempt to correct the past exclusionary practices. Argentina, Brazil, Peru, and Venezuela set examples of the multicultural model by formally recognizing the indigenous people, accepting their customary law as official, giving the local languages an official status, and permitting bilingual education (Van Cott 2000a: 42).

In his study, Ş. Aktürk (Aktürk 2011: 115) investigates “persistence and change in state policies toward ethnicity.” He believes states can have three kinds of ethnicity regimes, which are monoethnic, multiethnic, and anti-ethnic. Monoethnic regimes restrict citizenship to one ethnicity, which can be observed in Germany before 1999 (Aktürk 2011: 118). After 1999, in Germany, *jus soli* was introduced at birth, which relatively liberalized the regime in terms of its citizenship law (Hepburn, Zapata-Barrero 2014: 53). It did not become thoroughly liberal and inclusionary because dual citizenship was not exactly tolerated and the mandatory integration test was seen as unnecessarily complicated, making it challenging for inclusion of people from ethnically diverse backgrounds (Hepburn, Zapata-Barrero 2014: 61). Apart from monoethnic regimes, there are also anti-ethnic regimes. When a state has citizens from ethnically different backgrounds but does not legally recognize their ethnic diversity and even prevents its public expression, it is identified as an anti-ethnic regime, such as Turkey before 2004 and France (Aktürk 2011: 199). When the state is inclusive of all ethnic groups and has no limit on the expression of differences and no policy of assimilation, then the state has a multiethnic regime. The Soviet Union, Canada, India, and many Latin American countries are examples of this. Although positive changes in state policy in recognizing ethnic groups and granting them basic rights are possible, “an entire regime change is scarce in modern history” (Aktürk 2011: 123). The Bolsheviks established a multiethnic regime with affirmative action policies, so the Soviet Union was labeled an affirmative action empire (Terry 2001). Internal passports during Soviet rule included the ethnicity of the individual. Only several years after the collapse of the Soviet Union, passport ethnicity was revoked. Autonomous republics with their flags and official languages also continued to exist in the Russian Federation (Aktürk 2012:11). In the case of Nicaragua, for instance, Gordon claimed that changes in the state policy from denial to acceptance of different ethnic groups were determined by the changes in the national discourse (Gordon 1998: 121). While prior to the change in state attitude, indigenous people were seen as backward, their contribution to the contemporary national identity was later acknowledged (Gordon 1998: 122). Even the terms adopted to describe such groups were changed due to the change in state discourse (Gordon 1998: 122).

H. Alptekin (Alptekin 2017: 2673) divides ethnic incorporation modes into four categories. States can adopt a civic assimilation policy in which individual-level political participation is accepted, similar to Aktürk's anti-ethnic regime. The regime is called consociationalism when there is no barrier to group-level participation. If both individual and group-level political participation is permitted, it constitutes liberal multiculturalism, which in terms of political rights is similar to Aktürk's multiethnic regime type. Lastly, it is called ethnocracy, when neither individual nor group-level political participation is allowed. Ethnocracy prevents the members of the ethnic group from forming their parties and interest groups and hinders any other kind of social participation (Alptekin 2017: 2679).

Changes in regimes of ethnicity are not unknown. In the case of Bulgaria, the Turks experienced three different regimes. Before 1984, the state used civic assimilation to incorporate Turks, but between 1984–1989, the state policy took an ethnocratic turn, aiming to repress the ethnic minority (Alptekin 2017: 2683). From 1990, the state adopted liberal multiculturalism and enabled multiethnic or non-ethnic political participation by opening the way for peaceful mobilization and allowing the group's inclusion in political life (Alptekin 2017: 2683).

S. Brake (Brake 2018: 448) identifies Israel as a state of ethnic stratification since it treats its Arab citizens as second-class citizens, and there is no civic equality. It is also characterized as an ethnonational state which recognizes Israel as the nation-state of the Jewish people. Arab citizens' parliamentary representation and the discrimination they are exposed to in everyday life are limited. Passing discriminatory laws in the Knesset is not an exceptional practice. In the 1950s, the Knesset tried to limit the representation of Arab citizens in parliament. In the 1980s, when Arabs started to found their own parties, it enacted laws to restrict their representation (Brake 2018: 452). Only those who recognize Israel as a democratic and Jewish state could run in the elections. Delegitimization of Arab citizens of Israel and smearing campaigns against their representatives are a common practice that involves an attrition campaign towards the ethnic group (Brake 2018: 457).

The South African apartheid regime is another example of a change in state policies. The existing structure and state policies were so ingrained, and the government policies were so rationalized that it was hard to alter them. P. Christie (Christie 2006) mentions how an educational change occurred but also underlines the policy changes that occurred with the post-apartheid regime. It was incumbent to change the education provision in order to replace the assumption of the apartheid about racial superiority (Christie 2006: 378). F. Clercq (Clercq 1997: 127) analyzes in detail the restructuring policies of the government after 1994. With the new government in 1994, the idea was to dismantle apartheid education with 19 ethnically based departments, and then new national policies were then developed to integrate different groups (Christie 2006: 379). Hence, South Africa tried to radically change the discourse of its citizenry, which primarily involved changing the state regime.

Methodology and Research Design

In explaining the changes in the regimes of ethnicity, the literature focuses on the state's social, cultural, and political initiatives. However, when states must deal with an armed faction of the ethnic group, they must work on the military front. As an armed faction makes up half of the ethnic group's struggle, it has to be dealt with carefully. This is why a change in the regimes of ethnicity must be analyzed on two fronts. One is the sociocultural initiatives taken by the state, both legally and politically, working for formal recognition of the fundamental rights of the ethnic community, their political participation, the right to form their political parties, etc. The other involves seeking a peaceful resolution, which requires the termination of the military struggle with the armed group claiming to secure the rights of the ethnic community. In that regard, the political inclusion of the group is undoubtedly essential, but the armed wing of the ethnic group, if there is one, has to come to terms with the idea of peace. When an armed group is part of the whole process, a state cannot be successful by only working on one front, which is the political wing of the ethnic minority. When Aktürk mentions how changes in regimes of ethnicity can occur, he is looking at one level, the state level. As he made his study before the Resolution Process, the negotiations' role in changing the regime of ethnicity was not part of his analysis. However, after 2013, this became highly relevant to the study of the topic. Therefore, the changes in the regimes of ethnicity require a two-level analysis, which requires including the group level in the equation. Hence, apart from the state, the second set of actors in this paper is the group which consists of the People's Democratic Party (HDP)¹ and PKK. The decisions and actions of the group and state influence each other, and whether or not the parties continue to meet the conditions required for positive change determines the path that the regime of ethnicity will follow: will it become more inclusive or exclusive?

The article starts with a historical analysis and then explains how the regime of ethnicity changed during the AKP governments. Providing a brief overview of state policies toward the Kurdish population shows the change in the regime of ethnicity. Whereas the regimes of ethnicity changed for the better with reforms on political and social fronts, the process halted with the end of the Resolution Process in the summer of 2015. The critical juncture is, therefore, the end of the Resolution Process between the state and the PKK. This sequence of events observed a change in the state discourse. Discourse analysis of President Erdoğan's speeches, who has been the Prime Minister of Turkey during most of the process, shows the change in official rhetoric. The President's speeches in Diyarbakır constitute the bulk of the discourse analysis.

¹ Although other small political parties claim to represent the Kurdish minority, HDP is the most notable one active in Turkish political life under different names.

The research design employed in this article considers the specific historical and political conditions of the Kurdish community and Turkey. Extending this research design beyond this case requires considering whether the ethnic group has a political and military wing. If the ethnic minority lacks channels of violent or peaceful communication, the unit of analysis will exclusively be the state. States may not always be dealing with an armed faction when they attempt to change their regime of ethnicity.

Regimes of Ethnicity toward Kurds in Turkey

The founders of the Turkish Republic intended to create a nation-state with a homogenous society (Yavuz 1997: 64). Many identity groups, left from the multicultural Ottoman Empire, formed a heterogeneous character of Turkish society. The state's secular ideology was expected to eradicate religious elements from the public sphere and replace Islam with humanism (Yavuz 1997: 65). The ethnic and religious minority groups tried to be assimilated. The state faced a formidable challenge in assimilating various groups and establishing its ideology as the hegemonic one to be internalized by every single group. This state agenda, however, faced the most significant challenge from the most populous minority group, the Kurds. The Kurds constitute a large population that is concentrated in Eastern Turkey. However, their ethnic and linguistic attributes also differed from the Turks (Cagaptay 2006: 19). The state adopted "a repressive policy towards Kurdish identity: the public use of Kurdish and the teaching of Kurdish were prohibited"². Although the state was unsuccessful in its attempt, it became a point of contention for Kurds. The secularizing agenda of the state was also a cause of disappointment for the Kurds (Bozarslan 2008: 334). When Mustafa Kemal, the founder of the Republic, launched his radical secularization program and substituted Turkish nationalism for Islam as the primary source of political legitimacy and collective identity, the order of the day became the assimilation of the Kurds (Cagaptay 2006: 20-24). The denial to grant fundamental human rights to the Kurdish population and the suppression of their political, linguistic, and cultural rights created a severe ethnic problem for decades.

The Republican era adopted an exclusive Turkish nationalism. State exclusion and state interference in the daily lives of the Kurdish population led to its radicalization (Aslan 2014: 114-115). Kurds were considered easily assimilable elements to Turkish identity (Cagaptay 2006: 22). It produced solid Kurdish nationalism, which took the form of several successive armed uprisings in the early Republican period. These were harshly suppressed, the state forcefully evacuated Kurdish villages, and Kurdish people were arbitrarily put in prison, contributing even more to a radicalized Kurdish nationalism (O'Neil 2007: 76). The policies were consistently exclusionary during the one-party regime of the Republican People's Party (RPP); with the multi-party era, the state

² Zürcher E.J. 1994. *Turkey: A Modern History*. London: IB Tauris. P. 170.

was pushed to soften its policies. When the DP came to power, a significant change in state policies followed, and intrusion into the South Eastern territories was reduced:

“This period also brought the integration of the traditional Kurdish power centers into political parties and the parliament. The abandonment of the makeover project and the state's withdrawal from regulating Kurdish daily life led to a period of relative quiet among the Kurdish masses until the military coup of 1980” (Aslan 2014: 114-115).

The state's traditional approach toward the Kurds was resumed after the coup. Ever since the nation-state was established, the government's stance and policies toward the Kurdish community have not radically changed. The denial of the Kurds' existence and intolerance of their demands continued to be the central policy (Yıldız 2012: 152). The brutalities they faced mobilized some Kurds to construct a militant identity that led to the formation of the Kurdistan Workers' Party (PKK) during the peak of repressiveness and authoritarianism in the 1980s. Thus, the state's policies marginalized Kurds and caused “serious human rights abuses, violent conduct and killings, and leading to an ongoing conflict between the state and the PKK” (Yıldız 2012: 152).

It was unthinkable for Kurdish political parties to exist in Turkish politics for a long time. Any party with a Kurdish nationalist constituency was either shut down immediately after they appeared on the Turkish political scene or shortly afterward, with accusations of violating the constitution. Hence, the state left very little room for Kurds to participate in politics, and they were active under the roof of other political parties without challenging the hegemonic ideology of the state. Those who did challenge it, like the Workers' Party of Turkey, were informed that the Kurdish issue was closed because it advocated separatism (O'Neil 2007: 77).

The liberal constitution of 1961 allowed publications in Kurdish; however, such materials were frequently banned, and their writers were also accused of separatism, especially when they touched on the Kurdish issue (O'Neil 2007: 76). Assimilation of Kurdish children was facilitated with a law that was passed in 1961, to establish boarding schools where they were forced to communicate in Turkish (McDowall 2000: 404). Later, in 1967, the cultural rights given in 1961 were taken back with a law prohibiting importing and distributing Kurdish publications (McDowall 2000: 404).

In 1979, the Kurdish politician Şerafettin Elçi said: “Kurds exist in Turkey, and I am a Kurd.” After the coup on September 12, 1980, he was sentenced for this statement to 39 months in prison and banned from politics for ten years. Some authors, regardless of whether they were Kurdish or Turkish, were put in prison for writing books about the Kurds³.

³ See (Straw 2013: 27), where David Straw mentions Ismail Besikci, a Turk of ethnic descent who was imprisoned for writing *International Colony Kurdistan*. P. 27.

Only after the 1990s the word "Kurd" was started to be used openly. During his term, Prime Minister Ozal suggested a federal system to be discussed as a solution to the Kurdish issue, but this did not happen (Straw 2013: 138). Ozal abolished the ban on the Kurdish language, but immediately after his death, publication in Kurdish and circulation of such materials was prohibited again. In 1993, then-Prime Minister Demirel said: "We acknowledge the Kurdish reality"⁴ but this was all. There were no attempts to recognize Kurds as a distinct ethnic community and grant them rights. With the AKP in government, the state, for the first time, did not see the Kurdish issue solely as a security problem but as something to be dealt with on sociocultural, economic, legal, and political fronts. The following section will examine the period of AKP and the changes that took place in terms of regimes of ethnicity.

The Change during the AKP

Regimes of ethnicity can change for better or worse. While a state can work to increase the inclusiveness of an ethnic group by moving on to a more multiethnic regime type, affirmative actions and rights granted can also be suspended or withdrawn. When this happens, social and political improvements can take a downturn. In Turkey, regimes of ethnicity started to change in two respects during the AKP. One involved the sociocultural changes undertaken by the state, and the other involved abandoning military means (See Figure 1). So while we look at how Kurdish rights were improved under AKP rule, we should not disregard how things were settled on the PKK-Turkish state front. The negotiations with the PKK and reforms for recognizing the basic rights of Kurds enabled the change in the ethnic regime. While improvements on both fronts were promising, especially after 2015, political and social reforms stopped, and military measures resumed. Thus, the AKP period witnessed an improvement in the situation, but it was followed by a period of deterioration.

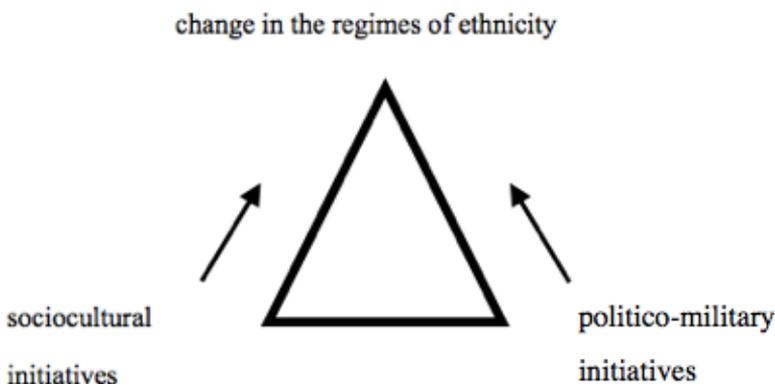

Figure 1. Changes in the regime of ethnicity before 2015.

⁴ "Kürt realitesini tanıyoruz." This in-text translation and all other translations are by the article's author.

Kurds expressing themselves in their mother language has always been seen as a problem. Granting linguistic rights was essential to their recognition as a distinct ethnic community. In 2004, TRT 3 started morning broadcasts in Kurdish and several other minority languages (Sessiz Devrim... 2014: 117). This was a minor improvement attempt, followed by the establishment of a state TV channel exclusively broadcasting in Kurdish: TRT Kurdi (also known as TRT Şeş). Besides acknowledging the importance of the Kurdish language, the channel also employed Kurdish speakers on state television. It was also significant because the state attempted to provide Kurdish citizens access to information through a state TV station. During the 2012-2013 academic year, minority languages were offered elective courses entitled "Living Languages and Dialects" in secondary schools (Sessiz Devrim... 2014: 120). The first Kurdish studies institute was opened at Mardin Artuklu University at the Department of Kurdish language and culture (Sessiz Devrim... 2014: 117). Subsequently, eight universities launched programs for the Kurdish language and its different dialects.

The state began to abandon its assimilationist, homogenizing, and a scornful attitude toward the Kurds. In 1983, the law on Population Registration banned parents from giving their children Kurdish names.⁵ In 2003, the law was changed to let people name their children as they wished. With the promulgation of the Law on Establishment and Broadcasting Services of Radio and Television in 2009, 14 TV and radio stations were initially permitted to broadcast in Kurdish⁶. In 2013, the national oath was annulled, which was a significant move. It was seen as another tool of the assimilationist state and as being derogatory to minority groups, as it stated that the Turks had a higher value than other ethnic groups. In 1960 and specifically after 1983, 280 village names were changed, and around 28,000 locations were renamed (Tunçel 2000: 12). After 2013, many village and neighborhood names were reinstated, which had cultural and historical significance in locals' memories.

Again, in 1983, the state had forbidden expressing opinions in any language other than the state's official language (O'Neil 2007: 77). Political propaganda was prohibited in languages and dialects other than Turkish. Only in 2010 did minorities gain the right to conduct propaganda in other languages. This led citizens to exercise their political rights freely and politicians to conduct successful political activities by addressing the voters in the language they understood. Besides propaganda rights, Turkish history is tainted with party closures. In 2009, DTP (Democratic Society Party, which Kurds founded) was shut down. The 2010 constitutional change altered the law regarding party closures: "The closure of political parties or deprivation of political parties of

⁵ See *Nüfus Kanunu*. 2021. URL: https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanuntbmmc055/kanuntbmmc055/kanuntbmmc05501587.pdf (accessed 26.03.2023)

⁶ For detailed information see: *Türk Vatandaşlarının Günlük Yaşamlarında Geleneksel Olarak Kullandıkları Farklı Dil ve Lehçelerde Yayın Yapan Yayın Kuruluşlarının Listesi (Yayında Olanlar)*. 2021. *RTÜK*. <https://www.rtuk.gov.tr/yayin-izni-verilen-kuruluslar/5165/5046/yayin-izni-verilen-kuruluslar.html> (accessed 26.02.2023).

state aid may be decided by a vote of two-thirds of the members attending the meeting.” Previously, this required three-fifths of the members, so the constitutional change meant that party closures became more complicated. However, the most significant attempt of the government to solve the human rights problem was the Kurdish Opening, on the one hand, and the Peace (Resolution) Process, on the other.

In mid-2009, talks began between the Turkish Intelligence Agency (MIT) and the PKK. In August 2009, Prime Minister Erdogan met with Ahmet Turk, an influential Kurdish politician, to discuss the Kurdish Opening. The West had long criticized Turkey for violating Kurdish rights, and the process was welcomed by the West when it became public. In November 2009, Erdogan said: “National unity and brotherhood project is our aim. We will reach it with the democratic opening process.”⁷ After that, the process of ameliorating conditions was pursued. The government announced a human rights package in line with the Kurdish Opening. Prisoners were given the right to speak to visitors in languages other than Turkish, amending a fixed major human rights violation that had continued since the 1980s (Sessiz Devrim... 2021: 118). It was as late as 2009 when this right was given, but it was still an improvement. In 2011, then-Prime Minister Erdogan apologized for the Dersim massacre (1937) on behalf of the state, where Kurds suffered significant atrocities. In his speech in parliament, he showed four documents that shed light on what had happened in Dersim and how Kurds' killing and forced migration were undertaken as a state policy⁸.

On the other hand, road controls were reduced with a notice sent to governorates, preventing random checks on citizens. The process was tumultuous. Although cultural rights were given, the process could not ultimately end without solving the problem of the PKK. The second round of the process was more about solving the issues on the military front without resorting to hard power.

To integrate the Kurdish organization's armed members into political life, the Peace Process with the PKK was started. The undersecretary of the Turkish Intelligence Agency, Hakan Fidan, met Abdullah Ocalan in December 2012. This process envisioned that PKK members would withdraw from Turkish territory, the state would make democratization reforms, and integrate the organization into social and political life. On the societal front, the Wise People's Delegation⁹ was formed to spread the process to society and make it accepted by the public. Actors, writers, academicians, and activists were part of the delegation, which aimed to include the public in the process. However, it failed to impact society (Köse 2017: 20) profoundly. Additionally, opposition parties were sidelined, which politically crippled the process. Moreover, many civil society organizations, minor political parties, and some leading opinion leaders complained that they were not a part of the process (Köse 2017: 21).

⁷ “Milli birlik ve kardeşlik projemiz bir hedeftir. Demokratik açılım süreciyle bu hedefe ulaşacağız”.

⁸ Erdoğan Dersim İçin Özür Diledi – Haberler. 2011. *Milliyet*. <http://www.milliyet.com.tr/erdogan-dersim-icin-ozur-diledi-siyaset-1466430/> (accessed 26.02.2023).

⁹ Akil İnsanlar Heyeti

Society, in general, was mobilized and optimistic about the results of the negotiations. It was expected that there would be an end to the decades-long internal fight which had cost many lives on both sides. There was real momentum during the Peace Process. Although the process started with good intentions, the PKK never left Turkey. Only around 15% of the armed group left the country in 2–3 months, preventing subsequent steps from being pursued. The PKK, however, claimed that the government was slow in implementing reforms, which made it reluctant to leave Turkish territory (Köse 2017: 20). On December 27, 2015, the HDP leaders supported the demands of the Democratic Society Congress (DTK) for democratic autonomy and self-government. However, making concessions on the indivisible and unitary character of the Turkish Republic was not acceptable to the government. The Peace Process caused HDP and other informal networks of Kurds to consolidate their legal position in Turkish politics. The AKP expected the process to chalk up points for itself and increase its support base.

On the contrary, it caused the AKP to lose its Kurdish constituents to the HDP. Moreover, the opposition initially saw the process as giving in to the terrorist organization. The AKP lost its nationalist supporters to the Nationalist Action Party (MHP) in the June 2015 elections¹⁰. On the way to the next election, seeing the repercussions of the process, the AKP slowed down the Peace Process. It also became apparent that the PKK had accumulated more arms during the Resolution when it was supposed to be disarming. When two police officers were killed in Şanlıurfa Ceylanpınar, the peace process ended around two months after the elections¹¹. During the Syrian Civil War, especially in Kobane, the government policies were unwelcome by the Kurdish population and were regarded as “Kurdish hostility” on the HDP front. After all these developments, a political downturn ensued (Figure 2).

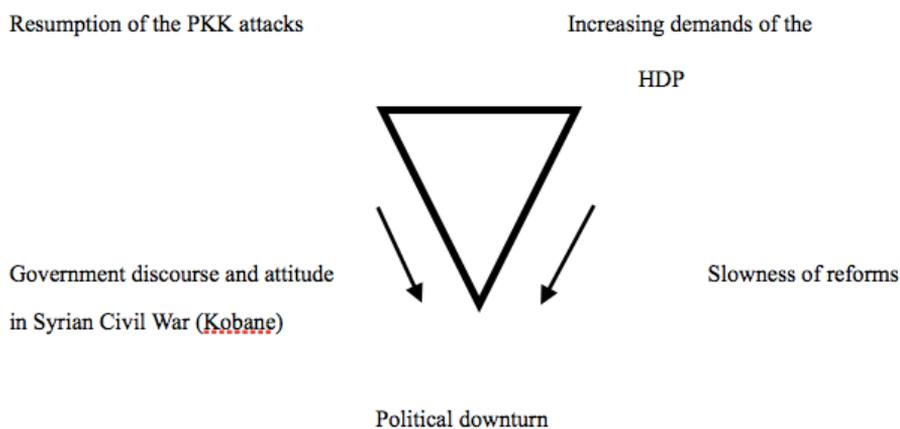

Figure 2: Changes in the regime of ethnicity since 2015

¹⁰ 7 Haziran Sandık ve Seçmen Analizi. 2015. KONDA. URL: https://konda.com.tr/wp-content/uploads/2017/03/KONDA_7HaziranSand%C4%B1kveSe%C3%A7menAnaliziRaporu.pdf (accessed 26.02.2023).

¹¹ The PKK did not own the attack, but the official sources show the PKK as the attacker.

The AKP's social, cultural, political, and military initiatives have brought positive changes in Turkey's regime of ethnicity. The most notable attempt of the government to solve the humanitarian crisis of the Kurdish ethnic minority was the Peace Process. However, even during this process, there were issues that the government never addressed, such as education in the mother language or an alternative regime system that would grant more autonomy to Kurds. However, the process witnessed many improvements, especially when the treatment of Kurds in previous periods was considered. However, the summer of 2015 was a critical juncture when the process was turned upside down. Some media outlets that supported the Kurdish cause were closed. The government also appointed trustees to replace elected mayors in Southeastern cities. The two co-leaders and eight other MPs of the HDP (People's Democratic Party) were arrested. Although the policies of the government and changes in the regimes of ethnicity before and after the summer of 2015 are apparent, how do we observe this change in the discourse of President Erdogan?

Changing Discourse

Even though using the word Kurd had been a faux pas since the early Republican era, some things changed in Turkey in such a way as to make the use of the word "Kurd" acceptable. People in Turkey got used to hearing such references from the President, but even the President was not that comfortable using it when he made his first appearance as the leader of the AKP. In this section of the paper, I reviewed the President's speeches in Diyarbakır¹² to examine the change in his rhetoric. I hypothesize that when the resolution process halted, the discourse of President Erdogan took a more neutral stance toward the Kurds. At the same time, it was more inclusive before the breakdown of the process. There is no point in arguing that the change in the state ideology and discourse is a big step in changing what is good or bad, legitimate or illegitimate in state and society.

The changing discourse toward the Kurdish issue at the highest state level played a critical role in normalizing the word "Kurd." Hearing the phrases "brothers," "Kurdish brothers," "fellow citizens," or "Kurds" from President Erdogan's mouth does not strike us anymore or catch us by surprise. However, when he first addressed the public in Diyarbakır in 2004, he used the word "friends" and "brothers" (5 times) without any reference to Kurdish ethnicity. He presented himself as "the brother of the people of Diyarbakır, who knows what suffering and waiting for justice is"¹³. Moving to 2007, Erdogan again refrained from using the word Kurd but instead appealed to the audience in Diyarbakır as either "brothers" (13 times) or "Brothers from Diyarbakır" (twice). In a public meeting in February 2009, he said "Kurd" once and "brothers" 21 times. The

¹² The Kurdish population mainly lives in a city in Eastern Turkey.

¹³ "Çile nedir bilen, adaleti beklemenin ne demek olduğunu bilen, bir kardeşiniz olarak"

summer of 2009 was when the Peace Process began, and after this Erdogan's references to "Kurds" and "brothers" started to increase incrementally. In 2011, he also started using the phrase "Kurdish brothers" (8 times), and his use of the word "Kurd" peaked (32 times). He criticized earlier state policies by saying: "I know very closely how the status quo made my Kurdish brothers suffer. I know the costs you and I paid because of assimilation, ignorance, and denial. I know well the tears of a mother who went to Diyarbakır Prison but could not talk to her son in her own language"¹⁴. He also stated how his party made it its duty to solve the Kurdish issue but was blocked by the opposition: "For 8.5 years, they have stood like an unsurpassable wall against the struggle we faced to solve the Kurdish issue in Ankara"¹⁵.

In 2013, he preferred to call people in Diyarbakır "brothers" in general (45 times). He even hosted Barzani in Diyarbakır and said: "I sincerely greet my precious brothers in Northern Iraq Kurdistan Region in your person"¹⁶. He delivered an inclusionary message: "Just as they cannot separate Turk from Kurd, they cannot separate Kurd from Kurd, and Turk from Turk at the same time"¹⁷. As opposed to treating the Kurds as second-class citizens in Turkey, Erdogan stated: "Just like on April 23, 1920, Turk, Kurd, Arab, and everybody else are the first-class citizens of this country"¹⁸. In 2014, the trend was like 2013. President Erdogan mentioned what has been done during the AKP in terms of Kurds' rights: "Turkey is returning to the essence and origin of its spirit. We removed the pressure on the identities. We removed the pressure on cultures, on the keyboards; we removed the pressure on tongues"¹⁹. In 2015, a couple of months before the breakdown of the peace process, the President gave another speech in Diyarbakır. He reacted to the Kurdish political party's claim to be the only representative of the Kurdish people. From 2015, there was a relative increase in his references in Diyarbakır to "Kurds" and "Kurdish brothers," but there is a drop in his use of the word "brothers." In 2018, he mentioned "Kurdish brothers" 12 times in his speech. Although the peace process had ended, Erdogan reiterated that the rights that were given would never be taken back. He said: "Every Kurdish brother has the right that every Turkish brother has"²⁰.

¹⁴ "Statükonun benim Kürt kardeşlerime neler yaşattığını ben çok iyi biliyorum. Asimilasyonun inkar ve red politikalarının sizlere, bizlere ödettiği bedeli ben çok iyi biliyorum. Diyarbakır cezaevinde oğlunu görmeye giden ama oğluyla kendi dilinde konuşamayan ananın içine akıttığı gözyaşını ben çok iyi biliyorum."

¹⁵ "8,5 yıl boyunca Ankara'da Kürt meselesinin çözümü için verdiğimiz mücadelenin önünde aşılmaz bir duvar gibi durdular."

¹⁶ "Sizin şahsınızda Kuzey Irak Kürdistan Bölgesini, oradaki değerli kardeşlerimi muhabbetle selamlıyorum..."

¹⁷ "Nasıl ki Türk'ü Kürt'ten ayıramazlarsa, Kürdü Kürt'ten, Türk'ü de Türk'ten ayıramazlar."

¹⁸ "Tıpkı 23 Nisan 1920'de olduğu gibi, TÜRK de, KÜRT de, ARAP da, diğerleri de, bu ülkenin hep birlikte birinci sınıf vatandaşıdır."

¹⁹ "Türkiye'yi özüne, aslına, kuruluş ruhuna döndürüyoruz. Kimlikler üzerindeki baskıyı biz kaldırdık. Kültürler üzerindeki baskıyı biz kaldırdık. Klavyeler üzerindeki, diller üzerindeki baskıyı biz kaldırdık."

²⁰ "Her Kürt kardeşim her hangi bir Türk kardeşim hangi haklara sahipse, onlara sahiptir."

There were no references to Kurds and Kurdish brothers in President Erdoğan’s speeches in Diyarbakır before the 2009 Peace Process. In 2009, his address to the audience in Diyarbakır took a different turn in a very positive and inclusive way. His use of the phrases “brothers,” “Kurdish brothers,” and “Kurds” increased noticeably until 2014. The references to “Kurds” and “Kurdish brothers” increased from 2014 to 2015, although the reference to “brothers” halved. The general references have stayed almost the same since 2015, and the general trend can be seen in Chart 1 below. As Diyarbakır is only the name of the city, I was expecting to see more use of “brothers from Diyarbakır” instead of “brothers” and “Kurdish brothers” once the Peace Process came to an end. However, this was not the case. Since then, although the President has appealed to his audience by using “brothers” less, he claims that the Kurdish issue is his problem. He adamantly claims to protect the rights that were given to the Kurdish population during the AKP governments.

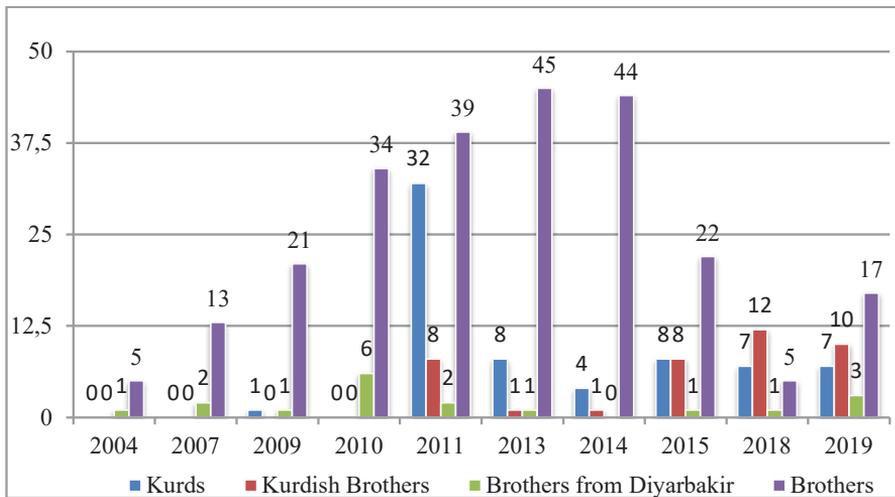

Chart 1. President Erdoğan’s References to Kurds in Diyarbakır

The policies towards the Kurds' ethnic recognition went along, intending to end the decades-long PKK terror. Hence, when the PKK rearmed itself and called off the cease-fire, further rights for the Kurdish ethnic community stopped being the government's agenda. Although the rights given were not taken away, new freedoms and openings are still out of the question. Since the trust between two actors, the state and the PKK, has been deeply shaken, a new peace process is unlikely to begin. This distressing scenario means that we should not expect any more rights will be granted, especially in the political field, as during the breakdown of the process, the HDP became closely associated with the PKK.

Conclusion

For the first time in Turkish history, the AKP government undertook radical changes in the regime of ethnicity, particularly towards Kurds. State officials accepted that the Kurdish issue was not a problem to be solved by military means. Hence, the government handled the Kurdish issue based on democratization and respect for human rights. The government undertook significant and visible political, cultural, and social improvements. While the AKP knew that security measures could not solve this problem of democracy and human rights, it also knew it could not be solved solely by granting the Kurdish constituency the rights they had craved and deserved for so long. The military aspect of the Kurdish issue, due to the very existence of the PKK, made it incumbent for the government to solve the problems on the military front through negotiations. In that vein, the reconciliation between the state and the PKK contributed to a great extent to the changing state policies.

The limitation of this research is the number of speeches that could be covered. Further research could be done by including more speeches of the President in various places in Turkey. Examining his speeches in Istanbul, where there is a sizeable Kurdish population, might also tell us something about the President's general discourse. However, this paper also contributed to the literature on regimes of ethnicity by incorporating group-level actions in the analysis. Especially since the 2012 Resolution Process, it has been essential to consider the Kurdish movement's military wing.

This article shows that a change in the state discourse accompanies the changes in the regimes of ethnicity in Turkey. When the state moved away from anti-ethnic policies towards the Kurds, President Erdogan's discourse became more inclusive, using "brother" more often in his speeches. The positive and inclusive references peaked in 2011. After the breakdown of the Peace Process, keeping 2011 as an exceptional case, the President continued to use the phrases "Kurds" and "Kurdish brothers" more than he did before 2015. However, his use of "brothers" substantially decreased after 2015. It is unlikely that there will be a change in the rights given to the Kurdish people. However, it is also improbable that there will be more positive changes, new openings, and another round of resolution processes since the breakdown of the Peace Process.

About the author:

Ayşe İrem Aycan Özer – PhD Candidate, Bogazici University, Research Assistant, Marmara University. Boğaziçi University 34342 Bebek/Istanbul, Turkey. E-mail: aycanayseirem@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

УДК: 323.2, 327

Поступила в редакцию: 12.11.2022

Принята к публикации: 27.01.2023

Дискурс президента Р. Эрдогана по курдскому вопросу

Айше Ирем Айжан Озаш

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-201-218](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-201-218)

Университет Богазичи

Университет Мармара

Резюме: В статье рассматривается эволюция отношения к этническим меньшинствам в политической жизни Турции в период с 2004 по 2019 г. Турция, объединяющая множество этнических групп, на этапе создания национального государства опиралась на политику ассимиляции. В наибольшей степени такая политика наносила удар по курдам, самому многочисленному этническому меньшинству страны. Курс, направленный на ассимиляцию этнических меньшинств, нашёл отражение и в политическом дискурсе того периода. Отношение к этничности и соответствующий политический курс стали меняться только после прихода к власти Партии справедливости и развития. Власть признали курдов отдельным этническим меньшинством, а также имевшие место в прошлом нарушения прав человека. Для выявления логики эволюции отношения к этничности во внутренней политике Турции исследование опирается на дискурс-анализ – анализ официального дискурса в ходе бурных политических изменений от первоначально «антименьшинского» к нынешнему «инклюзивному». Основное внимание уделяется анализу публичных выступлений президента страны Реджепа Тайипа Эрдогана, в том числе в Диярбакыре. Когда государство отказалось от политики, направленной против прав этнических меньшинств, в том числе по отношению к курдам, дискурс президента стал более инклюзивным. Как и в некоторых ранних исследованиях, в статье признаётся ключевая роль государства в качестве определяющей силы, стоящей за изменением политического отношения к этничности. Кроме этого, в статье продемонстрирована акторность организованных групп этнических меньшинств, поскольку их политическая активность в значительной мере способствовали изменению отношения к этничности в Турции.

Ключевые слова: национальное государство, государственное строительство, национальные меньшинства, этничность, права человека, дискурс-анализ, антиэтнические режимы, полиэтнические режимы, смена режима

Об авторе:

Айше Ирем Айжан Озаш – соискатель, Университет Богазичи; научный сотрудник, Университет Мармара. Бебек, 34342, Бешикташ, Стамбул, Турция. Университет Богазичи, 34342 Бебек, Стамбул Турция. E-mail: aycanayseirem@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Aktürk Ş. 2011. Regimes of Ethnicity: Comparative Analysis of Germany, the Soviet Union/Post-Soviet Russia, and Turkey. *World Politics*. 63(1). P. 115–164. DOI: 10.1017/S0043887110000304
- Aktürk Ş. 2012. *Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia, and Turkey*. Cambridge University Press.
- Alptekin H. 2017. A Theory of Ethnic Violence: Ethnic Incorporation and Ethno-Political Mobilization in Bulgaria and Cyprus. *Ethnic and Racial Studies*. 40(15). P. 2672–90. DOI: 10.1080/01419870.2016.1266008.
- Aslan S. 2014. *Nation-Building in Turkey and Morocco: Governing Kurdish and Berber Dis-sent*. New York, NY: Cambridge University Press.
- Bozarslan H. 2008. Kurds and the Turkish State. *The Cambridge History of Turkey*. DOI: 10.1017/CHOL9780521620963.013.
- Brake S. 2018. Representation and De-Legitimation in Semi-Democratic Regimes: The Case of the Arab Citizens in Israel. *Sociology and Anthropology*. 6(5). P. 447–58. DOI: 10.13189/sa.2018.060501.
- Brown D. 1994. *The State and Ethnic Politics in Southeast Asia*. Routledge.
- Cagaptay S. 2006. *Islam, Secularism and Nationalism in Modern Turkey: Who is a Turk?* Routledge.
- Christie P. 2006. Changing Regimes: Governmentality and Education Policy in Post-Apartheid South Africa. *International Journal of Educational Development*. 26(4). P. 373–81. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2005.09.006.
- Clercq F. 1997. Policy Intervention and Power Shifts: An Evaluation of South Africa's Education Restructuring Policies. *Journal of Education Policy*. 12(3). P. 127–146.
- Falk R., Tilley V. 2017. Israeli Practices towards the Palestinian People and the Question of Apartheid. *Palestine and the Israeli Occupation*. 1(1). URL: https://opensiu.lib.siu.edu/ps_pubs/9 (accessed 26.02.2023)
- Gordon E.T. 1998. *Disparate Diasporas-Identity and Politics in an African-Nicaraguan Community*. University of Texas Press.
- Hepburn E., Zapata-Barrar R. 2014. *The Politics of Immigration in Multi-Level States: Governance and Political Parties*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Heper M. 2007. *The State and Kurds in Turkey: The Question of Assimilation*. Springer.
- Hooker J. 2005. Indigenous Inclusion/Black Exclusion: Race, Ethnicity and Multicultural Citizenship in Latin America. *Journal of Latin American Studies*. 37(2). P. 285–310.
- Köse S.C. 2012. Müzakereci Demokrasi Kuramı ve Toplumsal ve Politik Dönüşümün İmkanları: Kürt Açılımı Üzerine Bir İnceleme. *Spectrum: Journal of Global Studies*. 4(2). P. 89–116.
- Köse T. 2017. Çözüm Sürecinin Yükseliş ve Düşüşü. *Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi*. 4(1). P. 13–40. DOI: 10.26513/toecd.315152.
- Kymlicka W. 2007. Multicultural Odysseys. *Ethnopolitics*. 6(4). P. 585–97. DOI: 10.1080/17449050701659789.
- Lijphart A. 1969. Consociational Democracy. *World Politics*. 21(2). P. 207–225. DOI: 10.2307/2009820
- Mattes R. 2012. The 'Born Frees': The Prospects for Generational Change in Post-Apartheid South Africa. *Australian Journal of Political Science*. 47(1). P. 133–53. DOI: 10.1080/10361146.2011.643166.

McDowall D. 2000. *A Modern History of the Kurds*. 3rd edition. IB Tauris.

O'Leary B., John M. 1993. *The Politics of Ethnic Conflict Regulation: Case Studies of Protracted Ethnic Conflicts*. New York: Routledge.

O'Neil M.L. 2007. Linguistic Human Rights and the Rights of Kurds. Arat and Folk (ed.) *Human Rights in Turkey*. University of Pennsylvania Press. P. 72–86.

Sessiz Devrim Türkiye'nin Demokratik Değişim ve Dönüşüm Envanteri. 2021. İçişleri Bakanlığı. <https://docplayer.biz.tr/12660195-sessiz-devrim-turkiye-nin-demokratik-degisim-ve-donusum-envanteri.html> (accessed 26.02.2023).

Straw D. 2013. *Human Rights Violation in Turkey: Rethinking Sociological Perspectives*. Springer. DOI: 10.1057/9781137317155.

Terry M. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell University Press.

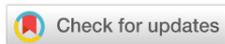
Tunçel H. 2000. Türkiye'de İsmi Değiştirilen Köyler. *Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. 10(2). P. 23–34.

Van Cott D.L. 2000a. Latin America: Constitutional Reform and Ethnic Right | Parliamentary Affairs. Oxford Academic. *Parliamentary Affairs*. 53(1). P. 41–54.

Van Cott D.L. 2000b. *The friendly liquidation of the past: the politics of diversity in Latin America*. University of Pittsburgh Press.

Yavuz MH 1997. Political Islam and the Welfare (Refah) Party in Turkey. *Comparative Politics*. 30(1). DOI: 10.2307/422193.

Yildiz K. 2012. Turkey's Kurdish conflict: pathways to progress. *Insight Turkey*. 14(4). P. 151-174.

Особенности стратегий российских нефтегазовых компаний в условиях энергетического перехода

М.И. Рябова

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Обострение климатических изменений ускорило формирование национальных регуляторных подходов в области ESG, развитие нефинансовой отчётности, стимулировало появление новых механизмов зелёного финансирования как за рубежом, так и в России. Российские нефтегазовые компании, в частности «Лукойл», «Роснефть», «Татнефть», демонстрируют усиление экологической и социальной составляющих в своей отчётности, реструктурируют внутреннее управление, совершенствуют корпоративную нормативную документацию в соответствии с принципами устойчивого развития. В силу национальных особенностей регуляторных и рыночных подходов европейские компании более амбициозны в отношении темпов своего энергетического перехода и актуализации климатической повестки на всех операционных уровнях.

В статье представлен сравнительный анализ стратегий зарубежных (Shell, Eni, TotalEnergies) и российских компаний («Лукойл», «Роснефть», «Татнефть») в области устойчивого развития и энергетического перехода. Выбор компаний основан на положительных финансовых показателях и прогрессе компаний в рейтингах устойчивости АКРА¹, «WFF Россия»², CDP³, TPI⁴. В качестве выводов определены приоритетные направления корпоративных стратегий, а именно: цифровизация с целью сокращения выбросов; увеличение доли газового бизнеса; развитие ВИЭ; актуализация внутренней структуры; включение в КПЭ руководства климатических показателей; включения ESG-показателей в требования к подрядчикам.

¹ Рейтинг нефтегазовых компаний с точки зрения интеграции климатической повестки по итогам 2021 года агентства АКРА. АКРА. [Электронный ресурс] URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/319/ac1omzmqw2ngqk-mob1e8t1pp5n7ci66/20221215_CSDVG.pdf

² Рейтинг открытости экологической информации нефтегазовых компаний 2022 г. *Всемирный фонд дикой природы в России*. [Электронный ресурс] URL: <https://wwf.ru/what-we-do/green-economy/eco-transparency-rating/ngk-russia-2022/> (дата обращения 12.02.2023)

³ Which oil and gas companies are ready for the low-carbon transition? *Carbon Disclosure Project*. [Электронный ресурс] URL: https://cdn.cdp.net/cdp-production/cms/reports/documents/000/003/858/original/CDP_Oil_and_Gas_Executive_Summary_2018.pdf?1541783367 (accessed 12.02.2023)

⁴ Oil and gas sector management quality and carbon performance. *Transition Pathway Initiative*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.transitionpathwayinitiative.org/sectors/oil-gas> (accessed 12.02.2023)

УДК 620.9, 364.68

Поступила в редакцию: 23.10.2022

Принята к публикации: 10.02.2023

Ключевые слова: энергетический переход, устойчивое развитие, ESG-отчётность, нефтегазовые компании, Россия, устойчивое развитие, углеродная нейтральность, топливно-энергетический комплекс, климат

Вопрос изменения климата стал краеугольным камнем развития мировой экономики, формирования национальных стратегий и корпоративных политик. Нефтегазовый комплекс и энергетика в целом представляют, с одной стороны, источник ресурсов для выполнения ряда Целей устойчивого развития ООН, как например, борьба с бедностью, обеспечение доступной и чистой энергией (цель №7), достойная работа и экономический рост (цель №8), индустриализация, инновации и инфраструктура (цель №9). С другой стороны, ТЭК выступает основным эмитентом парниковых газов, оказывающих непосредственное негативное воздействие на окружающую среду и ускоряющих климатические изменения. Компании вынуждены соответствовать ESG⁵ принципам в силу закрепления соответствующих требований как на законодательном уровне, так и со стороны инвесторов.

В 2021 г. доли добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств в ВВП России составили 12,8% и 16,1% соответственно⁶. Доля топливно-энергетических товаров в российском экспорте в этом же году составила более половины – 54,3%⁷. Для России нефтегазовый комплекс и энергетический сектор являются основополагающими для национального развития. По объективным причинам отказ от традиционных источников энергии в российских обстоятельствах в краткосрочной перспективе невозможен. Тем не менее компании топливно-энергетического комплекса, обладающие значительными природными, финансовыми и человеческими ресурсами, имеют все предпосылки для осуществления энергетического перехода и адаптации российской экономики к новым климатическим реалиям с сохранением конкурентных преимуществ на международных рынках.

Несмотря на кризис в геополитике, вопросы энергоперехода остаются приоритетными в международном взаимодействии, а диверсификация деятельности и включение в портфолио альтернативных энергетических направлений

⁵ ESG (Environmental, Social, and Corporate Governance) — это совокупность характеристик управления компанией, при котором достигается вовлечение данной компании в решение экологических, социальных и управленческих проблем.

⁶ О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП) в 2021 году. *Росстат*. [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/59_08-04-2022.htm (дата обращения 12.02.2023)

⁷ О внешней торговле в 2021 году. *Росстат*. [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html (дата обращения 12.02.2023)

представляют для компаний традиционной энергетики стратегическую возможность (Hartmann et al. 2021; Pickl 2019, 2021; Nasiritousi 2017; Chaiyara 2018; Bricout 2022).

Дж. Хартман (Hartmann et al. 2021) подчёркивает, что если ранее вопросы экологической и социальной ответственности, развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ) рассматривались нефтегазовыми компаниями как второстепенные задачи, то сегодня эти сюжеты стали первостепенными. При этом среди факторов, способствующих диверсификации портфолио компаний, особое значение приобретает степень их интернационализации, общественное давление, нормативное регулирование и внутрикорпоративное использование ВИЭ. М. Чжонг и М. Базилиан (Zhong, Bazilian 2018), исследовав инвестиционные стратегии нефтегазовых компаний в ВИЭ, сделали выводы о диверсификации и относительном успехе таких инвестиций. К факторам, влияющим на выбор компаний, также можно отнести законодательство, отношение акционеров к вопросам энергоперехода, доступность энергоресурсов, прогнозы в отношении развития технологий и ожидание потребителей (Pic, Ponomarenko 2021).

Исследование М. Пикла (Pickl 2019) позволило определить две группы нефтегазовых компаний по их подходу к энергетическому переходу – активные лидеры и пассивные отстающие. В первую группу попали такие компании, как Shell, TotalEnergies, BP, Eni, Equinor, во вторую – ExxonMobil, Chevron, Petrobras. М. Пикл (Pickl 2021) в своём более позднем исследовании приходит к выводу, что компаниям приходится выбирать между тремя основными решениями – поддержкой инвестиций в основной бизнес, сохранением дивидендов, поддержкой инвестиций в энергопереход. В результате последующего анализа тех же компаний автор приходит к выводу, что европейские компании склонны вкладывать больше средств в энергопереход, в то время как американские сохраняют приоритет основного бизнеса и распределения дивидендов. Такие выводы подтверждаются и другими исследованиями (Li et al. 2022). К. Ванг и его соавторы (Wang et al. 2023) отмечают положительную взаимосвязь как нефтегазовой отрасли, так и ВИЭ с экономическим ростом.

Российские исследователи в последние годы уделяют внимание не только анализу традиционных направлений деятельности нефтегазовых компаний, но и роли компаний ТЭК в энергетическом переходе. А.М. Мастепанов (Мастепанов 2019), Е.А. Телегина (Телегина и др. 2021), Т.А. Митрова (Митрова 2021) рассматривают энергетический переход как вызов для отечественной нефтегазовой отрасли. А.В. Шевелева (Шевелева 2015) проводит анализ экономического механизма устойчивого развития нефтегазовых компаний и развивает тематику целей устойчивого развития применительно к ТЭК в своих более поздних публикациях. Е.А. Куклина (Куклина 2018) исследует концепцию «новой нормальности» в отношении устойчивого развития энергетического сектора и роли ВИЭ. Особенности зелёного инвестирования в современной экономической системе и оценке общей политики декарбонизации посвящены исследования

Б.Н. Порфирьева (Порфирьев 2016, 2022), И.А. Башмакова (Башмаков 2018, 2022). Крупный пласт исследований по теме энергетического перехода относится к арктическому региону (Зворыкина и др. 2022).

Стоит отметить актуальные публикации по теме стратегий энергетических компаний в условиях изменения климата. В.И. Салыгин, Д.С. Лобов (Салыгин, Лобов 2021) изучают подходы 18 крупных нефтегазовых компаний в области инновационного развития с охватом рынков 54 стран. Н.В. Попадько и В.О. Бадалов (Попадько, Бадалов 2021) исследует стратегию в области инновационного развития нефтегазовой компании на примере компании Chevron. Л.К. Бабичева и её соавторы (Бабичева и др. 2020) анализируют риски развития ВИЭ для нефтегазовой отрасли.

Климатическое регулирование в энергетической сфере является одним из наиболее динамичных. Несмотря на значительную академическую популярность темы, стоит отметить недостаток новейших сравнительных исследований стратегий зарубежных и российских компаний. В связи с этим автор определил для настоящего исследования следующий исследовательский вопрос – является ли подход российских нефтегазовых компаний к устойчивому развитию и энергетическому переходу конкурентоспособным по отношению к зарубежным (в т.ч. европейским) партнёрам?

Для ответа на поставленный вопрос автор проанализировал позиции компаний в ведущих российских и зарубежных рейтингах устойчивости, показатели их финансовой состоятельности, подходы к инвестиционной деятельности, нефинансовые отчёты и новации в отношении низкоуглеродного развития. Помимо общенаучных методов, автор использовал статистико-экономический метод, сравнительный анализ на основе критериев Life Cycle Assessment⁸. Выборка шести компаний обусловлена необходимостью сбалансированного анализа количественных и качественных данных.

Структура статьи включает обзор тенденций мирового энергодобавки в условиях энергетического перехода, анализ подходов зарубежных нефтегазовых компаний к реализации концепции устойчивого развития. Далее были проанализированы стратегии выбранных российских компаний в области устойчивого развития, релевантные данные нефинансовой и финансовой отчётности. На основе полученного материала автором подготовлена сравнительная таблица данных отобранных нефтегазовых компаний в области финансовых показателей, инвестиций в устойчивое развитие и позиций в рейтингах ESG. Результаты сравнительного анализа позволили сделать выводы и рекомендации, данные в заключительной части статьи.

⁸ UNEP LCA guidelines. UNEP. [Electronic source] URL: http://www.unep.fr/shared/publications/pdf/DT1x1164xPA-guidelines_sLCA.pdf (accessed 12.02.2023)

Энергетический переход зарубежных нефтегазовых компаний

В 2021 г. на ископаемое топливо пришлось 82% первичного энергопотребления⁹ в мире. Нефть, газ и уголь остаются основными источниками энергии (Рис. 1). При этом наблюдается рост доли возобновляемых источников энергии в электрической генерации (Рис. 2).

Рисунок 1. Доля источников энергии в первичном энергопотреблении.

Figure 1. The share of energy sources in primary energy consumption.

Источник. BP, Statistical Review of World Energy (71st edition). 2022. London, UK.

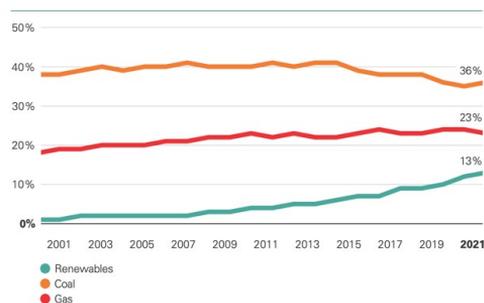

Рисунок 2. Доля источников энергии в электрогенерации.

Figure 2. The share of energy sources in electricity generation.

Источник. BP, Statistical Review of World Energy (71st edition). 2022. London, UK.

Несмотря на неоднозначный характер участия нефтегазового комплекса в реализации концепции устойчивого развития (Vach 2019), учёт потребностей энергетического сектора и его возможностей в стимулировании энергетического перехода не должен быть недооценён. Согласно прогнозу ведущих европейских и американских компаний, на долю нефти и газа в мировом энергобалансе к 2070 г. будет приходиться от 53% (Eni, BP) до 16% (Shell)¹⁰.

Исследование отчётностей нефтегазовых компаний (Morgunova, Shaton 2022) показывает, что среди наиболее значительных факторов, оказывающих влияние на развитие мировой энергетики, остаются население, технологическое развитие, экономический рост и потребление. При этом такие компании, как BP, Exxon выделяют из этого перечня потребности потребителей и их поведение. Норвежская Equinor отмечает роль политических систем в регулировании и усилении тех или иных направлений развития рынка с целью изменения ин-

⁹ BP Statistical Review of World Energy 2022. BP. [Electronic source] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed 12.02.2023)

¹⁰ Dietz S., Gardiner D., Jahn V., Noels J. 2020. Carbon performance of European integrated Oil and Gas companies: Briefing paper. *Transition Pathway Initiative*.

вестиционных потоков и потребительского поведения. Большинство нефтегазовых компаний в своём стратегическом планировании отдают приоритет климатической повестке, состоянию окружающей среды и принципам устойчивого развития.

Исследование С. Джарбуи (Jarbouï 2021), охватывающее 45 нефтегазовых компаний в США за период с 2000 до 2018 гг., свидетельствует об изменении подхода американских компаний в сфере климатической повестки после Парижского соглашения по климату в 2015 г. Показатели операционной эффективности американских компаний неизменно сопровождалась ростом выбросов CO₂ до 2015 г. После этого выбросы продолжили рост, но менее интенсивно, что может быть частично объяснено дополнительными требованиями по ограничению выбросов со стороны регулятора.

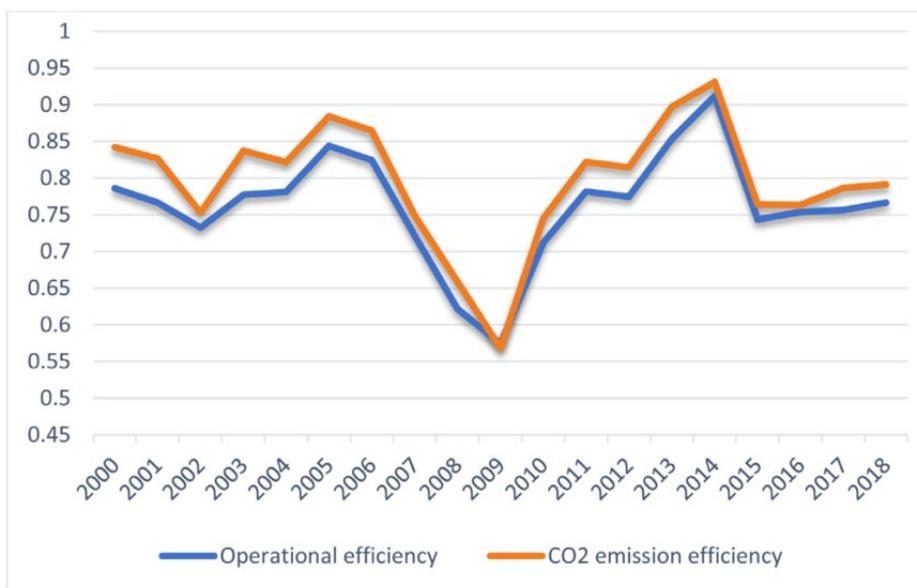

Рисунок 3. Динамика операционной эффективности компаний и интенсивности выбросов CO₂ среди нефтегазовых компаний США.

Figure 3. Dynamics of companies' operational efficiency and CO₂ emissions intensity among US oil and gas companies.

Источник: Jarbouï S. 2021. Renewable energies and operational and environmental efficiencies of the US oil and gas companies: A True Fixed Effect model. Energy Reports. No.7. Pp. 8667–8676

Ведущие нефтегазовые компании (TotalEnergies, Shell, Eni) определили своей целью достижение углеродной нейтральности к 2050 г. и выстраивают свои стратегии в соответствии с поставленными целями. В настоящее время оценить серьёзность таких намерений сложно, тем не менее отдельные компании демонстрируют активную позицию и привносят изменения в структуру собственного производства, систему внутреннего управления, корпоративной отчётности и нормативной документации. Так, в структуре компаний Shell и TotalEnergies

действует отдельный сегмент СПГ, ВИЭ и электроэнергетики, а размер вознаграждения менеджмента компании определяется исходя из КПД в области достижения климатических целей.

Анализ (Li et al. 2022) отчётности ведущих европейских и американских компаний за последнее десятилетие показывает, что европейские компании и раньше интегрировали климатическую повестку в свои корпоративные стратегии. BP и Shell включают вопросы изменения климата с 2010 г., уделяя отдельное внимание прямому влиянию климатических рисков на свою деятельность и косвенному – на рынок и поведение потребителей. BP в 2020 г. заявила о долгосрочной цели по переходу к низкоуглеродным источникам и сформулировала пошаговый план действий в этом направлении. Тем не менее на сегодняшний момент компания продолжает разработку и производство жидких углеводородов в обычном объёме. Как европейские, так и американские компании учитывают цены на углерод при планировании инвестиционной деятельности.

Европейские компании увеличивают инвестиции в ВИЭ и альтернативные виды топлива, в то время как крупные нефтегазовые компании США сосредотачивают внимание на водороде и технологиях по улавливанию и хранению CO₂¹¹. Заявленные цели компаний в области сокращения выбросов не всегда включают «охват 3»¹², хотя именно на косвенные выбросы всей цепочки поставок продукции приходится значительная часть общих выбросов компании. Сегодня отчётность по охвату 3 является добровольной, продолжается дискуссия по методологии учёта выбросов охвата 3 и необходимости исключения двойного учёта.

Если в отчётах 2020 г. только европейские компании заявляли о цели достижения углеродной нейтральности к 2050 г., то в отчётах 2021 г. американские компании (Chevron¹³, ExxonMobil¹⁴) сделали аналогичное заявление наряду с целями по сокращению выбросов (охват 1 и 2) к 2030 г. BP¹⁵, Shell¹⁶, TotalEnergies¹⁷ в 2021 г. поставили цели по достижению углеродной нейтральности с учётом уровня выбросов охват 3 и сформировали соответствующие планы по сокраще-

¹¹ Oil And Gas Companies Struggling to Come up With Credible Transition Plans. *Fitch Sustainable Oil and Gas Global*. [Electronic source] URL: <https://www.sustainablefitch.com/> (accessed 12.02.2023)

¹² Понятие 1, 2 и 3 охватов вводится в наиболее широко используемом международном стандарте учёта парниковых газов – GHG Protocol. Охват 3 учитывает все косвенные эмиссии парниковых газов, которые не были включены в Охват 1 и 2.

¹³ Chevron Sustainability Report 2021. *Chevron*. [Electronic resource] URL: <https://www.chevron.com/-/media/shared-media/documents/chevron-sustainability-report-2021.pdf> (accessed 12.02.2023)

¹⁴ Exxon Mobil Progress Report 2023. *Exxon Mobil*. [Electronic resource] URL: <https://corporate.exxonmobil.com/-/media/global/files/advancing-climate-solutions-progress-report/2023/2023-acs-progress-report.pdf> (accessed 12.02.2023)

¹⁵ BP Net Zero Aims Summary. *BP*. [Electronic resource] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/sustainability/group-reports/bp-net-zero-aims-summary.pdf> (accessed 12.02.2023)

¹⁶ Shell Energy Transition Progress Report 2021. *Shell*. [Electronic resource] URL: <https://reports.shell.com/energy-transition-progress-report/2021/> (accessed 12.02.2023)

¹⁷ TotalEnergies Universal Registration Document 2021. *TotalEnergies*. [Electronic resource] URL: https://totalenergies.com/system/files/documents/2022-03/DEU_21_VA.pdf (accessed 12.02.2023)

нию выбросов всех уровней. Большинство европейских компании раскрывают информацию по инвестициям в ВИЭ (исключение составляют, например, Shell) и низкоуглеродные технологии, в то время как американские компании такую информацию не публикуют.

С целью развития низкоуглеродных технологий распространённой становится практика сотрудничества со стартапами, создания венчурных фондов или стартап-лабораторий. Так, в 2019 г. Shell совершила покупку или инвестировала в ряд предприятий в сфере ВИЭ и экологических технологий в области транспорта (пр., Greenlots (США), Ravin.ai (Израиль)); ветроэнергетики (пр., EOLFI (Франция), CoensHexicon (Южная Корея)); решения в электроэнергетике (пр., Sonnen (Германия), Rheinland Hydrogen Electrolyser (Германия)); солнечной энергетики (пр., ESCO Pacific (Австралия), Cleantech Solar (Сингапур)). С участием компании действует ряд венчурных предприятий, в частности, Aurora (США), AutoGrid (США), Nordsol (Нидерланды), Sense Photonics (США), LO3 Energy (США), Maniv Mobility (Израиль), Israel Corvus Energy (Норвегия), Norway Asperitas (Нидерланды)¹⁸.

Французская TotalEnergies также проводит активную инвестиционную политику в сфере ВИЭ и экологических технологий¹⁹, создала венчурный фонд, направленный на поддержку экологических стартапов – Total Carbon Neutrality Ventures²⁰.

Интересен опыт нефтегазовых компаний в области зелёного финансирования. Стремительное развитие рынка зелёных облигаций, соответствующего регулирования на уровне Европейского союза, включая формирование таксономии зелёных проектов, привело с одной стороны, к появлению большого числа корпоративных участников, а с другой – к исключению нефтегазового сектора из рынка таких финансовых инструментов в силу его «грязной» деятельности. Компромиссным решением стало появление в 2021 г. облигаций, связанных с устойчивым развитием (англ., sustainability linked bonds), которые привязаны к достижению эмитентом поставленных целей в области устойчивого развития. TotalEnergies стала одной из первой нефтегазовых компаний, которая выпустила такие облигации²¹. Доход от таких облигаций направляется на финансиру-

¹⁸ Shell Energy Transition Progress Report 2021. *Shell*. [Electronic resource] URL: <https://reports.shell.com/energy-transition-progress-report/2021/> (accessed 12.02.2023)

¹⁹ Среди венчурных предприятия компании Adani Green Energy Limited (Индия). Ряд предприятий реализует проекты в области солнечной и ветроэнергетики (Total Quadran (Франция), Total Eren, Total Solar International, SunPower (США)), в области распределения электроэнергии (Total Solar Distributed Generation), хранения энергии (Saft (Франция), Tianneng Energy Technology (Китай)). В сфере технологий экономики энергопотребления действует GreenFlex, предлагающая решения по снижению углеродного следа, интеграции финансовых механизмов и инвестиций по снижениям выбросов бизнеса, построения стратегии низкоуглеродного развития.

²⁰ TotalEnergies Universal Registration Document 2021. *TotalEnergies*. [Electronic resource] URL: https://totalenergies.com/system/files/documents/2022-03/DEU_21_VA.pdf (accessed 12.02.2023)

²¹ Total Has Successfully Issued Hybrid Bonds To Finance Its Development Strategy in Renewables. *TotalEnergies*. [Electronic resource]. – URL: <https://totalenergies.com/media/news/press-releases/total-has-successfully-issued-hybrid-bonds-finance-its-development> (accessed 12.02.2023)

ние проектов ВИЭ и достижение целей в области энергоперехода. В июне 2021 г. итальянская ENI выпустила евробонды, связанные с устойчивым развитием²². Выпущенные облигации привязаны к результатам компании в области достижения целей по снижению выбросов CO₂ и увеличению установок с использованием ВИЭ. Стоит отметить опубликованное накануне выпуска евробондов «Руководство по финансированию, связанному с устойчивым развитием»²³ компании ENI. В Руководстве содержится обоснование стратегии энергетического перехода, описание схемы корпоративного управления в сфере финансирования, связанного с устойчивым развитием, а также характеристика критериев, необходимых для выпуска облигаций, связанных с устойчивым развитием.

Особое внимание в развитии инновационных решений зарубежных нефтегазовых компаний уделяется цифровизации и её распространению на всех уровнях производственной деятельности. Цифровизация рассматривается как средство совершенствования системы работы с поставщиками и их отбора в соответствии с принципами ESG, централизованной работы в области исследований и разработок. Так, в 2020 г. компанией ENI создан центр зелёных данных, который является лидером в Европе по энергоэффективности и углеродному следу. Сегодня в центре функционируют суперкомпьютеры HPC5, которые позволяют находить инновационные решения.

Исследования показывают положительное влияние зелёные инвестиций на и финансовые показатели (Aastvedt et al. 2021). При этом в некоторых случаях слишком активные инвестиции в зелёные разработки приводят к негативному финансовому результату, т.к. такие вложения отличаются высокой степенью риска и отсутствием гарантий по возврату вложений.

Стратегии российских компаний в условиях энергетического перехода

Принятие Парижского соглашения по климату дало дополнительный стимул к развитию регуляторного подхода России в области устойчивого развития. На ряду с основополагающими федеральными законами и стратегическими нормативными правовыми актами²⁴ появился ряд документов, регулирующих правовые отношения в области сокращения выбросов.

²² Eni placed sustainability linked bonds. ENI. [Electronic source] URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2021/06/eni-successfully-placed-first-euro-denominated-sustainability-linked-bond.html> (accessed 12.02.2023)

²³ Eni publishes first sustainability linked financing framework. ENI. [Electronic source] URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2021/05/eni-publishes-worlds-first-sustainability-linked-financing-framework.html> (accessed 12.02.2023)

²⁴ ФЗ «Об охране окружающей среды», ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», ФЗ «Об отходах производства и потребления», ФЗ «Об экологической экспертизе», ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», Климатическая доктрина России, «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.» и др.

Так, в рамках Указа Президента №666 от 4.11.2020 г. были установлены цели по сокращению к 2030 выбросов парниковых газов до 70% относительно уровня 1990 г., по разработке Стратегии социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г., по созданию условий для реализации мер по сокращению и предотвращению выбросов парниковых газов, по увеличению поглощения таких газов.

Благодаря принятию ФЗ «Об ограничении выбросов ПГ»²⁵ создана единая информационная система по учёту климатических проектов и углеродных единиц, а именно реестра углеродных единиц. Утверждены критерии проектов устойчивого развития и создана национальная таксономия проектов устойчивого развития²⁶. Утверждены Правила создания и ведения реестра углеродных единиц, а также проведения операций с углеродными единицами в реестре углеродных единиц²⁷.

Стоит отметить такие общеэкономические меры по борьбе с последствиями климатических изменений, как эксперимент в Сахалинской области по установлению системы торговли разрешениями на выбросы, внедрение публичной нефинансовой отчётности, разработка национальной таксономии устойчивого развития, разработка системы субсидирований российским организациям на возмещение затрат на выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным на цели инвестирования проектов по внедрению лучших доступных технологий, разработка программы запуска «низкоуглеродных» сертификатов.

Развитие национального регуляторного подхода в области энергетического перехода и международное сотрудничество обуславливают развитие стратегий российских нефтегазовых компаний в области энергетического перехода.

Для дальнейшего аналитического обзора были отобраны российские компании, включённые Transition Pathway Initiative в четвёртый уровень интеграции климатической повестки в управление компании из пяти возможных.

«Роснефть»

ПАО «НК «Роснефть»» является вертикально интегрированной нефтегазовой компанией, лидером нефтяной отрасли России. Компания осуществляет полный спектр работ – поиск, разведка месторождений углеводородов, добыча, освоение морских месторождений, переработка, реализация продукции на территории России и зарубежных государств.

²⁵ ФЗ «Об ограничении выбросов ПГ». *Президент России*. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47013> (дата обращения: 12.02.2023)

²⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2021 №1587. *Правительство Российской Федерации*. [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202109240043.pdf> (дата обращения: 12.02.2023)

²⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 30.04.2022 г. № 790. *Правительство Российской Федерации*. [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202205050004.pdf> (дата обращения: 12.02.2023)

В соответствии с принятой в конце 2021 г. стратегией корпоративного развития «Роснефть – 2030: надёжная энергия и глобальный энергетический переход» приоритетными направлениями компании стали усиление технологического развития, включая сервисный бизнес, цифровизация, совершенствование инвестиционного управления, развитие газового направления (увеличение доли газа в портфеле компании до 25%), рост доли нетопливных продаж. По аналогии с заявленными целями ведущих нефтегазовых компаний поставлена цель по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. наряду с достижением нулевого рутинного сжигания ПНГ к 2030 г. и сокращением выбросов метана на уровне менее 0,2%. Особое внимание уделяется переводу корпоративного транспорта на низкоуглеродное топливо и развитию сети зарядных устройств для электромобилей.

«Роснефть» развивает партнёрства в области борьбы с изменением климата. Так, заключено соглашение о сотрудничестве в сфере низкоуглеродного развития с китайской нефтегазовой компанией CNPC, подписано соглашение с Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой биржей касательно развития биржевой торговли углеродными единицами.

С 2021 г. компания включает показатели в области сохранения окружающей среды в КПЭ руководителей компании, в частности в сфере разработки методологии расчёта показателей по выбросам парниковых газов, формирования углеродной отчётности и её верификации, проработки решений по снижению косвенных выбросов парниковых газов, оценки возможностей природного поглощения CO₂, расширения участия компании в международных инициативах по экологическому мониторингу.

«Роснефть» использует сценарное прогнозирование, выделяя три сценария: эволюционный с учётом результатов сложившихся ретроспективных фундаментальных закономерностей, сценарий NDCs низкоуглеродный с учётом национальных целей в рамках Парижского соглашения по климату и Климатического пакта Глазго, а также сценарий «ниже 2 °С», отражающий выполнение Парижского соглашения и удержания роста температуры на уровне 1,7 °С.

Компания демонстрирует стабильные финансовые показатели. EBITDA в 2021 г. составила 2 330 млрд руб., свободный денежный поток – 1 044 млрд руб. Инвестиции в основной капитал на охрану окружающей среды составили 55 млрд руб., при этом большая часть потраченной суммы пришлась на сопряжённые природоохранные инвестиции, а именно надёжность трубопроводов, повышение уровня использования ПНГ, повышение энергоэффективности. Операционные затраты на охрану окружающей среды составили 31 млрд руб.²⁸.

²⁸ Годовой отчёт ПАО «НК «Роснефть» за 2021 г. *Роснефть*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/annual_reports/ (дата обращения: 12.02.2023)

Стоит отметить, что сегодня компания только рассматривает целесообразность развития ВИЭ. «Роснефть» учитывает выбросы охвата 3 в своей деятельности, но на настоящий момент все цели по снижению выбросов касаются охвата 1 и 2²⁹.

«Лукойл»

Бизнес-модель ПАО «Лукойл» включает геологоразведку, добычу углеводородов, энергетику, переработку, торговлю и сбыт. Оперируя в 14 странах мира, компания располагает 15,3 млрд баррелей н. э. доказанных запасов углеводородов. При этом 76% добываемых углеводородов приходится на жидкие углеводороды, а 24% – на газ³⁰.

«Лукойл» поставляет преимущественно низкоуглеродную тепловую и электрическую энергию, располагая четырьмя гидроэлектростанциями, семью солнечными и одной ветряной электростанцией.

В 2021 г. EBITDA компании составила 1404 млрд руб. (1236 млрд руб. в 2019 г.), свободный денежный поток сохранился на уровне допандемийного 2019 г. и составил 694 млрд руб. Затраты на научно-исследовательские работы составили 5 млрд руб., количество полученных патентов 26 (30 в 2019 г., 25 в 2020 г.).

В 2021 г. компания признала ключевыми в своей деятельности такие темы, как изменение климата, корпоративное управление и ESG, охрана окружающей среды, благополучие работников и взаимодействие с обществом.

Инвестиции в достижение целей устойчивого развития составили 250 млрд руб. и включили такие направления, как программа экологической безопасности, программа по рациональному использованию ПНГ, производственный и экологический контроль, сохранение биологического разнообразия, программы промышленной безопасности, предотвращение и ликвидация аварийных ситуаций. При этом на программу по развитию ВИЭ и энергосбережения было потрачено 2650 млн руб. Общие расходы на охрану окружающей среды составили 21,4 млрд руб. 58% из этих расходов пришлись на проекты охраны атмосферного воздуха, 15% – проекты охраны и рационального использования водных ресурсов, 14% – на утилизацию отходов производства.

Ключевым инструментом управления эффективностью деятельности «Лукойла» выступает корпоративная система оценки деятельности. С 2021 г. в свод КПД были интегрированы показатели в области устойчивого развития, а именно сводный показатель «обеспечение требуемого уровня промышленной безопасности, охраны труда и окружающей среды», в оценке которого учитываются

²⁹ Там же.

³⁰ Годовой отчёт ПАО «Лукойл» за 2021 г. *Лукойл*. [Электронный ресурс] URL: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/587033.pdf> (дата обращения: 12.02.2023)

среди прочего выбросы загрязняющих веществ, сброс загрязнённых сточных вод. Компанией разработаны концепция финансовой оценки климатических рисков, программа декарбонизации Группы «Лукойл» на 2022–2024, утверждена Техническая политика Группы «Лукойл» в области энергетической эффективности и сокращения выбросов парниковых газов России. По трём направлениям деятельности – нефтегазодобыча, нефтепереработка и нефтехимия, электроэнергетика – компания устанавливает задачи и основные мероприятия по декарбонизации, а именно полезное использование ПНГ, оптимизация бурения, модернизация оборудования, строительство объектов с использованием ВИЭ.

Произведена работа по актуализации работы с подрядчиками. Актуализирована нормативная документация и требования к поставщикам и подрядчикам с учётом ESG-требований, а именно снижение негативного воздействия на окружающую среду, обеспечение безопасности выполняемых работ, внедрение технологически и инновационных решений, применение ВИЭ, выпуск экологически чистой продукции. Компанией разработан собственный справочник ESG-данных, интегрированный в годовой отчёт.

Структура Совета директоров компании включает Комитет по стратегии, инвестициям, устойчивому развитию и климатической адаптации. В рамках комитета по инвестициям, координации планов и рискам действует Рабочая группа по устойчивому развитию и Рабочая группа по декарбонизации и адаптации к изменениям климата.

Компания применяет сценарное прогнозирование и выделяет три сценария – «эволюция» (рост глобальной температуры воздуха к 2100 г. на 2,6 °С), «равновесие» (удержание потепления на уровне 2°С), «трансформация» (рост температуры воздуха не более 1,5°С).

В 2021 г. сокращение выбросов (охват 1 и охват 2) составило 18,5% по отношению к базовому 2017 г. Производственное потребление электроэнергии, выработанной от ВИЭ, составило 54 тыс. ГДж (37 тыс. ГДж в 2019 г.), установленная мощность генерирующего оборудования составила 416 МВт. Доля инвестиций в проекты ВИЭ от капитальных затрат в бизнес-секторе «Электроэнергетика» составила 18%, доля доходов, полученных от продажи электроэнергии, произведённой от ВИЭ – 14%. Запуск проекта по сбору и транспорту ПНГ в Пермском крае в 2020 г. позволил повысить уровень использования ПНГ с 87,8% до 97%.

Группа компаний «Лукойл» принимает участие в национальных проектах России – «Цифровая экономика», «Экология», «Производительность труда», «Демография», «Образование», «Здравоохранение», «Культура», «Жильё», «Малое и среднее предпринимательство».

«Татнефть»

ПАО «Татнефть» является одной из крупнейших нефтегазовых компаний, деятельность которой распространяется на такие направления, как нефтегазовая добыча, нефтепереработка, нефтегазохимия, композитный кластер, элект

троэнергетика, разработка и производство оборудования для нефтегазовой отрасли, банковский бизнес. Компания представлена в 10 странах и включает 110 предприятий.

В 2021 г. скорректированная EBITDA компании составила 297 млрд руб., прибыль, причитающаяся акционерам – 198 млрд руб., свободный денежный поток – 148 млрд руб., ROACE – 22,1%.

В основе бизнес-модели компании «Татнефть» – интеграция целей устойчивого развития на всех уровнях работы, достижение целей по декарбонизации, внедрение принципов циркулярной экономики, учёт мнения заинтересованных сторон, развитие благоприятной окружающей и социально-инфраструктурной среды.

В 2019 г. компания заявила о присоединении к глобальному договору ООН и ЦУР, определила направление корпоративных действий в сфере устойчивого развития. В 2022 г. ESG-факторы и ЦУР были полноценно интегрированы в бизнес-модели, а именно сформирована корпоративная стратегия устойчивого развития, внедрены основные метрики в операционную деятельность и систему мотивации, определён порядок проведения регулярного мониторинга действий по достижению ЦУР, определены целевые показатели по достижению ЦУР до 2050 г.

С 2019 г. компания незначительно снизила показатель по добыче нефти с 29,8 млн т до 27,8 млн т. Также снизилась и добыча газа с 1009 млн м³ в 2019 г. до 885 млн м³ в 2021 г. Коэффициент использования попутного нефтяного газа увеличился с 95,93% в 2019 г. до 96,13% в 2021 г. Было сокращено водопотребление с 77 млн м³ до 69 млн м³ при увеличении объёма оборотной и повторно используемой воды с 1057 млн м³ до 10144 млн м³. Объём валовых выбросов загрязняющих веществ 103,5 тыс. т остался на уровне 2019 г., уменьшив значение 2020 г. Выбросы парниковых газов увеличились: охват 1 с 6,3 млн т CO₂-экв до 7,5 млн т CO₂-экв, охват 2 с 5,1 млн т CO₂-экв до 5,4 млн т CO₂-экв, охват 3 со 111 млн т CO₂-экв до 124 млн т CO₂-экв³¹.

В 2021 г. компания на 4% увеличила инвестиции в охрану окружающей среды (11800 млн руб.) при этом по сравнению с уровнем вложений 2019 г. (12325 млн руб.) этот показатель сократился. Компания провела детализацию вклада в природоохранную деятельность по всем бизнес-направлениям в соответствии с Европейским классификатором природоохранной деятельности. Так, наибольшую долю природоохранных вложений можно отметить в секторе нефтегазопереработки (50,3%) и разведки и добычи (34,6%), в первую очередь, за счёт вложений в основной капитал. Далее следуют нефтегазохимия (4,8%) и шинный бизнес (5,3%)³².

³¹ Годовой отчёт ПАО «Татнефть» за 2021 г. *Татнефть*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.tatneft.ru/aksioneram-i-investoram/raskritie-informatsii/godovie-otcheti> (дата обращения: 12.02.2023)

³² Там же.

Компания предоставляет данные по сопоставлению достигнутых в 2021 г. результатов и поставленных на этот год целей. Были достигнуты цели по снижению удельных выбросов парниковых газов в секторе «разведка и добыча», перевыполнена цель по снижению удельного образования отходов в этом же секторе. По остальным секторам цели по снижению удельных выбросов и отходов не были достигнуты, но показатели приближены к поставленным задачам.

«Татнефть» проинвестировала 11,8 млн руб. на исследование по оценке ветросолнечного энергетического потенциала и продолжает внедрение ВИЭ на АЗС компании. В 2021 г. компания показала положительную динамику по потреблению энергии, вырабатываемой на основе ВИЭ. В четыре раза увеличилось потребление солнечной энергии с 6900 кВтч до 30450 кВтч (Мастепанов 2019).

Стоит отметить интегрирование в КПЭ менеджмента компании целей в области устойчивого развития, а именно снижение выбросов парниковых газов, рациональное использование энергоресурсов, обеспечение надёжности оборудования, развитие инноваций и реализацию социально-ориентированных проектов. Наряду с финансовыми показателями – EBITDA, ROACE, денежный поток от инвестиционных проектов – особое внимание уделяется качеству управления проектами, состоянию промышленной безопасности, выполнению производственной программы. Повышается интенсивность работы с членами совета директоров по повышению их профессиональных компетенций в области ESG и устойчивого развития посредством прохождения дополнительных образовательных программ. Компания уделяет внимание соответствию своих поставщиков заявленным целям компании в области снижения выбросов по всей цепочке продукции.

В 2021 г. компания стала лидером по полученным патентам и обладает разветвлённой системой собственных центров по исследованиям и разработкам, развивает партнёрства с отраслевыми центрами, академическими институтами и технологическими партнёрами. Стоит отметить развитие консорциума «Водород как основа низкоуглеродной экономики» (совместно с институтом катализа СО РАН), а также проект в области переработки отработанных растительных и животных жиров с целью получения биокомпонентов моторных топлив с французской компанией AXENS. Компанией зарегистрировано 2 916 действующих объектов интеллектуальной собственности³³.

В рамках климатической политики компания реализует программу по уменьшению выбросов парниковых газов, программу «Защита и восстановление экосистем суши». Компания выступает партнёром программы поддержки внедрения технологий в области экологии и устойчивого развития GreenTech Startup Booster.

³³ Там же.

Сравнительный анализ стратегий зарубежных и российских нефтегазовых компаний в области энергетического перехода

Проведённый сравнительный анализ стратегий зарубежных и российских нефтегазовых компаний в области энергоперехода позволил сделать ряд выводов.

Таблица №1. Сравнительная таблица данных отобранных нефтегазовых компаний в области финансовых показателей, инвестиций в устойчивое развитие и позиций в рейтингах ESG

Table 1. Comparative table of data of selected oil and gas companies in the field of financial indicators, investments in sustainable development and positions in ESG ratings

Компания Показатель	TotalEnergies	Shell	ENI	«Роснефть»	«Лукойл»	«Татнефть»
Доказанные запасы углеводородов (млрд барр н.э)	12.1	9.4	6.6	38.3	15.3	1.2
ЕВИТДА (\$млн)	42 302	60 357	22 957	33 125 (2 330 млрд руб.)	19 960 (1404 млрд руб.)	4 060 (297 млрд руб.)
Свободный денежный поток (\$млн)	16 456	40 337	9 604	14842 (1 044 млрд руб.)	9860 (694 млрд руб.)	2 024 (148 млрд руб.)
Расходы на НИОКР (\$млн)	849	815	189	427 (30 млрд руб.)	71 (5 млрд руб.)	18 (1.3 млрд руб.)
Расходы на ВИЭ/окружающую среду (\$млн)	4 506	328 (40% ВИЭ)	Нет данных	782 (55 млрд руб.) Охрана окружающей среды	300 (21,4 млрд руб.) Охрана окружающей среды 38 (2 650 млн руб.) ВИЭ	161 (11800 млн руб.) Охрана окружающей среды 0,17 (11 783 тыс. руб.) ВИЭ
Установленная мощность ВИЭ	10.3 GW	1.2 GW	1.1 Gw	Нет данных	416 Мвт	Нет данных
Патенты	200 заявок	Нет данных по 2021 г.	30 патентов получено	66 патентов получено	26 патентов получено	138 патентов получено
ESG Risk Rating	30,1 высокий	37,6 высокий	26,7 средний	46,2 крайне высокий	39,4 высокий	47 крайне высокий
Чувствительность компании к ESG-рisku	высокая	высокая	высокая	высокая	высокая	высокая

Компания / Показатель	TotalEnergies	Shell	ENI	«Роснефть»	«Лукойл»	«Татнефть»
Корпоративное управление рисками	сильный	сильный	сильный	сильный	сильный	средний
Уровень интеграции ESG в деятельность компании	4 из 4 Уровень стратегической оценки	4 из 4 Уровень стратегической оценки	4 из 4 Уровень стратегической оценки	3 из 4 Уровень интеграции в операционный процесс принятия решений	3 из 4 Уровень интеграции в операционный процесс принятия решений	3 из 4 Уровень интеграции в операционный процесс принятия решений

Источник: составлено автором на основе данных официальной отчётности компаний, ресурсов ESG-рейтингования <https://www.sustainalytics.com/>, <https://www.transitionpathwayinitiative.org/> (accessed 12.02.2023).

Анализ корпоративной отчётности выбранных компаний, позиционирование компании в отношении энергетического перехода и объём направляемых на соответствующие проекты финансовых средств свидетельствуют о более активной позиции западноевропейских компаний и о более раннем включении в климатическую повестку, нежели у российских компаний. Инвестиции в ВИЭ и экологические проекты, количество партнёрств со стартапами и исследовательскими центрами значительно превышают российские показатели. Выбранные зарубежные компании имеют более высокий рейтинг устойчивости к ESG-рискам, при этом у всех компаний отмечается сильный уровень корпоративного управления в отношении рисков.

В соответствии с данными официальной отчётности выбранных компаний каждая из них заявила о цели по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. При этом западноевропейские компании обращают внимание о включении охвата 3 в эти цели, в то время как российские компании заявляют об охвате 1+2. В соответствии с данными Transition Pathway Initiative выбросы CO₂ российских компаний выше, чем у западноевропейских. При этом Transition Pathway Initiative не публикует данные об уже поставленных целях по достижению углеродной нейтральности российских компаний к 2050 г., что возможно, обусловлено включением в цель только охвата 1+2. Выбросы российских компаний превышают показатели европейских компаний, при этом можно говорить о тенденции к снижению и нахождению на медианном уровне нефтегазовой индустрии (рис. 4). При этом все три рассмотренные российские компании рассчитывают выбросы парниковых газов охвата 3 и публикуют соответствующие данные. Кроме того, практика учета выбросов охвата 3 распространена и в других крупных российских компаниях, как например «Северсталь», «Норникель», что наряду с развивающейся методологией учёта таких выбросов свидетельствует о серьёзном внимании к учёту всех уровней выбросов со стороны компаний в России (Морозова, Семенова 2022).

Рисунок 4. Выбросы CO₂ выбранных нефтегазовых компаний и их поставленные цели.
Figure 4. CO₂ emissions of selected oil and gas companies and their goals.

Источник. <https://www.transitionpathwayinitiative.org/sectors/oil-gas> (accessed 12.02.2023)

Стоит отметить прогресс российских компаний в отношении нефинансовой отчётности и раскрытия ESG-информации. «Лукойл» создал собственный справочник ESG-данных. «Роснефть», «Лукойл» и «Татнефть» раскрывают и оценивают риски, связанные с изменением климата, в соответствии с требованиями TCFD³⁴. Компании сопоставляют фактические показатели с поставленными климатическими целями в том или ином отчётном периоде. Все компании включают в КПЭ руководства показатели сокращения выбросов и климатической повестки. «Лукойл» обладает наибольшим опытом внедрения ВИЭ с положительным экономическим эффектом. «Татнефть» также развивает направление ВИЭ. «Роснефть» на настоящий момент только оценивает целесообразность такого развития, концентрируясь на увеличении доли газового бизнеса. Несмотря на то, что российские компании в отличие от европейских партнёров не развивают стартап-инкубаторы и фонды зелёных инициатив, патентная активность находится на высоком уровне. «Татнефть», являясь лидером по количеству патентов, единственная из российских нефтегазовых компаний участвует в GreenTech Startup Booster, акселераторе «Сколково», развивающем новые зелёные технологии.

Стоит отметить, что специфика российских нефтегазовых компаний определяется их национальнообразующим положением. Так, российские компании участвуют в основных федеральных программах в области климата, экологии,

³⁴ Task Force on Climate Related Financial Disclosures.

здравоохранения, являются градообразующими предприятиями, обеспечивая необходимый уровень социальной поддержки и реализуя масштабные экологические проекты³⁵.

В эпоху энергоперехода ни одна из ведущих энергетических компаний не остаётся в стороне и вносит коррективы в стратегии своего развития в соответствии с регуляторной средой, требованиями рынка, ожиданиями потребителей. Не всегда региональный или национальный контекст является определяющим в выборе стратегии, учитывая высокую степень интернационализации деятельности крупных нефтегазовых компаний (Salygin, Lobov 2021). Глобальный энергетический переход, безусловно, создаёт вызовы для развития отечественной нефтегазовой отрасли (Мастепанов 2019; Телегина и др. 2021; Митрова 2021). Россия, находясь в непростой геополитической ситуации, продолжает курс на низкоуглеродное развитие и располагает достаточным потенциалом сотрудничества в области устойчивого развития с Китаем (Хубаева, Соловова 2022), в рамках ШОС³⁶ и ЕАЭС (Габов, Лизикова 2022). Используя такие возможности, российские нефтегазовые компании смогут реализовать проекты в области энергетического перехода, несмотря на санкционное давление (Саитова и др. 2022).

Заключение

Сравнительный анализ подходов ведущих российских и зарубежных нефтегазовых компаний к обеспечению устойчивого развития позволил выделить ряд актуальных направлений энергетической трансформации российского нефтегазового сектора:

- цифровизация. Потенциал российских разработок в сфере ИТ способен ускорить сокращение выбросов и повысить энергоэффективность нефтегазового комплекса (Харланов 2021);
- увеличение доли газового бизнеса (на примере компании «Роснефть»);
- развитие направления ВИЭ компаниями традиционной энергетики («Лукойл», «Татнефть»), а также водородной энергетики (Hunt et al. 2022);
- актуализация внутренних подразделений, внедрение рабочих групп по декарбонизации, устойчивому развитию (на примере компании «Лукойл»);
- включение в КПЭ руководства показателей экологической безопасности, климатической политики и достижения целей по сокращению выбросов;

³⁵ Zagrebelnaya N.S., Salygin V.I., Riabova M.I. 2022. Energy Development of the Russian Arctic and Sustainable Development. Pak E.V., Krivtsov A.I., Zagrebelnaya N.S. (eds) *The Handbook of the Arctic*. Palgrave Macmillan, Singapore.

³⁶ The 21st meeting of the Council of Heads of Government (Prime Ministers) of the Member States of the Shanghai Cooperation Organisation. *Shanghai Cooperation Organization Secretariat*. [Electronic resource] URL: <http://eng.sectsc.org/archives/20221102/922237/Joint-communication-following-the-21st-meeting-of-the-SCO-Heads-of-Government-Prime-Ministers-Council.html> (accessed 12.02.2023)

– повышение требований к подрядчикам и учёт ESG-показателей при выборе подрядчика.

Стоит отметить, что начиная с 2018–2019 гг. российские нефтегазовые компании значительно усовершенствовали нефинансовую отчётность и раскрытие информации в области ESG-трансформации и устойчивого развития в соответствии с признанными международными стандартами. Выделенные направления развития российского нефтегазового сектора отвечают международным тенденциям. При этом развитие новых энергетических направлений, включая ВИЭ и водородную энергетику, получают пока более скромное финансирование в российских компаниях. Увеличение финансирования таких проектов наряду с созданием стартап-акселераторов и расширением сотрудничества с исследовательскими лабораториями может оказать положительный эффект на технологическое преимущество российских компаний. Особое внимание при этом следует уделить развитию партнёрских связей со странами ШОС и ЕАЭС. Кроме того, интересно изучение российскими компаниями зарубежного опыта в области привлечения зелёного финансирования и использования соответствующих инструментов, принимая во внимание развитие в России национального регулирования в области торговли зелёными облигациями и принятия таксономии зелёных проектов.

Таким образом, выводы, полученные в настоящей статье, могут быть использованы для дальнейшего исследования в отношении перспектив низкоуглеродного сотрудничества с неевропейскими энергетическими компаниями в условиях санкционных ограничений и сохранения актуальности проблемы изменения климата. Стоит подчеркнуть, что российские компании для настоящей статьи были отобраны исходя из положительной динамики развития их нефинансовой отчётности и высоких позиций в соответствующих рейтингах. Проведение дальнейшего исследования с учётом расширенной выборки за счёт энергетических компаний, уделяющих меньшее внимание климатической повестке, может привести к дополнительным результатам.

Об авторе:

Мария Игоревна Рябова – соискатель, ведущий аналитик МГИМО МИД России. 119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: m.i.riabova@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 620.9, 364.68
Received: October 23, 2022
Accepted: February 10, 2023

Strategies of the Russian Oil and Gas Companies at the Era of Energy Transition

M.I. Riabova
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-219-243](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-1-88-219-243)

MGIMO University

Abstract: Exacerbating climatic change accelerates the formation of ESG national regulatory approaches and the development of non-financial reporting, stimulating new green financing mechanisms both abroad and in Russia. Russian oil and gas companies, particularly Lukoil, Rosneft, and Tatneft, demonstrate the strengthening of environmental and social components in their reports, administration restructures, and improved corporate regulatory documentation concerning the principles of sustainable development. Due to the national features of regulatory and market approaches, European companies are more ambitious regarding the pace of their energy transition and updating the climatic agenda at all operating levels.

The article compares the strategies of European energy companies (Shell, Eni, Totlenergies) and Russian energy companies (Lukoil, Rosneft, and Tatneft) in sustainable development and energy transition. The case selection is based on positive financial indicators and companies' progress in sustainability rankings, such as ACRA, WFF Russia, CDP, and TPI. In conclusion, the article identifies the following priority corporate strategies: digitalization as a way of reducing emissions; an increase in the share of the gas business; development of renewable energy sources; optimization of the internal structure; adding ESG indicators to the leadership's KPI; adding ESG indicators to requirements for contractors.

Keywords: energy transition, sustainable development, ESG reporting, oil and gas companies, Russia, sustainable development, carbon neutrality, fuel and energy complex, climate

About the author:

Maria I. Riabova – PhD student, leading analyst at the Center for strategic research and digitalization MGIMO University. 119454, Russian Federation, Moscow, Vernadsky prospect, 76. E-mail: m.i.riabova@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Aastvedt T.M., Behmiri N.B., Lu L. 2021. Does Green Innovation Damage Financial Performance of Oil and Gas Companies? *Resources Policy*. 73(4). P. 102235. DOI: 10.1016/j.resourpol.2021.102235

- Bach M. 2019. The Oil and Gas Sector: from Climate Laggard to Climate Leader? *Environmental Politics*. 28(1). P. 87-103. DOI: 10.1080/09644016.2019.1521911
- Bricout A., Slade R., Staffell I., Halttunen K. 2022. From the Geopolitics of Oil and Gas to the Geopolitics of the Energy Transition: Is there a Role for European Supermajors? *Energy Research & Social Science*. 88(3). P. 102634. DOI: 10.1016/j.erss.2022.102634
- Chaiyapa W., Esteban M., Kameyama Y. 2018. Why Go Green? Discourse Analysis of Motivations for Thailand's Oil and Gas Companies to Invest in Renewable Energy. *Energy Policy*. №120. P. 448-459. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.05.064
- Hartmann J., Inkpen A.C., Ramaswamy K. 2021. Different Shades of Green: Global Oil and Gas Companies and Renewable Energy. *Journal of International Business Studies*. 52(1). P. 879-903. DOI: 10.1057/s41267-020-00326-w
- Hunt J.D., Nascimento A., Nascimento N., Vieira L.W., Romero O.J. 2022. Possible Pathways for Oil and Gas Companies in a Sustainable Future: From the Perspective of a Hydrogen Economy. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 160(1). P. 112291. DOI: 10.1016/j.rser.2022.112291
- Ilic A., Ponomarenko T.V. 2020. Role of Renewables in Strategies of Oil Companies from Central and Eastern Europe. *Advances in Raw Material Industries for Sustainable Development Goals*. Litvinenko (Ed). London: Taylor & Francis Group.
- Jarboui S. 2021. Renewable Energies and Operational and Environmental Efficiencies of the US Oil and Gas Companies: A True Fixed Effect Model. *Energy Reports*. 7(4). P. 8667-8676. DOI: 10.1016/j.egy.2021.04.032
- Li M., Trencher G., Asuka J. 2022. The Clean Energy Claims of BP, Chevron, ExxonMobil and Shell: A Mismatch between Discourse, Actions and Investments. *PLoS ONE*. 17(2). P. e0263596. DOI: 10.1371/journal.pone.0263596
- Morgunova M., Shaton K. 2022. The Role of Incumbents in Energy Transitions: Investigating the Perceptions and Strategies of the Oil and Gas Industry. *Energy Research & Social Science*. No. 89. P. 102573. DOI: 10.1016/j.erss.2022.102573
- Nasiritousi N. 2017. Fossil Fuel Emitters and Climate Change: Unpacking the Governance Activities of Large Oil and Gas Companies. *Environmental Politics*. 26(4). P. 621-647. DOI: 10.1080/09644016.2017.1320832
- Pickl M.J. 2019. The Renewable Energy Strategies of Oil Majors – From Oil to Energy? *Energy Strategy Reviews*. No. 26. P. 100370. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100370
- Pickl M.J. 2021. The Trilemma of Oil Companies. *The Extractive Industries and Society*. 8(2). P.100868. DOI: 10.1016/j.exis.2021.01.003
- Salygin V.I., Lobov D.S. Defining Major Oil and Gas Companies' Development Strategies in the Era of Energy Transition. *MGIMO Review of International Relations*. 14(5). P. 149-166. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-149-166
- Wang Q., Guo J., Li R., Jiang X. 2023. Exploring the Role of Nuclear Energy in the Energy Transition: A Comparative Perspective of the Effects of Coal, Oil, Natural Gas, Renewable Energy, and Nuclear Power on Economic Growth and Carbon Emissions. *Environmental Research*. No. 221. P. 115290. DOI: 10.1016/j.envres.2023.115290
- Zhong M., Bazilian M.D. 2018. Contours of the Energy Transition: Investment by International Oil and Gas Companies in Renewable Energy. *The Electricity Journal*. 31(1). P. 82-91. DOI: 10.1016/j.tej.2018.01.001
- Babicheva L.K., Neprinceva E.V., Shubin S.A. 2020. Riski razvitiya VIE v neftegazovoy otrasli v usloviyah covid-19 [Risk of Renewable Energy Sources Development in the Oil and Gas Industry in the Context of Covid-19]. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment*. 11(4). P. 412-419. DOI: 10.17747/2618-947X-926. (In Russian).

Bashmakov I.A. 2018. Energetika mira: mify proshlogo i uroki budushchego [World Energy: Myths of the Past and Lessons of the Future]. *Voprosy ekonomiki*. №4. P. 49-75. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-4-49-75. (In Russian).

Bashmakov I.A. 2022. Masshtab neobhodimyyh usilii po dekarbonizatsii mirovoj promyshlennosti [The Scale of Action Required to Decarbonize Global Industry]. *Fundamental'naya i prikladnaya klimatologiya*. 8(2). P. 151-174. DOI: 10.21513/2410-8758-2022-2-151-174. (In Russian).

Gabov A.V., Lizikova M.S. 2022. Energeticheskoe pravo Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: formirovanie i osnovy [Energy Law of the Eurasian Economic Union: The Establishment and Fundamentals]. *Predprinimatel'skoe pravo*. №2. P. 13-24. DOI: 10.18572/1999-4788-2022-2-13-24. (In Russian)

Harlanov A.S. 2021. Neftegazovoy sektor v Industrii 4.0.: perekhod na vobnovlyaemye istochniki energii i itogi cifrovizatsii [Gas Oil Sector by Industry 4.0.: Transfer to Renewable Energy Sources and Digitalization Results]. *Sovremennyye tekhnologii upravleniya*. 2(95). P. 2226-9339. DOI: 10.24412/2226-9339-2021-295. (In Russian).

Hubaeva A.O., Solovova Yu.V. 2022. Uстойchivoe razvitie nacional'nyh neftegazovykh kompanij Kitaya v usloviyah global'nogo energeticheskogo perekhoda [Sustainable Development of China's National Oil and Gas Companies in the Context of the Global Energy Transition]. *Aziatsko-Tihookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*. 24(1). P. 64–84. (In Russian).

Kuklina E.A. 2018. Uстойchivoe razvitie i novyye vyzovy energeticheskogo rynka: popravka na «New Normal» [Sustainable Development and New Challenges of the Energy Market: Amendment on “New Normal”]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. №3. P. 27-35. (In Russian).

Masterpanov A.M. 2019. Energeticheskij perekhod kak novyy vyzov mirovoy neftegazovoy otrasli [Energy Transition as a New Challenge for the Global Oil and Gas Industry]. *Energeticheskaya politika*. №2. P. 62-29. (In Russian).

Mitrova T.A. 2021. Energoperekhod i riski dlya Rossii [Energy Transition and Risks for Russia]. *Neftegazovaya vertikal'*. №6. P. 28-34. (In Russian).

Morozova I.A., Semova E.V. 2022. Sovremennyye trebovaniya k uchetu kosvennykh vybrosov parnikovyykh gazov organizatsii [Accounting for Indirect Greenhouse Gas Emissions: Current Requirements]. *Standarty i kachestvo*. №8. P. 22-27. (In Russian).

Popad'ko N.V., Badalov V.O. 2021. Neftegazovyye mejdzhory v usloviyah mirovogo energeticheskogo perekhoda i koronakrizisa: rol' innovatsiy (na primere korporatsii Chevron) [Oil and Gas Majors in the Context of the Global Energy Transition and the Coronacrisis: The Role of Innovation (On the Example of Chevron Corporation)]. *Innovatsii i Investitsii*. №12. P. 4-8. (In Russian).

Porfir'ev B.N. 2016. Zelenyye tendentsii v mirovoj finansovoy sisteme [Green Trends in the Global Financial System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 60(9). P. 5-16. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-5-16. (In Russian).

Porfir'ev B.N. 2022. Dekarbonizatsiya versus adaptatsiya ekonomiki k klimaticheskim izmeneniyam v strategii ustaychivogo razvitiya [Decarbonization vs. Adaptation of the Economy to Climate Change within the Sustainable Development Strategy]. *Problemy prognozirovaniya*. 4(193). P. 45–54. (In Russian).

Saitova A.A., Il'inskiy A.A., Fadeev A.M. 2022. Scenarii razvitiya neftegazovykh kompanij Rossii v usloviyah mezhdunarodnykh ekonomicheskikh sanktsiy i dekarbonizatsii energetiki [Scenarios for the Development of Oil and Gas Companies in Russia in The Context of International Economic Sanctions and the Decarbonization of the Energy Sector]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*. 3(77). P. 134–143. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2022.77.009. (In Russian).

Salygin V.I., Lobov D.S. 2021. Strategii razvitiya krupnyh neftegazovyh kompanij v epohu energeticheskogo perekhoda [Defining Major Oil and Gas Companies' Development Strategies in the Era of Energy Transition]. *MGIMO Review of International Relations*. 14(5). P. 149-166. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-149-166. (In Russian).

Telegina E.A., Studenikina L.A., Chapajkin D.A. 2021. Novye vyzovy energorynka – mir i Rossiya, vozmozhnosti rosta [New Challenges of the Energy Market – The World and Russia, Opportunities for Growth]. *Energeticheskaya politika*. 8(162). P. 18-29. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Бабичева Л.К., Непринцева Е.В., Шубин С.А. 2020. Риски развития ВИЭ в нефтегазовой отрасли в условиях covid-19. Стратегические решения и риск-менеджмент. 11(4). С. 412–419. DOI: 10.17747/2618-947X-926.

Башмаков И.А. 2022. Масштаб необходимых усилий по декарбонизации мировой промышленности. *Фундаментальная и прикладная климатология*. 8(2). С. 151–174. DOI: 10.21513/2410-8758-2022-2-151-174.

Башмаков И.А. 2018. Энергетика мира: мифы прошлого и уроки будущего. *Вопросы экономики*. № 4. С. 49–75. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-4-49-75.

Габов А.В., Лизикова М.С. 2022. Энергетическое право Евразийского экономического союза: формирование и основы. *Предпринимательское право*. №2. С. 13-24. DOI: 10.18572/1999-4788-2022-2-13-24

Куклина Е.А. 2018. Устойчивое развитие и новые вызовы энергетического рынка: поправка на «New Normal». *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 3. С. 27–35.

Мастепанов А.М. 2019. Энергетический переход как новый вызов мировой нефтегазовой отрасли. *Энергетическая политика*. №2. С. 62–29

Митрова Т.А. 2021. Энергопереход и риски для России. *Нефтегазовая вертикаль*. №6. С. 28–34.

Морозова И.А., Семова Е.В. 2022. Современные требования к учету косвенных выбросов парниковых газов организации. *Стандарты и качество*. 8. С. 22–27.

Попадьюк Н.В., Бадалов В.О. 2021. Нефтегазовые мейджоры в условиях мирового энергетического перехода и коронакризиса: роль инноваций (на примере корпорации Chevron). *Инновации и инвестиции*. №12. С. 4–8.

Порфирьев Б.Н. 2016. Зелёные тенденции в мировой финансовой системе. *Мировая экономика и международные отношения*. 60(9). С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-5-16.

Порфирьев Б.Н. 2022. Декарбонизация versus адаптация экономики к климатическим изменениям в стратегии устойчивого развития. *Проблемы прогнозирования*. 4(193). С. 45–54. DOI: 10.47711/0868-6351-193-45-54.

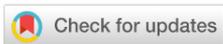
Саитова А.А., Ильинский А.А., Фадеев А.М. 2022. Сценарии развития нефтегазовых компаний России в условиях международных экономических санкций и декарбонизации энергетики. *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 3(77). С. 134–143. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2022.77.009.

Салыгин В.И., Лобов Д.С. 2021. Стратегии развития крупных нефтегазовых компаний в эпоху энергетического перехода. *Вестник МГИМО-Университета*. 14(5). С. 149-166. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-149-166.

Телегина Е.А., Студеникина Л.А., Чапайкин Д.А. 2021. Новые вызовы энергорынка – мир и Россия, возможности роста. *Энергетическая политика*. 8(162). С. 18–29.

Харланов А.С. 2021. Нефтегазовый сектор в Индустрии 4.0.: переход на возобновляемые источники энергии и итоги цифровизации. *Современные технологии управления*. 2(95). С. 2226-9339. DOI: 10.24412/2226-9339-2021-295.

Хубаева А.О., Соловова Ю.В. 2022. Устойчивое развитие национальных нефтегазовых компаний Китая в условиях глобального энергетического перехода. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 24(1). С. 64–84. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-1/64-84.

История расширения Североатлантического альянса в 1990-е гг. как сюжет с открытым концом

Н.И. Еряшев

Московская высшая школа социальных и экономических наук

Рецензия на книгу: Sarotte M.E. 2021. *Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate*. Yale University Press. 550 p.

Ключевые слова: военно-политические союзы, история НАТО, «Партнёрство ради мира», объединение Германии, расширение НАТО, мир после холодной войны, европейская безопасность

Книга Мэри Элиз Саротт «Ни на дюйм: Америка, Россия и тупик, сложившийся после холодной войны» – отмеченный рядом международных наград труд, достойный занять место в библиотеке исследователей американской и российской внешней политики. В названии профессор Университета Джонса Хопкинса отсылает читателя к разговору, состоявшемуся 9 февраля 1990 г. между советским лидером М. Горбачёвым и госсекретарём США Дж. Бейкером, в котором последний в качестве альтернативы нейтралитету объединённой Германии предложил сохранение страны в составе НАТО, добавив, что юрисдикция альянса при этом «ни на дюйм не расширится на восток». В работе рассматриваются расширение НАТО и комплекс развивавшихся вокруг него международных отношений, внутривосточных процессов в США и России в период с 1989 по 1999 г. Данная монография для Мэри Саротт во многом стала логическим завершением своеобразной трилогии, первые части которой составили вышедшие ранее из-под её пера «Коллапс: случайное падение Берлинской стены» и «1989: борьба за создание европейского порядка после окончания холодной войны».

УДК 327.51

Поступила в редакцию: 15.11.2022

Принята к публикации: 10.02.2023

История Североатлантического альянса на излёте XX в. предстаёт в виде серии из трёх необратимых решений (автор использует метафору «зубчатого механизма», допускающего передачу вращения только в одном направлении). Ни одно из них, как утверждает М. Саротт, не было predetermined: существовали альтернативы, за которые с разной степенью активности и успешности боролись ключевые исторические персонажи. На каждом из этапов речь шла о выборе между принятием возможности ограничить расширение, выстроив доверительные отношения с Россией и избежав появления новых разделительных линий и возрастания напряжённости в Европе, и отрицанием компромиссов при отстаивании принципов свободы выбора союза и открытости его дверей для новых членов.

Альтернативы действительно имелись, однако нельзя согласиться с автором в том, что выбор между ними был сколько-нибудь равновероятным. Чаша весов в пользу расширения неизменно перевешивала все другие соображения, чему способствовали как объективные факторы – стратегическая важность европейского континента для Соединённых Штатов и огромный разрыв между способностью Москвы и Вашингтона влиять на мировые процессы – так и субъективные причины – консенсус ключевых членов американского руководства по поводу необходимости такого курса.

В тот же день, когда М. Горбачёв сложил с себя полномочия президента СССР, Дж. Буш обратился к американцам с речью, в которой провозгласил победу в холодной войне (Plokhy 2015). На фоне событий 1989–1991 гг. в научных кругах сложилось представление о глобальной роли, которую должны взять на себя США в изменившемся мире (Krauthammer 1990). Независимо от идеологических воззрений большинство экспертов во главу угла ставили стратегию расширения НАТО. Либеральные институционалисты выступали за распространение её юрисдикции и сферы ответственности для стабилизации беспокойных регионов и предотвращения кризисов (Asmus et al. 1993). Реалисты также отстаивали необходимость поддержания Америкой стабильности, но уже в отношениях между государствами (Wohlforth 2014). Наконец, либеральные интернационалисты, отбросив высокопарную риторику, предлагали превратить расширение Североатлантического альянса в новый инструмент сдерживания России (Brzezinski 1994).

Учитывая эти обстоятельства, противопоставление М. Саротт расширения и сближения с Россией кажется несколько искусственным, оторванным от реальности: первое было магистральным курсом, тогда как второе представляется скорее опциональным предприятием. Такая расстановка приоритетов Вашингтоном характерна для всех трёх этапов становления политики США на данном направлении в 1990-е гг. – сопровождения объединения Германии, выбора между сотрудничеством с бывшими государствами социалистического блока в рамках программы «Партнёрство ради мира» (ПРМ) или на основе членства, дебатами о пределах расширения.

Условия объединения ФРГ и ГДР имели определяющее значение не только для судьбы будущего единого государства, но и для архитектуры безопасности на всём европейском континенте. Неудивительно, что и американское, и советское руководство при определении формата слияния стремились максимально обеспечить собственные интересы. Приводимое автором предложение Дж. Бейкера – не более чем устное обещание, которое президент Буш и его советник по национальной безопасности Brent Scowcroft поспешили дезавуировать. Впоследствии американские политики не раз будут открещиваться от него¹ (Zelikow 1995). Необходимо отметить одну из ключевых заслуг М. Саротт как историка: она не только привела неопровержимые доказательства того, что данный диалог имел место, но и сделала их доступными для других исследователей, собрав бесценный материал в единую базу документов² (Declassified documents 2017).

Сложно себе представить, что Вашингтон пошёл бы на уступки: на территории западной части находились американские войска и ядерные силы. США не выгодно было менять устоявшийся порядок вещей – Германию необходимо было удерживать в НАТО. С другой стороны, СССР также располагал средствами для отстаивания своих интересов. На территории ГДР по-прежнему размещались советские части. Горбачёв обладал авторитетом у западных лидеров и огромной популярностью среди простых немцев. Более того, за нейтральный статус Германии в тот момент выступали премьер Венгрии Миклош Немет и президент Чехословакии Вацлав Гавел, желавшие создать прецедент полного вывода войск с территории европейской страны.

При наличии потенциала, однако, не наблюдалось желания его задействовать. Описанная автором попытка заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. Фалина добиться выхода единой Германии из НАТО или, как минимум, денуклеаризации страны – лишь частная инициатива, что подтверждают мемуары и М. Горбачёва (Горбачёв 1999), и самого Валентина Михайловича (Falin 1994: 490; Фалин 1999: 163-164). В качестве причин, по которым СССР не воспользовался якобы существовавшей возможностью, авторы приводят некомпетентность Горбачёва и его команды (Болдин 1995; Корниенко 2001), некоторые и вовсе выдвигают ненаучные тезисы о предательстве советского лидера (Ахтамзян 2012). Критики, однако, упускают из виду ряд обстоятельств.

Во-первых, положение самого СССР не позволяло в безапелляционной форме диктовать свои условия. К концу 1989 г. экономическая ситуация в стране оставляла желать лучшего, что отмечалось большинством обозревателей вне зависимости от их идеологических воззрений (Гайдар 2013: 465-508; Рыж-

¹ Neal J. 2022. There was no promise not to enlarge NATO. *Harvard Law Today*, 16 March. URL: <https://hls.harvard.edu/today/there-was-no-promise-not-to-enlarge-nato/> (accessed 15.02.2023).

² Declassified documents show security assurances against NATO expansion to Soviet leaders from Baker, Bush, Genscher, Kohl, Gates, Mitterrand, Thatcher, Hurd, Major, and Woerner. 2017. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed 15.02.2023).

ков 1995: 225-250). Западные банки перестали выдавать Москве кредиты: при ограничении доступа к частному капиталу необходимо было поручительство правительств. Горбачёв зависел от благорасположения Коля, продавливавшего предоставление займов и продовольственной помощи, не в меньшей степени, чем тот от позиции советского лидера. Перемены в странах Восточной Европы привели к постепенному демонтажу ОВД. Содержание частей на их территории ложилось тяжёлым бременем на бюджет.

Во-вторых, процесс объединения Германии набирал обороты за счёт ситуации на местах. Разительно отличался уровень жизни немцев по обе стороны Берлинской стены. После открытия границ Венгрией удерживать поток эмигрантов уже не представлялось возможным. По выражению известного германиста Н.В. Павлова, «первому государству рабочих и крестьян на немецкой земле» отказали в доверии сами рабочие и крестьяне» (Павлов, Новиков 2005: 297). Бывший замминистра иностранных дел СССР Ю. Квицинский по этому поводу заметил: «ГДР распалась, контролировать этот процесс не представлялось возможным, воссоединение могло произойти де факто и вовсе без нашего согласия» (Квицинский 2008: 171).

Наконец, политика следования универсальным принципам в духе концепции «нового мышления» выглядит неэффективной только в ретроспективе. В условиях сокращения материальных возможностей поддержание хороших отношений с США и Великобританией казалось необходимым. В своих воспоминаниях М. Горбачёв отмечал, что «военное присутствие Соединённых Штатов в Европе играет стабилизирующую роль» (Горбачёв 2006), и будущее поведение окрепшей объединённой Германии волновало не только его (Тэтчер 2007: 27). У Москвы не было рычагов принудить Вашингтон к сотрудничеству на своих условиях, и демонстрация доброй воли рассматривалась в качестве единственного способа построить отношения на основе взаимности.

Следующий поворотный момент в истории НАТО также представляется более прозрачным, чем его изображает автор. Между запуском «ПРМ» и распространением членства не так много противоречий. М. Саротт действительно приводит ряд свидетельств того, что программа задумывалась как эффективный механизм внеблокового сотрудничества. В первую очередь, в паузе были заинтересованы сами Соединённые Штаты. Сохранение Германии в составе НАТО и опасения в отношении России подталкивали Польшу, Венгрию и Чехословакию к вступлению в союз, который выглядел единственным каналом движения на запад в условиях длинной очереди на вступление в ЕС. Однако включение их в орбиту альянса в начале 1990-х гг. означало бы, что Украина, на территории которой сохранялось атомное оружие, становилась буферной зоной. Как один за другим отмечали председатели Объединённого комитета начальников штабов Колин Пауэлл и Джон Шаликашвили, а также госсекретарь Уоррен Кристофер, это бы значительно осложнило курс США на присоединение страны к ДНЯО в качестве неядерной державы.

Всё же, как бы программа ни задумывалась Пентагоном, где было распространено мнение, что вооружённые силы восточноевропейских стран не смогут внести существенный вклад в оборону альянса, представляется, что в глазах политического руководства страны «ПРМ» скорее выглядела промежуточной ступенью на пути к разностороннему вступлению в НАТО для отдельных бывших членов Варшавского договора. Мнения российских исследователей, экспертов и политиков самого разного толка совпадают с данной оценкой (Штоль 2008; Kozyrev 2019; Белобров 2016).

Слишком большое число факторов указывало на такой исход. Во-первых, члены Вишеградской группы, не удовлетворённые взаимодействием с НАТО на общих основаниях, активно лоббировали вступление в альянс. На встрече с Б. Ельциным в Варшаве в августе 1993 г. польскому президенту Л. Валенсе удалось получить от своего российского коллеги согласие на включение в коммюнике признания Россией за Польшей суверенного права вступать в международные структуры по собственному желанию. В ноябре 1994 г. на промежуточных выборах в Конгресс республиканцы использовали данную тему, чтобы заручиться голосами избирателей польского происхождения. Полное поражение на них демократов усилило влияние сторонников расширения на президента Клинтона: с его стороны стали поступать недвусмысленные сигналы о том, что ни одно государство, не являющееся членом альянса, не обладает правом вето на присоединение к нему новых членов.

Тот факт, что Украина оставалась по другую сторону баррикад, лишь временно отсрочил решение: финансовые трудности Киева заставили Леонида Кравчука передать ядерные боеголовки России на условиях предоставления американской помощи. В конце января 1994 г. в Брюсселе было объявлено о первом раунде расширения. Начало операции в Чечне, и победа республиканцев на промежуточных выборах в обе палаты Конгресса окончательно выбили почву из-под ног у тех, кто выступал за осторожность и умеренность при распространении статьи 5 Вашингтонского договора на восток. Так, по словам М. Саротт, «к концу 1994 г. партнёрство для многих уступило место членству для ограниченного круга».

На третьем этапе список потенциальных членов был до неопределённости расширен. Выделение данного этапа в отдельный не выглядит оправданным: временной разрыв между ним и списанием «ПРМ» составляет всего несколько месяцев и лишь кажется больше, поскольку публичные заявления о расширении оставались приглушенными до середины 1996 г. – завершения выборов президента России, в ходе которых Клинтон открыто поддерживал Ельцина. Работа по ускорению присоединения первой тройки, чтобы успеть к 50-летию Вашингтонского договора, не прекращалась, как и продвижение идеи вступления прибалтийских стран.

Существовала ли какая-либо реальная, подкреплённая соответствующими рычагами воздействия альтернатива на тот момент? Российская дипломатия во

главе с Е.М. Примаковым предприняла попытку сопроводить вступление восточноевропейских стран в НАТО условиями, подобными тем, что действуют в отношении восточных областей Германии, однако она не увенчалась успехом. Даже при заинтересованности США в разоруженческой повестке дня данный козырь невозможно было использовать для торга. Во-первых, в условиях экономической разрухи сокращение боеголовок было выгодно и России. Во-вторых, ситуация на местах развивалась без оглядки на предпочтения Москвы. По выражению автора, формула Бейкера «ни на дюйм» постепенно обретала новый смысл – ни дюйма европейской территории не должно было остаться недоступным для потенциального расширения.

Доказывая, что данный исход не был предопределён, М. Саротт искренне сожалеет, что не удалось избежать подрыва доверия, столь заметного по саммиту ОБСЕ в Стамбуле (1999), и последовавшего свёртывания сотрудничества и общего ухудшения отношений. Спорить с её основным тезисом сложно: история едва ли демонстрирует наличие предопределённости в качестве конституирующего закона. Однако об исторических закономерностях говорить можно, вполне правомерно и делать ретроспективные прогнозы на основе причинно-следственных связей. Ни на одном из описанных перепапутий выбор в пользу выстраивания доверительных отношений с Россией не выглядит вероятным.

Установление США в качестве единственной сверхдержавы не способствовало чуткости к чужим опасениям, а трансформация старого образа мышления российской элиты была возможна только при серьёзных шагах со стороны США к налаживанию сотрудничества, масштабной поддержке Вашингтоном экономических и демократических преобразований в России. К сожалению, для американской администрации во главе с президентом Клинтоном эта поддержка свелась к более простой дружбе с Ельциным, благосклонно воспринимавшим американские инициативы.

По обе стороны наблюдалась неспособность предвидеть, к каким последствиям может привести данный курс. Госсекретарь Мадлен Олбрайт и Строуб Тэлботт отрицали право Москвы выдвигать свои условия, считая, что впоследствии общий поток, уносящий страны к свободе и демократии, увлечёт за собой и Россию. Вероятно, и Б. Ельцин со своей командой придерживались схожего мнения. Такое предположение основывалось на допущении о том, что у российских элит, формирование которых происходило в период холодной войны, поменялось восприятие альянса. С учётом того, что у многих их западных коллег картина мира не претерпела изменений, сложно ожидать того же от всего российского руководства. Не способствовали трансформации и сохранение союза в неизменном виде, и его действия на Ближнем Востоке и Балканах. Всё это в значительной мере осложняет написание истории расширения НАТО в 1990-е гг., которая становится сюжетом с открытым концом.

Об авторе:

Никита Игоревич Еряшев – старший преподаватель Факультета гуманитарных наук ОАНО «МВШСЭН». Россия, Москва, Газетный пер., 3/5с1. E-mail:erjaschew.nikita@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327.51
Received: November 15, 2022
Accepted: February 10, 2023

The History of the Expansion of the North Atlantic Alliance in the 1990s as an Open-Ended Story

N.I. Eriashev
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-244-252](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-244-252)

Moscow School of Social and Economic Sciences

Book review: Sarotte M.E. 2021. *Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate*. Yale University Press. 550 p.

Keywords: military and political alliances, NATO history, Partnership for Peace, German unification, NATO enlargement, post-cold war peace, European security

About the author:

Nikita I. Eriashev – senior lecturer, Faculty of Social Sciences, Moscow School of Social and Economic Sciences. E-mail: erjaschew.nikita@yandex.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Asmus R.D. et al. 1993. Building a New NATO. *Foreign Affairs*. 72(4). P. 28-40. DOI: 10.2307/20045713

Brzezinski Z. 1994. The Premature Partnership. *Foreign affairs*. №2. P. 67-82. DOI: 10.2307/20045920

Falin V.M. 1993. *Politische Erinnerungen*. München: Droemer Knauer. 1993. 518 s. (In German)

Kozyrev A. 2019. *The Firebird: The Elusive Fate of Russian Democracy*. University of Pittsburgh Press. 352 p.

Krauthammer C. 1990. The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*. 70(1). P. 23–33. DOI: 10.2307/20044692

Plokhly S. 2015. *The Last Empire: the Final Days of the Soviet Union*. Hachette UK. 544 p.

Wohlforth W.C. 2014. The Stability of a Unipolar World. *Realism Reader*. Routledge. P. 383-395.

Zelikow P. 1995. NATO Expansion Wasn't Ruled Out. *International Herald Tribune*, 10 August. URL: <https://www.nytimes.com/1995/08/10/opinion/IHT-nato-expansion-wasnt-ruled-out.html> (accessed 15.02.2023).

Akhtamzjan A.A. 2012. Mezhdunarodnye politicheskie posledstviya objedineniya Germanii. [The International Political Consequences of Unification of Germany]. *MGIMO Review of International Relations*. 4(25). P. 117-130. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-4-25-117-130 (In Russian)

Belobrov Y.Y. 2016. Partnerstvo radi mira ili dlya podgotovki vojny? [Partnership for Peace or War?]. *Mezhdunarodnaya zhizn*. №7. P. 77-88. (In Russian)

Boldin V.I. 1995. *Krushenie pjedestala: Shtrihi k portretu M.S. Gorbacheva* [The Fall of the Throne. Strokes to Gorbachev's Portrait]. Respublika. 447 p. (In Russian)

Gajdar E.T. 2013. *Gibel imperii. Uroki dlya sovremennoj Rossii* [Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia]. AST: Corpus. 592 p. (In Russian)

Gorbachev M.S. 1999. *Kak eto bylo: objedinenie Germanii* [How it Happened: the German Unification]. Vagrius. (In Russian)

Gorbachev M.S. 2006. *Ponyat' perestrojku... Pochemu eto vazhno sejchas* [Understanding Perestroika... Why it is Important Now]. Alpina Business Books. 400 p. (In Russian)

Kvicinskij Y.A. 2008. *Rossiya – Germaniya. Vospominaniya o budushchem* [Russia – Germany. Memories of the Future]. Detektiv-Press. 192 p. (In Russian)

Kornienko G.M. 2001. *“Holodnaya vojna”*. *Svidetel'stvo ee uchastnika* [Cold War. Recollections of a Participant]. OLMA-PRESS. (In Russian)

Pavlov N.V., Novikov A.A. 2005. *Vneshnyaya politika FRG ot Adenauera do Shredera* [Foreign Policy of the FRG from Adenauer to Schroeder]. ZAO “Moskovskie uchebniki – SiDiPress”. 608 p. (In Russian)

Ryzhkov N.I. 1995. *Desyat' let velikih potryasenij* [Ten Years of Great Upheaval]. Assotsiatsiya “Kniga. Prosveshchenie. Miloserdie”. 576 p. (In Russian)

Tetcher M. 2007. *Iskusstvo upravleniya gosudarstvom. Strategii dlya menyayushchegosya mira* [Statecraft: Strategies for a Changing World]. Alpina Business Books. 504 p. (In Russian)

Falin V.M. 1999. *Konflikty v Kremle. Sumerki bogov po-russki* [Conflicts in the Kremlin. Rough Waters A La Russe]. ZAO “Centropoligraf”. 394 p. (In Russian)

Shtol V.V. 2008. Dveri NATO ostayutsya otkrytymi [NATO's Doors Stay Open]. *Observer*. №6. P. 56–70. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Ахтамзян А.А. 2012. Международные политические последствия объединения Германии. *Вестник МГИМО-Университета*. 4(25). С. 117-130. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-4-25-117-130

- Белобров Ю.Я. 2016. Партнёрство ради мира или для подготовки войны? *Международная жизнь*. №. 7. С. 77-88.
- Болдин В.И. 1995. *Крушение пьедестала: Штрихи к портрету М.С. Горбачёва*. Республика. 447 с.
- Гайдар Е.Т. 2013. *Гибель империи. Уроки для современной России*. АСТ: Corpus. 592 с.
- Горбачёв М.С. 1999. *Как это было: объединение Германии*. Вагриус.
- Горбачёв М.С. 2006. *Понять перестройку... Почему это важно сейчас*. Альпина Бизнес Букс. 400 с.
- Квицинский Ю.А. 2008. *Россия – Германия. Воспоминания о будущем*. Детектив-Пресс. 192 с.
- Корниенко Г.М. 2001. *Холодная война. Свидетельство её участника*. ОЛМА-ПРЕСС.
- Павлов Н.В., Новиков А.А. 2005. *Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера*. ЗАО «Московские учебники – СиДиПресс». 608 с.
- Рыжков Н.И. 1995. *Десять лет великих потрясений*. Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие». 576 с.
- Тэтчер М. 2007. *Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира*. 2-е изд. Альпина Бизнес Букс. 504 с.
- Фалин В.М. 1999. *Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски*. ЗАО «Издательство «Центрполиграф»». 394 с.
- Штоль В.В. 2008. Двери НАТО остаются открытыми. *Обозреватель – Observer*. №6. С. 56-70.